Альберт Норден

ТАК ДЕЛАЮТСЯ ВОЙНЫ

ALBERT NORDEN

So werden Kriege gemacht!

Über Hintergründe und Technik der Aggression

DIETZ VERLAG
BERLIN 1968

Альберт Норден

ТАК ДЕЛАЮТСЯ ВОЙНЫ

О ЗАКУЛИСНОЙ СТОРОНЕ И ТЕХНИКЕ АГРЕССИИ

Перевод с последнего немецкого переработанного и значительно расширенного издания
Л. Л. ЗАКТРЕГЕР и В. М. РОЗАНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1972

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга написана профессором Альбертом Норденом, членом Политбюро и секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии, ветераном немецкого коммунистического движения, известным немецким историком.

Первое русское издание предлагаемой советскому читателю книги вышло в СССР в 1951 году. Настоящее издание представляет собой перевод с последнего немецкого издания, значительно расширенного и дополненного автором.

Автор показывает закулисную сторону политики империалистических держав, знакомит читателей с методами тайной подготовки монополиями, политиками, военщиной и разведкой этих стран агрессивных войн в разных частях земного шара. Основное внимание уделено автором войнам последних двух десятилетий: агрессии в Корее, на Ближнем Востоке (в 1956 и 1967 годах), на Кубе, во Вьетнаме и Камбодже. Но автор не только приоткрывает завесу над тайной зловещей деятельностью зачинщиков агрессивных войн, он показывает и мощь тех сил мира, которые в состоянии сорвать чудовищные замыслы империалистической реакции.

*Редакция литературы по истории
и международным отношениям*

1-6-3
32—71

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Никакого действительно жизненного представления о том, как война может надвинуться и надвинется, мы не даем массам... Надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается». Таковы были напутственные слова Ленина советской делегации на мирную конференцию, которая должна была состояться в декабре 1922 года в Гааге. Слова эти и поныне сохраняют свою исключительную актуальность, так как и в наши дни империалисты — в первую очередь американские — затевают все новые военные авантюры и инспирируют реакционные государственные перевороты. Рассеять дымовую завесу лживой пропаганды, под прикрытием которой в нашем столетии готовились и готовятся военные авантюры, разоблачить подлинные движущие силы и методы агрессии, сорвать покровы с тайны возникновения войны, чтобы своевременно открыть людям глаза на грозящую опасность, — таковы сегодня важнейшие задачи всех борцов за мир. Помочь им в этом — вот цель моей книги, в которой рассказывается о том, как империалисты развязали целый ряд военных авантюр.

Еще в первые десятилетия двадцатого века при появлении военного корабля какой-либо империалистической державы у берегов страны, восставшей против навязанных ей рабовладельческих порядков, там немедленно воцарялось зловещее спокойствие. Ныне времена «дипломатии канонерских лодок» безвозвратно миновали. Слишком стремителен рост освободительного движения на земном шаре, слишком силен лагерь социалистических государств, чтобы крылья империалистических коршунов могли надолго заслонить от мира солнце. Ярким доказательством тому является эпопея победоносной войны маленького вьетнамского народа против американского колосса и всех его приспешников.

Речь идет не просто об историческом рассмотрении и изложении фактов. Тот, кто знает, к каким ухищрениям и махинациям прибегали империалисты нашего столетия для развязывания войны, всегда сможет своевременно заметить приготовления к новой войне и вос-

препятствовать им; он не позволит сбить себя с толку различными уловками и цветистыми демагогическими заверениями.

В Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих Карл Маркс писал, что рабочий класс обязан сам «овладеть тайнами международной политики», чтобы противодействовать правительствам, проливающим в грабительских войнах кровь и расточающим богатство народа. Да, каждый должен изучать методы подготовки империалистических войн. Ясное представление о технике агрессии, естественно, приводит к убеждению, что в наше время можно остановить империалистов и заставить замолчать их орудия. Если социалистические государства и народы, ведущие национально-освободительную борьбу, в союзе с трудящимися классами всей Земли сорвут маску с поджигателей войны и будут в едином строю оказывать им энергичное противодействие, мир победит войну.

Тысячи войн развязали в прошлом эксплуататорские классы. Нашим современникам довелось стать свидетелями провала многочисленных военных авантюр империалистов, их поражений, крушения их опасных заговоров, свидетелями героических и победоносных освободительных движений эксплуатируемых народов и классов.

И хотя еще льется кровь по вине тех, кто душит народы, чаша весов неотвратимо склоняется на сторону справедливости, свободной жизни всех людей, спаянных узами антикапиталистического братства. Империалистическая агрессия терпит поражение лишь благодаря тому, что Советский Союз и социалистические страны подобно могучему щиту ограждают мир от варварства войны.

Так войны делаются? Да, конечно.

Но в наше время становится очевидным и другое: войны предотвращаются!

Автор

Осень 1971 года

ВАШИНГТОНСКИЕ ПОРАБОТИТЕЛИ НАРОДОВ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Во второй половине минувшего века Соединенные Штаты Америки завершили освоение своей собственной территории. Еще до начала XX века крупный американский капитал устремился в поисках выгодных сфер приложения за пределы метрополии США.

Махинации этих экспортеров капитала приводили либо к закабалению стран с отсталой экономикой, либо к полному их порабощению. Там, где рокфеллеровская нефтяная компания завоевывала экономические позиции, к власти вопреки самому решительному противодействию народов приходили правительства, покорные США. Там, где в расчете на огромные барыши вкладывали свои капиталы крупные банки Нью-Йорка, где они навязывали займы, чтобы поставить под свой контроль таможни, налоги и целые отрасли экономики, появлялись военные корабли и войска Соединенных Штатов и, сея смерть и разрушение, придавали своими бомбами и снарядами надлежащую убедительность аргументам финансовых воротил. В тех землях, которые привлекали алчные взоры хозяев сахарных трестов, американское правительство не останавливалось перед беспощадным вооруженным вмешательством, вынуждая в конце концов народы уступать требованиям подлинных властителей США. Правительственный аппарат Соединенных Штатов был прямым исполнителем воли трестов. Государственный флаг следовал за капиталом.

Методы, к которым при этом прибегали, были не менее провокационными, чем те, которые много лет спустя на глазах у всего мира применял Гитлер в отношении других народов. В стране, которую Вашингтон намеревался покорить, вызывали внутренние беспорядки. Ничтожные инциденты, спровоцированные американцами, служили предлогом для военной интервенции. Нередко порабощение стран начиналось (так же как впоследствии порабощение Гитлером Балканских государств) с внедрения в их экономику

североамериканских трестов. Шаг за шагом эти тресты подчиняли своему контролю всю хозяйственную жизнь этих стран, а затем использовали завоеванные экономические позиции для достижения политических преимуществ, постепенного подрыва независимости и, наконец, окончательной ее ликвидации.

Однако экономическое, политическое и военное проникновение в страны Западого полушария не удовлетворило американский империализм. И он приступил к завоеванию островных государств Азии. Даже в тех случаях, когда эти государства формально сохраняли свою независимость или вновь обретали ее юридически, на самом деле они становились или оставались колониями США. По собственным признаниям подлинных хозяев США, аннексированные территории использовались и используются ими в целях личного обогащения и в качестве стратегических позиций для дальнейшего продолжения империалистической политики и порабощения новых народов. Любое движение за демократические свободы и национальную независимость в подобных колонизированных государствах подавляется Соединенными Штатами и поставленными ими у власти марионеточными правительствами методами фашистского террора.

ИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКИЕ ВОЙНЫ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ

События первой мировой войны заслонили собой неприкрыто интервенционистские войны, которые развязал в Мексике тот самый президент Вильсон, который одновременно выступал в Европе в роли поборника демократии. В первом десятилетии XX века между США и Англией шла ожесточенная борьба за влияние в Мексике. Позиции Англии становились там все более шаткими. В 1911 году ее капиталовложения в Мексике исчислялись в 321 миллион долларов, тогда как капиталовложения США перевалили за миллиард долларов. Борьба шла в основном за контроль над нефтяной промышленностью, так как в годы, непосредственно предшествовавшие первой мировой войне, Мексика стояла на втором месте в мире по добыче

нефти. Поскольку президент Мексики Диас явно потворствовал британским интересам, рокфеллеровская «Стандард ойл» решила поддержать революцию, в результате которой к власти пришел президент Мадеро. Вмешательство «Стандард ойл» было документально доказано расследованием, проведенным комиссией по иностранным делам сената США. Были точно определены суммы, переданные Мадеро, и названы лица, которые ему эти деньги вручали. Два года спустя, однако, британским нефтяным компаниям удалось нанести ответный удар: в 1913 году их ставленник Уэрта сбросил президента Мадеро и занял его место. Правительство США, возглавлявшееся незадолго до этого вступившим в должность президентом Вильсоном, было единственным правительством, отказавшимся признать Уэрту. Разумеется, при этом ни слова не было сказано про нефть, но много говорилось о морали, нравственности и цивилизации.

В телеграмме от 26 октября 1913 года государственного секретаря США американским послам говорилось, «что правительство Соединенных Штатов вынуждено теперь прибегнуть к мерам, которые представляются ему необходимыми для достижения этой цели» [отстранения президента Уэрты. — *А. Н.*] .

Несколько дней спустя в Вашингтоне состоялись переговоры между специальным представителем английского правительства сэром Уильямом Тайрелом и президентом Вильсоном. Речь шла о небольшой сделке: если Соединенные Штаты отменят некоторые невыгодные для Англии таможенные пошлины, Англия предоставит США свободу рук в Мексике. Беседа закончилась следующим образом:

«**Тайрел:** Когда я возвращусь в Англию, меня спросят о вашей политике в отношении Мексики. Можете ли вы дать мне разъяснение по этому вопросу?

Вильсон: Я хочу научить южноамериканские республики выбирать достойных людей».

Человек, произнесший эти слова, 8 января 1918 года провозгласил право наций на самоопределение...

Получив от своего собеседника заверения, что Лондон не будет поддерживать Уэрту, Вильсон 24 ноября направил через государственного секретаря всем

американским дипломатам телеграмму следующего содержания:

«Если генерал Уэрта не уйдет в отставку, Соединенные Штаты сочтут своим долгом прибегнуть к менее миролюбивым средствам для его удаления».

После этого на правительство Мексики обрушился ряд ударов: финансовая блокада, лишившая Уэрту возможности получить где-либо заем; открытое содействие и поставка оружия начавшемуся в Северной Мексике движению против Уэрты и, наконец, прямая военная интервенция.

Чрезвычайно интересно познакомиться с тем, как США готовили эту интервенцию и как обосновывали ее необходимость, так как она представляет собой классический образец американской политики вмешательства в дела других государств. В апреле 1914 года в мексиканском порту Тампико, где стояли военные корабли США, местные власти арестовали нескольких американских матросов, уволенных на берег; через несколько часов, однако, матросы были освобождены. Более того, Уэрта принес письменные извинения, обещал арестовать и наказать виновного в происшедшем офицера и т. д. Это, однако, не помешало Вильсону созвать 20 апреля экстренное заседание обеих палат конгресса США — сената и палаты представителей — и сообщить депутатам о якобы имевших место новых «инцидентах». Мелкие происшествия, на которые он сослался, отнюдь не заслуживали этого громкого названия, но Вильсон стремился разжечь националистические настроения, благоприятствующие объявлению войны. Речь шла о перебранке в Веракрусе между двумя письмоносцами — мексиканцем и американцем, — закончившейся наказанием мексиканца, а также об опоздании на несколько часов, с которым была передана из Мехико американская каблограмма. Эти два пустячных случая Вильсон наперекор здравому смыслу изобразил как события государственной важности и предложил конгрессу принять резолюцию, требовавшую и одобрявшую «применение Соединенными Штатами вооруженной силы».

Члены конгресса еще продолжали громить в своих речах Мексику, когда Вильсон уже приступил к делу.

Получив сообщение, что немецкий транспорт с оружием для Уэрты приближается к порту Веракрус, президент 21 апреля приказал оккупировать порт. А между тем Уэрта все же возглавлял правительство Мексики, да и сами США отменили за несколько месяцев до того запрет на вывоз оружия в Мексику, правда снабжая им, разумеется, только противников Уэрты. Фактически без объявления войны были начаты планомерные военные действия: части морской пехоты США оккупировали Веракрус, а над гражданским населением была учинена кровавая расправа. Лишившись важнейшей стратегической базы и финансовой поддержки, Уэрта вскоре был вынужден уступить власть своим противникам, поддерживаемым Соединенными Штатами. Как было установлено при расследовании, проведенном в 1919 году компетентной комиссией сената США, «Стандард ойл» щедро финансировала этих противников Уэрты.

Однако, придя к власти, Карранса, на которого Соединенные Штаты делали ставку в борьбе против Уэрты, не стал послушным орудием в руках Уолл-стрита. У него хватило смелости объявить природные богатства Мексики, в том числе и нефть, национальным достоянием. «Дерзкое» утверждение, что народ является хозяином природных богатств своей страны, привело правительство в Вашингтоне, представлявшее интересы нефтяных компаний, в такое бешенство, что оно немедленно сделало попытку организовать новую контрреволюцию, а позднее, в 1919 году, на Версальской мирной конференции потребовало, чтобы Мексика не была допущена в только что созданную Лигу наций. Как не вспомнить в связи с этим интриги, которые уже в наше время плели Соединенные Штаты с целью воспрепятствовать приему европейских социалистических государств в Организацию Объединенных Наций?

Некоторое время спустя выяснилось, что нефтяные месторождения Венесуэлы гораздо богаче мексиканских, так что интервенционистский пыл США несколько поостыл. Этому, впрочем, в немалой степени способствовала решимость мексиканского народа отстоять от посягательств свои суверенные права.

КАК КАРИБСКОЕ МОРЕ ПРЕВРАТИЛОСЬ В АМЕРИКАНСКОЕ ОЗЕРО

Вмешательство Соединенных Штатов в дела островных государств Карибского моря отличалось несравненно большей жестокостью, чем их действия против Мексики. Эти острова, прикрывающие подступы к Карибскому морю и Панамскому каналу, привлекали США своим важным стратегическим положением, а также богатейшими источниками сырья.

Начало закабалению Доминиканской Республики положило малозаметное событие: в 1893 году один из американских трестов откупил у голландской компании всю сумму предоставленного голландцами Доминиканской Республике займа. По условию займа таможенные сборы страны служили обеспечением процентных платежей и в случае необходимости передавались займодателю. Когда маленькая республика запоздала с уплатой процентов, правительственные органы США принудили ее передать под контроль американцев все таможенное ведомство республики. Мы видим, что и в этом случае, как обычно, вашингтонское правительство действовало как агент частных интересов. К 1905 году уже вся финансовая система Доминиканской Республики оказалась в руках Соединенных Штатов, причем свыше половины доминиканских государственных доходов шло на удовлетворение претензий иностранных кредиторов. Один из крупнейших частных банков Уолл-стрита, «Кун, Леб энд компани», предоставил Доминиканской Республике заем на сумму 20 миллионов долларов, а американское правительство через назначенных им таможенных агентов собирало пошлины для уплаты банкирам процентов.

Ликвидация экономической независимости Доминиканской Республики была первым шагом, за которым последовало политическое и военное вмешательство. В 1911 году под прямым нажимом американцев президент Доминиканской Республики был вынужден уйти в отставку. В сентябре 1913 года государственный секретарь США Брайан заявил, что Соединенные Штаты будут подавлять любые революционные выступления в Доминиканской Республике. Поскольку, однако, доминиканские политические деятели оказывали Вашинг-

тону сопротивление, американцы прибегли к открытому военному вмешательству: в порты Доминиканской Республики были направлены военные корабли, а в города — специальные уполномоченные, по приказу и под наблюдением которых были проведены новые выборы.

Первая мировая война отвлекла внимание мировой общественности от действий правителей США, и они сочли, что для них не осталось ничего недозволенного и невозможного. Хозяйничание в таможнях и финансовых органах их уже не удовлетворяло. Они потребовали непосредственного подчинения Соединенным Штатам полиции, армии и флота Доминиканской Республики. Не получив согласия, США отказались признать законно избранного президента. Части морской пехоты США высадились в доминиканских портах, и, так как законное правительство не желало добровольно уйти в отставку, оно, а за ним и парламент были в конце 1916 года разогнаны силой. Некий американский капитан по указанию из Вашингтона провозгласил себя диктатором и ввел в стране чрезвычайное положение. В течение следующих восьми лет в Доминиканской Республике не прекращались убийства и насилия; мирные деревни подвергались бомбардировкам, множество людей было убито распоясавшимися американскими морскими пехотинцами, тысячи были брошены в концентрационные лагеря. В 1924 году наконец американские войска были эвакуированы из Доминиканской Республики, но к этому времени она уже окончательно превратилась в колонию Соединенных Штатов, капиталисты которых прибрали к рукам важнейшие отрасли экономики страны (сахар, кофе и т. д.). С 1930 по 1961 год над двумя миллионами жителей республики безраздельно властвовал гнуснейший субъект, диктатор фашистского толка Трухильо, ставленник и послушное орудие тех самых правителей США, которые в далекой Европе претендуют на роль защитников демократии, а на деле они открыто насаждают фашистские террористические режимы.

Действия американских захватчиков в Доминиканской Республике могут показаться умеренными при сопоставлении со зверской жестокостью морской пехоты США в Гаити. Это государство расположено

в западной части острова, восточную половину которого занимает Доминиканская Республика. Превращение Гаити в колонию также началось с финансовой операции — приобретения нью-йоркским «Нэшнл сити бэнк» пакета акций Национального банка Гаити, раньше находившихся в руках различных владельцев.

С наглой бесцеремонностью (к которой после 1945 года пришлось привыкать также и западноевропейским государствам) правительство США поставило в декабре 1914 года президента Гаити, избранного вполне законно, перед выбором: либо передать таможни Гаити под контроль Соединенных Штатов, либо лишиться своего поста. Так как президент отказался выполнить это вымогательское требование, части морской пехоты США были высажены в главном порту и столице Гаити Порт-о-Пренсе. В здании Национального банка они похитили полмиллиона долларов, принадлежавших правительству Гаити, и эта сумма была доставлена на американских военных кораблях в нью-йоркский «Нэшнл сити бэнк»!

Мы не можем здесь во всех подробностях описывать грязные махинации США, разжигавших беспорядки, подкупавших одних политических деятелей и убиравших с дороги с помощью наемных убийц других ради достижения своих целей. Первой целью, разумеется, было захватить в свои руки управление финансами Гаити, чтобы держать тем самым в повиновении и ее правительство. Велись лихорадочные поиски проамериканского деятеля на пост президента. Когда наконец государственный департамент США нашел приемлемого кандидата, парламенту Гаити был дан приказ провести выборы. У дверей парламента стояли американские морские пехотинцы с примкнутыми штыками, а в зале среди депутатов с угрожающими минами стояли американские офицеры. Так проводятся выборы по-американски! Тот, кто сочтет сообщенные здесь факты недостоверными, может найти их описание в публикации «Захват Гаити» («Seizure of Haiti»), изданной в Нью-Йорке организацией «Форин полиси ассошиэйшн», близкой к правительству США.

Сразу же после этих «выборов» США предложили проект договора, предусматривавший установление контроля Соединенных Штатов над таможнями, фи-

нансами и вооруженными силами Гаити. Так как и новое правительство отказалось подчиниться диктату, американские войска попросту заняли таможни в десяти крупнейших портах, а вскоре после этого, в сентябре 1915 года, оккупировали всю страну, конфисковали все наличные суммы в кассах таможен и в налоговом управлении и ввели осадное положение. Лишившееся всех доходов, потерявшее почву под ногами, правительство Гаити подписало наконец под кровавым нажимом договор, но парламент отказался его ратифицировать. Тогда американский адмирал Кейпертон назначил заседание правительства, положил ноги на стол и объявил, что, если сенат не ратифицирует договор, оккупация Гаити продлится неопределенное время, а с лицами, не согласными с этим, будет поступлено так, как «они того заслуживают». Повторять это предупреждение дважды не пришлось. Договор, превративший три миллиона граждан единственной в западном полушарии негритянской республики в колониальных рабов, был подписан, и заправилы «Нэшнл сити бэнк», одного из восьми крупнейших банков США, удовлетворенно потирали руки. В критические месяцы они то и дело сновали на военных кораблях между США и Гаити. Теперь наконец они дорвались до поживы. В донесении корпуса морской пехоты США сообщалось, что в ходе американской интервенции было убито 3250 гаитян. Помимо этого, множество людей погибло в результате полицейских облав, предпринимавшихся с целью принудить большинство мужского населения месяцами работать на интервентов; тех, кто отказывался, пытали или убивали.

Так же как в Западную Германию после второй мировой войны, в Гаити после первой мировой войны был назначен верховный комиссар. Он издал приказ, запрещающий «критиковать вооруженные силы Соединенных Штатов и вести агитацию против чиновников США» в устной и письменной форме под угрозой «предания нарушителей этого приказа военно-полевому суду». Угроза эта не раз приводилась в исполнение.

Каковы же плоды интервенции и длительного, продолжающегося и поныне господства американцев? 85 процентов населения, как показало обследование,

проведенное Организацией Объединенных Наций, не умеет ни читать, ни писать. Народ живет в ужасающей нищете, половина крестьян лишена земли. За счет их процветают монополии США, присвоившие себе все природные богатства Гаити и контролирующие половину экспорта и импорта страны. Широкие слои пятимиллионного населения голодают в этой самой отсталой и беднейшей стране из многочисленных отсталых и бедных стран Латинской Америки, хотя почва ее приносит прекрасные и обильные урожаи.

В 1957 году у власти был поставлен и объявлен пожизненным президентом американский приспешник Франсуа Дювалье, самолично принимавший участие в пытках и казнях оппозиционеров. Итак, террористическая диктатура над обездоленными нищими. И все это происходит под покровительством правителей США, не упускающих случая заявить о своей преданности свободе, демократии и принципу самоопределения народов. После смерти Ф. Дювалье в 1971 году они помогли прийти к власти его сыну — совершенно опустившемуся человеку.

КОЛОНИЯ В ОБЛИЧЬЕ «СВОБОДНОГО ГОСУДАРСТВА»

В 1898 году в Гаване, главном порту и столице Кубы, крупнейшего из островов Карибского моря (который лежит у входа в Мексиканский залив и со времен Колумба принадлежал испанцам), произошел взрыв на американском броненосце «Мэйн». Корабль погиб вместе со своим экипажем. Причины катастрофы остаются неизвестными и по сей день, однако, после того как она произошла, на всю Америку прогремел клич «Отомстим Испании!», которую обвиняли в преднамеренном преступлении. Этот клич заглушил выражения соболезнования перепуганного мадридского правительства, готового ввиду угроз США пойти на любые уступки. Однако хищные вашингтонские империалисты твердо решили развязать войну. Войны требовали сахарные компании США, вложившие в плантации на Кубе 50 миллионов долларов. Ее требовали военные деятели, зарившиеся на важные в стратегическом отношении владения Испании в Карибском море и на Тихом океане. О необходимости ее кричал владелец

месторождений нефти и других источников природных богатств в странах Центральной Америки газетный магнат У. Р. Херст. Когда в 1898 году посланный им на Кубу фоторепортер Фредерик Ремингтон телеграфировал ему:

«Нью-Йорк Херсту точка все спокойно точка здесь никаких беспорядков точка хочу вернуться так как войны не будет».

Херст ответил:

«Гавана Ремингтону точка прошу остаться на месте точка вы обеспечьте фото я обеспечу войну точка Херст».

Одряхлевшая и расшатанная испанская монархия быстро потерпела поражение в навязанной ей в 1898 году войне и вынуждена была уступить США Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины. США стали крупной колониальной державой. Однако бывшие испанские колонии так и не получили обещанной им США свободы. Сменился только их хозяин.

Посмотрим, как обстояло дело на Кубе. 50 миллионов долларов, которые американцы полстолетия назад вложили в плантации на Кубе, превратились с тех пор в капитал, превышающий миллиард долларов. До освобождения Кубы в 1959 году США контролировали четыре пятых импорта и экспорта Кубы. Трестам США принадлежала вся сахарная промышленность, важнейшая отрасль экономики Кубы. Американским компаниям, в первую очередь стальной, принадлежала значительная часть железных месторождений Кубы. Зависимая от Моргана международная телефонная компания контролировала всю телефонную сеть Кубы. Американские миллионеры, особенно из компании «Пан Америкен эйруэйз», управляли воздушными сообщениями Кубы. 90 процентов обрабатываемых земель Кубы находилось в руках трестов США. Короче, не было области, где бы ни господствовал капитал США, опутавший своими щупальцами кубинский народ, численность которого к этому времени достигла шести миллионов человек.

Каким же образом это произошло? Многие поколения кубинцев безрезультатно боролись и проливали кровь за независимость своей родины. Страна их не стала свободной. Только в 1902 году американцы эва-

куировали свои войска, предварительно добившись внесения в конституцию Кубы статьи, которая давала американцам право на вооруженное вмешательство в дела Кубы и на содержание на ее территории военно-морских баз. И сегодня еще США владеют на Кубе захваченной ими в те времена военно-морской базой Гуантанамо.

В 1906 году произошло первое вооруженное вмешательство США. Оно было направлено против либерального движения, ставившего своей целью добиться большей независимости для Кубы. Так как большинство населения примкнуло к этому движению и марионеточное правительство было не в состоянии справиться с ним, американский генеральный консул в Гаване настойчиво требовал присылки американских военных кораблей и войск. Во главе войск на Кубу собственной персоной прибыл военный министр США и сформировал правительство во главе с американским генералом Магуном. Вооруженная американская диктатура продолжалась с 1906 по 1909 год. Она оказалась весьма выгодным делом — не для Кубы, конечно: к началу оккупации актив ее казны составлял тринадцать миллионов долларов, а к концу он превратился в девятнадцатимиллионный дефицит.

Это превращение совершилось следующим образом: генерал Магун заключал контракты со всеми крупными американскими фирмами, обращавшимися к нему с любыми предложениями — о проведении канализации, строительстве железных дорог и мостовых, сооружении электростанций и верфей и т. д. Без всякой проверки утверждались все сметы, в том числе и самые ростовщические. Куба все оплатит! Когда же у Кубы иссякли все средства, на помощь был призван известный своими темными махинациями нью-йоркский банк «Спейер энд компани». Еще в 1904 году он «осчастливил» Кубу займом в 35 миллионов долларов, которые были израсходованы в основном на возмещение убытков, нанесенных в 1898 году американцами испанским гражданам. Теперь, в 1909 году, этот банк навязал Кубе второй заем на сумму 16,5 миллиона долларов. Кто же был посредником в переговорах о займе и представителем банка в Гаване? Тот самый генеральный консул Фрэнк Стайнхарт, который в 1906

году своими неоднократными настойчивыми требованиями добился от правительства США военной оккупации Кубы! Для полноты картины следует добавить, что за несколько лет до оккупации Стайнхарт был мелким полицейским чиновником, а в период диктатуры Магуна стал кубинским крезом, в руках которого находились важнейшие транспортные сооружения Кубы и электростанции ее столицы.

В мае 1912 года портовые рабочие Гаваны объявили забастовку, и Вашингтон воспользовался этим как предлогом для того, чтобы вновь послать к берегам Кубы военные корабли и войска. Войска эти были дислоцированы в основном во владениях «Юнайтед Стейтс фрут компани», этого гигантского продовольственного треста с капиталом в четверть миллиарда долларов, владевшего на Кубе и до сих пор владеющего на Ямайке и в государствах Центральной Америки, от Никарагуа до Колумбии, плантациями общей площадью 160 тысяч *га*, не считая принадлежащих компании, но еще не возделанных земель площадью 1200 тысяч *га*. Фактически эта компания является полновластным хозяином в целом ряде государств Центральной Америки независимо от того, кто занимает в них президентский пост. Она спровоцировала немало гражданских войн, и на ее совести такие кровавые злодеяния, как подавление забастовки рабочих сахарных плантаций в Колумбии в декабре 1928 года, когда было расстреляно 1400 забастовщиков.

В 1912 году, после того как для защиты собственности фруктового концерна были призваны американские вооруженные силы, забастовка быстро прекратилась и войска были эвакуированы. Был избран новый президент Кубы, на которого Вашингтон вполне мог положиться, так как этот президент сам был преуспевающим плантатором. В 1916 году он вновь выставил свою кандидатуру на выборах, но потерпел поражение. Пытаясь оспорить решение судьбы, он подтасовал результаты голосования. Либеральная партия заявила протест и при поддержке большинства населения захватила власть. Тогда американский посол в Гаване заявил, что «Соединенные Штаты не могут признать правительства, пришедшего к власти в результате революции». Лицемерие поистине чудовищное, так как

именно Соединенные Штаты открыто попирают право латиноамериканских стран на самоопределение, по своему произволу насаждая и свергая правительства в этих государствах. Несколько рот морской пехоты США высадились в порту Сантьяго — центре горнорудного района, где власть находилась в руках либералов. Так, при поддержке двухтысячного отряда морской пехоты президенту-плантатору удалось сохранить свой пост.

Американские войска оставались на Кубе до 1919 года. Затем их сменил американский генерал Краудер[1], при котором оккупация приняла новую форму. Господство США обеспечивалось теперь не столько силой штыков, сколько деятельностью всякого рода финансовых магнатов. Эти господа вынуждали Кубу приобретать оружие, которое было ей совершенно не нужно, но за которое приходилось платить втридорога. Когда же она оказалась неплатежеспособной, «Нэшнл сити бэнк» наложил руку на кубинскую собственность, под залог которой Кубе предоставлялись займы. В 1923 году генерал Краудер заставил Кубу принять от банка Моргана заем в 50 миллионов долларов. Обеспечением служили таможенные доходы Кубы и 10 процентов с суммы, на которую ежегодные бюджетные поступления превышали бы 60 миллионов долларов.

По словам авторов книги «Дипломатия доллара» — американцев и отнюдь не коммунистов, — вся экономическая и политическая жизнь Кубы практически определялась Нью-Йорком и Вашингтоном, хотя официально Куба являлась суверенным государством... «Политической жизнью Кубы руководит представитель государственного департамента. США безраздельно господствуют на этом острове»[2].

С 1925 по 1933 год Кубой правил Мачадо — деспот, отличавшийся чудовищной жестокостью и кровожад-

---

[1] В 1906—1908 годах Э. Х. Краудер был главой юридического отдела американской военной администрации на Кубе. Автор антидемократического закона для Кубы (1919 год). В 1921—1922 годах в качестве личного представителя президента США на Кубе фактически правил этой страной. — *Прим. перев.*

[2] Scott Nearing und Joseph Freeman, Dollar-Diplomatie, Heidelberg — Berlin — Magdeburg, 1944, S. 179.

ностью. До своего возвышения он был президентом местного филиала электрической и телефонной компании Моргана. Когда в конце концов в результате всеобщей забастовки он был свергнут, США, как обычно, направили к берегам Кубы военные корабли и отказались признать новое народное правительство. Властители США успокоились лишь после того, как в 1940 году президентом стал послушный воле Уолл-стрита субъект по имени Батиста, который служил своим господам верой и правдой, учинив кровавую расправу над левыми партиями и профсоюзами и запретив их. Особую жестокость проявил он во второй период своего правления — с 1952 по 1959 год.

БАНК МИСТЕРА ГАРРИМАНА ВТОРГАЕТСЯ В НИКАРАГУА

Из многочисленных примеров агрессивных войн, которые вели в нашем столетии Соединенные Штаты, рассмотрим еще один — интервенцию в Никарагуа, республику Центральной Америки, расположенную к северу от Коста-Рики и Панамы. Ее президент весьма серьезно относился к независимости своей страны, он не желал предоставлять Соединенным Штатам военно-морских баз на ее территории и стремился не допустить ограбления экономики своей страны американскими миллионерами. Это ему не прошло даром. В 1909 году калифорнийская горнорудная компания, правление которой находилось в Лос-Анджелесе, финансировала «восстание» в Никарагуа. «Восстание» было организовано столь превосходно, что правительство в Вашингтоне получило от своих представителей в Никарагуа сообщение о нем за день до того, как оно произошло. «Повстанцы» вместе со своим оружием были доставлены в Никарагуа на судах уже упоминавшегося выше американского треста «Юнайтед Стейтс фрут компани». Когда два бандита американского подданства были казнены в Никарагуа, так как их захватили при попытке взорвать судно, Вашингтон порвал с Никарагуа дипломатические отношения и направил к ее берегам военные корабли. Американская солдатня изгнала президента Никарагуа и открыла путь к власти уже побежденным «революционерам» — ненави-

димой народом ничтожной кучке иностранных агентов.

После этого завоеватели приступили к экономическому закабалению Никарагуа, действуя по испытанному методу. Государственный департамент в Вашингтоне заявил, что Никарагуа крайне необходим заем, обеспечением которого могут служить таможенные доходы страны. Американские дельцы стремились расчистить себе новое место для приложения своих избыточных капиталов, одновременно установить контроль над государственными доходами Никарагуа и таким уже не раз испытанным образом лишить эту страну независимости.

С этого момента важную роль в истории Никарагуа стал играть банк «Браун бразерс энд компани», совладелец которого У. А. Гарриман стал в 1948 году руководителем американской администрации в Европе по осуществлению плана Маршалла. Этот банк (с 1931 года — «Браун бразерс, Гарриман энд компани») и банк Сэлигмена предложили Никарагуа заем, обеспечением которого должны были служить налоги на алкоголь и таможенные доходы. Характерная деталь: главные сборщики этих налогов, назначенные упомянутыми нью-йоркскими банкирами и утвержденные вашингтонским правительством, должны были оплачиваться Республикой Никарагуа! Весь народ этой маленькой республики единодушно протестовал против этого плана экономического закабаления, но тщетно. Под прямым нажимом Вашингтона в 1911 году Никарагуа вынуждена была согласиться взять заем на сумму полтора миллиона долларов, а год спустя ей был навязан еще и второй заем на полмиллиона долларов. На этот раз страна лишилась доходов от всех железнодорожных и пароходных линий, переданных под контроль двум вышеназванным нью-йоркским банкам в качестве обеспечения выплаты процентов по займу. Естественно, что этот грабеж мог быть осуществлен лишь при содействии государственного аппарата США.

Поскольку сопротивление населения порабощению страны американским капиталом все возрастало, банк «Браун бразерс» обратился за помощью к американскому правительству, и уже через несколько дней в Никарагуа высадилась морская пехота США. «Аме-

риканские банки, вложившие капиталы в железнодорожные и пароходные линии Никарагуа, нуждаются в защите», — заявил государственный секретарь США 4 ноября 1912 года. Столица республики — Манагуа — подверглась обстрелу корабельной артиллерии. Началась настоящая военная кампания, в которой принимали участие восемь военных кораблей США и тысячи солдат. Жертвами ее стали несколько сот никарагуанцев. Когда сопротивление народных сил было сломлено, были проведены выборы на американский манер: солдаты американской морской пехоты, заняв избирательные участки, добились желательного исхода голосования. Только таким путем, да и то с трудом, удалось протащить кандидата, намеченного Вашингтоном. Однако части морской пехоты США оставались в республике до 1928 года, обеспечивая превращение Никарагуа, число жителей которой составляло миллион человек, в протекторат США.

В 1913 году банк «Браун бразерс» навязал марионеточному правительству в Манагуа новый заем на сумму два миллиона долларов, из которых только 750 тысяч были выданы наличными. Остальное пошло частично на покрытие прежних долгов Никарагуа, а частично на покупку акций Национального банка Никарагуа. В конце концов нью-йоркский банк завладел железными дорогами и Национальным банком республики, которая и без того погрязла в долгах у банка «Браун бразерс» и полностью от него зависела.

В 1916 году Соединенные Штаты добились предоставления им военно-морских баз как на атлантическом, так и на тихоокеанском побережье Никарагуа, а кроме того, получили право на строительство канала через территорию страны. В вознаграждение правительство Никарагуа получило заем в три миллиона долларов, которые оно вынуждено было частично использовать на уплату долгов и на выкуп своей доли акций Национального банка Никарагуа и железнодорожной компании. Несмотря на это, ответственные посты в обоих этих учреждениях и поныне занимают американцы. Вдобавок страна зажата в тиски военно-морскими базами США. Выборы 1928 и 1932 годов также проводились под контролем американцев и привели к власти «достойных» кандидатов.

Таким образом, в 1933 году США смогли без опасений эвакуировать свою морскую пехоту из Никарагуа. С того времени и (с короткими перерывами) до наших дней страной правят члены семьи Сомоса. Любое сопротивление они подавляют в зародыше, не останавливаясь перед кровавыми расправами. 64 процента населения неграмотно; поскольку знание — сила, народ лишают доступа к нему. Чтобы облегчить себе возможность ограбления чужих народов, США насильственно удерживают их на самом низком уровне культурного развития. Чем ниже этот уровень, тем выше барыши банка «Браун бразерс, Гарриман энд компани», «Юнайтед Стейтс фрут компани» и прочих столпов западной цивилизации.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ВТОРГАЮТСЯ В АЗИЮ

Соединенные Штаты превратили в свои колонии независимые страны не только у своих границ.

На Тихом океане, на расстоянии многих тысяч миль от портов западного побережья Северной Америки, мы видим немало государств, которые еще сравнительно недавно были независимыми или принадлежали другим великим державам, ныне же они находятся под неограниченным господством США.

Такова судьба Гавайских островов, истинного рая земного, где произрастает сахарный тростник, кофейное дерево, рис, бананы, орехи и ананасы (Гаваи дают 90 процентов всей мировой продукции ананасов). В начале 90-х годов прошлого века две трети сахарных плантаций на Гавайских островах уже принадлежали североамериканским капиталистам. Их отцы в роли миссионеров принесли на эти острова Библию и христианство, с тем чтобы сыновья могли, не сея ни семян веры, ни семян плодов земных, собирать обильную жатву.

Однако сахар, ввозимый в США из других государств, облагался таможенной пошлиной, а Гавайи были независимой монархией. Поскольку отменить пошлины было невозможно, то, по мнению американских сахарных плантаторов, на Гавайских островах надо было покончить с местной монархией и с независимостью Гавайских островов. Сказано — сделано.

В 1893 году американские плантаторы обратились к правительству США с просьбой аннексировать Гавайи. Правительство реагировало на эту просьбу с трогательной поспешностью: уже через несколько дней у островов появился военный корабль и высадил десант. С помощью морской пехоты США американский посол устроил «революцию»: низверг королеву и ее министров и сформировал правительство, первой акцией которого была просьба о присоединении Гавайских островов к Соединенным Штатам. Профессор Чарлз Бирд, видный американский буржуазный историк, приводит выдержку из отчета официальной американской комиссии по расследованию, пришедшей к заключению, что переворот произошел только под нажимом американских войск и что «без иностранной интервенции и давления свыше пяти шестых гавайского населения высказалось бы при голосовании против аннексии» [1].

Это не помешало Вашингтону в 1898 году осуществить аннексию. Владельцы плантаций, получившие отныне возможность беспошлинно ввозить сахар в США, были в восторге. Адмиралы, получившие несколько превосходных военно-морских баз (Пёрл-Харбор!), ликовали. Аннексия оказалась несчастьем только для населения островов. Значительная часть его вымерла под воздействием таких благ американской культуры, как виски и сифилис. Вряд ли для народа, которому больше не принадлежат ни его земля, ни ее богатейшие плоды, может послужить утешением тот факт, что с 18 марта 1959 года Гавайские острова получили официально статус 50-го штата США. Помимо компаний плантаторов, которые, впрочем, сейчас уже оттеснены на второй план, подлинными хозяевами этого штата являются американские промышленные монополии. Для Соединенных Штатов, претендующих на роль мирового жандарма, Гавайские острова имеют огромное стратегическое значение, так как они находятся в центре Тихого океана; там сейчас размещается главное командование Тихоокеанского флота США. В одном только 1967 году в госпитали на Гавайских

---

[1] Charles Beard, The Rise of American Civilisation, New York, 1930, v. 2, p. 361.

островах были доставлены из Вьетнама сотни тысяч раненых американских солдат.

Американское господство привело к упадку всех этических традиций народа Гавайских островов. Вырождение и коррупция общества растут по мере увеличения в стране числа американских солдат и туристов.

ВЛАСТИТЕЛИ 7000 ОСТРОВОВ

«Если бы мы ушли с этих плодородных тропических островов, которые в стратегическом отношении являются воротами, открывающими путь на Восток, мы утратили бы свое положение азиатской державы. Без Филиппин как торговой и военной базы нам не удалось бы добиться осуществления политики «открытых дверей» в Китае и использовать его беспредельные экономические возможности; мы бы не смогли эффективно вести войну в защиту наших интересов. Филиппины являются частью группы островов, которая простирается от Японии на севере до острова Борнео на юге и образует барьер, отгораживающий просторы Тихого океана от берегов Азии. Вместе с тем они служат воротами Дальнего Востока с его еще не раскрытыми возможностями. Пока Америка будет удерживать эту стратегическую позицию, она останется могучим фактором в экономической и международной жизни Востока» [1].

Эти написанные в 1926 году слова, отражающие официальную американскую точку зрения, показывают, какое значение придавали США обладанию Филиппинским архипелагом, насчитывающим свыше семи тысяч островов. Но эти же слова дают представление о трагической судьбе населения Филиппинских островов, достигавшего в то время девятнадцати миллионов человек.

Долгие годы боролись филиппинцы против своих испанских поработителей, и во время испано-американской войны 1898 года они с готовностью поддерживали американцев, так как те обещали Филиппинам свободу и независимость. Фактически филиппинцы собственными силами освободили от испанцев всю

[1] Charles Beard, The Rise of American Civilisation, New York, 1930, v. 2, p. 490.

группу островов. Однако, когда война закончилась, Соединенные Штаты не только не признали провозглашенную филиппинцами республику, но начали против нее военные действия. В 1902 году после трех лет антипартизанской войны 125-тысячной армии США удалось уничтожить республику.

Многие американцы возмущались вероломством и неприкрытым империалистическим насилием, на которое пошло их собственное правительство. В числе их был Марк Твен, заклеймивший своим острым пером вашингтонских хищников. В ответ власть имущие обвинили его в измене родине и пособничестве врагу, то есть в том же, в чем полвека спустя, в наши дни, американские реакционеры обвиняют честных американцев, выступающих в защиту независимости европейских и азиатских народов от тирании американского империализма. Таким образом, после многолетней кровопролитной борьбы, поглотившей несметное число человеческих жизней, Филиппины были без всяких церемоний аннексированы Соединенными Штатами [1].

[1] Имя генерала, возглавлявшего действия по подавлению партизанского движения, — Артур Макартур. В награду за свои подвиги он получил пост генерал-губернатора Филиппин. Его сын, Дуглас Макартур, смолоду снискал себе еще более постыдную военную славу: в 1932 году он разогнал с помощью слезоточивых газов, пулеметов и артиллерии десятитысячную демонстрацию ветеранов первой мировой войны, прибывших в Вашингтон с требованием выплатить положенную им пенсию. Буря общественного негодования вымела Макартура, занимавшего при президенте Гувере пост начальника генерального штаба американской армии, за пределы метрополии США. С той поры Макартур пользовался особой любовью фашистских и профашистских кругов США, неоднократно выставлявших его кандидатуру на пост президента. Позднее было неопровержимо доказано, что этот генерал систематически вел интриги против Франклина Рузвельта.

После кровавого вашингтонского дебюта Макартур был назначен на пост генерал-губернатора Филиппин (который некогда занимал его отец). В 1942 году после высадки японцев, в разгар батаанского сражения, он бросил на произвол судьбы свои войска и бежал с семьей в Австралию. Забыв о своих солдатах, он, однако, не забыл прихватить с собой солидное количество акций золотопромышленных и прочих компаний («Акохе кромайт компани», «Антамог» и нескольких рудников на филиппинском острове Палаван), приобретенных им на Филиппинах. Это тот самый Макартур, который после окончания второй мировой войны играл в Токио роль «супермикадо», восстановил крупные тресты в Японии и реакционный режим

Американцы завладели всей промышленностью и торговлей Филиппин, на долю которых приходится свыше четверти всей мировой продукции кокосового масла и которые являются крупным поставщиком конопли и субтропических фруктов. Кроме того, на Филиппинах имеется довольно богатая золотодобывающая промышленность, которая, разумеется, полностью находится в руках США.

В 1934 году в США был принят закон о предоставлении Филиппинам с 1946 года независимости. Что же случилось с американскими империалистами? Может быть, они почувствовали угрызения совести и решили искупить свою вину? Отнюдь нет. Причина такого крутого поворота заключалась в том, что влиятельные группы капиталистов, связанных с сельским хозяйством (в частности, рокфеллеровский трест «Борден» с капиталом 200 миллионов долларов), настаивали на предоставлении Филиппинам независимости такого рода, которая привела бы к обложению высокой пошлиной филиппинских сельскохозяйственных продуктов и тем самым затруднила бы их ввоз в США. Этого они и добились. Какая «независимость» предусматривалась для Филиппин на деле, показывает тот факт, что в 1935 году там было беспощадно потоплено в крови движение за подлинную независимость, возглав-

---

во главе с императором. Это он вел войну против корейского народа, прибегая к самым зверским методам. Осенью 1949 года он нагло пренебрег требованием американского конгресса явиться в США, что дополняет портрет этого доморощенного Наполеона, которому империалисты поручили возглавить «крестовый поход» против Кореи под флагом «демократии». Его попытка распространить агрессивную войну против Кореи также на Китай закончилась паническим отступлением американских войск на юг и бегством самого Макартура в США, где дискредитированный генерал стал одним из директоров крупного концерна по производству вооружений — «Ремингтон».

Своей быстрой карьерой Макартур был обязан тестю Э. Т. Стотсбери, баснословно богатому партнеру Джона П. Моргана. Стотсбери пустил в ход все связи моргановского банка в Вашингтоне для продвижения Макартура. Вторично Макартур женился также на дочери миллионера, предки которого, как и его собственные, во время Гражданской войны в Америке были офицерами армии южан, воевавшей за сохранение рабовладения.

ляемое партией Сакдал (движение это, кстати сказать, не было коммунистическим). Во время второй мировой войны японцы оккупировали Филиппины и разгромили американские войска, которыми командовал Макартур. Однако им не удалось справиться с народными силами сопротивления, которые вновь и вновь навязывали им кровопролитные сражения. Естественно, что вернувшийся на Филиппины по окончании войны Макартур и в его лице правительство США смогли опереться лишь на ничтожную по численности группу реакционеров, сотрудничавших с японцами. Подлинные же политические представители народа и его армии, которые надеялись теперь-то наконец получить полную независимость, вновь подверглись гонениям, и все их выступления подавлялись и поныне подавляются силой оружия. Провозглашенная официально независимость Филиппин является просто фарсом. Армия подчинена американским инструкторам и вооружена исключительно американским оружием. В 1947 году Филиппины вынуждены были предоставить 23 базы для сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил Соединенных Штатов.

Основываясь на том, что Филиппины являются членом СЕАТО, США используют филиппинскую территорию в качестве плацдарма для своих действий против Вьетнама и Лаоса: на островах сосредоточено огромное количество оружия и самолетов.

Иностранное господство наносит большой экономический ущерб 36 миллионам филиппинцев: 40 процентов экспортируемых товаров направляется в США, а американские товары составляют 35 процентов всего импорта. К тому же в последние годы становится все более ощутимой конкуренция вновь набирающего силу японского монополистического капитала. Экономические связи с США осуществляются на условиях, чрезвычайно невыгодных для Филиппин.

Экономическая эксплуатация влечет за собой упадок в области просвещения. 80 процентов жителей существует на 60 пфеннигов в день на человека. Полностью или частично безработные составляют треть населения. И сейчас еще 40 процентов населения остается неграмотным. Тут, как и в других зависимых от США странах, антинародная сущность американ-

ских угнетателей проявляется во всей своей отвратительной обнаженности. Не приходится удивляться, что антиамериканские настроения охватывают все более широкие слои филиппинского народа, в том числе и буржуазию, и что протесты против ограбления Филиппин американскими монополиями становятся все более резкими и единодушными.

КАК РАЗРАЗИЛАСЬ ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ОБЩИЙ ОБЗОР

В первые десятилетия XX века противоречия между империалистическими державами обострились до крайности. Англия и Франция, являвшиеся обширными колониальными империями, уступали по своему промышленному и военному потенциалу Германии, которая не имела сколько-нибудь значительных колоний и поэтому настойчиво добивалась передела мира. Противоречия множились повсеместно. С конца XIX века обстановку в мире определяли следующие факторы и события:

острые англо-германские противоречия в бурском вопросе, которые, по существу, являлись борьбой за преобладание в Южной Африке, закончившейся победой Англии;

соперничество в области морских вооружений между Германией и Англией, заставлявшее Англию серьезно опасаться утраты своего господства на море;

марокканские конфликты 1905—1906 годов и 1911 года, едва не приведшие к войне, поскольку Германия, которую привлекало стратегическое положение и горнорудные богатства Марокко, делала тщетные попытки подорвать господство Франции в этом районе Северо-Западной Африки;

борьба за Ближний Восток, в ходе которой Германия превратила Турцию в своего вассала, чем восстановила против себя Англию и царскую Россию;

Балканские войны 1912 и 1913 годов; в результате первой войны малые народы Юго-Восточной Европы освободились от турецкого ига, однако после нее победители столкнулись между собой в кровопролитной второй Балканской войне, причем за спиной сражавшихся вырисовывались гигантские силуэты — с одной стороны, России, с другой — Германии и Австрии;

образование двух мощных блоков великих держав: Англии — России — Франции (Антанты) и Германии — Австро-Венгрии — Италии (Тройственного союза). Последнюю из упомянутых коалиций, и без того непрочную, еще более подорвало разбойничье нападение Ита-

лии в 1911 году на зависимую от Германии Турцию (завоевание Триполитании и Киренаики). Главенствовала в Тройственном союзе Германия. В 1871 году завершилось ее объединение под эгидой реакционной Пруссии. С тех пор экономика Германии стала развиваться бурными темпами; однако, поскольку к этому времени мир был уже разделен между великими державами, Германия стремилась удовлетворить свои аппетиты путем войны.

Убийство сербскими националистами в Сараеве в июне 1914 года австрийского наследника престола дало желанный повод для развязывания войны правительствам обеих центральных держав, опасавшимся распада Австро-Венгерской монархии, раздираемой национальными противоречиями. Торжественно заверяя общественность в своем стремлении сохранить мир, они на деле прилагали все усилия, чтобы исключить возможность мирного урегулирования конфликта. Англия до последнего момента вводила центральные державы в заблуждение относительно своей позиции в возможном конфликте на континенте, и это до предела подогревало воинственность правящих кругов Германии и Австрии, рассчитывавших на нейтралитет Англии. Первая мировая война, ввергшая человечество в невообразимую катастрофу, явилась началом всеобщего кризиса мировой капиталистической системы.

В разгар кровопролитных сражений только что родившееся Советское государство издало Декрет о мире и тем указало путь к окончанию мировой бойни. Однако германское кайзеровское правительство и его генералы пренебрегли призывом к миру и, нарушив перемирие с Советской Россией, 18 февраля 1918 года вновь начали наступление на всех фронтах и захватили огромные области молодого Советского государства.

С 28 ИЮНЯ ПО 4 АВГУСТА 1914 ГОДА

28 июня 1914 года в боснийском городе Сараево был убит австрийский наследник престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Это убийство было совершено сербскими националистами как акт возмездия за угнетение сербского населения в дунайской монархии. В

1908 году Австро-Венгрия окончательно аннексировала населенные сербами провинции Боснию и Герцеговину, которые она уже давно оккупировала, хотя формально они принадлежали Турции. Убийство Франца Фердинанда, ревностного сторонника угнетения славян, можно было понять как выражение возмущения групп населения, лишенных всех национальных прав, однако, оно было вредным в политическом отношении, так как участники покушения подменили организованную борьбу масс актом индивидуального террора.

Однако для правящих кругов Австро-Венгрии и Германии убийство Франца Фердинанда было, что называется, находкой. Обе эти державы давно стремились завладеть Балканами. Влияние этих держав на балканскую экономику было уже довольно значительным, особенно Германии, получившей концессию на строительство железной дороги через Балканы до Багдада. Теперь австрийский кабинет и германский кайзер увидели в происшедшем желанный предлог, дававший им возможность не просто унизить Сербию (которую они рассматривали — и ненавидели — как славянский форпост России), но практически уничтожить ее как самостоятельное государство. Господствующие круги дунайской монархии мечтали развязать локальную войну, которая принесла бы им легкую победу и заставила бы угнетенных итальянцев, чехов, словаков, поляков и прочие меньшинства многонациональной империи забыть о своих претензиях к Вене. Надеялись, что короткая победоносная война устранит угрозу распада Австро-Венгерской империи и сплотит ее стремившиеся к независимости народы вокруг Габсбургов.

Задолго до этого начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гётцендорф, пользовавшийся большим влиянием, вынашивал план, о котором он откровенно пишет в своих воспоминаниях:

«Мне всегда представлялись приемлемыми следующие возможности: прежде всего попытаться мирным путем склонить Сербию присоединиться навсегда к Габсбургской монархии в качестве одного из союзных государств; в случае же если Сербия не согласится на это предложение и не откажется от своих притязаний, направленных против монархии, то следует осуществить присоединение военным путем, выбрав для

этого подходящий момент. Я говорил об этом еще в 1906 году, когда был назначен на должность начальника генерального штаба, а в 1908—1909 годах я указывал, что настало время добиться ясности в отношениях с Сербией» [1].

Теперь предстояло наверстать то, что было «упущено» при аннексии Боснии и Герцеговины. Правители Австро-Венгрии намеревались возложить на белградское правительство ответственность за действия шовинистической сербской организации «Черная рука», к которой принадлежали убийцы эрцгерцога, и использовать это как предлог для развязывания войны. Чтобы осуществить это, нужно было предъявить Сербии ультиматум, содержащий совершенно неприемлемые требования. Утратив всякое чувство ответственности, министры, руководившие политикой двуединой монархии, буквально содрогались при мысли, что не удастся довести дело до войны: вдруг Сербия согласится выполнить все, даже самые унизительные требования. 18 июля 1914 года, когда ультиматум еще стряпали на дипломатической кухне, первый советник германского посольства в Вене принц Штольберг писал германскому статс-секретарю по иностранным делам:

«Как я уже сообщал вчера, *Берхтольд* [австрийский министр иностранных дел. — *А. Н.*] *надеется, что австрийские требования... не будут приняты Сербией,* но полностью он в этом не уверен. Из его слов и высказываний Хойоса [начальника канцелярии Берхтольда. — *А. Н.*] у меня сложилось впечатление, что сербы *могут* принять требования. На мой вопрос, что произойдет, если дело таким образом снова зайдет в тупик, Берхтольд ответил, что придется при практическом осуществлении отдельных требований оказывать сильный нажим. Если в Вене действительно хотят достигнуть полной ясности в отношениях с Сербией... то тогда совершенно непонятно, почему нельзя предъявить такие требования, которые бы сделали разрыв неизбежным» [2] [курсив наш. — *А. Н.*].

---

[1] Conrad von Hötzendorf, Aus meiner Dienstzeit, Wien, 1923, Bd. 3, S. 11.

[2] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914», Bd. I, Berlin, 1922, S. 113.

Таким образом, между собой политические деятели совершенно откровенно говорили о желательности войны, хотя в это же время газеты неустанно твердили о стремлении к мирному разрешению конфликта и требовали только наказания убийц эрцгерцога. Выше говорилось о позиции Хойоса и Берхтольда. Учитывая довольно тесные русско-сербские отношения, совершенно ясно, что одряхлевшая дунайская монархия сама по себе никогда бы не отважилась на такое опасное предприятие, как военная акция против Белграда.

Действительно, источник, из которого венские политики и военные деятели черпали свое мужество, находился в Берлине. На военный лад Австрийскую империю настраивала именно кайзеровская Германия, стремившаяся к превентивной войне. Учитывая мощь своих вооружений, она была уверена, что другие континентальные державы, а именно Франция и Россия, последняя в особенности, не готовы к войне. Кроме того, она понимала, что процесс разложения Австро-Венгерской монархии, ее военного союзника, ускоряется с каждым месяцем. Таким образом, по ее мнению, нельзя было упускать этот момент превосходства в силах над другими державами. 18 июля 1914 года германский статс-секретарь по иностранным делам фон Ягов писал германскому послу в Лондоне князю Лихновскому, предостерегавшему против курса на войну:

«Если бы мы это сделали [то есть удержали бы Австрию. — *А. Н.*], то Австрия (да и мы сами) имела бы все основания упрекать нас в том, что мы лишили ее последней возможности добиться политической консолидации. Это бы только ускорило процесс ее ослабления и распада... В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас воевать. Через несколько лет, по компетентным предположениям, Россия уже будет боеспособной. Тогда она задавит нас количеством своих солдат; ее Балтийский флот и стратегические железные дороги уже будут построены. Наша же группа тем временем будет все больше слабеть» [1].

---

[1] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914», Bd. I, S. 99—100.

Итак, война как выход из государственного кризиса Австрии и как возможность одолеть противника, не готового к войне. Мольтке-младший, начальник генерального штаба германской армии, заявлял еще в мае 1914 года:

«Всякое выжидание уменьшает наши шансы: мы не можем состязаться с Россией в отношении численности войск» [1].

Как известно, в 1914 году Германия еще являлась полуабсолютистской монархией, вследствие чего глава ее, кайзер Вильгельм II, оказывал сильное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства. На полях дипломатических документов германского министерства иностранных дел (которые были опубликованы после войны и цитаты из которых мы приводили выше) он часто делал пометки, весьма типичные для его взглядов и агрессивного характера его указаний. 30 июня 1914 года германский посол в Вене граф фон Чиршки сообщал министерству иностранных дел в Берлине:

«Здесь мне часто приходится слышать пожелания, в том числе и от серьезных людей, *чтобы счеты с сербами были наконец сведены полностью*».

Против этих слов рукою кайзера начертано: «Теперь или никогда!» Дальше Чиршки сообщает в своей телеграмме:

«Я пользуюсь каждым подобным случаем, чтобы спокойно, но настойчиво и серьезно предостерегать от слишком поспешных шагов».

На это кайзер реагировал взрывом негодования:

«Кто его на это уполномочил? Идиотство!.. Пусть Чиршки соизволит прекратить эти бессмысленные действия! С сербами надо покончить, и *как можно скорее*» [подчеркнуто Вильгельмом II] [2].

21 июля 1914 года германский посол в Петербурге прислал отчет о своей беседе с русским министром иностранных дел. Последний выразил опасение, что определенные австрийские круги «очевидно, не захотят

---

[1] Wolfgang Hallgarten, Vorkriegsimperialismus, Paris, 1935, S. 287.

[2] «Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914», Bd. I, S. 11.

удовлетвориться протестом, заявленным Белграду, и что их целью является уничтожение Сербии».

Рядом с последними семью словами кайзер написал: «И прекрасно, как раз то, что требуется!» [1]

23 июля 1914 года Австрия вручила свой ультиматум Белграду (к чему мы вернемся ниже), а на следующий день английский министр иностранных дел Грей сказал германскому послу:

«Государство, которое согласится на нечто подобное, собственно говоря, уже нельзя будет считать самостоятельным государством».

На полях отчета кайзер написал:

«Это было бы весьма желательно. Это не государство в европейском понимании, а банда разбойников» [2].

Наконец, к отчету германского посланника в Белграде, сообщавшего о том, как было потрясено сербское правительство непомерностью австрийских требований, кайзер собственноручно присовокупил следующее заключение:

«Какой ничтожной оказалась эта так называемая Великая Сербия! Да и все эти славянские государства такие же. Надо покрепче наступать на ноги этой сволочи!» [3]

Это было открытым призывом к агрессии и служило директивой для германских дипломатов. Совершенно очевидно, что циничное презрение к другим народам, в первую очередь к славянам, было унаследовано Гитлером от Вильгельма II, хотя, разумеется, ученик впоследствии превзошел своего учителя.

23 июля, через двадцать пять дней после сараевского убийства, австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, предоставив для ответа только 48 часов. Это была явная провокация: ультиматум был составлен так, что принятие его лишало Сербию самостоятельности, а отклонение неминуемо должно было привести к войне. Помимо обязательства запретить в пределах страны всякую пропаганду за отделение территорий, «принадлежащих Австро-Венгерской мо-

---

[1] Ibid., S. 140.
[2] Ibid., S. 170.
[3] Ibid., S. 173.

нархии», Сербия должна была выполнить еще 10 требований. Среди них были такие, на которые не могло согласиться ни одно государство, дорожащее своим достоинством и независимостью. Например, согласно 5-му и 6-му требованиям, австрийские государственные органы должны были впредь участвовать в полицейских и юридических мероприятиях Сербии на ее территории, причем такой порядок предусматривался на неограниченное время, а не только на период расследования причин убийства. Следует отметить, что германское министерство иностранных дел ознакомилось с текстом ноты за день до отсылки ее в Белград, но не сделало ничего, чтобы смягчить ее резкость.

Несмотря на чудовищность тона и содержания этого документа, ответ из Белграда пришел к назначенному крайне жесткому сроку. Сербия приняла все требования, кроме одной оговорки. Когда кайзер 28 июля прочел сербскую ноту, даже он в своей пометке на полях вынужден был оценить положение следующим образом:

«Блестящее достижение для столь короткого срока — 48 часов. Это больше, чем можно было ожидать. Большой моральный успех для Вены; однако вследствие этого отпадают все поводы для объявления войны и Гизль [австрийский посланник в Белграде. — *А. Н.*] мог бы спокойно оставаться в Белграде. После такого ответа *я бы лично* никогда не дал приказа о мобилизации» [1].

Прочитав сербский ответ, кайзер сразу же написал статс-секретарю по иностранным делам письмо, которое начиналось следующими словами:

«Прочитав сербский ответ, который я получил сегодня утром, я убедился, что в общем и целом пожелания дунайской монархии удовлетворены. Что касается нескольких оговорок, сделанных Сербией к отдельным пунктам, то, по моему мнению, можно достигнуть согласия путем переговоров. Во всяком случае, этот ответ представляет собой унизительнейшую капитуляцию, провозглашенную orbi et urbi [на весь мир. — *А. Н.*]. В результате этой капитуляции *отпадают все поводы для объявления войны*» [2].

---

[1] Ibid, S. 264.
[2] Ibid., Bd., II, S. 18.

Таким образом, кайзер сам признал, что ответ Сербии выбил почву из-под ног поджигателей войны. После этого можно было бы надеяться на ослабление напряженности, поскольку уступчивость сербов превзошла все ожидания германского и австрийского правительств. Однако, так как они любой ценой стремились снискать лавры победителей в войне, кайзер Вильгельм II в том же письме Ягову, выдержку из которого мы привели выше, потребовал, чтобы Австрия оккупировала столицу Сербии Белград «и часть сербской территории» под тем предлогом, что якобы нужны гарантии выполнения сербами их обещаний.

«Это необходимо и для того, чтобы дать армии, в третий раз *напрасно* мобилизованной, хотя бы формальное удовлетворение, создать видимость успеха в глазах заграницы, дать армии возможность по крайней мере побывать на чужой территории. Без этого, в случае если военная кампания не состоится, в стране может возникнуть весьма сильное недовольство династией, что было бы крайне опасно» [1].

Хотя Сербия и уступила непомерным требованиям Вены, ей не удалось избежать войны, затеянной для поддержания пошатнувшегося престижа прогнившей дунайской монархии. Австро-Венгрия провела мобилизацию и объявила Сербии войну в тот самый день 28 июля, в который кайзер вынужден был признать, что вследствие уступчивости сербов «отпадают все поводы для объявления войны»!

Нападение Австрии на Сербию вызвало резкое осуждение мирового общественного мнения. Тем не менее в столицах обеих центральных держав не ощущалось особого беспокойства, даже несмотря на реальную угрозу того, что и Россия может взяться за оружие, дабы воспрепятствовать изменению соотношения сил на Балканах. Вмешательство России должно было, однако, вовлечь в войну и Германию, поскольку она была союзником Австрии, а это в свою очередь вынудило бы Францию выполнить свои союзнические обязательства по отношению к России и также вступить в войну. Берлин и Вена были спокойны, так как германский генеральный штаб полагал, что рецепт победы у него

[1] Ibidem.

в руках. План его сводился к следующему: разгромить Францию в молниеносном наступлении и, обеспечив себе тыл, обрушиться на Россию. Мы видим, что в действиях Гитлера четверть века спустя было мало оригинального; и в этом отношении он перенял методы кайзеровских империалистов.

Правда, оставалась неизвестной позиция англичан. В своих беседах с германским послом министр иностранных дел Англии Эдуард Грей неизменно говорил об опасностях войны между четырьмя державами, а именно между Германией, Австрией, Россией и Францией, но никогда не упоминал о возможности участия в ней Англии, вследствие чего у германских правителей складывалось впечатление, что Англия останется нейтральной. Таким образом, Грей поощрял агрессивные устремления Берлина и Вены так же, как двадцать пять лет спустя министерство иностранных дел Англии поощряло германскую экспансию на юго-восток и восток. Английские дипломаты заботились отнюдь не о сохранении мира, а всего лишь о сохранении соотношения сил на Европейском континенте, которое могло нарушиться вследствие вероятной победы центральных держав в четырехстороннем конфликте. Между тем ввиду весьма высокого в то время международного престижа Англии Германия настолько считалась с ней, что один достаточно прозрачный намек Грея примерно около 20 июля мог бы принудить к величайшей осторожности кайзера, дипломатов и генеральный штаб в Берлине, а заодно образумить и Вену. Однако намек не был сделан. При объективном анализе исторических событий невольно возникает подозрение, что английские правители всеми средствами старались внушить Германии (становившейся все более опасным конкурентом для Англии) уверенность в прочности английского нейтралитета, чтобы подтолкнуть ее тем самым к развязыванию войны и, отрезав все пути к отступлению, затем нанести ей удар. Еще 26 июля английский король заявил брату кайзера принцу Генриху: «Мы приложим все усилия, чтобы остаться нейтральными».

Эту позицию Англии руководящие деятели в Берлине расценили как предоставление им свободы действий в их военной политике. Тем сильнее была их

ярость, когда Англия вступила в войну, и они оказались в положении обманутых обманщиков. 30 июля, когда это выяснилось, они бы охотно пошли на уступки. За день до этого Грей предложил князю Лихновскому организовать посредничество четырех держав и запросить Австрию о ее намерениях «после оккупации Белграда и других пунктов». Во время этой беседы Грей впервые дал понять, что в случае вступления в войну Германии и Франции для Англии «было бы невозможно долго оставаться в стороне и выжидать». Английский министр не оставил никаких сомнений относительно того, на чьей стороне выступит Англия.

Через несколько часов после получения сообщения Лихновского об этой беседе до крайности перепуганный рейхсканцлер фон Бетман-Гольвег телеграфировал от имени правительства германскому послу в Вене. Он дал ему указание «настойчиво рекомендовать Австрии принять предложение Грея... Вашему превосходительству надлежит немедленно и в самой категорической форме сделать об этом заявление графу Берхтольду, или же графу Тисе» [венгерскому премьеру. — *А. Н.*] [1].

Эта телеграмма («Телеграмма 200») была передана берлинским главным телеграфом в 9 часов вечера. Через 2 часа 20 минут в тот же адрес была направлена следующая лаконичная депеша:

«Срочно! Прошу задержать выполнение инструкции № 200. Бетман-Гольвег» [2].

Что же произошло в течение ста сорока минут между этими двумя телеграммами? Нетрудно догадаться, поскольку сохранился черновик неотправленной телеграммы рейхсканцлера послу в Вене, в которой говорится:

«Я приостановил выполнение инструкции № 200, так как мне только что сообщили из генерального штаба, что приготовления наших соседей, особенно на востоке, вынуждают к быстрым решениям» [3].

Ясно, таким образом, что военная партия, твердо

---

[1] Ibid., S. 165.
[2] Ibid., S. 172.
[3] Ibidem.

решившая развязать войну, препятствовала любым действиям, направленным на смягчение противоречий, так же как двадцать пять лет спустя, в августе 1939 года, Гитлер, решивший начать войну, принимал все меры, чтобы «какая-нибудь сволочь» не сунулась к нему с предложением о посредничестве.

Князь Лихновский пишет в своих воспоминаниях:

«Разумеется, достаточно было бы одного намека из Берлина, чтобы побудить графа Берхтольда удовлетвориться дипломатическим успехом. Намек, однако, не был сделан. Напротив, Берлин настаивал на войне» [1].

Так завертелось колесо событий: мобилизация в Австрии и вторжение ее войск в Сербию, мобилизация в России, затем в Германии и Франции; нарушение нейтралитета Бельгии введением на ее территорию немецких войск; ультиматум Англии с требованием о немедленном выводе этих войск; отказ германского правительства и вступление Англии в войну. Мир был ввергнут в катастрофу. Непосредственным толчком, вызвавшим ее, было поощрение австрийской агрессии германским империализмом.

Нельзя закончить эту главу, не сказав несколько слов о провокационной роли прессы. 30 июля в 2 часа 30 минут пополудни на улицах в центре германской столицы появился в продаже экстренный выпуск «Берлинер локаль-анцайгер», газеты, весьма близкой к генеральному штабу и правительству. В этом выпуске содержалось сообщение о мобилизации в Германии [2].

В действительности ни в этот, ни на следующий день приказ о мобилизации не был отдан. Однако цель, которую преследовали инициаторы и исполнители этой инсценировки, была достигнута: немедленно уведомленные о сообщении «Берлинер локаль-анцайгер» рус-

---

[1] Karl Max Fürst Lichnowsky, Auf dem Wege zum Abgrund. Londoner Berichte, Erinnerungen und sonstige Schriften, Bd. I, Dresden, 1927, S. 131.

[2] «Мобилизация в Германии. Принято решение, которого можно было ожидать на основании сообщений последних часов: как нам стало известно, кайзер Вильгельм только что отдал приказ о немедленной мобилизации германской армии и германского флота...»

ский посол и представители официального российского телеграфного агентства сразу же передали его в Петербург, и это привело к тому, что объявленная в России частичная мобилизация превратилась во всеобщую. А рвавшаяся в бой германская военщина воспользовалась этим как предлогом для объявления 1 августа мобилизации в Германии.

Экстренный выпуск газеты «Берлинер локаль-анцайгер» был грубейшей, но не единственной провокационной фальшивкой. Чтобы разжечь у населения воинственные настроения, вся пресса распространяла самые невероятные измышления: там на месте преступления были схвачены французские врачи при попытке отравить колодцы, тут над германской территорией были замечены французские самолеты, еще где-то были арестованы шпионы с большими суммами денег. Так ежедневно — еще до начала войны — на первых страницах газет появлялись одно за другим сообщения подобного рода, породившие наконец в широких слоях населения форменную военную истерию и готовность дать себя использовать в качестве пушечного мяса. Больше того, одно из таких лживых сообщений послужило основанием для официального объявления 3 августа войны Франции:

«Вчера французские самолеты сбросили бомбы на железнодорожные пути в районах Карлсруэ и Нюрнберга. Тем самым Франция вовлекла нас в состояние войны».

Два года спустя нюрнбергский магистрат дал по этому поводу следующее разъяснение:

«Управлению внутреннего корпусного округа 3-го баварского армейского корпуса ничего не известно о том, чтобы на участках железных дорог Нюрнберг — Киссинген и Нюрнберг — Ансбах самолеты противника до или после начала военных действий сбрасывали бомбы. Все утверждения и сообщения подобного рода оказались по выяснении ложными».

Тем не менее это ложное сообщение выполнило свою задачу и послужило предлогом для объявления Германией войны Франции.

Заявление правительства кайзера Вильгельма о том, что оно было «ввергнуто в войну неодолимой силой обстоятельств», является чистейшей ложью. Первая

мировая война, как мы видели, была развязана преднамеренно и явилась естественным результатом борьбы, которую на протяжении полутора десятилетий вели правящие классы кайзеровской Германии за завоевание господства в Европе и во всем мире; при этом не следует также забывать об ответственности и других империалистических держав, преследовавших аналогичные цели. Даже те немецкие промышленники, которые не принадлежали к кругам пангерманистов, громко требовали передела мира, хотя и понимали, что без войны — причем такой войны, которая должна будет охватить по крайней мере всю Европу, — этот передел неосуществим. За семь месяцев до начала первой мировой войны председатель наблюдательного совета мощного электрического концерна АЭГ («Альгемайне электрицитетсгезельшафт») Вальтер Ратенау так определил требования Германии:

«Нам нужна земля этой планеты; при будущих переделах мира мы должны до тех пор добиваться причитающейся нам доли, пока не насытимся приблизительно в той же мере, как наши соседи» [1].

Более подробно военные цели Германии были определены в записке рейхсканцлера Бетмана-Гольвега через месяц после начала войны. Глава кайзеровского правительства предполагал, что Германия добьется аннексии восточной части Франции, в первую очередь рудного района Брие, а также заключения «торгового договора, который поставит Францию в экономическую зависимость от Германии. Этот торговый договор должен обеспечить нам свободу действий во Франции в финансовой и промышленной сфере. Бельгия должна быть низведена до положения вассала Германии; побережье ее будет использоваться Германией для военных целей, а в экономическом отношении она должна стать немецкой провинцией».

К территории этого зависимого государства предполагалось присоединить также Дюнкерк, Кале и Булонь, то есть северное побережье Франции.

Нимало не смущаясь, рейхсканцлер объявил Люксембург «одной из германских земель», владения ко-

[1] Walther Rathenau, Deutsche Gefahren und neue Ziele, in: Gesammelte Schriften in 5 Bänden, Bd. I, Berlin, 1918, S. 270.

торой должны быть расширены за счет французского района Лонгви. Голландии великодушно разрешалось сохранить номинальную независимость, однако она должна была находиться «в фактической зависимости от нас», определяемой «тесным таможенным союзом» и «правом Германии держать войска в устье Шельды». Среди колониальных притязаний канцлера главную роль играло «получение в Центральной Африке колониальных владений, представляющих собой цельный территориальный массив».

Чтобы Германия смогла проглотить и переварить такую добычу, Бетман-Гольвег предложил создать «центрально-европейский экономический союз под германским руководством», который «должен будет придать устойчивую форму экономическому преобладанию Германии». Под Центральной Европой разумелись следующие страны, названные рейхсканцлером в том порядке, в каком они здесь перечислены: Франция, Бельгия, Голландия, Дания, Австро-Венгрия, Польша, Италия, Швеция и Норвегия!!

Бредовые планы? Конечно! Однако воззрения Бетман-Гольвега считались умеренными в кругах германских империалистов (за что он и был смещен со своего поста два года спустя). Относительно России он ограничился заявлением общего характера, а именно, что ее «господству над нерусскими вассальными народами следует положить конец».

В тот же день, когда была опубликована эта записка о целях войны, автор ее получил меморандум от ведущего рейнского и рурского промышленного магната Августа Тиссена, который от лица Германии заявлял претензии на Донскую область и Одессу, Крым, районы, прилегающие к Азовскому морю, и Кавказ, обосновывая свои притязания богатством сырьевых ресурсов этих районов! Кроме того, существовала так называемая дополнительная программа: еще в августе 1914 года представители горной промышленности предъявили свой перечень областей, подлежащих захвату на Востоке, в котором значились вся Польша, Украина, Литва, Курляндия, Лифляндия, Эстляндия и Финляндия! С первых же дней войны завоевание всех перечисленных выше областей стало официальной целью германской политики.

Тем более неприглядной и достойной сожаления была роль, которую играло руководство Социал-демократической партии Германии. Эта партия была сильнейшей, наиболее авторитетной фракцией II Интернационала. К ней обращали взоры пролетарии всего мира. Однако яд ревизионизма слишком глубоко проник в сознание лидеров социал-демократической партии. Правое руководство предало все социалистические принципы и отказалось от классовой борьбы как способа их осуществления ради подачек с барского стола правящих классов. О социализме правые лидеры считали нужным бегло упоминать только в торжественных речах по случаю 1 Мая, на деле же они стремились приспособиться к капиталистической системе, а интересы германского пролетариата отождествляли с интересами кайзеровской Германии. Вместо того чтобы попытаться остановить империалистическую военную машину, правые лидеры изображали архиреакционную военную авантюру как в высшей степени прогрессивное дело, облегчая тем самым кайзеру вербовку солдат в рядах пролетариата.

«Орды кровавого царя грозят нашему народу!» — истерически вопила 4 августа газета «Мюнхенер пост», орган Социал-демократический партии Баварии. Таков же был тон выступлений всей социал-демократической печати и руководства социал-демократической партии, за исключением ее немногочисленного левого крыла. Словами о необходимости отпора реакционному царизму социал-демократические лидеры маскировали свое пособничество агрессии империалистов кайзеровской Германии. Социал-демократические лидеры апеллировали к великодушию и классовому сознанию немецких рабочих, которые всегда проявляли подлинную классовую солидарность к русским эмигрантам-социалистам. Миллионам немецких рабочих внушали ложное представление, что предстоит война в защиту культуры от русского варварства. От них скрывали, что правящие классы Германии преследовали совершенно иные цели, а именно завоевание господства на Европейском континенте и на Ближнем Востоке и расширение германских колониальных владений в Африке. Правые руководители Социал-демократической партии Германии умалчивали о том, что империализм пред-

ставляет собой стадию развития финансового капитала и монополий, которые стремятся не к утверждению свободы, а к аннексиям. Это относится к любому империалистическому государству независимо от существующего в нем политического режима: самодержавия, ограниченной монархии или так называемой буржуазной демократии.

Мы бы исказили историю, если бы умолчали о том, что левые в Социал-демократической партии Германии, оправившись после первых недель растерянности, вызванной беспримерным предательством подавляющего большинства правления партии и фракции рейхстага, начали с большим мужеством и самоотверженностью разоблачать империалистический характер войны и призывать к борьбе против господствующих классов. Карл Либкнехт писал 26 октября 1914 года правлению партии: «Война, которую ведет германо-австрийская сторона, это явно превентивная и одновременно захватническая война» [1].

На заседании рейхстага 2 декабря 1914 года Либкнехт отказался голосовать за военные кредиты, выступив с пламенным протестом против аннексионистской войны, ведущейся исключительно в интересах капиталистов. В темной ночи разнузданного шовинизма блеснул свет, зажженный в глубоком подполье Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Кларой Цеткин, Мерингом, Вильгельмом Пиком. Основанный ими «Союз Спартака» восстановил честь немецкого народа. Однако в годы первой мировой войны это была сравнительно немногочисленная группа, подвергавшаяся преследованиям и репрессиям со стороны правительства и руководимого правыми партийного аппарата социал-демократической партии. Чтобы заглушить голос честных социалистов, их бросали в тюрьмы, отправляли на каторжные работы или посылали в окопы на передовую.

В странах обоих противостоявших друг другу блоков подавляющее большинство социал-демократических лидеров умалчивало о подлинной сущности войны, которую великие державы вели с целью захвата

---

[1] Karl Liebknecht, Ausgewählte Reden, Briefe und Aufsätze, Dietz Verlag, Berlin, 1952, S. 277 ff.

чужих территорий, передела колоний и ограбления конкурентов. Великое славное исключение представляла руководимая Лениным Российская социал-демократическая рабочая партия — партия большевиков. Этой партии, единственной пролетарской партии, оставшейся верной делу социализма и интернационализма, удалось прорвать своими правдивыми словами дымовую завесу лжи империалистов и организовать гражданскую войну против своего империалистического правительства. Именно таким путем она воспитала и подготовила массы к поворотному пункту мировой истории — к Октябрьской революции 1917 года, в результате которой одна шестая часть земного шара была освобождена от господства империалистов и поджигателей войны.

ОТ СОВЕТСКОГО ОБРАЩЕНИЯ О МИРЕ ДО ГРАБИТЕЛЬСКОГО БРЕСТСКОГО МИРА

Уже через сутки после создания Советского правительства оно издало свой знаменитый Декрет о мире и послало в эфир обращение, адресованное «Всем! Всем! Всем!».

В этом обращении к народам и правительствам всех воюющих стран предлагалось немедленно начать переговоры о справедливом демократическом мире без насилия и порабощения одних народов другими и немедленно заключить перемирие. Обращение содержало особый призыв к сознательным рабочим Германии, Англии и Франции, показавшим в свое время образцы пролетарского героизма, решительно и энергично способствовать освобождению человечества от ужасов войны и установлению мира.

Какая возможность открылась перед немецким народом! Изголодавшийся, понесший огромные потери, изнуренный, он на четвертом году войны более, чем когда-либо прежде, стремился к миру. Естественно, что и германские империалисты знали об этом настроении народа, но они хотели под прикрытием перемирия и мирных переговоров затеять новый захватнический поход.

3 декабря 1917 года было объявлено о прекращении огня на Восточном фронте и начались переговоры ме-

жду Германией и Советской Россией, в результате которых 15 декабря было заключено перемирие. За два дня до этого, 13 декабря 1917 года, Германское общество владельцев металлургических и сталелитейных предприятий представило статс-секретарю по иностранным делам «Пожелания металлургической промышленности в связи с заключением мирного договора с Россией». Представители германских монополий сочли, что обстановка благоприятствует осуществлению их давних грабительских планов и дает возможность задушить экономически только что родившееся государство рабочих и крестьян. Твердо решившись обосноваться в этой стране без всякого риска для себя и сторицей возместить свои затраты, они выдвинули следующие требования:

«1. Россия должна разрешить неограниченный, бесперебойный и, соответственно, беспошлинный вывоз марганца и железной руды в Германию.

2. Россия должна разрешить германским гражданам приобретать в любых районах страны всякого рода рудники и участки земли без обложения их особым налогом.

3. Кроме того, Россия должна и во всех прочих отношениях уравнять германских граждан в правах со своими собственными, в частности в отношении участия в коммерческих предприятиях или основания таковых... Если мы хотим увеличить внешнеторговый актив за счет вывоза нашей промышленной продукции, то этого можно достигнуть в первую очередь путем расширения экспорта в страны Европейского континента, и прежде всего в огромную Российскую империю с ее колоссальной потребностью в железных и стальных изделиях всякого вида. Поэтому надо настаивать на снижении русских таможенных пошлин по крайней мере для Германии» [1].

22 декабря в Брест-Литовске начались переговоры о мире. В сердцах граждан Германии и Советской России зародилась надежда — все жаждали мира, все верили, что теперь уж он недалек.

В этот момент, однако, германские империалисты

---

[1] DZA Potsdam. Zit. nach: Von Brest-Litowsk bis Rapallo, Bd. I: 1917—1918, Berlin, 1967, S. 103—108.

начали бряцать оружием за столом переговоров. Они стремились не к соглашению, а к ограблению, не к миру, а к войне. Документы, опубликованные в 1967 году буржуазными историками Западной Германии, свидетельствуют о низких и злобных замыслах тогдашних правящих кругов Германии.

В качестве уполномоченного германского верховного главнокомандования для ведения переговоров с Советским правительством об обмене военнопленными в Петроград в конце 1917 года был послан начальник оперативного отдела германского адмиралтейства контр-адмирал барон Вальтер фон Кайзерлинг. С 3 января по 14 февраля 1918 года он послал в высшие военные инстанции Германии одиннадцать сообщений военно-политического характера, в которых и речи не было о порученной ему миссии. В них содержались подробно разработанные предложения о военных действиях против Советской России.

Письма эти тем более заслуживают упоминания, что изложенные в них рекомендации легли в основу плана последовавшей агрессии. Барон требовал, чтобы Германская империя «путем присоединения к себе лимитрофов с нерусским населением создала защитный вал, простирающийся возможно дальше на восток...», и приступила к осуществлению «колонизаторских задач широкого масштаба в Азии, пройдя через территорию России», причем «в военном отношении решающее значение имело бы закрепление во внутренних районах Азии» [1]. 4 февраля Кайзерлинг давал совет «как можно скорее наступать через Эстляндию на Петербург... Это было бы также самым простым решением вопроса о Прибалтике» [имелась в виду аннексия Германией русских прибалтийских губерний. — *А. Н.*] [2].

В последнем своем письме посланец германского империализма подводит итоги: «Использование богатейших ресурсов страны в интересах Центральной Европы является в экономическом и военном отношениях вопросом первостепенной важности... Германская империя должна поставить себе цель отделить нерус-

---

[1] Письмо от 3 января 1918 г. в «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte», Stuttgart, 1967, 1. Heft, S. 93.

[2] Ibidem.

ские приграничные области России и присоединить их к себе». Кроме того, «следует оказывать организующее влияние на остальную часть России. Для осуществления такого рода колонизаторской задачи, а это, помимо всего прочего, может принести большие военные преимущества, поскольку позволит создать военную угрозу Англии в Индии, следует поставить во главе России правительство, склонное ввиду недостатка собственных сил заимствовать их у Германии, обладающей ими в избытке».

Эти планы завоевания чуть ли не всей территории России были представлены также и кайзеру, который одобрил их, сделав собственноручные пометки на полях писем: «Очень хорошо», «И я того же мнения». Прочитав несколько писем, кайзер заявил 2 февраля 1918 года: «Я отдал приказ начать наступление на Петербург, как только мы разделаемся с Украиной»[1]. Следует отметить, что все это происходило в период ведения мирных переговоров.

13 февраля 1918 года под председательством кайзера в Хомбурге состоялось заседание королевского совета, на котором кайзер зачитал сообщения барона Кайзерлинга из Петрограда. В заключение, после нескольких антисемитских выпадов, он выдвинул следующее требование, зафиксированное в протоколе: «Мы должны как можно скорее уничтожить большевиков!»[2]

В своем стремлении показать, что тогдашний глава государства не пользовался авторитетом и что политика его была нецелесообразной, буржуазные историки характеризуют последнего германского кайзера как самонадеянного хвастуна и позера, слова которого не всегда следовало принимать всерьез. Однако не так уж важно подвергать анализу характер Вильгельма II. Решающее значение имеет вопрос: оказывало ли его мнение влияние на события и отражало ли оно взгляды прочих влиятельных лиц Германии? А это было именно так. В частности, перед упомянутым заседанием королевского совета генерал Людендорф, подлин-

---

[1] Admiral von Müller, Regierte der Kaiser? Göttingen, 1959, S. 350.

[2] Von Brest-Litowsk bis Rapallo, Bd. I, S. 407.

ный военный диктатор того времени (пять лет спустя во время мюнхенского путча он находился в рядах сторонников Гитлера), представил кайзеру записку, в которой после перечисления областей, подлежащих аннексии, заметил: «Возможно, что нам удастся нанести большевикам смертельный удар». На заседании королевского совета он потребовал занятия Петрограда.

Генерал-фельдмаршал Гинденбург, фактически являвшийся верховным главнокомандующим (через семь лет, будучи президентом Веймарской республики, он назначил Гитлера на пост рейхсканцлера), придерживался того же мнения. В протоколе заседания королевского совета в Хомбурге имеется следующая краткая запись его выступления: «Мы должны разгромить русских. Должны свергнуть правительство» [1].

Итак, решено было свергнуть Советское правительство и уничтожить членов правительства, которые предложили Германии мир и заключили с ней перемирие. После того как были приняты эти «человеколюбивые» решения, осталось только найти способ их осуществления. Кайзеру пришел на ум следующий хутроумный прием: «Не новая война, а помощь!» Надлежало, таким образом, придать планируемым захватам видимость полицейских акций, предпринимаемых в гуманных целях. Рейхсканцлера графа Георга фон Гертлинга эта идея весьма воодушевила: «Мы должны получить просьбы о помощи и тогда сможем действовать». Теперь дело было за исполнителями. Генерал-фельдмаршал Гинденбург назначил срок: «Просьба о помощи должна быть здесь к 18-му». Генерал Людендорф срочно позаботился о получении соответствующей телеграммы из Риги и запросил, «достаточно ли этого». Нет, рейхсканцлер потребовал, чтобы были и другие «просьбы о помощи», особенно из Финляндии и с Украины, чтобы он мог лучше обосновать планируемый поход в рейхстаге [2].

Как это делалось, видно на примере Финляндии. 13 февраля, когда королевский совет еще продолжал

---

[1] Von Brest-Litowsk bis Rapallo, Bd. I, S. 405.
[2] Von Brest-Litowsk bis Rapallo, Bd. I, S. 403—410.

заседать, Людендорф обратился к представителю реакционных кругов Финляндии в Берлине Хьельту, и 14 февраля заказанное обращение о помощи уже поступило, всего лишь через несколько часов после того, как заседание королевского совета закончилось принятием решения нарушить перемирие, получив «просьбы о помощи» из подлежащих оккупации областей, чтобы придать агрессии видимость освободительных действий, и 18 февраля начать наступление.

Так и было сделано. Вместо того чтобы перейти от перемирия к миру, как того хотели большевики, германский империализм перешел от перемирия к новой войне.

Воспользовавшись тем, что старой русской армии уже не было, а новая Красная Армия фактически еще не существовала, германский империализм с помощью насильственного Брест-Литовского мира отторг от Советской России Польшу, Финляндию, Украину, Литву и Курляндию. От Кавказа были отделены Карс, Ардаган и Батум. Число жителей отторгнутых областей составляло 60 миллионов человек; там находились плодороднейшие равнины и производилась почти пятая часть всей продукции угля и железа.

Однако германские империалисты нарушили даже и этот заключенный 3 марта насильственный Брест-Литовский мир, согласно которому были отделены все упомянутые выше области и статья I которого гласила, что обе договаривающиеся стороны «впредь будут жить в мире и дружбе».

ЗАХВАТНИЧЕСКАЯ ВОЙНА ВОПРЕКИ ЗАКЛЮЧЕНИЮ МИРА

В приказе о возобновлении наступления на юге (на Украине) германское верховное командование объявило, что военные действия будут вестись и за пределами Украины, в направлении Черноморского побережья до Донецкого бассейна, с целью овладения русскими залежами каменного угля и рудными месторождениями. Это новое наступление привело в конце апреля к оккупации Крыма и в начале мая к взятию Ростова.

15 марта 1918 года, то есть после заключения мирного договора с Советской Россией, немецкие войска

высадились на Аландских островах, которые должны были послужить плацдармом для «операции Финляндия». 3 апреля Балтийская дивизия под командованием генерал-майора графа Рюдигера фон дер Гольца вышла из Данцига в направлении Ханко, захватила русские корабли и военное снаряжение. Через четыре дня бригада под командованием полковника барона фон Бранденштейна, посланная из Ревеля, высадилась между Гельсингфорсом и Ловисой и 13 апреля взяла Гельсингфорс. Так германский империализм потопил в крови Финляндскую социалистическую рабочую республику.

Как раз в этот период первый дипломатический представитель при Советском правительстве в Москве граф фон Мирбах послал рейхсканцлеру целый ряд сообщений. Вручив свои верительные грамоты председателю Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлову в конце апреля, Мирбах жаловался в своем первом письме (прочитанном кайзером и украшенном его пометками) на непонятную ему холодность, с какой он был принят Советским правительством. Можно ли было рассчитывать, что Советское правительство с большой сердечностью примет представителя правительства, которое вопреки только что подписанному и скрепленному печатью мирному договору с Советской Россией продолжало грабить и кромсать ее территорию?!

В письме Мирбаха от 29 апреля 1918 года рейхсканцлеру Гертлингу говорилось:

«Мои верительные грамоты были приняты не только чересчур уж скромно, но буквально с ледяной холодностью. Председатель все время держался со смехотворной натянутостью, изображавшей оскорбленное национальное достоинство. Отвечая мне, он выразил надежду, что мне «удастся устранить препятствия, все еще мешающие действительному установлению мира», причем сказано это было с подчеркнутой язвительностью. По окончании официальной церемонии он не предложил мне даже сесть и не соизволил обменяться со мной хотя бы несколькими словами неофициального характера» [1].

---

[1] «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (Stuttgart), 1. Heft, Januar 1968, S. 75-76.

Рядом с последней фразой кайзер написал: «Мирбаху не следовало ждать их от анархиствующего пролетария!» Преисполненный наглого высокомерия, одержимый слепой классовой ненавистью, кайзер показал только свое собственное анахронистическое непонимание действительного положения вещей, закончив свои пометки к сообщению Мирбаха в следующем нагло агрессивном тоне:

«Он имеет дело не с правительством, а с главарями хищной и наглой пролетарской черни; на это он должен настроиться и вести себя с ними соответствующим образом» [1].

Военная политика германского империализма оставалась такой же, какой она была в первый день войны, — захватнической и грабительской. Когда кайзеру представили адресованное рейхсканцлеру письмо от 1 мая германского посла в Стокгольме барона фон Люциуса, излагавшего свое мнение о политике Германии в отношении Финляндии и о германо-советских отношениях (посол высказывался за установление подлинного мира с Россией и считал, что такой мир отвечает интересам Германии [2]), то кайзер отверг предложения посла, сделав на полях следующие пометки: «Я никоим образом не могу согласиться с мнением герра Люциуса... невероятная чушь!» По мнению Вильгельма II, действительный мир «...между славянами и немцами вообще невозможен... чушь!

Никогда этого не будет!»

Под письмом, как бы еще раз демонстрируя свой гонор властолюбца, кайзер написал:

«Господин посол выжил из ума! Да, это политика трусости! Я держусь совершенно иного мнения. Мир с Россией возможен лишь в том случае, если мы будем держать ее в страхе. Славяне всегда будут нас ненавидеть и навсегда останутся нашими врагами! Они боятся и уважают только того, кто их колотит! Вот, например, Японию! И пусть относятся так же и к нам! Антанта всегда сможет, если захочет и если мои ди-

---

[1] Ibidem.

[2] Сообщение германского посла в Стокгольме от 1 мая 1918 года, Politisches Archiv AA. Deutschland, № 131, secr. Bd. 18. Bl. 128/9, «Das Verhältnis Deutschlands zu Rußland».

пломаты окажутся слишком уж бестолковыми, делать в России все, что ей угодно, — она втянула ее в войну; однако, для того чтобы раз и навсегда отодвинуть Россию от нашей восточной границы, нужно обеспечить наше преобладание в германской сфере. Мирным договором с Россией, даже благоприятным, этого не добьешься!» [1]

Угольным, железным и стальным баронам германской империи брест-литовский диктат также казался далеко недостаточным. Захваченные территории и источники сырья ни в малейшей мере не удовлетворили их ненасытный аппетит. Таким образом, их алчность служила мощным стимулом для империалистической политики кайзеровской Германии, и без того нацеленной на создание Imperium Germanicum, простирающейся далеко на восток.

16 мая 1918 года главы пятнадцати крупнейших германских металлургических и стальных концернов, в том числе Август Тиссен, Гуго Стиннес, Эмиль Кирдорф, Альфред Гугенберг, Клёкнер и Рёхлинг, представили правительству меморандум, в котором призывали к новым агрессивным и захватническим акциям, чтобы «навсегда закрепить господствующее положение Германии на Востоке», «полностью упрочить политические позиции Германии в восточных областях или, во всяком случае, сделать их гораздо более надежными, чем то обеспечивают условия существующего мирного договора».

Что под этим подразумевалось, видно из записи беседы, которая состоялась в Дюссельдорфе по предложению директора концерна Круппа Бруна. В копии этого документа, переданной статс-секретарю министерства экономики, говорится:

«Прежде всего необходима постоянная военная оккупация Германией и ее союзниками европейских коммуникаций, ведущих на север России. Следует стремиться к тому, чтобы мурманское побережье, острова на Балтийском море, в первую очередь Эзель [ныне Сарема. — *Ред.*] и Аландские острова, а также Финляндия находились бы под нашей военной властью».

---

[1] Ibidem.

Далее выдвигалось требование добиться, «...помимо возможно более глубокого финансового внедрения в Россию, также политического и военного перевеса Германии над всеми прочими враждебными и союзными государствами» [1].

Таким образом, то, что было к этому времени награблено Германией, казалось этим господам еще недостаточным. В Западной Европе уже явственно ощущалась неотвратимость близкого военного краха Германии; и тем не менее германские генералы и политики не шли на то, чего настоятельно требовала политическая логика, а именно не пытались улучшить отношения с новой Россией. Напротив, 27 августа 1918 года они навязали Советской России еще одно дополнение к брестскому диктату. Согласно этому дополнению, Советская Россия была вынуждена согласиться на отделение от нее Лифляндии, Эстляндии и Грузии, на оккупацию немцами обширных причерноморских областей за пределами Украины и уплату шести миллиардов марок контрибуции.

В последний период первой мировой войны появление таких новых видов вооружения, как бронеавтомобили и танки, усиленное использование авиации, колоссальный рост числа грузовых автомашин сделали нефть важнейшим, можно сказать незаменимым, видом сырья. В числе прочих и это обстоятельство побуждало германское правительство проявлять особый интерес к Кавказу, поскольку эта область с ее богатыми сырьевыми ресурсами представлялась крайне важной для ведения войны на Западе.

Интерес верховного командования к Кавказу вызывался тремя факторами:

1. Большими запасами нефти, необходимой для германской военной экономики.

2. Возможностью использования военного потенциала этой области для создания армии, которая в случае надобности могла бы действовать на стороне Германии против России.

3. Перспективой создания «тесно связанного с Германией кавказского блока» с Грузией в качестве ядра,

---

[1] Albert Norden, Zwischen Berlin und Moskau, Berlin, 1954, S. 128—130.

«который и после войны имел бы большое военное и экономическое значение» [1].

По мнению верховного главнокомандования и главного управления германского военно-морского флота, получение Германией нефти из Баку имело столь большое значение, что могло бы оправдать посылку германских войск на Каспийское море. Генерал Грёнер так определил значение Баку для Германии в докладе, сделанном им в середине сентября в Киеве немецким унтер-офицерам:

«Я могу только сожалеть, что весной у нас не было еще нескольких дивизий, чтобы форсированным маршем двинуться на Баку и захватить для Германии то, что нам крайне необходимо, если только мы хотим выстоять в этой войне... Если мы не захватим Баку и не используем тамошние нефтяные месторождения для наших нужд, мы вообще не сможем продолжать войны. Нам нужна продукция всего этого района вплоть до Каспийского моря, а если удастся захватить Туркестан, то и его продукция также» [2].

13 сентября 1918 года верховное командование отдало приказ подготовить наступление на Баку, рассчитывая в середине октября взять Баку и завоевать господство на Каспийском море. В приказе, изданном 23 сентября, говорилось: «Интересы Германии требуют, чтобы германский военный флаг развевался на Каспийском море» [3].

27 сентября, когда германские войска во Франции были разгромлены и обращены в бегство, Людендорф обратился к статс-секретарю Хинце с письмом, в котором требовал организовать выступление против большевиков, создать в России «благоприятный для Германии режим» и укрепить немецкие позиции на Востоке, чтобы использовать все это как козырь во время мирных переговоров с западными противниками Германии.

Обезумевшие стяжатели рано праздновали свою победу на Востоке. В начале октября ненасытный гер-

---

[1] Людендорф группе армий «Киев», секретно, копия, без даты (около 10 июня); BA/MA, документы Грёнера, Н 08—46/171. Цит. по книге: Winfried Baumgart, Deutsche Ostpolitik 1918, Wien und München, 1966, S. 185/186.

[2] Winfried Baumgart, Deutsche Ostpolitik 1918, S. 197.

[3] Ibid., S. 205.

манский империализм, навлекший на себя враждебность всего мира, вынужден был капитулировать на Западе, а затем лишился всех своих завоеваний и на Востоке, так как в стоявших там германских армиях началось революционное брожение, солдаты выбирали Советы и требовали возвращения на родину. Советская Россия аннулировала Брест-Литовский насильственный договор [1].

Следует отметить, что политические приемы, с помощью которых в феврале 1918 года был расчищен путь для возобновления захватнической войны, двадцать лет спустя послужили образцом для Гитлера. Перед каждым захватом он заранее обеспечивал себе «просьбу о помощи». Этот маневр был применен при «аншлюсе» Австрии, при занятии так называемых судетско-немецких областей Чехословакии, при нападении на Данциг, а также на Польшу. Во всех этих случаях нацистские гаулейтеры в качестве организаторов «пятой колонны» подымали по приказу своего начальства «крик о помощи». Таким образом мир и был втянут во вторую мировую войну.

Как известно, правительство США также осуществляет свою агрессию против Вьетнама под предлогом оказания помощи сайгонскому правительству (которое, кстати сказать, создано Вашингтоном, финансируется им и держится только благодаря его военной поддержке). Таковы методы подготовки империалистических войн в XX веке.

---

[1] Такое развитие событий подтвердило смелость, реализм и социалистическое провидение Ленина, который вопреки противодействию авантюристически настроенных левых сектантов в рядах РСДРП добился подписания Брест-Литовского насильственного договора. Любое другое решение таило в себе в феврале 1918 года опасность гибели Советской власти. Таким образом, благодаря тактике Ленина было выиграно время, настоятельно необходимое для создания Красной Армии, с одной стороны, а с другой стороны, для назревания революции в Германии и Австро-Венгрии.

НА ПУТИ КО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Первая мировая война закончилась превращением России в страну пролетарской диктатуры и полным разгромом германского империализма и его союзников. Все попытки реакции больших и малых государств свергнуть Советскую власть потерпели неудачу. Одна из целей англо-американской политики после войны состояла в том, чтобы не допустить господства Франции на Европейском континенте, но главной ее задачей была мобилизация всех сил капитализма против Советского Союза, поэтому Англия и Америка всемерно благоприятствовали и содействовали возрождению германского империализма. Достижению этой цели весьма способствовал раскол в рядах рабочего класса Германии, вызванный руководством социал-демократической партии; лидеры социал-демократической партии, ставшей правительственной партией, потопили в крови движение левых социалистических сил, допустили объединение финансовых магнатов в экономических и политических организациях, поддерживали возрождение вермахта, руководимого юнкерством, и непрерывно разжигали ненависть к Советскому Союзу.

Когда Гитлер, пожавший плоды этой политики, захватил власть, западные державы узрели в нем святого Георгия, которому предначертано уничтожить «большевистского дракона», и сообразно этому и строили свои отношения с ним. В нарушение всех международных обязательств они разрешили фашистской Италии аннексировать Эфиопию и Албанию, а фашистской Германии — Австрию и Чехословакию. Интервенция войск Гитлера и Муссолини в Испании привела к уничтожению Испанской республики лишь вследствие открытого пособничества интервентам со стороны Англии и Франции.

Позиция западных империалистов поощряла Гитлера и дала ему возможность развязать вторую мировую войну. Лондонское и парижское правительства саботировали переговоры с СССР о заключении всестороннего договора о взаимной помощи против агрессоров

и в конце концов отказались от его заключения. Более того, в июле и августе 1939 года, то есть в разгар антипольских провокаций Гитлера, лондонское правительство предложило последнему экономический, политический и военный союз против Востока. Главная цель западных империалистов состояла в том, чтобы натравить Германию на Советский Союз.

Аннексия Австрии и Чехословакии лишь на время облегчила тяжелое экономическое положение нацистского государства. Ведущие силы германского империализма опасались краха своей военной экономики и связанных с ним социальных и политических потрясений. Стремясь использовать превосходство своих вооружений, германский империализм хотел как можно скорее развязать войну и добиться установления своей неограниченной власти в Европе как этапа на пути к завоеванию мирового господства. С этой целью искусственно создавались инциденты: так, немцам, переодетым в польскую форму, был дан приказ совершить провокационные нападения, послужившие поводом к агрессии против Польши и тем самым к развязыванию второй мировой войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ВАШИНГТОНА, ЛОНДОНА И ПАРИЖА ПЕРЕД ИСТОРИЕЙ

В ноябре 1918 года германский империализм был побежден и разбит наголову. Но вместо того, чтобы воспользоваться временным бессилием юнкеров и магнатов военной промышленности и создать новую, миролюбивую демократическую Германию, победители поддержали ослабленный германский капитализм. Главная ответственность за это ложится на германскую социал-демократию, которая воспользовалась своим решающим влиянием на германский рабочий класс, чтобы удержать его от борьбы за власть, вступила в сделку с кайзеровским генеральным штабом и промышленными магнатами, потворствуя тем самым вооруженному подавлению прогрессивных сил в Германии и за ее пределами. Однако значительная доля вины ложится также и на западные державы.

На оккупированной ими германской территории их представители при поддержке бывших офицеров, юн-

керов, а также угольных и стальных баронов ликвидировали Советы рабочих и солдатских депутатов или обрекли их на бездействие. Руководящие деятели Антанты хотели сохранить германский капитализм и восстановить германский империализм, который они рассчитывали использовать как оружие против социалистического Советского Союза. Маршал Фош, верховный главнокомандующий силами Антанты в первую мировую войну, не раз высказывался в 1919 году за предоставление Германии права располагать контингентом вооруженных сил численностью 200 тысяч человек и 600 орудий. Саломея подарила Ироду свою благосклонность, когда он приказал отрубить и принести ей голову ненавистного Иоанна Крестителя. Фош сразу же распорядился о выдаче 5 тысяч пулеметов представителю германского правительства Эрцбергеру, когда последний порадовал его вестью об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург, двух великих вождей немецких коммунистов.

В своей интервенции против Советского Союза Антанта использовала те самые германские войска, против которых она в течение четырех лет вела кровопролитные сражения. Английский государственный деятель и лидер консерваторов Черчилль писал:

«Покорение России — это задача, хотя и осуществимая физически, но в моральном отношении слишком ответственная, чтобы ее могли взять на себя одни лишь победители. Осуществить ее можно только с помощью Германии. Германия знает Россию лучше, чем любая другая страна, и в настоящее время ею оккупированы богатейшие и наиболее населенные области России... Разве не естественно, чтобы Германия приняла участие в наведении на Восточном фронте такого же порядка, какой существует на прочих фронтах?» [1]

Мнение Черчилля разделялось всеми империалистами. 18 ноября 1918 года, через неделю после германской капитуляции и объявления перемирия, Фош приказал немцам от имени Антанты оставаться на Украине. Поскольку, однако, там происходило массовое братание немецких солдат с русскими большевиками,

---

[1] Winston S. Churchill, Nach dem Kriege, Zürich — Leipzig — Wien, 1930, S. 22—23.

германский генеральный штаб обратился к союзникам с просьбой о срочной присылке их войск и военных кораблей. Когда в порты Черного моря прибыл французский экспедиционный корпус, «германские войска были включены в состав вооруженных сил союзников под командованием генерала д'Ансельма» [1].

Антанта разрешила также в 1919 году германским войскам оставаться в Латвии и Эстонии и чинить над их населением кровавые расправы. Это пытается оправдать английский историк:

«В Прибалтийских государствах опасность большевистского вторжения была настолько велика, что по условиям перемирия Германии было разрешено продолжать их оккупацию» [2].

После того как германские войска выполнили возложенную на них западными державами задачу, их в конце 1919 года отправили на родину. Мавр сделал свое дело... а раздел России Антанта хотела осуществить одна. Не следует забывать о том, что именно эти германские части, оккупировавшие Прибалтику, дали участников монархического капповского путча 1920 года, а затем пополнили кадры гитлеровских штурмовых отрядов и вермахта.

В последующие годы английская дипломатия считала одной из своих главных задач натравливание Германии на Советский Союз. Тогдашний английский посол в Берлине лорд д'Абернон открыто хвалится в мемуарах своими успехами в этой области, например своими стараниями подорвать значение германо-советского Рапалльского договора с момента его подписания, покуда в конце концов в 1925 году в Локарно между Англией, Францией, Германией и Италией не был заключен четырехсторонний пакт, главной целью которого было окончательно привязать Германию к Западу. На какую позорную роль обрекла эта политика западные державы, показало их потворство захвату Гитлером Австрии и Чехословакии.

В те годы Соединенные Штаты, которые извлекли из первой мировой войны огромные прибыли, не вме-

[1] Capitaine F. J. Deygas, L'Armée d'Orient dans la guerre mondiale.

[2] Harold William Vazeille Temperley, A History of Peace Conference of Paris, v. I, London, 1920, p. 346.

шивались в европейские дела так открыто, как они делают это в наши дни. Однако за кулисами они стали играть зловещую роль сразу же после окончания первой мировой войны, стараясь вызвать враждебность в отношениях между Германией и Советским Союзом и содействуя восстановлению германского империализма.

В начале 1948 года государственный департамент США опубликовал документы, проливающие яркий свет на политику Америки в 1919 году. В числе этих документов имеются предложения Уорика Грина, главы американской комиссии по делам Эстонии, Латвии и Литвы, представленные в 1919 году Парижской мирной конференции. Грин требовал проведения «политики лишения всякой помощи, *в том числе и помощи продовольствием*, тех стран, которые — как, например, Эстония — растрачивают свои силы на внутренние междоусобицы, вместо того чтобы вести наступление против большевизма».

Как видим, когда эти господа оказывались в своем кругу, они сбрасывали маску гуманности, которая требовалась им только для обмана общественного мнения. Они использовали — как используют и сегодня — продукты питания, которые им некуда было девать, не для того, чтобы накормить голодных, а исключительно в качестве политического оружия реакции. Получали продовольствие только те, кто вел борьбу против левых сил. Грин открыто говорил о трех Прибалтийских республиках как о стратегической территории, с которой следовало начать «активные и агрессивные действия с целью разгрома большевизма и восстановления [! — *А. Н.*] России».

О том, что германские войска были оставлены в Прибалтийских странах по желанию союзников, так как «Эстония и Латвия были пропитаны большевистским ядом», свидетельствует также один из официальных докладов, представленный в 1919 году американскому конгрессу. Использование немцев для военного разгрома Советского Союза было уже тогда заветной мечтой империалистов, в особенности американских. Американская политика того времени нашла свое отражение в записи, которую после окончания первой мировой войны сделал в своем дневнике командующий

оккупационной армией в Германии генерал Генри Т. Аллен. С ошеломляющей откровенностью он пишет:

«Чем больше я размышляю о создании Польского государства и о запрещении Германии расширять свою территорию на Восток, тем больше убеждаюсь в том, что... это неправильная политика. Расширение Германии за счет русской территории на длительное время отвлекло бы немцев на Восток и уменьшило бы тем самым напряженность их отношений с Западной Европой» [1].

Это было написано 15 января 1920 года, в годовщину убийства двух бесстрашных поборников германо-советской дружбы Карла Либкнехта и Розы Люксембург. 24 апреля 1922 года Аллен высказался еще яснее:

«Западная Европа должна разрешить расширение Германии на Восток в предвидении, что это приведет к конфликту с русскими, а в результате — к значительному ослаблению германского давления на Запад» [2].

Командующий американскими силами в Германии высказывал отнюдь не только свое собственное мнение. Смертельная враждебность к Советскому Союзу была отличительной чертой официальной внешней политики Соединенных Штатов, которые последние среди великих держав установили дипломатические отношения с Советским Союзом — произошло это только в 1933 году после вступления на пост президента Рузвельта.

Для Германии эта антисоветская американская политика имела тяжелые последствия. Самым влиятельным внутренним врагом Веймарской республики в первые годы ее существования был промышленный магнат Гуго Стиннес, состояние которого (он был владельцем тысячи с лишним крупных предприятий) исчислялось не в миллионах, а в миллиардах золотых марок. Он финансировал реакционные партии и тайные союзы, и на его деньги многие из газет Германии вели борьбу против республики. Что касается внешней политики, то он был ожесточенным противником ми-

---

[1] Henry T. Allen, Mein Rheinland-Tagebuch, Berlin, 1923, S. 51.

[2] Ibid., S. 224.

нистра иностранных дел Вальтера Ратенау (подписавшего в Рапалло дружественный договор с Советским Союзом) и неизменно противодействовал всем его мероприятиям. Финансировавшиеся Стиннесом газеты подстрекали к убийству Ратенау, и эта травля в конце концов принесла свои плоды. Хорошо осведомленный о связях Стиннеса лорд д'Абернон записал 7 сентября 1922 года в своем берлинском дневнике:

«Он [Стиннес. — *А. Н.*] поддерживает тесный контакт со здешним американским посольством, которое ему... всецело доверяет» [1].

За несколько недель до того, как посол сделал эту запись, 24 июня 1922 года, Ратенау пал жертвой убийц и их вдохновителей. 14 ноября 1922 года был свергнут рейхсканцлер Вирт, которому западные державы и тогдашний президент Германии не могли простить того, что он (вместе с Ратенау) подписал Рапалльский договор. Преемник Вирта Куно был, по мнению д'Абернона, «приемлемой фигурой... Он придерживается английской, а еще больше американской ориентации...» [2]

С приходом к власти Куно исполнились мечты англо-американских бизнесменов: генеральный директор пароходства «Гамбург — Америка-Пакетфарт АГ» (ГАПАГ) стал рейхсканцлером правительства реакционной буржуазной коалиции. Вопреки интересам народа это правительство быстро шло по пути инфляции, на необходимости которой настаивал — всячески способствуя ее развитию — Стиннес. Куно, этот явный агент американских империалистов, подготовил в Германии почву для вторжения доллара, которое со всеми его политическими последствиями произошло в том самом году, когда веймарское правительство заключило союз с западными державами в Локарно.

Крупнейшие нью-йоркские банки поддержали своими колоссальными вложениями германскую военную промышленность, в результате чего она была оснащена самым современным оборудованием и расширена, став в дальнейшем экономической базой для грабительской, захватнической политики Гитлера. *Круп-*

---

[1] Viscount d'Abernon, Ein Botschafter der Zeitwende, Bd. 2, Leipzig, S. 129.

[2] Ibid., S. 161.

ные американские банкиры финансировали немецких пушечных королей, которые в свою очередь финансировали Гитлера.

Возьмем в качестве примера только один из этих частных американских банков, финансировавших германскую промышленность, — банк «Диллон, Рид энд компани». 10 января 1925 года он предоставил фирме «Август Тиссен — Хютте» заем в 12 миллионов долларов, а год спустя, 26 января 1926 года, заем в 25 миллионов долларов фирме «Рейн — Эльбе-унион». Через полгода фирма «Тиссен — Хютте» получила еще 5 миллионов долларов. В том же 1926 году ряд крупнейших металлургических и горнорудных фирм Западной Германии, в том числе обе вышеназванные, объединились в возглавляемый Тиссеном гигантский трест под названием «Ферайнигте штальверке АГ». Этот трест получил 26 июня 1926 года от банка «Диллон, Рид энд компани» 30 миллионов долларов, а в июле 1927 года еще 30 миллионов долларов. Год спустя «Диллон, Рид энд компани» вложил 15 миллионов долларов в фирму «Гельзенкирхенер бергверкс АГ», главную базу Стального треста, а также 16 миллионов долларов в акционерные компании «Рурхеми АГ» и «Рур-газ АГ», находившиеся в совместном владении крупнейших германских пушечных фабрикантов. Одновременно «Диллон, Рид энд компани» помог восстановлению и других важнейших групп германского финансового капитала. Так, концерн Сименса получил между 1925 и 1930 годами от банка «Диллон, Рид энд компани» не менее 24 миллионов долларов, а «Дейче банк» — 25 миллионов долларов (в сентябре 1927 года).

Именно эти названные нами (а также многие другие) фирмы, получавшие американские займы, в период между 1914 и 1918 годами извлекали огромные барыши из первой мировой войны, и они же самым беззастенчивым образом разжигали агрессивные и захватнические устремления германского правительства. После войны Америка стала заботливо подкармливать их, чтобы использовать их в борьбе против миролюбивых сил всего мира.

Об исключительно тесных связях промышленных магнатов гитлеровского рейха с банком «Диллон, Рид энд компани» свидетельствует тот факт, что в начале

второй мировой войны германские «короли ядовитых газов» из концерна «ИГ Фарбениндустри» попросили президента этого банка Джеймса Форрестола занять пост руководителя «Дженерал анилайн энд филм корпорейшн», крупнейшего филиала «ИГ Фарбениндустри» в США, чтобы тем самым придать этому филиалу видимость нейтральной фирмы. Под руководством Джеймса Форрестола фирма «Дженерал анилайн» в течение первых двух лет войны снабжала германских фашистов через Южную Америку важнейшими военными материалами.

Наивные, не разбирающиеся в политике люди могут предположить, что после войны к руководителям фирмы с подобным прошлым стали относиться с подозрением и что уж, во всяком случае, их никоим образом не допускают к политической деятельности. Между тем на деле все обстоит как раз наоборот. Президент банка «Диллон, Рид энд компани» Джеймс Форрестол был с 1947 по 1949 год министром обороны США, а вице-президент этого банка генерал Уильям Дрейпер руководил экономической политикой США в оккупированной Германии; с 1947 по 1949 год он занимал пост заместителя министра обороны. В начале 1952 года Дрейпер не только представлял Соединенные Штаты в совете НАТО, но и был их главным уполномоченным для Европы в Управлении взаимной безопасности, которое стало преемником организации по осуществлению плана Маршалла. В правительстве Трумэна Форрестол и Дрейпер с особенной энергией настаивали на необходимости возрождения прежних общественных отношений в Германии, чтобы поскорее восстановить ее военный потенциал и противопоставить Советскому Союзу. Нарушение Потсдамского соглашения стало девизом Форрестола и Дрейпера, представлявших интересы тех самых германских концернов, в которые были вложены их собственные деньги и которые стали проклятием для Германии и для всего мира.

На один из самых ответственных постов в своем министерстве Форрестол пригласил Говарда Петерсона, который в период между двумя мировыми войнами вел в качестве адвоката важнейшие процессы «ИГ Фарбениндустри» в США. То, что именно Петерсон, адвокат немецкого «треста красок», подбирал судей,

которым предстояло рассматривать на Нюрнбергском процессе дела виновных в военных преступлениях директоров этого самого треста, является, конечно, чистой «случайностью», как «случайным» является и то, что эти преступники, виновные в гибели миллионов людей, практически избежали наказания, а огромное здание центрального правления «ИГ Фарбениндустри» во Франкфурте-на-Майне не получило во время опустошительных американских бомбардировок ни единого попадания! Настоящий американский империалист с легким сердцем разрушит дом, в котором родился Гёте, но не здание правления «ИГ Фарбениндустри». Тот, кто преклоняется перед чистоганом, не может уважать культуру.

Однако мы забежали вперед. Соединенные Штаты еще и другим путем способствовали подготовке германского империализма ко второй мировой войне. Как было установлено американской сенатской комиссией под председательством известного политического деятеля Х. Килгора, американские инвестиции в германские предприятия, не считая займов, достигли перед началом второй мировой войны внушительной суммы — миллиарда долларов. Непреложные факты свидетельствуют, что, после того как Гитлер пришел к власти и прозвучали его истерические угрозы войны по адресу Советского Союза, влиятельнейшие из американских трестов, крупнейшие из миллиардеров США стали все более укреплять свои связи с гитлеровской Германией. Назовем лишь некоторые из этих трестов: рокфеллеровская «Стандард ойл», «Дженерал моторс», «Дженерал электрик», «Дюпон», «Интернэшнл никел компани», «Итернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн».

Каждая из этих шести фирм является в своей отрасли промышленности (нефть, автомобилестроение, электротехника, химия и взрывчатые вещества, никель, телефонная аппаратура) самым могущественным трестом капиталистического мира. Каждая из них приобрела либо значительную долю, либо даже пакет акций родственных ей германских концернов или заключила с ними тесные соглашения об обмене патентами, разделе мировых рынков, устранении конкурентов и т. д. Так, «Дженерал моторс» стала владельцем круп-

нейших заводов фирмы «Опель» в Рюссельсгейме близ Франкфурта-на-Майне. Телефонной компании принадлежали две пятых германской телефонной промышленности, а в руках «Дженерал электрик» находилось до 30 процентов акций АЭГ. Что касается «Стандард ойл» и мощного химического концерна «Дюпон», то эти фирмы даже после начала второй мировой войны на основании многочисленных соглашений в течение длительного времени сохраняли связи с трестом «ИГ Фарбениндустри» и даже поставляли ему важнейшие военные материалы, в которых в то же время отказывали Англии. В 1942 году некий американский сенатор обвинил этот крупнейший американский трест в государственной измене, сделав следующее заявление: «Даже после нашего вступления в войну «Стандард ойл» прилагала все усилия к тому, чтобы и впредь поставлять Германии жизненно важные военные материалы». Это тяжелое обвинение было предъявлено 27 марта 1942 года сенатором, а позднее — президентом Трумэном, ставшим впоследствии послушным исполнителем воли «Стандард ойл».

Наиболее яркие свидетельства американо-германского сотрудничества в деле подготовки войны дают документы концерна «ИГ Фарбен». На Нюрнбергском процессе при рассмотрении дела директоров «ИГ Фарбен» было документально доказано, что «Интернэшнл никел траст», владеющий 85 процентами всего производства никеля в капиталистических странах, снабжал гитлеровскую Германию никелем, руководствуясь военно-политическими соображениями. 29 сентября 1947 года на процессе было зачитано показание одного из обвиняемых, директора Пауля Гефлигера, который утверждал, что в 1934 году, то есть через год после прихода Гитлера к власти, между «ИГ Фарбен» и никелевым трестом было заключено соглашение, позволившее «ИГ Фарбен» удовлетворять половину, причем бòльшую, потребности Германии в никеле, экономя при этом 50 процентов валюты. Кроме того, «ИГ Фарбен» удалось побудить американский никелевый трест создать в Германии за свой счет значительные запасы никеля, находившиеся в распоряжении «ИГ Фарбен».

Тот, кому придет в голову объяснять действия руководителей никелевого треста их политической не-

осведомленностью, может получить на этот счет разъяснения от самого директора Гефлигера. После начала второй мировой войны 19 октября 1939 года он составил памятную записку, которая фигурировала на Нюрнбергском процессе при рассмотрении дела военных преступников из «ИГ Фарбен» как документ № NJ/9363. В этой записке Гефлигер писал дословно следующее:

«Никелевый трест вынужден скрывать от общественности свою подлинную позицию. Типичны в этом отношении его действия весной этого года, когда в Оттаве (Канада) и в английском парламенте были сделаны запросы с целью по меньшей мере ограничить вывоз военных материалов в Германию. Трест сумел даже в этот критический момент путем распространения за кулисами ложных данных помешать осуществлению этой меры, так что дело закончилось ничем».

Что же произошло в действительности? Аннексия Гитлером Австрии и Судетской области, а особенно грубый захват всей Чехословакии вызвали сильнейшее возмущение народов англосаксонских стран, которое вылилось в требование применить против агрессора экономические и политические санкции. Вместо того чтобы удовлетворить это законное требование, никелевый трест предпочел обмануть общественность и продолжал поставки никеля гитлеровской Германии из своих рудников в Петсамо, находящемся на далеком, тогда финском, севере Европы. Гефлигер, хвала которого в адрес никелевого треста говорит о многом, продолжает далее в своей записке:

«Позиция треста вплоть до последних дней перед началом войны была исключительно лояльной. Например, его правление не предприняло никаких шагов, чтобы обезопасить себя от огромного риска, сопряженного с хранением в Германии сырья, стоимость которого составляла несколько миллионов марок».

Приведенные здесь факты не нуждаются в комментариях. Трест, правление которого находится в Канаде, который имеет филиалы во всем мире и является совместным владением крупных английских и американских капиталистов, сознательно и намеренно способствовал германской агрессии. Чтобы устранить последние сомнения, предоставим еще раз слово директору

«ИГ Фарбен». Опьяненный первыми победами вермахта во второй мировой войне, Гефлигер предлагал в своей записке побудить финское правительство отдавать Германии бо́льшую часть продукции Петсамо. Что скажет на это никелевый трест, имевший с 1934 года концессию на эти месторождения? Это нисколько не беспокоило директора треста «ИГ Фарбен»:

«Зная руководящих деятелей никелевого треста, — пишет он дальше, — и их принципиальную позицию, о которой говорилось выше, я вполне уверен, что трест будет приветствовать подобную меру; ведь и он со своей стороны усматривает в *снабжении Германии желательную гарантию против возможных посягательств русских*... По-видимому, трест стремится избегать всего, что по окончании войны могло бы помешать дальнейшему сотрудничеству с нами».

Остается только задать вопрос, кто были эти «руководящие деятели», о «принципиальной позиции» которых Гефлигер был так хорошо осведомлен? Влиятельнейшим из них был, во всяком случае, Джон Ф. Даллес, директор и юрисконсульт никелевого треста и его главный консультант по всем делам за пределами Американского континента.

Это был тот самый Даллес, который еще в 1919 году, будучи членом американской делегации на Парижской мирной конференции, разрабатывал планы блокады Советской России и был казначеем-секретарем «Русского отделения Военно-торгового совета» — организации, созданной американскими капиталистами с целью установления контроля над всей экономикой Советской России;

тот самый Даллес, который, будучи самым богатым адвокатом международного монополистического капитала, представлял интересы американских филиалов треста «ИГ Фарбениндустри»;

тот самый Даллес, который в 1939 году в качестве адвоката фашистского палача Франко добивался через американские судебные органы выдачи Франко денег, принадлежавших испанским республиканцам;

тот самый Даллес, который в качестве адвоката представлял интересы германо-англо-американского банка Шредера (одним из директоров которого был его

брат Аллен), банка, финансировавшего перед второй мировой войной нацистскую пропагандистскую организацию в Англии «Англо-джермен феллоушип» («Англо-германское содружество»);

тот самый Даллес, который в 1940 году лично пожертвовал значительные денежные суммы откровенно фашистской, антисемитской и прогитлеровской организации «Америка прежде всего» и добился выдачи ей лицензии;

тот самый Даллес, который в 1940 году оказывал услуги в качестве посредника и поручителя Вестрику, руководителю предприятий американского телефонного треста в Германии и агенту Риббентропа, прибывшему в Америку по заданию последнего;

тот самый Даллес, брат которого Аллен, занимавший один из ответственных постов в государственном департаменте, еще в 1925 году предлагал не препятствовать перевооружению Германии [1], а в начале 1943 года, будучи в период второй мировой войны начальником американской службы шпионажа в Европе, предлагал во время секретных переговоров с князем Гогенлоэ в Швейцарии заключить сепаратный мир с Германией на основе признания ее аннексий в Юго-Восточной и Восточной Европе [2];

тот самый Джон Фостер Даллес, который в качестве официального советника государственных секретарей Бирнса, Маршалла и Ачесона участвовал в разработке антисоветской политики «холодной войны»;

тот самый Джон Фостер Даллес, который, став государственным секретарем Соединенных Штатов, про-

---

[1] Richard Sasuly, IG Farben, Berlin, 1952, S. 101 (Р. Сэсюли, ИГ Фарбениндустри, ИЛ, М., 1948, стр. 105).

[2] Излагается по документу гитлеровской Службы безопасности, который был захвачен Советской Армией и выдержки из которого помещены в справке «Фальсификаторы истории» («Geschichtsfälscher», Dietz Verlag, Berlin, 1952, S. 65). Текст этого документа был опубликован в советском журнале «Новое время» № 27 в июле 1960 года и напечатан в газете: «Neues Deutschland», № 184 от 6 июля 1960 года. Речь, кстати сказать, идет о том самом князе Гогенлоэ, который в 1938 году в качестве доверенного лица Гитлера при лорде Ренсимене, эмиссаре Чемберлена в Чехословакии, играл неблаговидную роль при подготовке Мюнхенского соглашения. Гогенлоэ владел в то время в Чехословакии обширными поместьями и лесами.

водил агрессивную профашистскую политику, и раньше неизменно пользовавшуюся его поддержкой; одновременно его брат Аллен стал руководителем всего аппарата шпионажа и политических убийств Центрального разведывательного управления США.

Деятельность «Диллон, Рид энд компани» и никелевого треста является весьма характерным выражением политики правящих кругов Америки. Директора этих фирм *до* второй мировой войны поддерживали германский империализм и вложили ему в руки оружие для войны против Советского Союза, а *после* второй мировой войны они помогли заправилам западногерманской промышленности и фабрикантам оружия вновь обрести власть и стать могущественнее и агрессивнее, чем когда-либо прежде. О том, как президент телефонного треста Состенес Бен лично договаривался с Гитлером о сотрудничестве и содействии в деле вооружения третьего рейха, как в 1937 году руководители фирмы «Дженерал моторс» и треста «Дюпон» заключили с дипломатическими представителями Гитлера соглашение об общем фронте против Советского Союза, как фирма «Стандард ойл» помогла укреплению боеспособности нацистской Германии, как руководители фирмы «Дженерал моторс» пытались склонить президента Рузвельта к признанию аннексий Гитлера, что позволило бы нацистской Германии стать в 1940 году хозяином в Европе, — обо всем этом уже говорилось в немецкой политической литературе [1].

Итак, целый ряд исторических событий свидетельствует о том, что политика США, Англии и Франции в период между первой и второй мировыми войнами была направлена на политическое и экономическое укрепление реакционных сил Германии, чтобы затем руками Германии задушить Советский Союз — оплот социализма. С 1919 по 1939 год эта политика неизменно сводилась к подталкиванию Германии на путь войны против Востока. Только в свете этих фактов можно понять, почему Гитлер достиг столь значительных успехов в начале войны.

---

[1] Albert Norden, Lehren deutscher Geschichte, Dietz Verlag, Berlin, 1949, S. 169 ff. (Альберт Норден, Уроки германской истории, ИЛ., М., 1948, стр. 174—201.)

ПАЛАЧИ ИСПАНСКОГО НАРОДА И ИХ ПОСОБНИКИ

«Таким путем мы установим еще больший контакт с этим весьма любезным и лояльным комиссаром», — говорилось в письме, отправленном 14 декабря 1933 года фирмой «Унион кимика и льюч», испанским филиалом «ИГ Фарбен», в адрес центрального правления этого треста во Франкфурте-на-Майне. Речь шла о решении треста «ИГ Фарбен» регулярно выплачивать совместно с «Дейче юберзеише банк» (филиалом «Дейче банк») и с дармштадтским химическим концерном «Мерк» жалованье главному представителю нацистской партии в Испании и Португалии некоему Ф. В. Бурбаху. Когда позднее этот Бурбах был переведен в иностранный отдел правления национал-социалистской партии в Берлине, трест «Сименс» рекомендовал на его место одного из своих ответственных сотрудников — Вальтера Цухристиана. Тот же трест «Сименс» предоставил отпуск директору своего мадридского филиала Карлу Кордсу для организации так называемой «портовой службы», в действительности же для подбора агентуры гестапо в Испании. Пока Кордс выполнял это задание, он продолжал регулярно получать свое жалованье от треста «Сименс».

Такую тесную связь крупнейшие германские промышленно-финансовые группы поддерживали в Испании не только с нацистами, но и с испанскими реакционными кругами. Цели германских миллионеров и Гитлера совпадали. Они были заинтересованы в том, чтобы в случае планируемой войны иметь у южных границ Франции союзную фашистскую державу, создать к этому времени для Германии прочную базу (крайне важную в стратегическом отношении) в испанском Марокко, у Гибралтарского пролива, и завладеть богатыми испанскими и марокканскими рудными месторождениями.

Когда в июле 1936 года в Мадриде и Барселоне был подавлен фашистский мятеж, при обысках в квартирах немецких и испанских фашистов были найдены весьма интересные документы. Из этих документов, в частности, выяснилось, что франкфуртское акционерное общество «Металь АГ» с 1934 года вело переговоры

с тогдашним политическим лидером испанских реакционеров Хилем Роблесом об испанских рудных месторождениях. Так, например, был обнаружен документ, подписанный Хилем Роблесом, в котором он изъявлял готовность «предоставить германским промышленникам, которые этого пожелают, концессии на горные разработки». В 1935 году общество «Металь АГ» приняло это великодушное предложение и решило создать совместно с итальянскими концернами управление для эксплуатации испанских рудников, чтобы сделать Германию «полностью независимой от Англии, Франции и Швеции», как говорилось в другом документе. Мы еще вернемся к обществу «Металь АГ», капитал которого составляет 42 миллиона марок и акционерами которого являются крупнейшие германские банки и промышленные концерны, в первую очередь трест «ИГ Фарбениндустри».

Заглянув в издававшийся обществом горнозаводчиков «Ежегодник для Рурского угольного бассейна» за первые годы гитлеровского режима, можно найти весьма поучительные сведения. Так, под заголовком «Акционерное общество Ферайнигте штальверке» мы читаем:

«Общество [то есть Стальной трест. — *А. Н.*] владеет алюминиевыми и кварцитовыми рудниками в Испании, Швеции и Бразилии. Кроме того, оно является основным владельцем большого числа других предприятий подобного рода».

В разделе «Акционерное общество Фридрих Крупп» можно прочесть:

«Акционерное общество «Крупп» является пайщиком различных отечественных и иностранных горных предприятий. Чтобы увеличить сбыт в Испании железнодорожных и судостроительных материалов, фирма Круппа установила... через компанию «Германияверфт» тесные связи с группой испанских фирм, объединившихся в Мадриде в общество под названием «Унион наваль де Леванте».

Руководителем этого испанского объединения фирм был не кто иной, как пресловутый авантюрист и миллиардер Хуан Марч, один из крупнейших в истории контрабандистов, издавна финансировавший испанских реакционеров. В Испании в течение длительного

времени шла ожесточенная борьба между силами прогресса и силами реакции. В результате победы Народного фронта на парламентских выборах 16 февраля 1936 года в этой борьбе наступил решающий перелом. Марч и генерал Санхурхо явились в Берлин, где совместно с гитлеровским правительством разработали до мельчайших подробностей план мятежа и в обмен на обещание передать испанские и марокканские горные промыслы в монопольное владение трестам нацистской Германии получили значительную помощь оружием и войсками от вермахта.

Мятеж был поднят в назначенный срок — 18 июля 1936 года. Однако в важнейших промышленных центрах народ быстро разгромил фашистов. Санхурхо погиб в самом начале мятежа. Победа испанского народа была обеспечена. Тогда вмешалась гитлеровская Германия. Единственное крупное боеспособное соединение, еще сохранившееся у испанской фашиствующей военщины, находилось в испанском Марокко. Испанцев в нем было очень немного; подавляющее большинство составляли рифские кабилы и иностранные легионеры. Перебросить это соединение в Испанию не удавалось, так как испанский торговый и военно-морской флот почти полностью сохранил верность законному республиканскому правительству. Ввиду сложившегося положения прусский премьер-министр генерал-фельдмаршал Геринг и начальник контрразведки вермахта адмирал Канарис решили в начале августа 1936 года немедленно предоставить Франко транспортные и боевые самолеты для переброски войск в Испанию [1].

«Это немецкие летчики в течение нескольких дней перебросили в Херес на самолетах «юнкерс-52» 15 тысяч иностранных легионеров и марокканцев с оружием» [2].

---

[1] Показания генерал-лейтенанта Бамлера, находившегося в непосредственном подчинении Канариса. Показания опубликованы в журнале «Новое время», М., № 13, 1 июля 1946 года, приложение.

[2] Статья генерала, впоследствии генерал-фельдмаршала, Шперле в специальном выпуске журнала «Die Wehrmacht», озаглавленная «Мы сражались в Испании» (S p e r r l e, Wir kämpften in Spanien, Sonderheft des Organs des Oberkommandos der Wehrmacht «Die Wehrmacht», 1939).

Таким образом, Франко, командовавший этой марокканской армией, попал в Испанию только при содействии гитлеровской авиации. Мятеж, уже было разгромленный в Испании, сразу же принял вследствие этого характер интервенционистской войны, так как костяк вооруженных сил реакции составляли иностранные солдаты, доставленные в Испанию на иностранных самолетах. А затем в южные порты Испании, которые удалось захватить Франко, стали еженедельно прибывать эскадрильи германских бомбардировщиков, танковые части вермахта, немецкая артиллерия, а также авиация и пехотные корпуса, посланные Муссолини. Только из гитлеровской Германии «в начале ноября 1936 года в Кадис прибыли 6500 добровольцев... Эти добровольцы, сведенные в так называемый легион «Кондор», были доставлены в Севилью, где для них стояли наготове самолеты, зенитные батареи, средства связи, оружие и автомашины. В короткий срок были сформированы:

один бомбардировочный полк в составе трех эскадрилий «юнкерс-52»;

один истребительный полк в составе трех эскадрилий «хейнкель-51»;

одна разведывательная эскадрилья в составе двенадцати самолетов «хейнкель-70»;

четыре 88-миллиметровые зенитные батареи;

две легкие зенитные батареи;

один батальон связи в составе рот: радиосвязи, телефонной, ВНОС и аэродромного обслуживания;

одна полевая авиамастерская с двойным комплектом оборудования;

один штаб управления.

К этим силам были присоединены уже действовавшие в Испании в течение нескольких месяцев части: эскадрилья бомбардировщиков «юнкерс-52», эскадрилья истребителей «хейнкель-51», эскадрилья гидросамолетов «хейнкель-59» и «хейнкель-60» и 88-миллиметровая зенитная батарея» [1].

Насколько заблаговременно была подготовлена эта интервенция германскими и итальянскими фашистами, показывает следующее признание Шперле: «Уже в июле германские и итальянские истребители добились

[1] Ibidem.

господства в воздухе в районе Мадрида, Сарагосы, Витории и Леона» [1]. Как известно, мятеж начался 18 июля 1936 года, следовательно, переброска в Испанию авиации обоих фашистских государств началась одновременно с этим.

Однако в интервенции участвовали не только воздушные силы. Полковник генерального штаба гитлеровского вермахта барон Функ пишет:

«Решение об участии сухопутных сил в испанской войне было принято в сентябре 1936 года, и немедленно вслед за этим в Испанию был отправлен оперативный штаб и командир вскоре после этого прибывшего танкового батальона в составе штаба, двух танковых и одной транспортной роты... Почти одновременно с этим была сформирована часть связи... Весной 1937 года испанское командование попросило о значительном расширении подготовки в Германии молодых кадров испанских офицеров. В соответствии с этим была создана широкоразветвленная организация по подготовке кадров... Даже командование испанского военно-морского флота ходатайствовало об организации обучения своих гардемаринов и унтер-офицеров участию в наземных операциях, и просьба его была удовлетворена. Возглавлял эту подготовку немецкий полковник... Германские солдаты участвовали в атаках в собственных танках» [2].

Численность войск, посланных в Испанию фашистской Италией и находившихся под командой итальянских генералов Роатта, Бастико, Берти и Гамбара, определялась в то время в 50 тысяч человек. В действительности число их было, по-видимому, значительно большим. По официальным данным, итальянские интервенты потеряли убитыми 3020 и ранеными свыше 11 тысяч человек [3].

Если внимательно прочитать сообщения германского командования о ходе боевых действий в Испании, легко установить, что стратегическое руководство этой интервенционистской войной осуществлялось не генералом Франко, а германскими генералами. Неодно-

[1] Ibidem.
[2] Статья полковника барона Функа, ibidem.
[3] Статья капитана германского генерального штаба Мейера, ibidem.

кратно, как, например, в сражении под Брунете, а также во время победоносного наступления республиканцев под Мадридом в 1937 году, от полного разгрома Франко спасало только введение в бой тяжелых видов германского оружия, главным образом авиации.

Германские империалисты организовали вторжение в Испанию ради того, чтобы завладеть испанскими горнорудными богатствами и сохранить свои капиталовложения, а также чтобы вытеснить другие империалистические державы из Испании и из Марокко, которое тогда еще было колонией. 27 июня 1937 года в Вюрцбурге Гитлер заявил с грубой откровенностью, не прибегая ни к каким демагогическим прикрасам: «Нам нужно национальное правительство в Испании, чтобы сохранить за собой испанскую руду» [1]. Таким образом, интервенция была предпринята для того, чтобы германские тресты, производящие вооружение, могли распоряжаться испанскими сырьевыми ресурсами.

Однако, кроме этих, были и другие мотивы, в основном военно-стратегические. Агрессия приводила к окружению Франции, а кроме того, давала возможность опробовать гитлеровскую военную машину. Герника была разрушена до основания, сотни тысяч испанцев убиты ради того, чтобы вермахт в «малой войне» получил боевую выучку для большой мировой войны. «Два года войны принесли больше пользы, чем десять лет обучения в мирных условиях», — цинично заявил летом 1938 года нацистский генерал-фельдмаршал фон Райхенау [2]. Действительно, для вермахта третьего рейха его агрессивная война против испанского народа явилась как бы университетским курсом, подготовившим его к экзамену — второй мировой войне.

Решающая роль обоих фашистских диктаторов Европы в авантюре Франко с самого начала не была секретом. Уже в конце июля 1936 года вся мировая пресса, и не в последнюю очередь буржуазные французские, английские и американские газеты, была

---

[1] Речь Гитлера в Вюрцбурге 27 июня 1937 года, цитирована в работе: A. G. London, Prolog für ein neues Spanien, Berlin, 1966, S. 149.

[2] Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung (Basel), Jg. 1938, № 36.

переполнена сообщениями о прибытии гитлеровских самолетов, боеприпасов и войск в Испанию. 5 декабря 1936 года в беседе с посетившим министерство иностранных дел американским послом в Берлине Доддом, министериаль-директор д-р Дикгоф подтвердил, что 5 тысяч немецких солдат действительно высадились в Кадисе [1].

Как же относились к этой интервенции правительства Англии и Франции, которые больше, чем все прочие державы, должны были опасаться победы Франко, то есть Гитлера и Муссолини? Если в свое время Бисмарк хотел, как он однажды выразился, посадить французам «на затылок шпанскую мушку», то Гитлер только продолжил его политику, заменив, правда, «муху» целым роем самолетов. Что, казалось бы, могло быть более естественным, чем оказание Францией помощи законному испанскому правительству? По всей Франции прокатилась мощная волна народного движения в защиту Испании. Главой французского правительства Народного фронта был в то время лидер социалистической партии Леон Блюм. Однако 25 июля 1936 года он наложил запрет на вывоз оружия в Испанию и не только приветствовал предложенную правительством Англии политику «нейтралитета», но и высказался за общеевропейское соглашение по этому вопросу.

Советское правительство, которое в интересах сохранения всеобщего мира и прекращения германо-итальянской интервенции 23 августа 1936 года заявило о своем присоединении к соглашению о невмешательстве, высказало при этом мнение, что это соглашение должно вступить в силу лишь после того, как Германия, Италия и Португалия также присоединятся к нему. Участие Советского Союза в Комитете по невмешательству, с одной стороны, давало ему возможность предупреждать мировую общественность об опасности фашизма, а с другой — он мог использовать свое право вето, чтобы помешать любым международным акциям, направленным на дальнейшее ухудшение положения Испанской республики.

---

[1] «Diplomat auf heißem Boden», Tagebuch des USA-Botschafters William E. Dodd in Berlin 1933—1938, Berlin, 1961, S. 412, 413, 414 u. 380.

Заседания Комитета по невмешательству, в который входили представители всех европейских великих держав и который начал свою деятельность 9 сентября 1936 года, являли собой картину позорного предательства интересов испанского народа со стороны так называемых буржуазных демократий в пользу германского, итальянского и испанского фашизма. Предложение советского представителя об установлении контроля над португальскими портами вообще не было поставлено на обсуждение председателем комитета лордом Плимутом. Поэтому в тот же день Советское правительство сделало заявление, сорвав тем самым покров тайны, которым капиталистические державы окутали «невмешательство» и маскировали грубые нарушения соглашения, совершаемые Португалией.

«Советское правительство опасается, — говорится в этом документе, — что подобное положение фактически сводит на нет соглашение о невмешательстве. Советское правительство никогда и ни при каких обстоятельствах не примирится с превращением соглашения о невмешательстве в дымовую завесу, маскирующую военную помощь, оказываемую некоторыми участниками соглашения мятежникам во вред законному испанскому правительству. В связи с этим Советское правительство вынуждено заявить, что оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения, если нарушения соглашения о невмешательстве не будут незамедлительно пресечены» [1].

23 октября Советский Союз вновь представил письменное заявление, в котором указывал на то, что вследствие нарушения соглашения «рядом подписавших его государств», в том числе и Португалией, «создалось привилегированное положение для мятежников»... тогда как «законное правительство Испании оказалось на деле под бойкотом, отнимающим у него возможность закупать оружие вне Испании для защиты испанского народа» [2].

При рассмотрении этого заявления 28 октября 1936 года Комитет по невмешательству принял всеми голосами против голоса советского представителя резолюцию, отвергавшую эти обвинения, выдвинутые

[1] «История дипломатии», т. III, М., 1947, стр. 663.
[2] «Известия», 24 октября 1936 года.

против фашистских правительств, как необоснованные. Ввиду сложившегося положения Советское правительство заявило, что оно «вправе морально не считать себя более связанным соглашением в большей мере, чем правительства, снабжающие мятежников вопреки соглашению»[1], и что, таким образом, справедливость и политическое благоразумие требуют, чтобы Испанской республике была оказана поддержка оружием.

Все последующие годы Комитет по невмешательству продолжал играть роль фигового листка, прикрывавшего фашистскую интервенцию. Объяснялось это тем, что во Франции и Англии главенствовали силы, которые во имя классовых интересов готовы были рисковать безопасностью своих стран. Их больше устраивала агрессивная диктатура феодалов и крупных капиталистов в Испании, чем миролюбивое правительство Народного фронта из либералов, социал-демократов и коммунистов, которое они ненавидели — и которого боялись — из-за проведенных им социальных реформ. По этой причине они помогали Гитлеру и Муссолини попирать все международные обязательства. А лидер французских социалистов Леон Блюм превратился в послушное орудие этой политики. Генерал Вейган, бывший заместитель председателя Высшего совета обороны Франции, настолько откровенно выразил свою солидарность с Франко в предисловии к одной книге, что Геббельс с удовольствием разрешил издание этой книги на немецком языке. Приводим выдержку из этого предисловия:

«Наше особенное сочувствие вызывает то обстоятельство, что тут с самого начала противостоят друг другу законное правительство и горстка людей, исполненных решимости освободить свое отечество от невыносимого гнета... Во главе их [фашистских мятежников. — *А. Н.*] стоит человек, вождь, руководимый горячей любовью к отечеству... Его действия в области политики отличаются прямолинейностью и мужеством...»[2]

---

[1] «Известия», 30 октября 1936 года.

[2] General D u v a l, Entwicklung und Lehren des Krieges in Spanien, mit einem Vorwort von General Weygand, Berlin 1938, S. 9, 10.

Вейган, который еще в 1920 году руководил действиями польских интервентов во время их похода против молодой Советской республики, а в 1939—1940 годах формировал на Ближнем Востоке армию для нападения на Советский Союз (в те самые дни, когда Гитлер готовился разгромить Францию), выразил в этом панегирике Франко не только свое личное мнение, но и общепринятое мнение всей крупной буржуазии Франции. А премьер-министр Леон Блюм, хотя на словах он и высказывал иные чувства, на деле, приняв постыдное решение запретить вывоз оружия, проводил ту же самую вейгановскую политику поощрения и поддержки фашистской интервенции. Ведь каким иным путем, как не через протяженную франко-испанскую границу, можно было скорее и проще всего оказать помощь законному испанскому правительству, избранному подавляющим большинством испанского народа!

Лондонское сити и английское правительство благоприятствовали мятежнику Франко и его иноземным покровителям не меньше, чем крупные банкиры и промышленники Франции. 11 января 1937 года американский посол в Берлине Додд виделся со своим коллегой, английским послом сэром Эриком Фиппсом.

«Сэр Эрик Фиппс был сдержан, как всегда, однако выказал большие симпатии к фашистской банде в Испании, чем я за ним замечал это до сих пор. У меня сейчас даже сложилось убеждение, что он сам фашист, каковыми я считаю также Болдуина и Идена» [в то время первый был премьер-министром, а второй — министром иностранных дел Англии. — *А. Н.*] [1].

Позднее Фиппса сменил Гендерсон. О нем Додд пишет в своем дневнике 2 июня 1937 года:

«Новый английский посол в Берлине, по-видимому, полностью одобряет итало-германскую агрессию в Испании. Имя его Гендерсон. До того, как он прибыл сюда, он много лет провел в Аргентине. Он уже дал понять, что симпатии его целиком на стороне Франко.

---

[1] «Diplomat auf heißem Boden», S. 424—425. Летом 1937 года Иден сказал французскому министру иностранных дел Дельбосу, «что он предпочел бы видеть победителем Франко» (цитируется по опубликованным в 1954 году правительством США официальным документам «Diplomatic Papers 1937»).

Очевидно, он не понимает, что эта агрессия чревата опасностью для Англии. По слухам, он сообщил также германскому правительству, что Англия не будет возражать против вторжения Гитлера в Австрию и Чехословакию» [1].

Само собой разумеется, что в беседах такого рода английские послы не посмели бы высказывать свои личные соображения; они являлись рупором официальной английской политики, немаловажное влияние на которую оказывали крупные капиталисты, имевшие огромные инвестиции в Испании. Эти господа имели основания беспокоиться за судьбу своих капиталов в случае победы республиканцев, так как правительство Народного фронта намеревалось национализировать природные богатства страны. Весьма типичной в этом отношении является позиция английской компании «Рио Тинто», владевшей в Южной Испании величайшими в Европе месторождениями серного колчедана (этот минерал имеет исключительно важное значение для военной промышленности). Когда войска Франко завладели Южной Испанией и расстреляли руководителей рабочих организаций на рудниках «Рио Тинто», председатель наблюдательного совета этой фирмы сэр Оклэнд Гедис выразил на собрании акционеров свое удовлетворение по этому поводу. Гедис был тестем принца Гессенского, атташе германского посольства в Лондоне, брат которого, принц Филипп Гессенский, был представителем Гитлера при Муссолини. Сэр Окленд Гедис, сделавший в прошлом дипломатическую карьеру в Англии, имел не только семейные, но и тесные деловые связи с «третьим рейхом»: компания «Рио Тинто» и франкфуртская фирма «Металь АГ» образовали совместно «Европейское общество по добыче серного колчедана». Влиятельные политики и коммерсанты, связанные с «Рио Тинто», были членами наблюдательного совета «Металь АГ», и, наоборот, представители «Металь АГ» заседали в наблюдательном совете «Рио Тинто» [2].

---

[1] Diplomat auf heißem Boden, S. 463.

[2] Компания «Рио Тинто» сейчас носит название «Рио Тинто зинк корпорейшн»; через тридцать лет после описываемых событий она по-прежнему поддерживает традиционные связи с фирмой «Металь АГ».

Речь идет о той самой франкфуртской «Металь АГ», о тайных связях которой с испанской реакцией говорилось в начале этой главы. Среди членов наблюдательного совета «Металь АГ» тех лет значится имя д-ра Варлимонта. Брат его был не кем иным, как первым командиром легиона «Кондор», затем военным советником Франко, а впоследствии занимал пост заместителя начальника штаба оперативного руководства гитлеровского вермахта.

Сотрудничество между германским и английским финансовом капиталом в Испании этим не ограничивалось. Такого рода связи существовали и между крупными электротехническими фирмами, а особенно тесными они были между Круппом и самым мощным английским трестом по производству вооружений «Виккерс энд Армстронг». Эти две фирмы совместно владели сталелитейными и металлургическими заводами в Мьересе в Астурии [1]. В Бильбао, главном городе страны басков, Крупп совместно с одним из влиятельных представителей английского финансового капитала контролировал фирму «Орконера айрон компани». Речь идет о полковнике и депутате палаты общин от консервативной партии Генри Гесте, который, так же как и его многочисленные родственники (кое-кто из них носит

---

[1] История этого партнерства Круппа представляет собой случай настолько циничного предательства родины, что он кажется просто невероятным. Перед первой мировой войной, стало быть, в момент чрезвычайного обострения германо-английских противоречий, Крупп продал фирме «Виккерс энд Армстронг» патент на новый взрыватель для ручной гранаты. По окончании войны Крупп предъявил британской фирме иск, требуя уплатить ему по одному шиллингу за каждую ручную гранату, использованную англичанами на Западном фронте. В общей сложности Круппу причиталось 6 миллионов 150 тысяч фунтов стерлингов, а это означает, что в немецких солдат в период между 1914 и 1918 годами было брошено 123 миллиона ручных гранат крупповского образца. Таким образом, при содействии Круппа были ранены, искалечены и убиты сотни тысяч немцев. Сам же Крупп в награду за свое кровавое преступление по отношению к Германии получил от фирмы «Виккерс энд Армстронг» предложение о совместном владении ее заводами в Мьересе. Эти факты, которые эссенский пушечный король никогда не опровергал, подтверждены в книге английского политического деятеля Феннера Брокуэя «Смерть приносит дивиденды» (Fenner Brockway, Death pays a Dividend, London, 1944, p. 24).

то же имя), занимал место на скамьях крайне правых. Он был директором нескольких крупных английских промышленных и горнорудных предприятий, а также принадлежал к числу крупнейших землевладельцев Англии. Этот партнер Круппа находился в близких родственных отношениях с известным английским директором франкфуртской «Металь АГ» Оливером Литтлтоном. Так, под защитой круговой поруки английского и германского финансового капитала Гитлер расширял военную интервенцию в Испании.

Европейский фашизм представлял собой острие копья, нацеленного на испанский народ. Самое копье держал в руках международный финансовый капитал, прежде всего крупная буржуазия Англии и Франции. Однако не менее позорную роль играл и империализм США, принимавший весьма деятельное участие в удушении республиканской Испании. Вашингтонское правительство объявило себя нейтральным в отношении войны, которую вели Франко, Гитлер и Муссолини, и не участвовало в Комитете по невмешательству. На деле же США нарушили свои обязательства нейтральной державы и оказывали фашистским мятежникам всестороннюю поддержку. Зять Франко, Суньер, который в течение многих лет был министром иностранных дел франкистской Испании, сам пишет о том, что рокфеллеровская ««Стандард ойл» поставляла армии [франкистской. — *А. Н.*] неограниченное количество горючего»[1]. Это означает, что фашистских мятежников и их авиацию снабжал горючим самый могущественный в мире нефтяной трест, как известно, оказывающий прямое и исключительно сильное воздействие на внешнюю политику США.

Гигантская моргановская «Интернэшнл телефон энд телеграф компани» (которая во времена Веймарской республики и при Гитлере прибрала к рукам большую часть германских телефонных заводов и до сих пор владычествует в ФРГ и в Западном Берлине) также пустила в ход все свое влияние, чтобы содействовать победе Франко. В середине 20-х годов, одновременно с проникновением в Германию, этот трест присовоку-

---

[1] R. S. Suñer, Zwischen Hendaye und Gibraltar, Zürich, 1948. S. 78.

пил к своим владениям всю телеграфную и телефонную сеть Испании (бывшей тогда королевством). Заправилы треста сделали ловкий ход, пригласив сына премьер-министра и диктатора Примо де Ривера на пост бессменного секретаря испанских филиалов американского треста, назначив ему при этом княжеское содержание. Речь идет о том самом Примо де Ривера, который после падения испанской монархии создал фашистскую организацию фалангистов, сыгравшую для Франко такую же роль, как нацистская партия для Гитлера.

Когда испанская буржуазная республика осмелилась принять кое-какие весьма осторожные меры, направленные против этого треста, Вашингтон пригрозил ей разрывом дипломатических отношений, чтобы оградить капиталовложения «Телефон энд телеграф компани» — крупнейшие в Испании — от всякого испанского контроля [1].

О солидарности руководителей «Телефон энд телеграф компани» (обладающей капиталом в 2,5 миллиарда долларов) с европейским фашизмом свидетельствуют выражения симпатии, которые неоднократно адресовал Гитлеру и Франко председатель наблюдательного совета этого треста Состенес Бен. Состенес Бен принимал участие в нюрнбергском съезде нацистской партии, много раз бывал на приеме у Гитлера и рассказывал ему, что во время интервенции сам наблюдал в Мадриде с высотного здания, принадлежащего телефонному тресту (филиал этого треста в Испании носит название «Компаниа телефоника насиональ (!) эспаньола»), за ходом сражения под Мадридом. По его словам, он уже было дал распоряжение «готовить стол в банкетном зале для приема Франко, но из-за неожиданно стойкой обороны красных взятие Мадрида задержалось» [2].

Нет надобности пояснять, что поддержка, которую гигантский трест Моргана оказывал Франко, не огра-

---

[1] По этому вопросу в делах ведомства иностранных дел имперского правительства за 1924—1932 годы имеются весьма примечательные сообщения германского посольства в Мадриде. Эти дела хранятся в Германском центральном архиве ГДР.

[2] Этот факт описан в книге главного переводчика Гитлера д-ра П. Шмидта, присутствовавшего при этой беседе (P. Schmidt, Statist auf diplomatischer Bühne, Bonn, 1950, S. 170).

ничивалась банкетами. Впрочем, Франко поддерживали также и другие влиятельные концерны американского капитала. «Американский союз сторонников националистической Испании» развернул в Соединенных Штатах шумную кампанию с целью популяризации Франко, и это стало возможным лишь потому, что союз финансировали крупнейшие тресты химической и автомобильной промышленности, точнее, тресты «Дюпон» и «Дженерал моторс».

Послушаем свидетеля, которого никак не заподозришь в пристрастии, а именно Клода Бауэрса, посла США в Испании в роковые 1933—1939 годы. По его словам, он неоднократно обращал внимание своего начальника, государственного секретаря Кордела Хэлла, на то, что «Комитет по невмешательству европейских демократий и наше собственное эмбарго сыграли весьма важную роль в обеспечении победы оси [Берлин — Рим. — *А. Н.*] над демократией в Испании» [1].

Ни Хэлл, ни его заместитель ни разу не удостоили Бауэрса ответом, поскольку оба эти деятеля, так же как послы США в Париже и Лондоне Буллит и Кеннеди (богатейший нью-йоркский биржевик и отец будущего президента США), ревностно плели интриги, стремясь обеспечить победу испанского, германского и итальянского фашизма. Чтобы наверняка добиться этой цели, Соединенные Штаты, которые, подобно Англии и Франции, установили строгую блокаду Испанской республики, отправляли непосредственно или через западноевропейские державы большие партии оружия для Франко и укрепляли тем самым силы фашистского мятежника.

В клещах двух фашистских диктаторов Европы и трех империалистических великих держав задохнулась и истекла кровью республика, созданная по воле народа. Ставленник Гитлера и Муссолини стал фашистским диктатором в Испании. В августе 1950 года «демократический» американский конгресс одобрил предоставление Франко большого кредита, хотя — или, вернее, именно потому что — Франко поставил вне закона все рабочие партии и профсоюзы и даже буржуазно-демократические организации.

---

[1] C. G. Bowers, My Mission to Spain, New York, 1954, p. 412.

ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ ПОМОГАЮТ ГИТЛЕРУ УНИЧТОЖИТЬ ЦЕЛОЕ СУВЕРЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

«Даю вам честное слово, говорю это также от имени фюрера», — сказал Герман Геринг, пожимая руку чехословацкому послу. Это произошло на балу в Доме авиации в Берлине вечером 11 марта 1938 года; нацист номер два заверил господина Мастны, что аннексия Австрии не отразится на германо-чехословацких отношениях. Он умолчал о том, что девять месяцев до этого военный министр и главнокомандующий вооруженными силами Германии маршал фон Бломберг по согласованию с Гитлером 24 июня 1937 года издал директиву, в которой дословно говорилось следующее:

«Конечная цель состоит в планомерной подготовке в мирное время стратегического нападения на Чехословакию, которое в результате внезапности приведет к быстрому захвату чехословацких укреплений, разгрому ее армии, когда она будет еще не отмобилизована, и которое, используя национальную раздробленность, вынудит Чехословакию сдаться в кратчайший срок» [1].

5 ноября 1937 года Гитлер выступил в имперской канцелярии перед высшими военными чинами и министром иностранных дел с речью, в которой объявил оккупацию Австрии и Чехословакии естественной целью Германии и обрисовал экономические и военно-политические преимущества, которые должна дать эта операция [2].

Таким образом, решение об уничтожении Чехословакии было принято задолго до начала каких-либо военных действий. Гитлеровцы считали только, что этой операции должен предшествовать захват Австрии, потому что только благодаря ему нацистская волчья пасть могла получить недостающую нижнюю челюсть. Аншлюсс давал волку возможность сомкнуть челюсти. Через пять недель после захвата Австрии, 29 апреля

---

[1] «Директива о планомерной подготовке вермахта к войне», изданная Бломбергом 24 июня 1937 года, была представлена на Нюрнбергском процессе главных военных преступников в качестве документа 175-С.

[2] Протокол этого совещания, составленный полковником Госбахом, был представлен на Нюрнбергском процессе главных военных преступников в качестве документа 386/PS.

1938 года, состоялась беседа Гитлера с генералом Кейтелем, во время которой были обсуждены пропагандистские, политические и военные мероприятия против Чехословакии и был принят следующий вариант:

«Молниеносные действия, вызванные каким-либо инцидентом (например, убийством германского посланника в результате антигерманской демонстрации)» [1].

Это означает, что Гитлер совершенно серьезно планировал убийство германского посланника в Праге, чтобы затем обвинить в нем чехословаков и получить удобный предлог для объявления войны. На этом документе имеется протокольная запись дежурного офицера подполковника Шмундта (впоследствии генерала, погибшего при покушении на Гитлера 20 июля 1944 года):

«Листовки о том, что следует делать немцам в Грюнландии» [2], — таково было кодовое название для Чехословакии.

Ровно через три дня Конрад Генлейн, лидер нацистской партии судетских немцев, выдвинул на съезде этой партии требования, осуществление которых должно было привести к подрыву единства Чехословакии изнутри.

30 мая 1938 года Гитлер передал главнокомандующим трех видов вооруженных сил подписанную им секретную директиву, начинавшуюся словами:

«Мною принято окончательное решение разгромить в недалеком будущем Чехословакию посредством военной операции» [3].

Таким образом, из секретных документов нацистского командования явствует, что разногласия германского правительства с Чехословакией не имели никакого отношения к вопросу о судетских немцах, а были просто порождением агрессивных захватнических планов нацистского руководства и стоявших за его спиной магнатов тяжелой промышленности и генералитета. Беспорядки, которые позднее произошли в судетских областях Чехословакии, были организованы по непосредственному указанию из Берлина. 1 и 2 сентября

---

[1] Нюрнбергский документ 388/PS.
[2] Там же.
[3] Там же.

Генлейн был у Гитлера. Сразу же по его возвращении произошли налеты крупных вооруженных отрядов его партии на чехословацкие органы безопасности. Генлейн использовал эти столкновения как предлог, чтобы 7 сентября прервать переговоры с пражским правительством, что в свою очередь дало Гитлеру возможность 12 сентября, выступая на нюрнбергском съезде нацистской партии, угрожать Чехословакии вторжением германских войск. Пять дней спустя Генлейн призвал к созданию корпуса добровольцев судетских немцев, и в тот же день, 17 сентября, Гитлер следующим образом определил цели этого корпуса в секретной инструкции: «Организация новых беспорядков и столкновений» [1].

Организовав таким образом сам гражданскую войну в Чехословакии, Гитлер ссылался на происходящие там столкновения, чтобы убедить мировое общественное мнение в том, что немецкое меньшинство якобы терпит притеснения со стороны чехословацких властей и что вопрос может быть решен только передачей Германии чехословацких областей, населенных немцами. Одновременно с невероятным цинизмом велась подготовка к военному нападению. Иллюстрацией могут служить представленные 24 августа генералом Йодлем предложения с грифом: «Секретный документ командования». В этом документе говорится:

«План «Грюн» будет реализован посредством инцидента в Чехословакии, который даст Германии повод для военного вмешательства.

Определение срока осуществления этого инцидента, то есть *дня и часа* [курсив Йодля. — *А. Н.*], имеет величайшее значение. Он должен произойти при метеорологических условиях, благоприятных для действий нашей имеющей превосходство авиации, а час его целесообразно определить таким образом, чтобы мы узнали о нем в полдень дня «Икс-1».

Тогда в ответ можно будет без дальнейшего обсуждения отдать приказ «Икс» в 14 часов дня «Икс-1».

...придется отказатся от предупреждения дипломатических представительств в Праге до первого воздушного налета, несмотря на возможность весьма тяжелых

[1] Нюрнбергский документ 388/PS.

последствий, так как в результате бомбардировки среди дипломатического персонала могут быть жертвы...

Если по техническим причинам желательно, чтобы инцидент произошел в *вечерние* часы, то можно будет назначить день «Икс» не на завтра, а на послезавтра» [1].

Мы так подробно цитируем этот документ, потому что он дает возможность заглянуть в самую глубину дьявольской кухни, в которой готовятся империалистические войны нашего времени. Тут прямо-таки с научной точностью назначаются дни и часы тщательно организуемых «инцидентов», чтобы затем с такой же точностью по продуманному расписанию привести в движение весь механизм войны. В конце документа Йодль приписал:

«Прошу сообщить решение фюрера по этим предложениям» [2].

Ниже на той же странице приписано рукой Шмундта, адъютанта Гитлера:

«Доложено 30—VIII.

Фюрер будет действовать в соответствии с этими предложениями. Полковник Йодль уведомлен 31—VIII.

Шм. 31—VIII».

Однако фюреру не понадобилось действовать по этому плану. События приняли совсем иной оборот, в результате чего руководители Англии и Франции стали сообщниками гитлеровского преступления.

И в Англии и во Франции у власти находились правительства, действия которых в значительно большей степени определялись ненавистью к Советскому Союзу, чем стремлением к миру. Хотя правящие классы этих стран претерпели ряд поражений в интервенционистских войнах против Советской республики, это отнюдь не заставило их отказаться от мечты уничтожить первое в мире социалистическое государство. Сами они не хотели нести слишком большие жертвы, но мысль о том, чтобы взять напрокат германский меч и рассечь им Советский Союз, казалась им весьма соблазнительной. Именно поэтому правительства обеих «демократических» великих держав способствовали

---

[1] Нюрнбергский документ 388/PS.

[2] Там же.

вооружению Гитлера на суше и на море, его интервенции в Испании, а также аннексии Австрии.

19 ноября 1937 года в Оберзальцберге близ Берхтесгадена состоялась беседа между Гитлером и английским лордом-хранителем печати Галифаксом. Протокол этого совещания, обнаруженный в 1945 году в архивах германского министерства иностранных дел [1], имеет огромное значение. Галифакс, друг премьер-министра Чемберлена, сам ставший спустя несколько месяцев министром иностранных дел Англии, недвусмысленно дал понять Гитлеру, насколько далеко он может пойти в осуществлении своих агрессивных замыслов, какие международные политические провокации он может себе позволить и в каких широких пределах он может рассчитывать на поддержку английского финансового капитала. В протоколе записано:

«...он (лорд Галифакс) и другие члены английского правительства проникнуты сознанием, что фюрер... в результате уничтожения коммунизма в своей стране... преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма».

Дальше в ходе беседы Галифакс стал говорить еще более откровенно о вопросах, касающихся *«изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия»* [2]. [Курсив мой. — *А. Н.*]

Тем самым Гитлеру было как бы указано направление его агрессии на ближайшие годы, и когда 3 марта 1938 года английский посол в Берлине сэр Невиль Гендерсон в беседе с Гитлером и Риббентропом прямо напомнил, «как часто он (сэр Невиль Гендерсон) сам выступал за аншлюсс (Австрии)», и дал понять, что его правительство разделяет это мнение [3], Гитлер точно истолковал смысл сказанного и неделю спустя напал на Австрию.

Общественное мнение всех стран было чрезвычайно возмущено, когда независимое государство было одним

---

[1] Нюрнбергский документ 388/PS, стр. 34—35.

[2] Опубликован Министерством иностранных дел СССР в сборнике «Документы и материалы кануна второй мировой войны», Госполитиздат, М., 1948, т. I, стр. 14 и далее.

[3] Там же, стр. 70 и далее.

махом попросту стерто с географической карты. В одном из своих заявлений Советское правительство предупреждало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев, и предложило великим державам, пока не поздно, принять меры коллективной безопасности. 24 апреля министерство иностранных дел Англии прислало следующий ответ:

«К сожалению, правительство его величества не может полностью согласиться с предложением, сделанным господином Литвиновым в его упомянутом заявлении».

Почему не может? То, что предлагал Советский Союз, было продиктовано простым здравым смыслом. Ведь и ребенку было ясно, что бездействие было равносильно прямому поощрению Гитлера к новому агрессивному акту. Если все же Чемберлен отклонил советское предложение, то это уже было продиктовано не здравым смыслом, а гнусным намерением подбросить Гитлеру новую приманку, принести в жертву на алтарь фашистского Молоха новые народы, чтобы расчистить путь вермахту для нападения на Советский Союз. Доказать это нетрудно.

В книге «Защита мира», которая в действительности представляет собой защиту предательства, совершенного по отношению к миру автором этой книги, в то время французским министром иностранных дел Жоржем Бонне, рассказывается о секретном совещании в Лондоне представителей английского и французского правительств 28 апреля 1938 года. Согласно записи в протоколе, Чемберлен заявил, что он «весьма сомневается в том, что господин Гитлер хочет уничтожить Чехословацкое государство. *Если же Германия действительно стремится к этому, то премьер-министр, если говорить откровенно, не видит средств воспрепятствовать ей»* [1]. [Курсив мой. — *А. Н.*].

Чемберлен действительно не согласился на проведение предложенных незадолго до этого Советским Союзом мер, которые, несомненно, помешали бы Гитлеру уничтожить Чехословакию и, более того, поме-

---

[1] Georges Bonnet, Défense de la Paix, p. 352 et suiv.

шали бы ему ввергнуть человечество во вторую мировую войну. Однако Чемберлен счел, что опасность войны, которая неминуемо должна была охватить всю Европу, предпочтительнее сотрудничества с Советским Союзом в целях сохранения мира. Между тем все сообщения, поступавшие в то время из Германии, а также опубликованные впоследствии мемуары оставшихся в живых гитлеровских генералов и политиков свидетельствуют о том, что нацистский диктатор немедленно обратился бы вспять, если бы увидел перед собой единый фронт Англии, Франции и Советского Союза. Вместо этого германскому империализму была преподнесена на серебряном блюде еще и Чехословакия. Прямым поощрением агрессивных планов Гитлера был отказ Англии гарантировать неприкосновенность границ Чехословакии, о котором Чемберлен заявил 24 марта 1938 года на открытом заседании палаты общин.

Заметим, что по условиям долгосрочного франко-чехословацкого союзного договора Франция была обязана выступить на стороне Чехословакии в случае, если последняя подвергнется агрессии. Однако французский финансовый капитал и его ставленник — министр иностранных дел Франции Бонне (который был пайщиком крупного франко-американского банка братьев Лазар), так же как и правители по ту сторону Ла-Манша надеялись, что захват Праги Гитлером еще более приблизит последнего к границам Советского Союза, а тем самым и к войне с ним. Поэтому Франция не предприняла ничего для защиты Чехословакии. Напротив, Даладье и Бонне согласились с тем, чтобы Лига наций и в особенности Советский Союз были отстранены от участия в обсуждении чехословацкого «инцидента», который, собственно, возник только в результате провокационных действий Гитлера. Действительно, Советский Союз был отстранен от обсуждения, несмотря на то, что за три года до этого Франция заключила с ним союзный договор и Советский Союз также был связан с Чехословакией союзным договором. Он был отстранен потому, что Париж и Лондон были заинтересованы не в сохранении мира и независимости больших и малых государств, а в укреплении союза с фашистами Берлина и Рима, активизации пакта Франции, Англии,

Германии и Италии и создании единого фронта империалистов Европы против Советского Союза [1].

Вместо того чтобы выступить в защиту Чехословакии, которую Гитлер шантажировал военными провокациями и ультимативными требованиями, английское и французское правительства со своей стороны направили 19 сентября 1938 года чехословацкому правительству ультиматум, в котором поддерживали притязания Гитлера на области Чехословакии, населенные немцами, и потребовали «немедленной передачи этих областей рейху».

Тем временем неутомимый профашист сэр Невиль Гендерсон, английский посол в Берлине, добивался через румынского и югославского послов в Берлине, чтобы правительства в Бухаресте и в Белграде также побудили Прагу уступить германским требованиям. Сам Гендерсон трубил в уши каждому, кто желал его слушать, что, если Гитлер не получит области, на которые он претендует, «немцы будут вправе утверждать, что они вынуждены прибегнуть к силе оружия вследствие неуступчивости чехов» [2].

Хорошо известно, что произошло вслед за этим. 30 сентября 1938 года Чемберлен, Даладье, Гитлер и

---

[1] Об умонастроении определенных кругов французской буржуазии говорит тот факт, что посол Франции в Берлине в гитлеровские времена Андре Франсуа-Понсэ (который впоследствии в течение многих лет был французским верховным комиссаром в Западной Германии) и сейчас еще одобрительно отзывается о предательстве, совершенном по отношению к Испании и Чехословакии. Он пишет, что западные великие державы «с большим терпением и хладнокровием боролись с пожаром», грозившим распространиться за пределы Испании. По его мнению, мюнхенское предательство, в результате которого Франция выдала своего союзника Чехословакию, скованную по рукам и ногам, гитлеровскому империализму, а позиции самой Франции были решающим образом ослаблены, «таило в себе слишком много преимуществ, чтобы видеть в нем одну только мрачную сторону... Поступок английского премьер-министра в конечном счете оказался скорее полезным, чем вредным». (André François-Poncet, Als Botschafter in Berlin, Mainz, 1949, S, 321, 344) Это говорит о том, что Франсуа-Понсэ, с давних пор являвшийся представителем интересов французской тяжелой промышленности, недаром получил в конце 1938 года от Риббентропа большой крест «Ордена красного орла», наивысшее отличие, которым Гитлер мог наградить иностранца.

[2] Сообщение польского посла в Берлине Липского о высказываниях Невиля Гендерсона в начале августа 1938 года.

Муссолини встретились в Мюнхене, чтобы решить судьбу Чехословакии. Они отстранили от участия в обсуждении этого вопроса не только Советский Союз, но даже и то государство, судьба которого решалась. Представители пражского правительства вынуждены были ждать решения в соседней комнате. Так был вынесен смертный приговор суверенному Чехословацкому государству.

Богемские горы с их первоклассными укреплениями были теперь в руках Гитлера; Чехия и Моравия, в сущности вся Чехословакия лежала перед ним беззащитная. Гитлер не замедлил воспользоваться благоприятными обстоятельствами, тем более что Англия отказалась гарантировать неприкосновенность границ даже урезанной чехословацкой территории. Более явного приглашения к оккупации Праги Гитлер не мог и ожидать. 15 марта 1939 года он последовал этому приглашению.

ПРЕДЛОГ ДЛЯ РАЗВЯЗЫВАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Так возник «великогерманский рейх». Он аннексировал два европейских государства. Однако это не привело к процветанию в Германии. Безумная гонка вооружений поглотила 90 миллиардов марок и привела к огромной задолженности государства (Гитлер признал это в своем выступлении в рейхстаге 1 сентября 1939 года). Страна была перенасыщена оружием; народ по рецепту Геринга получал пушки вместо масла. Полная занятость, по сути дела, была обусловлена только военной конъюнктурой, и призрак экономического кризиса уже маячил у порога. Гитлер понимал это.

«Наше экономическое положение вследствие введенных нами ограничений таково, что мы сможем продержаться только несколько лет. Нам не остается ничего иного, как приступить к действиям» [1].

Так 22 августа 1939 года Гитлер охарактеризовал положение на совещании с главнокомандующими германских вооруженных сил. За три месяца до этого,

---

[1] Документ 798-PS на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

23 мая, он заявил в имперской канцелярии тем же самым лицам:

«Необходимо решить экономические проблемы... Без вторжения в чужие страны и захвата чужих владений это невозможно...» [1]

На общепонятном языке это означало: искать спасения от трудностей в войне, поскольку правители фашистской Германии не желали перевода военной промышленности на мирные рельсы. Фактически рост промышленного производства Германии за 1937—1939 годы был очень незначительным, а производство товаров массового потребления на душу населения и производительность труда даже снизились.

«Согласно официальным германским статистическим данным, потребление продовольствия в 1938 году было ниже, чем в 1937 году, а в 1939 году ниже, чем в 1938 году» [2].

В Германии стало резко нарастать недовольство. Чтобы предупредить кризис и не дать потоку возмущения обрушиться на существующий режим, надо было дать ему выход наружу.

Только от германского народа Гитлер скрывал, что новые успехи не обойдутся так дешево, как это было с Веной и Прагой, что придется воевать; от своих же сообщников у него секретов не было.

«Дальнейшие завоевания недостижимы без пролития крови», — сказал он в упомянутом выше сообщении 23 мая Герингу, Редеру, Браухичу, Кейтелю, Гальдеру, Боденшацу, Варлимонту и их подручным. Против кого же война? На очереди была Польша. Это была хладнокровно спланированная и спровоцированная война, о чем свидетельствует представленный на Нюрнбергском процессе документ, принадлежащий перу Йодля, начальника штаба оперативного руководства вермахта. В этом документе, подлинность которого Йодль не оспаривал, говорится:

«Бескровное разрешение конфликтов в Чехословакии осенью 1938 и весною 1939 года, а также присоеди-

---

[1] Протокольная запись Шмундта; протокол представлен на Нюрнбергском процессе главных военных преступников в качестве документа 79-L.

[2] Jürgen Kuczyinski, Die Bewegung der deutschen Wirtschaft von 1800 bis 1946, Berlin — Leipzig, S. 172.

нение Словакии округлили территорию великогерманского рейха таким образом, что теперь появилась возможность заняться при наличии более или менее благоприятных стратегических предпосылок решением также и польской проблемы» [1].

Действительно, Польша была теперь окружена с севера, запада и юга, так что стратегически она оказалась в исключительно тяжелом положении. Правда, заправил третьего рейха связывало с правящей кликой Польши, подвластной Пилсудскому, общее презрение к народу, общая ненависть к либералам, социалистам, коммунистам и евреям, общая враждебность к Советскому Союзу и соучастие в ограблении Чехословакии. Однако идиллия продолжалась лишь до тех пор, пока у правителей нацистской Германии не освободились обе руки.

16 февраля 1937 года Геринг во время своего визита в Варшаву заверил польское правительство:

«Германия не имеет намерения лишить Польшу какой-либо части ее территории... Германия не нападет на Польшу и не имеет намерения захватить Польский коридор... Нам коридор не нужен» [2].

И Гитлер в своем выступлении в берлинском Дворце спорта 26 сентября 1938 года также дал следующие заверения:

«Мы все убеждены в том, что это германо-польское соглашение приведет к длительному умиротворению. Мы сознаем, что наши два народа должны жить рядом. Государство с населением в 33 миллиона человек всегда будет стремиться получить выход к морю. Поэтому необходимо было найти путь к взаимопониманию. Таковой и был найден, и мы будем его всемерно расширять».

Прошло полгода, и за это время в германо-польских отношениях не произошло никаких ухудшений. А затем 11 апреля 1939 года Гитлер дал совершенно секретное распоряжение разработать план военной операции, предусматривающий внезапное нападение с

---

[1] Документ 172-L на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

[2] Зачитано на Нюрнбергском процессе главных военных преступников 9 февраля 1946 года.

целью «разгрома польских вооруженных сил... в любое время начиная с 1 сентября»[1].

Итак, еще в первых числах апреля Гитлер точно установил день начала войны!

23 мая 1939 года в имперской канцелярии он дал главнокомандующим германских вооруженных сил следующее разъяснение:

«Таким образом, отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности... Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о расширении жизненного пространства на Востоке... о разрешении проблемы Балтийского моря и Прибалтики»[2].

Запомним: «Речь идет не о Данциге». Это важно потому, что в воинственных призывах нацистской пропаганды по радио и в печати, пока еще после оккупации Праги еле слышных, а позднее усилившихся до громовых раскатов, речь шла *только* о Данциге и о так называемых «фольксдейче», то есть о населении Польского коридора, говорящем на немецком языке, и ни о чем другом. Немецкому народу и мировой общественности, разумеется, не говорили, что война рассматривалась как спасение от угрожающего кризиса и что Данциг и население коридора были лишь ширмой, скрывавшей подлинную цель. Эту цель Гитлер так определил в своем втором выступлении перед своими соучастниками 22 августа — «уничтожение Польши»[3].

Гитлер, его генералы и промышленные магнаты понимали эти слова в буквальном смысле. Во время этого же выступления Гитлер потребовал:

«Никакого сострадания. Действовать самым беспощадным образом... Право на стороне сильного. Предельная жестокость».

Эти разбойничьи наставления определили политику германского империализма по отношению к Польше.

---

[1] Документ 120-С на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

[2] Протокольная запись дежурного адъютанта Гитлера подполковника (позднее генерала) Шмундта. Представлена на Нюрнбергском процессе главных военных преступников как документ 79-L.

[3] Документ 1014-PS на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

Неделю спустя германская армия обрушилась на соседнее государство, грабя и убивая его граждан, в том числе стариков, женщин и детей. Общее число жертв составило четвертую часть всего населения Польши.

«Я укажу пропагандистский предлог для развязывания войны. Не важно, покажется он правдоподобным или нет. Победителя не судят».

Сказано это было в том же вышеупомянутом выступлении. Однако тот, кто был победителем в начале войны, в конце ее стал побежденным, и эти документы, наглядно иллюстрирующие низость и преступность их авторов, увидели свет. Более того, оказалось возможным продемонстрировать, как был состряпан «пропагандистский предлог» и как была заброшена искра в пороховую бочку, от взрыва которой весь мир вторично был охвачен пламенем войны.

Мы не будем говорить о таких известных вещах, как формирование штурмовых отрядов и эсэсовских частей в Данциге, переброска отборных воинских соединений и самого современного оружия из рейха в Данциг, а также о непрекращавшихся с начала июля антипольских провокациях. Но мы должны обратить внимание читателя на следующее: 1 сентября во всех газетах Германии появилось набранное самым крупным шрифтом сообщение Германского информационного бюро под заголовком: «Поляки совершили нападение на радиостанцию в Глейвице». В сообщении говорилось:

«Германское информационное бюро. Бреслау. 31 августа. Сегодня около 8 часов вечера поляки атаковали и захватили радиостанцию в Глейвице. Силой ворвавшись в здание радиостанции, они успели обратиться с воззванием на польском и частично на немецком языке. Однако через несколько минут их разгромила полиция, вызванная радиослушателями. Полиция была вынуждена применить оружие. Среди захватчиков есть убитые».

«Германское информационное бюро. Оппельн. 31 августа. Поступили новые сообщения о событиях в Глейвице. Нападение на радиостанцию было, очевидно, сигналом к *общему наступлению польских партизан на германскую территорию*. Почти одновременно с этим, как удалось установить, польские партизаны перешли

германскую границу еще в двух местах. Это также были *хорошо вооруженные отряды,* по-видимому поддерживаемые польскими регулярными войсками.

Подразделения полиции безопасности, охраняющие государственную границу, вступили в бой с захватчиками. *Ожесточенные боевые действия* продолжаются».

Эти инциденты, происшедшие 31 августа, послужили Гитлеру предлогом для того, чтобы в пятом часу утра 1 сентября двинуть свои войска на Польшу. Крупный шведский промышленник Биргер Далерус, пытавшийся в качестве дипломата-любителя играть в августе 1939 года роль посредника между Берлином и Лондоном, дал следующее свидетельское показание 19 марта 1946 года на процессе главных военных преступников в Нюрнбергском международном военном трибунале:

«1 сентября 1939 года в 8 часов я встретился с Герингом в его штабе. После некоторого колебания он сказал мне, что война началась из-за того, что поляки напали на радиостанцию в Глейвице».

Через два часа после этого Гитлер уже бесновался в рейхстаге, объявив на весь мир, что он вынужден был начать войну. Что же произошло в Глейвице на самом деле? Действительно ли поляки были виновны в столь грубом нарушении мира? Попробуем установить истину. В бумагах германского генерала Лахузена имеется сделанная им собственноручно запись содержания беседы, состоявшейся 17 августа между ним и Кейтелем:

«Я сообщил Кейтелю о моих переговорах с Йостом. Он сказал, что заниматься этим делом не будет, так как фюрер не *осведомил* его о нем, а *только передал ему,* что мы должны снабдить Гейдриха польскими мундирами, он также согласился с тем, чтобы я информировал генеральный штаб» [1].

Несколько загадочно, не правда ли? Фюрер приказывает выдать заместителю Гиммлера Гейдриху польские военные мундиры и об этом ставится в известность генеральный штаб... Не стоит, однако, долго ломать себе голову, докапываясь, что за стряпня происходила в скрытых от посторонних взоров кабинетах

[1] Документ 795-PS на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

этих важных персон в коричневых и серых мундирах. Об этом рассказал свидетель, игравший в этих событиях важную роль. Предоставим же ему слово:

«Я, Альфред Хельмут Науйокс, должным образом приведенный к присяге, показываю следующее:

1. Я был членом СС с 1931 года по 19 октября 1944 года и членом СД с основания этой организации в 1934 году до января 1941 года. Я служил в войсках СС с февраля 1941 года до середины 1942 года. Затем я служил в экономическом отделе военной администрации в Бельгии с сентября 1942 года по сентябрь 1944 года. Я сдался в плен союзникам 19 октября 1944 года.

2. 10 августа 1939 года или около этой даты начальник охранной полиции и службы безопасности Гейдрих лично приказал мне инсценировать нападение на радиостанцию близ Глейвица около польской границы и придать делу такой вид, будто нападение совершено поляками. Гейдрих сказал: «Достоверное доказательство нападения поляков необходимо для иностранной прессы и для германской пропаганды». Мне было приказано отправиться в Глейвиц с пятью или шестью другими членами СД и ждать там от Гейдриха условного сигнала о проведении операции. Согласно приказу, я должен был захватить радиостанцию и удерживать ее столько времени, сколько понадобится для того, чтобы немец, говорящий по-польски, мог сказать по радио речь на польском языке. Такой говорящий по-польски немец был мне придан. Гейдрих сказал, что эта речь должна иметь такое содержание: настало время свести счеты между поляками и немцами, поляки должны сплотиться и уничтожить всех немцев, которые окажут им сопротивление. Тогда же Гейдрих сказал мне, что в ближайшие дни он ожидает нападения Германии на Польшу.

3. Я поехал в Глейвиц и ждал там 14 дней. Затем я попросил разрешения у Гейдриха вернуться в Берлин, но мне было велено оставаться в Глейвице. Между 25 и 31 августа я посетил Генриха Мюллера, начальника гестапо, который в это время находился неподалеку, в Оппельне. В моем присутствии Мюллер обсуждал с человеком по имени Мельгорн планы пограничного инцидента, который должен был создать впечатление, что поляки нападают на германские

войска... Для этого предполагали использовать немцев численностью до одной роты. Мюллер сказал, что в его распоряжении имеется 12 или 13 осужденных уголовных преступников, на которых будут надеты польские мундиры и трупы которых будут оставлены на месте происшествия, чтобы инсценировать, будто они были убиты при нападении. Для этой цели врач по приказу Гейдриха должен был сделать им инъекции смертельной дозы яда, но, кроме того, надо было также нанести им огнестрельные ранения. По окончании боя на место происшествия следовало пригласить представителей прессы и других лиц, а затем составить полицейский отчет.

4. Мюллер сказал мне, что Гейдрих приказал ему предоставить в мое распоряжение одного из этих преступников для мероприятия в Глейвице. Он называл этих преступников условным обозначением «консервы».

5. Инцидент в Глейвице, в котором я принимал участие, имел место накануне нападения Германии на Польшу. Насколько я помню, война разразилась 1 сентября 1939 года. В полдень 31 августа я получил от Гейдриха по телефону кодированный приказ о проведении нападения в 8 часов вечера этого же дня. Гейдрих сказал: «Для выполнения этой задачи обратитесь к Мюллеру за консервами». Я сделал это и дал Мюллеру указание доставить человека к радиостанции. Человека принесли, и я приказал положить его у входа в здание радиостанции. Он был жив, но без сознания. Я попробовал открыть ему глаза. По глазам я не смог установить, жив ли он, но заметил, что он дышал. Огнестрельных ран на нем я не видел, но все его лицо было измазано кровью. Он был в гражданской одежде.

6. Мы захватили радиостанцию, как было приказано, передали речь по запасному передатчику, сделали несколько выстрелов из револьвера и ушли» [1].

Требуются ли тут какие-либо комментарии? Кто имеет глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, понимает, что это были «инциденты», организованные германским правительством в точности по рецепту,

---

[1] Показание, данное под присягой и заверенное 20 ноября 1945 года. Представлено на Нюрнбергском процессе в качестве документа 2751/PS.

предписанному Гитлером еще до разгрома Чехословакии. Отборные нацистские гангстеры, негодяи из «службы безопасности» надели польские мудиры и «напали» на немецкую радиостанцию в Глейвице. Чтобы все это показалось убедительным журналистам, приглашенным на место преступления, совершенного якобы поляками, а в действительности гитлеровскими головорезами, несколько заключенных из концлагерей были убиты и брошены на поле боя в качестве жертв этого и других подобных же инцидентов. Тот же самый фюрер, который нажал кнопку, дав сигнал произвести нападение в Глейвице, через двенадцать часов снова нажал кнопку, чтобы привести в движение сухопутные, воздушные и морские силы Германии.

Так делаются войны! Так была развязана вторая мировая война!

Эта война, несмотря на решимость Гитлера уничтожить Польшу, отнюдь не была роковой неизбежностью. Если бы после захвата Праги и новых угроз по адресу Польши нефашистские великие европейские державы пришли к безоговорочному соглашению о взаимной защите и защите находившихся в опасности малых государств, второй мировой войны не было бы.

Вместо этого правительства Англии и Франции вели двойную игру самого возмутительного свойства. Освальд Пиров, военный министр Южно-Африканского союза, уроженец германского города Итцехо, рассказывает в своих воспоминаниях: «...в ноябре 1938 года я по заданию Чемберлена вел переговоры с Гитлером».

Заметим, что это происходило после Мюнхенского соглашения, на основании которого Гитлер получил все, что хотел. О чем же Пирову понадобилось говорить с главарем нацистской разбойничьей шайки? Чемберлен пояснил южно-африканскому военному министру его задачу во время беседы в Лондоне:

«Чемберлен недвусмысленно подчеркнул, что существование Польского коридора наносит Германии большой ущерб. В конце беседы у меня не осталось сомнений, что при известных условиях Чемберлен одобрил бы предоставление Германии свободы действий на Востоке».

Пиров немедленно отправился к Гитлеру и заявил ему:

«Герр канцлер, я прибыл, не имея какого-либо официального поручения от Чемберлена, но я гарантирую Вам, что в случае достижения договоренности с Англией Вы получите свободу рук на Востоке» [1].

После этого Гитлер сначала аннексировал Чехию и Моравию, а затем схватил за горло Польшу. Правда, после захвата Чехословакии под давлением всех трех крупнейших политических партий Англии Чемберлен был вынужден послать в Москву представителей для переговоров. Однако, во-первых, это не были руководящие политические деятели (когда речь шла о переговорах с Гитлером и Муссолини, паломничество в Германию и в Италию неоднократно совершали лично Чемберлен и Галифакс); во-вторых, они не имели никаких полномочий на заключение соглашения; в-третьих, они до бесконечности затягивали переговоры. Между тем позиция Гитлера становилась все более воинственной.

23 марта 1939 года в Москву для переговоров прибыл посланный Чемберленом английский министр заморской торговли Хадсон. Однако соглашение не было достигнуто. 10 мая из сообщения официального Телеграфного агентства Советского Союза стало известно, что Англия отклонила предложение о заключении трехстороннего пакта между Англией, Францией и Советским Союзом.

После этого в палате общин разразилась настоящая буря. Эттли, Дальтон, Черчилль, Иден, Ллойд Джордж, Арчибалд Синклер — короче, все руководящие деятели лейбористской, консервативной и либеральной партий в резких выражениях обвиняли правительство в том, что оно срывает переговоры о заключении соглашения с Советским Союзом. Однако и это не заставило Чемберлена послать в Москву более ответственного деятеля, чем советник Стрэнг; Англия и Франция попрежнему не желали взять на себя обязательства об оказании Советскому Союзу помощи в случае прямой или косвенной агрессии против него, но требовали при этом таких обязательств от Советского Союза в случае нападения на Англию или Францию.

---

[1] «Nation Europa» (Coburg), Mai 1968, S. 5—10.

Только 25 июля, через четыре месяца после начала переговоров, когда антипольские провокации в Данциге и прочих местах уже приняли характер кровопролитных столкновений, западные державы согласились удовлетворить требование Советского Союза о посылке в Москву военных миссий. Однако прошло одиннадцать дней, прежде чем эти миссии пустились в путь, а затем они еще шесть дней добирались до Москвы. В Годесберг и Берхтесгаден Чемберлен спешно вылетал на самолете; что касается Москвы, то туда он предпочел отправить своих посланцев на тихоходном пароходе. Но этого мало: в середине августа, в разгар военных приготовлений Гитлера, в Москву прибыли не начальники английского и французского штабов, а генералы, занимавшие второстепенные посты и имевшие так же мало полномочий на заключение соглашений, как и дипломатические представители, которые приезжали в Москву до них [1]. Лишь *в одном* отношении они обладали полномочиями, а именно: отвергнуть вполне естественное требование Советского Союза о совместном выступлении против Гитлера в случае его агрессии. По мнению правящих кругов Лондона и Парижа и ультрареакционной польской военщины, Советский Союз в случае агрессии Гитлера должен был объявить ему войну, но после этого советским вооруженным силам надлежало в бездействии ждать приближения вермахта к своим границам. Таким образом, даже в этот час западные державы надеялись на осуществление своей давней мечты — уничтожить

---

[1] Чрезвычайно интересным в этой связи является сообщение германского посла в Лондоне Дирксена статс-секретарю Вейцзекеру от 1 августа 1939 года о настроениях «руководящих лиц» в Лондоне. «К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер; генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения» («Документы и материалы кануна второй мировой войны» т. II, стр. 117).

ненавистное им социалистическое государство на советской земле с помощью германского фашизма.

Советский Союз своевременно разгадал смысл этой игры и был тысячу раз прав, когда сорвал заговор западных держав, старавшихся в 1939 году разжечь военный пожар на его территории. Это удалось ему благодаря заключению с Германией пакта о ненападении; таким путем он получил передышку, длившуюся год и девять месяцев.

Позиция английского и французского правительств и их генеральных штабов, которые буквально не пошевелили пальцем и держали свои армии в бездействии все время, пока Гитлер громил их союзника Польшу, неопровержимо свидетельствует об их гнусном намерении тогда превратить начавшуюся войну в войну против Советского Союза. Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года не вследствие заключения германо-советского пакта о ненападении, а вследствие отказа Англии и Франции заключить с Советским Союзом честный союзный договор. Ненависть лондонского и парижского правительств к Советскому Союзу стала решающим фактором в развязывании второй мировой войны.

Сколь прочной была фашистская сеть, которой лондонское и парижское правительства готовились опутать Советский Союз, стало очевидным лишь по окончании второй мировой войны, когда в Гредицберге, в имении германского посла в Лондоне Герберта фон Дирксена были обнаружены его документы. Эти документы разоблачают непристойное легкомыслие официальной английской политики и подтверждают, что правители Англии вели весной и летом 1939 года переговоры в Москве только для того, чтобы, успокаивая Советский Союз пустыми фразами, заключить за его спиной действительное соглашение с Гитлером о разделе между Германией и Англией Европы, Китая и самого Советского Союза.

В середине июля 1939 года в Лондон прибыл для ведения переговоров статс-секретарь геринговского ведомства по вопросам четырехлетнего плана Вольтат. О его контакте с английским правительством говорится в записке, составленной Дирксеном 21 июля 1939 года и помеченной грифом «Совершенно секретно!»:

«Хадсон [английский министр заморской торговли. — *А. Н.*] передал Вольтату... что он очень хотел бы поговорить с ним. После этого, с моего согласия, была намечена беседа, которая состоялась вчера во второй половине дня. Во время этой беседы Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, мнение, что в мире существуют еще три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя, Китай и Россия» [1].

Хадсон, который в марте — апреле 1939 года вел (и одновременно саботировал) переговоры об обуздании гитлеровской агрессии, в июле 1939 года предложил эмиссару Гитлера и Геринга Россию в качестве объекта совместной англо-германской эксплуатации. Ошибается тот, кто думает, что английский министр высказывал только свои собственные взгляды: одновременно с этим велись секретные переговоры между Вольтатом и сэром Горацием Вильсоном, главным советником британского правительства по вопросам экономики, близким другом Чемберлена; Вильсон сопровождал Чемберлена в Мюнхен, когда тот отправился туда для сговора с Гитлером. После начала войны, в сентябре 1939 года, Дирксен составил памятную записку о германо-английских отношениях за последний год. В этой записке он рассказывает об упомянутых выше переговорах:

«Инициатива исходила от сэра Горация Вильсона, ближайшего сотрудника и советника Чемберлена. Когда г-н Вольтат находился в Лондоне в июле... Вильсон пригласил его для беседы, во время которой он, на основе подготовленных заметок, развил программу широкого урегулирования англо-германских отношений. Программа предусматривала соглашения политического, военного и экономического характера. В политической сфере предусматривался пакт о ненападении, заключающий отказ от принципа агрессии. *Сокровенная цель этого договора заключалась в том, чтобы дать*

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 70—71.

возможность англичанам постепенно отделаться от своих обязательств в отношении Польши... Основная мысль этих предложений, как объяснил сэр Гораций Вильсон, заключалась в том, чтобы поднять и разрешить вопросы столь крупного значения, что зашедшие в тупик ближневосточные вопросы, как данцигский и польский, отодвинулись бы на задний план и *могли бы тогда быть урегулированы между Германией и Польшей непосредственно.* Значение предложений Вильсона было доказано тем, что Вильсон предложил Вольтату получить личное подтверждение их от Чемберлена, кабинет которого находился недалеко от кабинета Вильсона» [1].

Это означает ни более и ни менее, что английское правительство предложило немцам покончить с Польшей. Не удивительно, что эти предложения показались Дирксену столь важными, что он попросил подтвердить их еще раз (ровно за четыре недели до нападения Гитлера на Польшу):

«Чтобы не привлечь ничьего внимания, я посетил Вильсона 3 августа на его частной квартире и имел с ним почти двухчасовой разговор... Я придавал значение тому, чтобы получить от него подтверждение предложений, которые он сделал Вольтату. Вильсон это и сделал, так что аутентичность проекта не подлежит сомнению... И по этому пункту Вильсон подтвердил мне еще более ясным образом, чем Вольтату, что с заключением англо-германской антанты английская гарантийная политика будет фактически ликвидирована... Тогда Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией» [2].

Можно лишь согласиться с выводом Дирксена, что Англия «была готова отказаться от своих обязательств на востоке», а также «предоставить Германии преобладающее положение на востоке и юго-востоке Европы». При сопоставлении этих акций представителей английского правительства с другими действиями авторитетных английских учреждений в 1939 году становится еще более очевидным, что английский финансо-

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 215 и далее.

[2] Там же, стр. 220.

вый капитал поощрял нацистских поджигателей войны.

Англо-германские переговоры об угле привели в начале года к заключению картельного соглашения между угольными баронами обеих стран в форме установления цен и распределения мировых рынков.

В конце февраля британское правительство приняло решение «о возврате Германии колоний» [1].

В середине марта руководители ведущих германских и английских промышленных объединений подписали в Дюссельдорфе пакт, предусматривавший заключение настоящего союза для устранения взаимной конкуренции на мировых рынках и для совместных действий при поддержке правительств обеих стран против «конкуренции промышленности других стран».

Летом управляющий Английским банком Монтегю Норман с ведома и согласия Чемберлена выдал Гитлеру депонированный в банке золотой запас чехословацкого правительства!

Одновременно с этим английская пресса предала огласке тот факт, что министр Хадсон во время упомянутых выше переговоров с Вольтатом предложил гитлеровскому правительству весьма значительный английский заем!

Если после всего этого дело дошло до войны между нацистской Германией и западными державами, то только потому, что Гитлер возомнил себя неуязвимым, а Англию и Францию совершенно неподготовленными к войне и решил нанести удар немедленно. Между тем Чемберлену для дальнейшего осуществления политики союза с германским фашизмом требовалось еще много месяцев, так как необходимо было успокоить общественное мнение Англии, взволнованное Мюнхенским соглашением и еще больше аннексией Чехии и Моравии. Авантюрист Гитлер, поставивший все на одну карту, не дал ему этого времени.

Открытое потворство Чемберлена германскому фашизму становится совершенно понятным в свете его личных связей с английским трестом, связанным теснейшими деловыми узами с крупнейшим концерном нацистской Германии, акционерным обществом «ИГ

---

[1] «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 194.

Фарбениндустри». Задолго до занятия поста премьер-министра Невиль Чемберлен играл видную роль в британской промышленности вооружений. Он был главным директором второй по величине английской фирмы по производству вооружений «Бирмингэм смолл армз компани». Он обладал также солидным количеством акций другой влиятельной фирмы по производству вооружений — «Эллиот'с метал компани». Когда эта фирма установила тесные связи с фирмой «Ай-Си-Ай» («Импириэл кемикл индастриз»), английским двойником и партнером германского треста «ИГ Фарбениндустри», Чемберлен стал крупным пайщиком «Ай-Си-Ай». После того как его сын Френсис стал участником «Кинох-верке», зависимой от«Ай-Си-Ай» фирмы по производству вооружения, связи Невиля Чемберлена с трестом «Ай-Си-Ай» сделались еще более тесными. Этот трест не только располагал акциями германского треста «ИГ Фарбениндустри» на сумму 2,5 миллиона фунтов стерлингов, но и образовал совместно с ним и с американским концерном «Дюпон» мировой картель взрывчатых веществ, с помощью которого эти три гиганта определяли производственные квоты и цены, делили между собою мировые рынки, сообща основывали фирмы и т. п. Тресту «Ай-Си-Ай» принадлежало не менее 12,5 процента акций «Динамитверке», крупной германской фирмы, находившейся под контролем «ИГ Фарбениндустри». В 1931 году «Ай-Си-Ай» присоединилась также к основанному трестом «ИГ Фарбениндустри» европейскому картелю красок. Чтобы полностью исключить соперничество между собой в области производства химических продуктов, «Ай-Си-Ай» и «ИГ Фарбениндустри» организовали в 1938 году совместную фирму «Треффорд кэмиклс лимитед».

Эти картельные связи двух крупнейших трестов, английского и германского, Невиль Чемберлен, связанный с ними материально, хотел распространить и на область политических отношений. Именно поэтому он так ревностно добивался того, чтобы не только вся Восточная Европа, но и Советский Союз были превращены в арену кровавых преступлений Гитлера.

«ПЛАН БАРБАРОСА»

ОБЩИЙ ОБЗОР

18 декабря 1940 года Гитлер издал директиву «план Барбаросса» о необходимости перевести подготовку к «уничтожению Советской России посредством короткой военной кампании в стадию практического осуществления». Всего за несколько месяцев до этого, в конце июля, он приказал «приступить к рассмотрению русской проблемы»!

Агрессия и блицкриг любой ценой — эти основы стратегии Гитлера были порождены задачей, поставленной перед ним германским финансовым капиталом. Извечное «Дранг нах Остен», в течение десятилетий являвшееся господствующей идеей аннексионистской политики германского империализма, теперь должно было найти свое воплощение в уничтожении Советского Союза и расширении территории, подвластной Германии. Руководители капиталистических монополий, не считающиеся ни с чем в своем желании подчинить себе восток Европы с его богатствами, ограбить его и установить там свое господство, еще до 1933 года ставили перед командованием рейхсвера задачу разработать проекты создания новой огромной империалистической германской армии и оснащения ее новейшим оружием. Сообща они обеспечили Гитлера, избранного ими «сильного человека», всем, что ему было необходимо для осуществления его планов: колоссальными денежными средствами, с помощью которых он прорвался к власти, оружием, специалистами по военному планированию, директивами по экономическому ограблению и средствами физического истребления противника.

Нарушив советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года, статья I которого обязывала подписавшие его правительства «воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами», 22 июня 1941 года Гитлер вероломно напал на Советский Союз, двинув против него весь арсенал германского

империализма. После разгрома Польши, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Люксембурга и Франции и подчинения Балканских государств Гитлер счел, что у него «наконец освободились руки» для выполнения «главной задачи — уничтожения большевизма».

Осуществление преступного «плана Барбаросса» стоило жизни миллионам немцев. И этот план потерпел крах вследствие героической борьбы Красной Армии и всего советского народа, нанесших германскому фашизму сокрушительные поражения и вынудивших в конце концов нацистскую Германию к безоговорочной капитуляции 8 мая 1945 года.

ГИТЛЕР — АНТИСОВЕТСКОЕ ОРУДИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

«Дранг нах Остен» не был изобретением Гитлера; этот лозунг с давних пор служил условным обозначением антиславянской аннексионистской политики господствующих классов Германии. Однако Гитлер вкупе со своими сообщниками сделал эту идею отправным пунктом своей внешней политики, обосновал ее грязными расистскими аргументами и претворил ее в конце концов в самое кровавое злодеяние, какое знала мировая история. Еще в 1924 году в своей книге «Моя борьба», ставшей библией нацизма, Гитлер заявил:

«Мы, национал-социалисты... начинаем с того места, на котором остановились наши предки шесть столетий назад. Мы положим конец издавна существовавшей тяге германцев на юг и запад Европы и обратим свои взоры на земли Востока... Когда сегодня мы говорим о новых территориях в Европе, то в первую очередь имеем в виду только Россию и подчиненные ей лимитрофы» [1].

Под пером Альфреда Розенберга, «идеолога» нацистского движения, антисоветская война, к которой стремились нацисты, стала выглядеть как расовое столкновение:

«Некогда Россия была основана викингами; германская стихия воздвигла препоны на пути хаоса русских степей, втиснула жителей их в рамки государственности, открывшие путь к культуре... Большевизм есть не

[1] Adolf Hitler, Mein Kampf, München, 1932, S. 742.

что иное, как возмущение монголоидов против нордических культурных формаций... Господство большевизма возможно лишь среди больных в расовом и духовном отношении народов»[1].

В представлении Гитлера, Розенберга и им подобных население огромного российского государства являлось однородной аморфной массой, потерявшей в результате Великой Октябрьской социалистической революции свою германскую верхушку: верхушку эту составляли многочисленные дворяне германского происхождения. И они, главари национал-социалистской партии, имена которых сегодня уже никто бы не помнил, если бы они не стали символом чудовищных массовых убийств, всерьез воображали, что они являются мозгом, в котором нуждается славянская плоть.

Эти бредовые авантюрные идеи вполне гармонировали с концепциями германских капиталистов, ненавидевших Советский Союз как государство, в котором у власти находился их классовый враг и об уничтожении которого они мечтали, рассчитывая одновременно таким путем расширить сферу своей власти. Поэтому Гитлер в своих речах, которые он во времена Веймарской республики произносил перед крупными банкирами, магнатами тяжелой промышленности и юнкерами, неизменно подчеркивал антисоветскую направленность предлагавшейся им внешней политики. Ведущие круги германского финансового капитала считали, что Восточная Европа призвана стать их вотчиной, областью германской экономической экспансии. И так как Гитлер сулил добиться этой цели и в качестве предпосылки обещал ликвидировать организации германского рабочего класса, они оказывали будущему фюреру широкую финансовую поддержку, осыпая его миллионными подачками, а в ноябре 1932 года категорически потребовали от рейхспрезидента Гинденбурга, чтобы он назначил Гитлера рейхсканцлером не ответственного перед парламентом правительства с диктаторскими полномочиями. Что и было сделано через несколько недель.

---

[1] Alfred Rosenberg, Der Mythus des 20. Jahrhunderts, München, 1934, S. 112—113, 114.

Никак нельзя поэтому считать случайным совпадением, что бывший генеральный директор Круппа Альфред Гугенберг, политический представитель юнкерства и влиятельных финансово-капиталистических кругов, председатель Немецкой национальной народной партии и министр экономики в первом кабинете Гитлера, 16 июня 1933 года на международной экономической конференции в Лондоне выступил с развернутой антисоветской военной программой. Изобразив для начала Гитлера авангардным борцом «против гибели Запада», Гугенберг затем быстро перешел от высокопарной фразеологии ко вполне земным делам и вытащил на свет давно отслужившую теорию «народа без пространства», которую в начале XX века Пангерманский союз всячески пропагандировал, пытаясь обосновать ею аннексионистскую империалистическую политику. Германскому народу, говорил он, «должны быть предоставлены территории, где бы он мог расселить сынов своей деятельной расы... Война, революция и внутренний распад воцарились в России, а также на территории Европы. Этот опустошительный процесс продолжается. Наш долг положить ему конец» [1].

Такой откровенный призыв к войне на международной встрече министров не раздавался со времен интервенции против молодой Советской России. Даже многие буржуазные газеты в капиталистических странах выразили возмущение этой скандальной провокацией Гугенберга. Однако, когда Советское правительство направило в Берлин свой протест, гитлеровское правительство отклонило его.

В духе этого документа (вошедшего в историю под названием «меморандума Гугенберга»), но в неизмеримо более грубой форме велась в последующие годы вся агитация Гитлера и Геббельса, направленная к разжиганию ненависти и воинственности. 7 марта 1936 года, выступая в рейхстаге, Гитлер в самых мрачных красках изобразил выдуманную им самим «угрозу Центральной Европе со стороны большевизма», «мобилизацию гигантских сил Востока против Центральной

---

[1] Schultheß' Europäischer Geschichtskalender, 75. Bd., München, 1934, S. 479—480. См. также: И. М. Майский, Воспоминания советского посла, М., 1964, кн. 1—2.

Европы», которые «разрушат существующее европейское равновесие»[1].

В следующем, 1937 году он выступил 13 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге с многочасовой поджигательской речью против Советского Союза, кульминационным пунктом которой явилось «предостережение» против «большевистской угрозы миру». В том же году фашистская Италия присоединилась к антикоминтерновскому пакту, заключенному в 1936 году между нацистской Германией и военно-фашистским правительством Японии. Неизменно прикрываясь лозунгом антисоветизма, германский империализм вел подготовку к агрессивным войнам, жертвами которых стали в тридцатые годы аннексированные Германией государства с далеко не коммунистическими и даже антикоммунистическими режимами. «Сильнейшая угроза с Востока» служила ширмой и оправданием для непрерывного вооружения с целью завоевания господства над всей Европой.

Если западные державы усматривали в Гитлере наиболее откровенного и решительного поборника их же собственной антисоветской политики и вследствие этого благоприятствовали укреплению его позиций, то Гитлер со своей стороны ловко использовал это обстоятельство для многолетней постепенной подготовки к агрессии. В своем обращении 3 февраля 1933 года к командующим рейхсвера, он заявил:

«Мы должны втайне на сто процентов завершить всю экономическую и военную подготовку, и только тогда, когда мы достигнем этого, мы сможем выступить. Тогда мы будем иметь свободу решения»[2].

Для осуществления этой цели, то есть для уничтожения Советского Союза, германским монополистам и генералам нужно было иметь общий военно-политический и стратегический план, массовую армию, глубокий тыл для использования экономического и военного потенциала, а также союзников. При участии командования рейхсвера исподволь проводились подготовительные мероприятия, так что к 1933 году часть замыслов

---

[1] «Schultheß' Europäischer Geschichtskalender», 77. Bd., München, 1936, S. 42, 47.

[2] Цитируется по: «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (Stuttgart), 7 Jg. 1959, 4. Heft, S. 432.

Гитлера в области военных приготовлений была уже осуществлена генеральным штабом: были сконструированы образцы оружия, заводы и лаборатории получили задания разработать технические проекты. На базе этих проектов и планов вырос «германский вермахт», численность которого в 1933 году составляла 100 тысяч человек, а в 1941 — 7234 тысячи человек. Число дивизий увеличилось в 21 раз. К 1936 году возникло свыше 300 новых предприятий по производству вооружений. Расходы на вооружение быстро росли: в 1935/36 году они составляли 5 миллиардов рейхсмарок, а к 1938/39 году они увеличились до 16 миллиардов рейхсмарок.

Западные державы, весьма далекие от того, чтобы тревожиться по поводу такого опасного развития событий в сердце Европы, поощряли Гитлера к дальнейшим шагам в том же направлении. На его заявление в марте 1935 года «о восстановлении суверенного права на оборону» Великобритания реагировала в том же году заключением с ним морского соглашения, давшего Гитлеру свободу рук также и в области морских вооружений. Весьма влиятельные капиталистические круги Англии, Франции и США придерживались мнения, «что Германия должна занять господствующее положение на Европейском континенте, так как нацизм является единственной преградой против большевизма» [1].

Генерал-майор фон Лосберг, сотрудник гитлеровского штаба оперативного руководства вооруженными силами, подтвердил это в своих воспоминаниях, оценивая обстановку с точки зрения военного деятеля нацистского государства: «У командующих вооруженными силами крепло убеждение, что западные державы в конечном счете не без одобрения наблюдали за военными усилиями (Германии), учитывая существование Советской России» [2].

Мероприятия по вооружению сопровождались, с одной стороны, злобной антибольшевистской пропагандой, а с другой — примирительными заявлениями в адрес западных держав, в первую очередь Англии,

---

[1] Richard W. van Alstyne, American Diplomacy in Action, Stanford, 1944, p. 379.

[2] Bernhard von Loßberg, Im Wehrmachtsführungsstab, Hamburg, 1950, S. 11—12.

и все это дополнялось заверениями в миролюбии, обманом народов и лживыми внешнеполитическими заявлениями. Такой образ действий является вполне естественным для германского империализма. Чрезвычайно важно подчеркнуть это, так как западногерманский империализм в лице многочисленных сообщников и последователей Гитлера — Геббельса — Риббентропа пользуется точно такими же приемами. Гитлер довел эту свою специфическую тактику до совершенства, а его духовно-политические наследники в ФРГ восприняли ее и применяют вот уже десятилетия после второй мировой войны.

Дав в начале марта 1936 года германской армии приказ оккупировать демилитаризованную Рейнскую область, Гитлер торжественно объявил в рейхстаге:

«Мы не имеем каких-либо территориальных притязаний в Европе» [1].

В тот же самый день он дал указание разработать докладную записку о необходимости обеспечения к 1940 году готовности Германии к войне и превращения вермахта в «самую мощную армию в мире», исходя из «основного положения, что столкновение с Россией неизбежно» [2].

Публично говорить о мире и в то же время за закрытыми дверями давать указания готовиться к захватам — по такому рецепту Гитлер будет отныне неизменно действовать.

Он заверит Австрию в своем уважении к ее независимости: у него нет «ни намерения, ни желания... аннексировать или присоединить Австрию» [3], а вслед за тем Австрия будет аннексирована.

В день оккупации Австрии он сообщит правительству Чехословакии, что не замышляет и не предпримет против этого государства ничего дурного, но через полгода лишит эту самую Чехословакию обширных областей, а еще через несколько месяцев полностью ее оккупирует.

---

[1] Речь в рейхстаге 7 марта 1936 года, см. «Schultheß' Europäischer Geschichtskalender», a. a. O., 77. Bd.

[2] «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (Stuttgart), 1955, Heft 2, S. 205. См. также IMG, Bd. XXXVI. Dok. 416-EC, S. 490.

[3] Речь в рейхстаге 21 мая 1935 года. Текст см. в «Dokumente der Deutschen Politik», Berlin, 1935, Bd. III, S. 94,

Он даст гарантии неприкосновенности границ Польши, даже сделает Польшу своим соучастником в разгроме Чехословакии, и в том же самом году разрушит Польшу дотла с помощью танковых армий и десятков бомбардировщиков.

Его приемы стали классическими образцами лицемерия империалистической дипломатии, в практике которой слова всегда опровергаются делами.

Однако, неустанно твердя о своих добрых намерениях в области внешней политики, Гитлер стремился обмануть не только мировое общественное мнение. После своей победы в Мюнхене он недвусмысленно заявил на совещании главных редакторов нацистских газет, что его речи о мире имели своей главной целью ввести также и немецкий народ в заблуждение относительно истинных намерений правительства:

«Обстоятельства вынудили меня в течение целого десятилетия говорить почти исключительно о мире. Только неуклонное подчеркивание миролюбия и мирных намерений Германии позволило мне дать германскому народу... вооружение, которое всякий раз оказывалось необходимой предпосылкой для следующего шага» [1].

Короче, разговоры о мире и одновременно подготовка к агрессии.

Гитлер сам разоблачил коварство и злонамеренность этой пропаганды, заявив о необходимости «так объяснять немецкому народу определенные внешнеполитические процессы, чтобы вскоре он сам, по внутреннему побуждению стал требовать применения силы» [2].

Выше в этой книге мы описали постыдные махинации, к которым весной и летом 1939 года прибегали правительства Англии и Франции при поддержке США, чтобы избежать заключения соглашения о безопасности с Советским Союзом. Это делалось в надежде побудить германский империализм двинуть свою военную машину на Восток. Цель западных империалистов была очевидной: натравить, как цепного пса,

---

[1] Речь Гитлера перед представителями германской печати «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (Stuttgart), 1958, Heft 2, S. 182.

[2] Ibidem.

на Советский Союз германскую армию, оснащенную благодаря стараниям Гитлера и его генералов самым современным оружием. Правители в Лондоне и Париже рассчитывали, что Гитлер нападет на Польшу, а затем окажется у советских границ, так что и там дело дойдет до войны. Об оказании помощи Польше английское и французское правительства и не думали, хотя они и были связаны с ней союзными договорами. Доказательством этому явилось их абсолютное бездействие во время нападения Гитлера на Польшу в сентябре 1939 года.

Опасность для Советского Союза тогда была особенно велика, так как он находился в состоянии необъявленной войны с Японией, напавшей на союзную с СССР Монгольскую Народную Республику. Там происходили ожесточенные бои между советскими и японскими войсками, и западные империалисты надеялись, натравив Гитлера на Советский Союз, вовлечь последний в войну на два фронта, а самим остаться при этом в стороне.

Чтобы сделать положение Советского Союза еще более критическим, правительство Польши (которой непосредственно угрожал Гитлер), поощряемое Парижем и Лондоном, отказалось разрешить Советскому Союзу, готовому прийти ей на помощь, провести через ее территорию войска навстречу наступающим войскам Гитлера.

Это была дьявольская игра: Советский Союз должен был подвергнуться нападению наступавшей многомиллионной армии германского империализма на своей границе (которая проходила тогда недалеко от Минска) и одновременно продолжать войну с Японией, а Англия и Франция рассчитывали при этом оказаться в роли непричастной к делу третьей стороны, посмеивающейся и потирающей от удовольствия руки.

Политика правящих кругов западных империалистических стран основывалась на следующих расчетах:

1. Из классово-политических соображений следует обеспечить существование нацизма и в известной степени укреплять его, поскольку он является «бастионом западной цивилизации против большевизма».

2. Для того чтобы нацизм мог существовать, следует предоставить ему возможность экспансии.

3. Когда нацизм вступит на путь экспансии, то, само собой разумеется, она не должна быть направлена в сторону Запада, так как это было бы опасно для западных держав. Ее следует направить на Восток, против славянских народов, главным образом против социалистического Советского Союза, потому что это было бы весьма выгодно для империалистических держав.

4. Чтобы придать национал-социалистской экспансии желательное направление, необходимо помочь нацистам устранить препятствия, преграждающие им путь к Советскому Союзу. Именно поэтому в жертву была принесена Австрия, по мюнхенскому сговору в руки Гитлера попала Чехословакия и фактически была решена судьба Польши. Мир на Западе, война на Востоке — такова была тайная программа так называемой «политики умиротворения» премьер-министров Англии и Франции Чемберлена и Даладье. Они желали одним ударом убить нескольких зайцев: руками Германии, своего конкурента, нанести удар их общему главному врагу (главному, потому что это был классовый враг), отвлечь от себя таким путем агрессивность своего империалистического конкурента и в то же время, втравив его в войну с Советским Союзом, ослабить его не меньше, чем его жертву. После этого Лондон и Париж могли бы стать господами и умиротворителями Европы.

Для Советского Союза было вопросом жизни и долга перед рабочим классом всего мира не допустить того, чтобы первое и тогда единственное социалистическое государство попало в эту ловушку и было зажато в тиски войны на два фронта. Поскольку Англия, Франция и Польша саботировали и в конце концов отклонили честное соглашение о взаимопомощи, которого добивался Советский Союз, то в качестве последнего выхода оставалось принять предложение о заключении пакта о ненападении, неоднократно повторенное германским правительством. Это дало Советскому правительству возможность, после того как Гитлер развязал войну, оградить миллионы людей, населявших Восточную Польшу, а также Литву, Латвию и Эстонию, от фашистской оккупации и получить передышку, продолжавшуюся год и девять месяцев.

Когда буржуазные историки клеветнически говорят о четвертом разделе Польши, они умышленно не замечают и обходят тот факт, что Советский Союз фактически спас значительную часть польского населения от фашистского рабства и гибели. Даже Уинстон Черчилль, в то время морской министр британского правительства, вынужден был признать в своей речи по радио 1 октября 1939 года, что этот акт Советского Союза является не агрессией, а оборонительной операцией: «...то, что русские армии вышли на эту линию, очевидно, было необходимо для обороны России от нацистской опасности. Во всяком случае, они стоят на этой линии, и таким образом создан Восточный фронт, который нацистская Германия не осмеливается атаковать» [1].

Статья I советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 года гласила, что германское правительство и правительство СССР «обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами». Однако 23 ноября 1939 года, ровно через три месяца после подписания договора, то есть едва лишь на нем высохли чернила, Гитлер заявил в узком кругу своих генералов:

«У нас есть договор с Россией. Договоры соблюдаются до тех пор, пока это представляется целесообразным» [2].

Полгода спустя после оккупации Голландии, Бельгии и Люксембурга и еще в ходе наступления вермахта на Францию Гитлер начал подготовку к нападению на Советский Союз. В разговоре с фельдмаршалом фон Браухичем он потребовал усовершенствования оснащения и увеличения числа моторизованных соединений, мотивируя это тем, что в непродолжительном

---

[1] «The Times», 2. October 1939, см. также Winston Churchill, Reden 1938—1940, Zürich, 1946, S. 207.

[2] Представлено на Нюрнбергском процессе в качестве документа 789-С. Цит. по книге: H. Holldack, Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik, München, 1949, S. 460.

будущем предстоит оккупировать на Востоке новые области[1].

Это было 28 мая 1940 года. Через четыре дня (бои с британским экспедиционным корпусом в районе Дюнкерка все еще продолжались) Гитлер, находясь в штабе генерал-полковника фон Рундштедта, с удовлетворением констатировал, что теперь «наконец-то у него освободились руки... для выполнения главной задачи: сражения с большевизмом»[2].

Не вызывающий никаких сомнений главный свидетель, тогдашний начальник генерального штаба генерал-полковник Гальдер, внес в свой военный дневник протокольные записи нескольких совещаний штаба оперативного руководства вермахта, состоявшихся в июле 1940 года, на которых Гитлер дал указания о планировании нападения на Советский Союз. На совещании 21 июля Гитлер дал приказ:

«Начать рассмотрение русской проблемы...

а) Стратегическое сосредоточение и развертывание займет от 4 до 6 недель.

б) Разгромить русскую армию... Желательно продвинуться так далеко, чтобы наша авиация могла подвергнуть сокрушительной бомбардировке важнейшие области России.

в) Политическая цель:
Украинское государство
Прибалтийский союз государств
Белоруссия — Финляндия
Прибалтика, «шип вонзившийся в тело».

г) Необходимо от 80 до 100 дивизий. У России есть от 50 до 75 боеспособных дивизий»[3].

Через 10 дней, 31 июля 1940 года, Гальдер кратко записывает указания Гитлера при новом обсуждении этого вопроса с генералами:

«Решение: В ходе этого столкновения Россия должна быть сокрушена. Весна 1941 года. Чем скорее мы разгромим Россию, тем лучше. Операция имеет смысл

---

[1] «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» (Stuttgart), 1953, Heft 4, S. 302.

[2] Andreas Hillgruber, Hitlers Strategie, Politik und Kriegsführung 1940—1941, Frankfurt (Main), 1965, S. 145.

[3] Franz Halder, Kriegstagebuch, Bd. III, Stuttgart, 1963, S, 32.

лишь в том случае, если мы одним ударом нанесем этому государству тяжелое поражение. Завоевание части территории само по себе не является достаточным достижением» [1].

Одновременно в оккупированной Польше началось строительство дорог для запланированного развертывания сил. Генерал-майор Эрих Маркс, начальник штаба 18-й армии, представил 5 августа 1940 года генеральному штабу сухопутных сил первый вариант плана агрессии.

В то же время происходило сосредоточение соединений вермахта на территории Польши. К 20 июля 1940 года на восточный театр были передислоцированы: один штаб армии (18-й), шесть штабов корпусов и 15 дивизий. Чтобы освободить достаточно места для прибывающих сюда новых боевых соединений, запасные войсковые части из 1-го военного округа (Восточная Пруссия) были срочно передислоцированы в «протекторат Богемия — Моравия», а из 8-го военного округа (Силезия) — в Эльзас. Таким путем удалось в короткий срок удвоить тут число ударных соединений. В октябре в восточном районе развертывания находились: один штаб группы армий, три штаба армий, десять штабов корпусов, 25 пехотных дивизий, три танковые дивизии, одна моторизованная пехотная дивизия и одна кавалерийская дивизия. Для руководства развертыванием войск штаб главного командования сухопутных сил 30 октября 1940 года был перемещен из Фонтенбло в Цоссен. Уже летом 1940 года старший адъютант вермахта полковник Шмундт выбрал по заданию Гитлера в лесах Растенбурга в Восточной Пруссии место для новой ставки фюрера — «Вольфсшанце» [2], предназначенной для «восточного похода».

ДВА ЛЖИВЫХ УТВЕРЖДЕНИЯ В ИСТОРИОГРАФИИ

Мы придаем такое большое значение приведенным выше документальным данным и фактам потому, что они дают возможность опровергнуть два лживых утверждения, фальсифицирующих историю. Согласно

---

[1] Ibid., S. 48.

[2] «Wolfsschanze» — «Волчье логово» *(нем.)*.

одному из них — распространяемому преимущественно западноевропейскими и североамериканскими историками, — Гитлер решился напасть на Советский Союз только после того, как осенью 1940 года потерпело неудачу германское воздушное наступление на Англию, которое, по мнению этих историков, должно было послужить прелюдией к вторжению в Великобританию. Усомнившись и отчаявшись в возможности покорить Англию, Гитлер повернул на восток.

В действительности летом и осенью 1940 года, после капитуляции Франции, Англия находилась в состоянии крайней уязвимости, так как у нее не было армии. Если вопреки этому Гитлер не попытался добиться тут решающей победы, то только потому, что в тот момент не хотел этого и с самого начала принял решение нанести следующий удар по Советскому Союзу. Все направленные против Англии военные планы и демонстрации, известные под кодовым наименованием операция «Морской лев», в первую очередь предназначались для усиления политического нажима на английское правительство с целью принудить его к заключению сепаратного мира с Германией. Все, что Гитлер предпринимал против Англии с июля до осени 1940 года, было лишь средством запугивания ее, так как он хотел побудить ее к капитуляции с помощью воздушных атак. Однако этими налетами авиации, сопровождавшимися шумной пропагандой, нацистская Германия на деле маскировала свою подготовку к нападению на Советский Союз, осуществлявшуюся в широких масштабах. Гитлер исходил из расчета, что, после того как он одержит победу над Советским Союзом, Великобритания станет легкой добычей германского империализма.

Второе лживое утверждение распространялось самими гитлеровцами, которые пытались задним числом оправдать свою политику, заявляя, что они были вынуждены прервать свои действия против Англии и решиться на превентивную войну против Советского Союза, так как последний намеревался напасть на Германию.

В Федеративной Республике Германии это утверждение, тысячекратно опровергнутое и осужденное на

Нюрнбергском процессе главных военных преступников, пропагандируется совершенно открыто [1].

Тут остается только взять Гитлера в свидетели против Гитлера. 19 июля 1940 года, когда его решение уничтожить Советский Союз, совпадающее с желаниями германского монополистического капитала, было уже принято, он заявил в рейхстаге: «Германо-русские отношения наконец определились. Всякая надежда, что в процессе их развития между Германией и Россией может возникнуть напряженность, является ребячеством» [2].

В духе этого заявления высказывались в последующие месяцы пресса и радио. Центральный орган нацистской партии газета «Фёлькишер беобахтер» призывала 15 ноября 1940 года «к углублению дружественных отношений Германии с Россией. Испытанное правило государственной политики — избегать конфликтов со странами, с которыми нас не разделяют какие-либо серьезные экономические и национальные противоречия».

Мирные заверения для общественности. За ее спиной, однако, Гитлер 18 декабря 1940 года издал директиву «план Барбаросса». Насколько нам известно, именно тогда это название появилось впервые. До этого времени подготовка ограничивалась предварительными мероприятиями; теперь же она вступила в решающую стадию — все виды вооруженных сил получили детальные планы. В этом теперь уже вполне конкретном плане нападения говорилось:

«Германские вооруженные силы должны быть го-

---

[1] Фашистский историк Валенди, член президиума неонацистской партии НДП, осмеливается утверждать, что гитлеровские фашисты не имели никакой программы завоеваний, никаких планов истребления и порабощения других народов. План нападения на Советский Союз, известный под названием «план Барбаросса», не был связан ни с какими завоевательными намерениями, а был составлен «исключительно с целью упредить непосредственно угрожавшие Германии сокрушительные удары Красной Армии». Лишь позднее, в ходе военных действий, «приобрела серьезное значение мысль о завоевании жизненного пространства» (Udo Walendy, Wahrheit für Deutschland, Vlotho Weser, 1964, S. 306). Эта книга, разумеется, распространяется в ФРГ вполне легально.

[2] Речь Адольфа Гитлера в рейхстаге 19 июля 1940 года.

товы... уничтожить Советскую Россию посредством короткой военной кампании... Решающее значение придается тому, чтобы замысел нападения не был обнаружен» [1].

Замысел нападения не должен быть обнаружен — поэтому надо было обманывать и германский и советский народы. Через несколько дней после издания директивы «план Барбаросса», а именно 25—26 декабря 1940 года, «Фёлькишер беобахтер» писала:

«Германия и Россия... имеют мирный договор, заключенный на долгие годы».

Несколько недель спустя, 14 февраля 1941 года, гитлеровский центральный орган заявлял, касаясь мирной политики Советского Союза, что все строительство и индустриализация России рассчитаны на мирное будущее.

В оправдание своего вероломного нападения, совершенного в предутренней мгле 22 июня 1941 года, Гитлер выступил в рейхстаге с утверждением (которое затем повторял многократно), что его нападение было, так сказать, актом самообороны, направленным против уже отмобилизованной Красной Армии, что Германии угрожала советская авиация и что советское нападение было вопросом дней, так что вермахт вынужден был упредить советские вооруженные силы. Как мы уже видели, факты говорят о другом.

За четыре недели до гитлеровского нападения, 24 мая 1941 года, германский посол в Москве граф фон дер Шуленбург в своем телеграфном сообщении министерству иностранных дел дал следующую оценку политики Советского правительства. По его мнению, она была «направлена на то, чтобы, соблюдая собственные интересы, ослабить напряженность между Советским Союзом и Германией и добиться улучшения атмосферы в будущем... То, что эта внешняя политика в основном направлена на предотвращение конфликта с Германией, доказывает также позиция, занятая Советским правительством в последние недели, тон советской печати, безупречно трактующей все со-

---

[1] «Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939 bis 1941, Dokumente des Auswärtigen Amtes», Tübingen, 1949, S. 298.

бытия, касающиеся Германии, а также выполнение экономических соглашений, заключенных с Германией» [1].

Через две недели, 6 июня 1941 года, гитлеровский посол подкрепил свое мнение о мирной направленности политики Советского правительства словами, что «Россия будет воевать только в том случае, если на нее нападут. Все военные мероприятия носят чисто оборонительный характер».

Мы могли бы привести во много раз больше высказываний авторитетных антикоммунистических деятелей — генералов, дипломатов, политиков, историков так называемого западного мира. Все они утверждают, что Советский Союз не помышлял о нападении на Германию и что Красная Армия в 1941 году не была готова к наступательным действиям.

Не было никакого плана операции подобного рода и концентрации войск, необходимой для такой цели. В проекте «операции Ост», подготовленном по приказу командующего сухопутными войсками в июле 1940 года, генерал-майор Маркс с сожалением констатировал: «Русские не окажут нам дружеской услуги, совершив на нас нападение» [2].

Нет, Советский Союз не помышлял о нападении на кого-либо. Однако германский империализм хотел напасть на него во что бы то ни стало. И не только напасть, но и грабить, разбойничать, уничтожать и совершать массовые убийства людей. Все это хладнокровно планировалось, предписывалось директивами, устно внушалось командирам еще до того, как раздался первый выстрел.

30 марта 1941 года Гитлер обратился к командующим вооруженными силами с речью, в которой сделал следующие уточнения:

«Наши задачи в России: предстоит война на уничтожение. Мы воюем не для того, чтобы сохранить противника... Уничтожение большевистских командиров и

---

[1] «Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939 bis 1941. Dokumente des Auswärtigen Amtes», S. 396.

[2] «Wehrwissenschaftliche Rundschau» (Berlin — Frankfurt/Main), Beiheft 2 März 1956, S. 69.

коммунистической интеллигенции... Нельзя допускать образования новой интеллигенции»[1].

Это был приказ об осуществлении массового уничтожения, и присутствовавший при этом упомянутый нами выше генерал Варлимонт позднее показал перед судом, что ни один из бывших на этом совещании 250—300 генералов и адмиралов, на которых Гитлер возложил эту позорную задачу, ни слова не возразил против призыва планомерно убивать военнопленных. Германский империализм все еще заверял общественность в своем стремлении к миру с Советским Союзом, однако его главное доверенное лицо уже отдавало приказы об убийстве миллионов советских граждан.

И их убивали. Их расстреливали, вешали, травили газами, морили голодом. В то самое время, весною 1941 года, когда Гитлер давал приказы об убийстве миллионов людей, Геринг заявил в экономическом штабе «Ост», касаясь вопроса о предстоящем нападении:

«При этом несколько десятков миллионов жителей, несомненно, вымрут от голода, если мы вывезем из страны все необходимое для нас»[2].

«Необходимое» включало все продукты питания и все жидкое топливо, и все это надлежало вывозить по указанию фельдмаршала Кейтеля, данному также весною 1941 года.

Геббельс, записывая в своем дневнике 15 июня 1940 года, что, по его мнению, война против Советского Союза продлится не более трех месяцев, потому что большевистский режим развалится как карточный домик, ликовал:

«Итак, вперед! Нас манят к себе богатые нивы Украины». А Гитлер еще раз перечислил цели и методы:

«В принципе задача сводится к тому, чтобы разделить на части этот гигантский пирог так, чтобы мы, во-первых, смогли овладеть им, во-вторых, управлять им и, в-третьих, использовать его для своих нужд... Это колоссальное пространство следует умиротворить

---

[1] Hans-Adolf Jacobsen, 1939—1945. Der 2. Weltkrieg in Chronik und Dokumenten, Darmstadt, 1959, S. 205—206.

[2] Документ ND PS-2718 на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

как можно скорее... Наилучший способ достигнуть этого — расстреливать каждого, кто посмотрит на нас косо» [1].

Нет, не вынужденные оборонительные действия; здесь готовилась и велась хорошо продуманная, заблаговременно запланированная война, и велась она с целью ограбления и уничтожения противника. И разумеется, не один только Гитлер и его сообщники в военных мундирах жаждали войны с Советским Союзом и возлагали на нее столько надежд. Такое изображение событий западногерманскими, американскими и английскими историками искажает действительность и должно быть отвергнуто не только ради восстановления исторической истины, но и потому, что оно мешает правильной оценке сил, которые в настоящее время занимают антисоветские воинственные позиции.

АЛЧНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

Задолго до прихода Гитлера к власти германский финансовый капитал указал путь, на который Гитлер должен был вступить с оружием в руках. Самый влиятельный человек в самом мощном концерне Веймарской республики — Карл Дуисберг, председатель наблюдательного совета «ИГ Фарбениндустри» и президент Имперского союза германской промышленности, — заявил 24 марта 1931 года в Мюнхене:

«Для таких государств Юго-Восточной Европы, как Югославия, Румыния и Венгрия, вопрос сбыта их сельскохозяйственной продукции является, по существу, вопросом существования... Что может быть для этих государств естественнее, чем искать экономического соглашения с Германией как с сильнейшим партнером?»

Однако этого было мало Дуисбергу, который, помимо всего прочего, был депутатом рейхстага и, естественно, занимал место на правых скамьях парламента.

---

[1] Речь Гитлера на совещании в имперской канцелярии с Герингом, Кейтелем, Розенбергом, Борманом и Ламмерсом 16 июля 1941 года. См. документ НД СССР-170 на Нюрнбергском процессе главных военных преступников.

Он ратовал за соглашение с Францией с целью образования «сплоченного экономического блока на пространстве от Бордо до Одессы», ядром которого должна была, конечно, стать Германия [1].

Здесь в качестве постулата было высказано то, что десятилетие спустя начало претворять в жизнь нацистское государство. Не удивительно, что Дуисберг от всего сердца приветствовал приход Гитлера к власти. «При режиме, установленном Адольфом Гитлером, Германия вновь станет могущественной», — заявил он газете «Энформасьон» [2].

Дуисберг не дожил до нападения нацистской Германии на государства Европы. Однако один из его преемников, Карл Краух, председатель наблюдательного совета концерна «ИГ Фарбениндустри» и главный советник Геринга, второго после Гитлера нацистского фюрера, не скупился на слова и дела, желая показать, что тактика и стратегия Гитлера находятся в полной гармонии с концепциями финансового капитала.

«Сегодня, так же как это было в 1914 году, политическое и экономическое положение Германии, по-видимому... требует быстрого военного решения путем сокрушительных ударов в самом начале военных действий».

Итак, блицкриг! Это пресловутое открытие, якобы сделанное Гитлером, фактически было вызвано к жизни наказом финансового капитала. Его влиятельнейший представитель Карл Краух сформулировал этот наказ 28 апреля 1939 года, то есть за четыре месяца до начала второй мировой войны, в своем докладе на заседании генерального совета ведомства по осуществлению четырехлетнего плана.

Сославшись на недостаточную для ведения войны обеспеченность Германии жидким топливом, Краух потребовал «создания единого экономического блока четырех европейских партнеров по Антикоминтерновскому пакту, к которому вскоре должны будут присоединиться Югославия и Болгария. Блок должен будет распространить свое влияние на Румынию, Турцию

---

[1] «Berliner Börsen-Courier und Deutsche Allgemeine Zeitung», 25. März 1931.

[2] «Berliner Börsen-Zeitung», 27. Dezember 1933.

и Иран». Уже тогда король красок думал также и о войне против Советского Союза, так как подчеркнул «необходимость использования Украины в экономическом отношении» [1].

Об этой программе подчинения Европы нацистской Германии (изложенной в протоколе генерального совета ведомства по осуществлению четырехлетнего плана) говорил в мае 1939 года также статс-секретарь Людвиг Кепплер. Перед собравшимися на заседании центрального совета рейхсбанка представителями финансовой олигархии этот советник Гитлера по экономическим вопросам (в свое время он помог установить первый контакт между нацистским фюрером и рурскими промышленниками) заявил, что Советский Союз должен быть германизирован до Урала [2].

О подобных захватнических целях говорилось на закрытых совещаниях всемогущих. Когда разразилась вторая мировая война и германские империалисты были окрылены первоначальными успехами (которые достаются агрессору всегда легко), господа из «ИГ Фарбениндустри» стали выражаться еще точнее. Весной 1940 года после поражения Польши, Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Люксембурга и Франции руководство «ИГ Фарбениндустри» наметило генеральный план «нового порядка» с целью передела богатств Европы и мира в пользу германского империализма. Мы не будем рассматривать здесь отдельные аспекты плана, изложенного примерно на ста страницах и предусматривавшего создание подчиненного Германии «обширного экономического района» Европы (включая Великобританию), что должно было позволить Германии успешно выдерживать конкуренцию с монополиями США, Японии и Италии. Не был забыт и Советский Союз, который «должен быть упомянут в этой связи как фактор, способный оказывать влияние на связи европейской химии с прочими обширными районами и мешать им» [3].

---

[1] DZA Potsdam, IG-Farben-Prozeß, Film-№ 413, Dok. № EC 282.

[2] Fritz Thyssen, I paid Hitler, London, 1941, p. 47, 55, 56.

[3] Документ NI-11252 на процессе руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри», ADB 51.

Концерн «ИГ Фарбениндустри» так основательно подготовился к устранению этого «мешающего фактора», что уже 28 июня 1941 года, через неделю после нападения Германии, директор «ИГ Фарбениндустри» Отто Амброз (приобретший впоследствии позорную известность и осужденный за участие в массовых преступлениях против человечности в концентрационных лагерях) сообщил вышеупомянутому председателю наблюдательного совета «ИГ Фарбениндустри» Карлу Крауху, кто из деятелей концерна «является подходящей кандидатурой для отправки в Россию и приема тамошних предприятий по производству синтетического каучука... Таким образом, я надеюсь, что благодаря этой подготовке мы сможем вскоре использовать русскую каучуковую промышленность для наших нужд» [1].

Мы уделяем так много внимания концерну «ИГ Фарбениндустри» потому, что он являлся одной из главных опор империалистической экономики нацистской Германии. Однако не только этот, но и другие ведущие концерны и важнейшие государственно-монополистические экономические объединения были осведомлены о готовящейся войне против Советского Союза и принимали участие в планировании, связанном с «планом Барбаросса».

После того как в ноябре 1940 года Геринг информировал начальника управления военной экономики и военной промышленности главного командования вермахта генерала Томаса о планируемом вторжении в Советский Союз, созданный Томасом «Рабочий штаб Россия» занялся изучением рудных и нефтяных месторождений Советского Союза, их размещения и производительности эксплуатирующих их предприятий (в первую очередь предприятий металлургической промышленности и промышленности цветных металлов), а также возможности использования их для нужд германской экономики. В докладной записке Герингу от 13 февраля 1941 года Томас подчеркивал: «Области южнее Волги и устья Дона, включая Кавказ, должны

---

[1] Документ NI-4446, дело VI, процесс руководителей концерна «ИГ Фарбениндустри», ADB 63. Хранится в Германском центральном архиве (DZA), Потсдам, фильм № 419.

учитываться при планировании операций. Кавказский нефтеносный район совершенно необходим для использования оккупированных областей»[1].

Эта добыча, к которой тянулись жадные руки крупных германских монополий и которую они поделили за четыре месяца до нападения, должна была осваиваться акционерным обществом «Континентале Ёль», созданном 27 марта 1941 года усилиями «ИГ Фарбениндустри» и «Дейче банк». Состав руководителей этого общества показывает, кто имел в нем решающий голос: за председателем административного совета «Конти-Ёль» Эрнстом Рудольфом Фишером, директором «ИГ Фарбениндустри», стоял весь этот огромный химический концерн во главе с Бютефишем и Краухом. Заместителем председателя «Конти-Ёль» был Карл Блессинг, член дирекции Рейхсбанка (*до 1917 года директор Бундесбанка ФРГ,* то есть один из самых влиятельных деятелей ФРГ). Его сотрудниками были Абс, Функ, Кепплер и Раше. Эта группа добилась предоставления ей исключительного и гарантированного права на владение в течение 99 лет всей нефтяной промышленностью Советского Союза и других иностранных государств.

Уже при подведении первых итогов 13 января 1942 года Карл Блессинг имел основание торжествовать: «Континентале Ёль» широко развернула свою деятельность в Прибалтийских советских республиках, в Белорусской ССР и на Украине. Чтобы еще больше форсировать этот грабеж и до конца использовать исключительные привилегии акционерного общества в оккупированных областях Советского Союза, Блессинг выдвинул новые требования, идущие еще дальше. Ибо там, где устанавливал свое влияние германский финансовый и промышленный капитал, в первую очередь трест «ИГ Фарбениндустри», действовал девиз: грабить с максимальной энергией и в максимальных пределах!

Помимо концернов химической промышленности, к завоеванию Советского Союза жадно стремились и

---

[1] Georg Thomas, Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918 bis 1943—1945), Boppard (Rhein), 1966, S. 531 f.

готовились верные своей традиционной пангерманской политике металлургические и стальные концерны, которые контролировали также горнодобывающую промышленность. Немецкий и, естественно, советский народы еще верили в незыблемость договора о ненападении, а между тем 28 февраля в подготовку агрессии «включились достойные доверия лица из германских концернов» [1].

Многое из того, что планировали и готовили германские миллионеры и что нашло отражение в уничтоженных ими позднее документах, сейчас уже забыто. Однако осталось достаточно, чтобы уличить противников мира между народами, вновь обретших могущество в Западной Германии. С каким цинизмом эти господа принялись делить, по выражению Гитлера, гигантский советский пирог, свидетельствует, например, записка д-ра Райхарда, начальника иностранного отдела концерна Отто Вольфа, который монопольно контролировал оптовую торговлю изделиями металлургической и стальной промышленности. Через четыре дня после нападения на Советский Союз д-р Райхард записал:

«В области металлургической и сталелитейной промышленности для всех предполагаемых административных районов (Ленинград, Москва, Киев и Кавказ) намечены следующие ответственные руководители:

1. Для Ленинграда г-н директор Коршан (акционерное общество «Крупп»).

2. Для Москвы г-н директор Гертнер (имперские предприятия Германа Геринга).

3. Для Киева г-н директор д-р фон Брук (акционерное общество «Хёш»).

4. Для Кавказа — еще не назначен...

Наиважнейшей областью является Украина, где добывается 22 миллиона тонн железной руды, 1,8 миллиона тонн марганца, производится 12 миллионов тонн стали и имеется около 35 крупных плавильных и прокатных заводов... В ходе совещания я дал г-ну д-ру

---

[1] Совещание 28 февраля 1941 года у генерала пехоты Томаса об организационно-экономической подготовке к нападению на Советский Союз. Цит. по: Fall 5. Anklageplädoyer, ausgewählte Dokumente, Urteil des Flick-Prozesses, Berlin, 1965, S. 254—256.

фон Бруку [уполномоченному по южнорусской металлургической промышленности. — *А. Н.*] разъяснения об организации нашей будущей системы управления бывшими советскими металлургическими, прокатными и прочими предприятиями» [1].

Позднее Верхнесилезский институт экономических исследований, работавший по заданиям немецких аристократов, являвшихся одновременно крупными землевладельцами, угольными магнатами и владельцами металлургических и стальных предприятий, заявил:

«Восток — и в частности Украина и Донбасс — станет базой верхнесилезской металлургической промышленности... В этом смысл титанических усилий наших вооруженных сил в сражении на Востоке» [2].

Народу внушали, что Германия обороняется от большевистской опасности, что война ведется ради спасения западных культурных ценностей и Европы, защиты германской расы от славянской угрозы и тому подобное. Оставаясь в узком кругу, правители Германии вели между собой куда более деловые разговоры. От мнимых идеалов тогда ничего не оставалось, смыслом и целью гибели миллионов людей становился неприкрытый грабеж — захват нефти, угля, руды, всех советских заводов, нив, железнодорожного подвижного состава. Плевать хотели эти господа на международное право. Как заявил Герман Абс, деятель крупнейшего финансового учреждения «Дейче банк» (56 раз избиравшийся в его наблюдательный совет) и вожак империалистической разбойничьей шайки: «До́лжно исходить из того, что после войны Германия будет господствовать в Европе и что, следовательно, восточные и юго-восточные европейские области станут германской территорией» [3].

Господин Абс ошибся. Германии не удалось установить свое господство над Европой. Однако произошло то, что в 1945 году мир считал невозможным: Абс,

---

[1] Wojewodzkie Archiwum Państwowe, Katowice, Oberschl. Berg- und Hüttenmännischer Verein, Gleiwitz, № 35.

[2] Отчет от 29 июля 1942 г. в: WAP, Katowice, Oberschlesisches Institut für Wirtschaftsforschung, № 10, Bl. 119.

[3] Речь на заседании торгово-политической комиссии имперской экономической палаты 17 июля 1941 года.

активнейший участник нацистских преступлений, рыцарь-разбойник XX века, нацистский финансист, обокравший банки и заводы запада, юго-востока и востока Европейского континента, стал после второй мировой войны руководителем экономики Западной Германии, с 1949 года занимал посты канцлера и министра между Рейном и Эльбой, словом, вновь как ни в чем не бывало стал вдохновителем и руководителем империалистической политики финансового капитала.

Кого боги хотят погубить, того лишают разума. Такова, по-видимому, судьба германских империалистов, которые, как говорил прославленный некогда английский поэт, «...постоянно затевают, никогда не прекращают, сражаются и разрушают» [1].

В начале 1918 года — последнего года правления кайзера — они нарушили перемирие с только что возникшей, еще безоружной Советской республикой, напали на нее, оторвали от нее Украину и Грузию и уничтожили советскую республику в Финляндии.

Годом позже — теперь уже под маркой Веймарской республики — они свергли советские правительства в Литве и Латвии.

В 1933 году они поставили у власти наиболее враждебную Советскому Союзу национал-социалистскую партию, а в 1941 сделали из ограбления Советского Союза и убийства 20 миллионов его граждан дело настолько же прибыльное, насколько оно было бесчеловечным.

Каждая из этих авантюр кончалась поражением Германии, а расплачиваться за это приходилось немецкому народу. Катастрофа 1945 года ничему не научила германских империалистов. Их власть, сломленная Советской Армией, была восстановлена на западе Германии. Там англо-американские империалисты, как опытные врачи, принялись хлопотать у постели больного германского империализма. И вновь после второй, так же как и после первой, мировой войны он смог принять на себя роль полицейского, нанятого мировым империализмом, чтобы держать под угрозой восток Европы.

---

[1] Джон Драйден, Пиршество Александра: «...Never ending, still beginning, fighting still and still destroying».

АМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИОНИСТСКАЯ ВОЙНА В СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Вторая мировая война привела к победе социализма во многих странах Европы и Азии и к небывалому росту авторитета Советского Союза, который вынес на своих плечах главную тяжесть войны, доведя ее до победного конца. Война окончилась тяжелым поражением германского, японского и итальянского империализма, приведшим его на время в состояние полного бессилия, а также ослаблением позиций английского и французского империализма. Зато Соединенные Штаты приобрели решающее влияние в капиталистическом мире. Они стали главным фактором в разжигании военной истерии после 1945 года. Дж. Ф. Даллес, в течение многих лет руководивший внешней политикой Вашингтона, провозгласил доктрину «отбрасывания» (rolling back), изгнания социализма из государств, где он восторжествовал после второй мировой войны.

Когда в 1949 году китайский народ освободил весь континентальный Китай от диктатуры американского агента Чан Кай-ши и нанес эксплуататорским классам сокрушительный удар, когда интервенционистские войска Франции стали нести тяжелые потери во Вьетнаме, народ которого боролся за свое национальное освобождение, и когда одновременно над США стали собираться первые черные тучи надвигающегося экономического кризиса, американские тресты, государственный секретарь Ачесон и его советник Даллес и генералы решили сами перейти в наступление.

Они нарушили московское соглашение, заключенное в декабре 1945 года, которое обязывало Соединенные Штаты, Англию и Советский Союз, скрепившие его своими подписями, превратить Корею после освобождения ее от японского владычества в единое независимое и демократическое государство. Вместо этого Вашингтон использовал временную военную оккупацию этой страны державами-победительницами для создания в Южной Корее режима ненавистных народу политических и экономических дельцов. Эти марио-

нетки просто перешли от японского хозяина в услужение США. По приказу Вашингтона, снабженные американскими деньгами и оружием, под командованием «военных советников» из Вашингтона они напали на Северную Корею. При этом Ачесон, Даллес и их приспешники рассчитывали встретить здесь самое незначительное сопротивление. Действуя по старому, испытанному трафарету, они выдали свое нападение за оборонительные действия против «группы бандитов» из Северной Кореи (президент Трумэн, 29 июня 1950 года). После провала молниеносного наступления американский генерал Макартур принял на себя командование и вторгся с сильными американскими соединениями в Северную Корею. Война, продолжавшаяся три года, закончилась тем, что агрессоры были отброшены на свои исходные позиции.

Западногерманский канцлер Аденауэр воспользовался корейским конфликтом и вызванной Вашингтоном антикоммунистической истерией, для того чтобы за спиной западногерманского населения и даже без ведома собственного правительства возродить по сговору с правителями США западногерманские вооруженные силы. Приступая к их формированию, он недвусмысленно ссылался на войну в Корее и неоднократно заявлял, что существование их обусловлено необходимостью войны против Востока. Ремилитаризация, осуществленная Бонном, явилась новым роковым шагом на пути к углублению раскола Германии.

ВТОРЖЕНИЕ ЗА 38-ю ПАРАЛЛЕЛЬ

Освобождение ряда стран Восточной и Юго-Восточной Европы от фашизма в результате победы советских Вооруженных Сил, установление народной власти в этих государствах и в Северной Корее, наконец, победа Народно-освободительной армии Китая и изгнание Чан Кай-ши из континентального Китая в 1949 году — все эти события привели к резкому изменению соотношения сил на международной арене.

Индия добилась независимости от Британской империи, Индонезия — от Нидерландов. Империалистические интервенционистские войска Франции, несмотря на получаемую ими от США помощь оружием, понесли

в 1950 году в Индокитае тяжелые потери и претерпели сокрушительные поражения.

Эти успешные удары, нанесенные антиимпериалистическими силами, привели к обострению противоречий между государствами лагеря монополистического капитализма.

Серьезные разногласия выявились на совещании в Лондоне в мае 1950 года министров иностранных дел государств — участников Североатлантического пакта. Министры иностранных дел западноевропейских государств при всем их уважении к государственному секретарю США Ачесону настойчиво подчеркивали, что они не могут взять на себя требуемые от них новые военные обязательства, так как уровень экономики их стран неуклонно снижается.

В то же время сотни миллионов людей объединились в движении за запрещение атомной бомбы и осуждение как военных преступников правителей страны, которая посмеет применить ее первой. Даже широкие слои мелкой буржуазии западных стран примкнули к этому движению и тем самым стали в оппозицию к планам массовых убийств, которые вынашивали американские военные и политические деятели.

В довершение этих политических неудач империалистов США неуклонно нарастали кризисные явления в области экономики, которые приобретали все более серьезный характер. Индекс промышленного производства Соединенных Штатов Америки, составлявший в 1943 году 212 от уровня 1937 года (который мы примем за 100), в 1948 году упал до 170, а в 1949 году до 156. Инвестиции в первом квартале 1950 года сократились на 11 процентов по сравнению с тем же временем предыдущего года. Начиная с 1947 года экспорт Соединенных Штатов как в абсолютных показателях, так и в процентном отношении (как доля мирового экспорта) неизменно сокращался. Так, в марте 1950 года вывоз из США составил всего 867 миллионов долларов по сравнению с 1177 миллионами в том же месяце предыдущего года. Чистая прибыль акционерных обществ, которая в 1948 году исчислялась в 21 миллиард долларов, в 1949 году не превысила 17 миллиардов. Число безработных выросло с 1948 до 1950 года на 130 процентов.

Мы приводим тут только официальные данные правительственных органов США и Организации Объединенных Наций. В действительности обстановка была еще более мрачной. Однако даже и эти цифры отражают серьезность тогдашнего положения американской экономики, неудержимо скатывавшейся к кризису.

Кошмар кризиса тяготел над американским обществом; однако правители США представляли себе только одну возможность предотвращения кризиса, как ее сформулировала известная политическая деятельница и писательница Клэр Бут-Люс, жена тогдашнего издателя крупнейших американских политических и экономических журналов, которая впоследствии была некоторое время послом США в Риме: «Наш народ не хочет ни кризиса, ни войны, но, если бы ему пришлось выбирать, он бы выбрал войну» [1].

Говоря о народе, миссис Бут-Люс, разумеется, имела в виду его правителей, чье мнение она выразила совершенно точно.

Не забудем при этом, что после второй мировой войны американский финансовый капитал инвестировал в Южной Корее свыше 1250 тысяч долларов. Так, например, была основана фирма «Нью Кореа компани», акции которой продавались на бирже наиболее влиятельными банками Уолл-стрита, в том числе моргановским «Нэшнл сити бэнк». Упомянутая фирма была просто-напросто наследницей одного из японских трестов, и притязания ее были невелики — она претендовала «всего лишь» на половину всех шахт, железных дорог, банков и обрабатываемых земель Кореи, в том числе и Северной Кореи! Фирма «Ориентл консолидейтед майнинг компани», также принадлежавшая американцам, претендовала на богатейшие золотые месторождения в Азии, а именно на Унсанские золотые прииски в Северной Корее. Как бы по случайному совпадению директор этой американской компании С. Х. Долбир был одновременно «советником» при южнокорейском Аденауэре — Ли Сын Мане по всем вопросам, касающимся горной промышленности. Ставший

[1] Цитируется по парижскому еженедельнику «La Vie Française» за 18 февраля 1949 года. Этот журнал отражал взгляды крупной буржуазии Франции.

очевидным во время выборов, проходивших в обстановке острой политической борьбы, крах марионеточного правительства, естественно, поставил под угрозу и значительные долларовые инвестиции США.

На этом историческом, политическом и экономическом фоне и следует рассматривать развитие событий, начавшееся в Корее 25 июня 1950 года в 10 часов утра. Речь идет о попытке американцев спасти от развала квислинговский режим, насажденный ими в Корее, с помощью военной авантюры, начатой в стратегически важном пункте, использовать возникший конфликт для новых завоеваний и укрепления сильно пошатнувшегося престижа США, превратить в ходе войны и другие страны в колонии и таким путем влить новые жизненные силы в экономику США.

В начале третьей декады июня 1950 года газеты всех стран опубликовали фотоснимок, на котором фигурировал специальный советник государственного секретаря Ачесона (впоследствии его преемник) Джон Ф. Даллес, прибывший с визитом в Южную Корею. Даллес явился туда как выразитель не только общих интересов американских поджигателей войны, но также и своих личных (что вполне естественно и обычно для империалистов США): он был членом наблюдательного совета «Нэшнл сити бэнк», который являлся продолжателем дела японских трестов, грабивших Корею. Этот банк основал упомянутую выше фирму «Нью Кореа компани».

Матерый профашистский военный стратег стоит в штатском в окружении американских и южнокорейских офицеров высших званий на границе между Южной и Северной Кореей. Некоторые из этих господ смотрят на карту генерального штаба, взоры других устремлены на местность за пограничной чертой. Этот снимок, сделанный агентством Ассошиэйтед Пресс, датирован 19 июня 1950 года. (Можно себе представить, какой ужасающий вой подняла бы западная печать, если бы, скажем, какой-либо высокопоставленный советский дипломат в компании с советскими генералами появился бы на границе между двумя корейскими государствами! Но поскольку подобный шаг предпринял профессиональный апологет мирового фашизма и поверенный трестов, производящих оружие, газеты, су-

ществующие на долларовые подачки, расценили его как похвальное демократическое оборонительное мероприятие, хотя всякий нормальный человек вправе был бы задать вопрос, что, собственно, нужно было американским дипломатам и генералам на Азиатском континенте?)

В те же дни наряду с визитом Даллеса в Южную Корею и Японию (что также было, конечно, «совершенно случайным совпадением») лица, возглавлявшие военный аппарат США — министр обороны Джонсон и начальник генерального штаба Брэдли, — прибыли в Токио, «где в штабе генерала Макартура состоялись переговоры в атмосфере строгой секретности» [1].

Не прошло и недели, и секретность рассеялась: южнокорейская армия начала наступление на Северную Корею, прорвавшись за 38-ю параллель. Как же это произошло?

В 1945 году японские оккупанты были изгнаны из Кореи, и эта страна была разделена на две оккупационные зоны; 38-я параллель являлась границей между советской оккупационной зоной на севере и американской на юге. В 1948 году, после того как в Северной Корее были обеспечены условия для демократического развития, советские войска оставили страну. Однако американцы, так же как в Германии, совсем не хотели расставаться с облюбованной ими оккупированной территорией. Их удалось выпроводить только в середине 1949 года. В наследство они оставили ужасающую нищету и... 500 американских офицеров.

«Последний уголок демократической свободы на китайском континенте» — так западноберлинская газета «Телеграф» назвала 2 июля 1950 года Южную Корею, которая, как уверял этот способный на все орган, именно вследствие своей демократичности подверглась «трусливому нападению коммунизма». Взглянем же на этот «уголок» глазами даже не марксистов, а буржуазных публицистов.

«Франкфуртер рундшау» писала 27 июня 1950 года:

«В действительности Ри [привезенный в Южную Корею после тридцатилетнего проживания в США президент Ли Сын Ман. — *А. Н.*] с крайней жестокостью

---

[1] «New York Times», 20 June 1950.

расправился с оппозиционными газетами и политическими деятелями, и не только с коммунистами. Недавно был убит один весьма популярный правый лидер Ким Ку [за несколько дней до убийства он высказался за объединение Кореи. — *А. Н.*]. Партия Ри представляет собой клику крупных землевладельцев, противящихся любым разумным социальным мероприятиям, в том числе земельной реформе. Около четырех миллионов человек из 21 миллиона жителей Южной Кореи не имеют работы. В правительстве и административных органах царит коррупция».

27 и 28 июня 1950 года близкая к французскому правительству газета «Монд» высказала о южнокорейском режиме мнение, которое хотя и не совпадает с мнением берлинского «Телеграф», но зато соответствует действительности:

«Правительство Сын Ман Ри держится у власти только с помощью полиции, роль которой в этом государстве превращает Южную Корею во что угодно, только не в демократическую страну. Полиция, снискавшая всеобщее презрение, применяет методы, унаследованные от японцев. Кстати, полицейские все еще носят японскую форму. Корея является демократической страной только в отчетах американцев и уполномоченных ООН».

Приведем высказывания еще нескольких, отнюдь не коммунистических французских газет. Так, «Франтирёр» писала 27 июня 1950 года:

«На севере русские не только национализировали 90 процентов промышленности, но также — что важнее всего — провели земельную реформу. На юге, напротив, крестьяне, которые составляют большинство населения, продолжают работать на крупных землевладельцев. Стачки подавляются самыми жестокими полицейскими репрессиями. За один только месяц 17 500 человек были брошены в тюрьмы. Новоявленные фашисты применяют методы, которые американские журналисты сравнивают с куклуксклановскими».

Чудесный «уголок демократической свободы»! Даже «Фигаро», газета правого направления, обвинила американцев в том, что они «поступают неправильно, опираясь исключительно на имущие классы и противо-

действуя проведению земельной реформы». Газета «Комба» писала 21 июня 1950 года, что «эта страна находится во власти невероятно жестоких помещиков и алчных ростовщиков. Там царят средневековые условия эксплуатации. И это позорное положение находит свое политическое олицетворение в правительстве Сын Ман Ри».

Независимая швейцарская ежедневная газета «Ди Тат», в прочих вопросах полностью солидарная с официальным мнением США, поместила 26 июня 1950 года следующий крайне неодобрительный отзыв о Южной Корее:

«Президенту Сын Ман Ри и его клике удается поддерживать свой весьма шаткий авторитет в Сеуле и прочих крупных городах только с помощью режима военного и полицейского террора и только благодаря американской помощи. Южнокорейской государственной власти, с самого начала не имевшей прочной опоры, приходится прибегать к неприкрыто тоталитарным методам управления».

В числе прочих незаконных действий газета упоминает об «аресте более дюжины депутатов парламента, получивших свои мандаты во время выборов, проведенных под наблюдением ООН, и в том числе вице-председателя палаты депутатов, о бесследном исчезновении других народных представителей, об аресте более чем 30 журналистов, в том числе пятерых, аккредитованных при комиссии ООН... Коррупция приняла еще более отвратительные формы, чем это было при гоминдановском режиме Чан Кай-ши в Китае, если только это возможно... Американцы с самого начала позволили развиться здесь условиям, которые не могли не привести к возникновению режима, гораздо более близкого по своим идеалам к фашизму, чем к демократии... Нищета, вечные беспорядки, инфляция, безработица, голод, завинченный до предела налоговый пресс и режим насилия — на таких устоях зиждется этот мост к Тихому океану».

Все это с точки зрения западноберлинских газет, купленных и оплачиваемых именно для того, чтобы они оправдывали любые агрессивные действия США, и следует называть «последним уголком демократической свободы».

Газета «Нью-Йорк таймс» 27 июня 1950 года окончательно добила южнокорейский режим морально, заявив, что «дальнейшее его существование целиком зависит от экономической, политической и военной поддержки США».

Это фашистское государство, существующее по милости Америки, захлебывалось в крови, которую оно пролило, задыхалось от собственной коррупции, от безработицы, от вызванной американцами и их южнокорейскими агентами ужасающей нищеты. Возглавлявшие его мошенники, вдохновляемые своими американскими «советниками», стремились смыть все свои грехи в войне против Северной Кореи. Со своей стороны американские генералы замышляли расширить свой последний опорный пункт на Азиатском континенте и распространить «идиллическое» состояние, в котором пребывала Южная Корея, на Северную Корею и лежащие за нею страны. Неопровержимые документальные свидетельства самой американской стороны не оставляют сомнения в том, что нападение 25 июня являлось заранее подготовленной акцией.

7 октября 1949 года в интервью, данном представителям агентства Юнайтед Пресс, Ли Сын Ман похвалялся тем, что южнокорейской армии достаточно трех дней, чтобы овладеть столицей Северной Кореи Пхеньяном. 1 ноября 1949 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала сообщение о том, что «Син Сен Мо, военный министр Южной Кореи, заявил сегодня, что его армия готова к вторжению в коммунистическую Северную Корею и ждет приказа».

28 апреля 1950 года газета «Мельбурн сан», также не питающая дружеских чувств к коммунистам, опубликовала телеграмму своего корреспондента из Нью-Йорка о выступлении корреспондента «Нью-Йорк таймс» Ричарда Джонстона:

«Он заявил сегодня в заокеанском Пресс-клубе, что южнокорейцы одержимы желанием напасть на Северную Корею. Джонстон многие годы был корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Южной Корее. По его словам, южнокорейцам безразлично, что их гражданская война может привести к третьей мировой войне».

Это мнение подтвердила также газета швейцарских миллионеров «Нейе цюрхер цайтунг», которая писала

20 июня 1950 года, то есть за пять дней до того, как разразилась война:

«В Южной Корее нет недостатка в людях, которые видят возможность решения проблем, одолевающих страну, в военном нападении на Северную Корею. Американцы вооружили в Южной Корее 150 тысяч человек американским оружием, подчинили их американским инструкторам и уже давно ведут подготовку к войне».

5 июня 1950 года газета «Нью-Йорк геральд трибюн» опубликовала интервью своей корреспондентки Маргерит Хиггинс с бригадным генералом У. Л. Робертсом, начальником группы американских «военных наблюдателей» в Корее. Робертс заявил дословно, что деятельность этой группы в Корее является «наглядным доказательством того, что если подойти к этому делу с умом и не жалеть сил, то 500 закаленных в боях американских офицеров и рядовых могут обучить 100 тысяч человек, которые и будут вести огонь... В Корее американский налогоплательщик имеет армию, которая является отличным сторожевым псом капиталовложений в этой стране».

И наконец, нельзя забывать, что Джон Фостер Даллес 19 июня 1950 года в своей речи в южнокорейском парламенте в Сеуле предрекал, что «коммунисты потеряют свое господство над Северной Кореей» [1].

После него с парламентской трибуны выступил с откровенной военной угрозой Ли Сын Ман: «Если мы не сможем защитить демократию в холодной войне, мы добьемся победы в горячей войне».

В Южной Корее Даллес убедился, что режиму Ли Сын Мана грозит неминуемый крах. Во время выборов 30 мая 1950 года под воздействием всенародного возмущения, накалившегося до предела, сторонники Ли Сын Мана растаяли, как масло на солнце. В новом парламенте его поддерживали не более четверти депутатов. Это обстоятельство послужило для империалистов США дополнительным стимулом к осуществлению агрессии. Ли Сын Ману явно грозило падение, и только победоносная война могла поднять его престиж. 21 июня 1950 года Даллес по пути из Кореи посетил

---

[1] «New York Times», 20 June 1950.

Токио, где после продолжительного разговора с Макартуром предсказал в заявлении для печати «позитивные действия США» [1].

В роковой день 25 июня 1950 года видный американский буржуазный публицист Джон Гюнтер отправился из Токио в загородную поездку в личном салон-вагоне Макартура. Генерал Уитни, главный политический советник Макартура, хотел сопровождать его, но в последний момент отказался, ввиду того что «в это воскресное утро он был нужен Макартуру». Вместо него публициста сопровождали два других высокопоставленных офицера. Один из них был «как раз перед обедом неожиданно вызван к телефону». Вернувшись, «он прошептал: „Только что стала известна потрясающая новость. *Южнокорейские силы атаковали Северную Корею*"» [Курсив мой. — *А. Н.*] [2].

Это свидетельство почитателя Макартура является весьма ценным. Американским штабным офицерам было известно действительное положение вещей, и между собой они говорили о том, что произошло на самом деле: Ли Сын Ман совершил нападение. В Вашингтоне события были, разумеется, представлены в извращенном виде, чтобы создать предлог для оказания агрессорам поддержки. Влиятельные круги США активно стремились к войне. Не кто иной, как председатель сенатской комиссии по иностранным делам Конэлли, признал это за несколько недель до нападения на Северную Корею. На вопрос популярного вашингтонского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», почему такое большое число американцев верит в неизбежность войны, Конэлли ответил дословно: «Многие говорят: поскольку нам неизбежно придется воевать, почему не сделать это сейчас? [3]».

Такие настроения и привели к американской и южнокорейской агрессии.

Интервенцию начала Америка, а не Северная Корея. Через месяц после начала военных действий это было самым сенсационным образом подтверждено Ма-

---

[1] «New York Times», 22 June 1950.

[2] John Gunther, The Riddle of Mac Arthur, New York, 1951, p. 165.

[3] «United States News and World Report», 2 May 1950.

картуром: по его приказу один из старших офицеров разведки при ставке в Токио 30 июля 1950 года заявил на пресс-конференции корреспондентам:

«Когда 25 июня началась война, план мобилизации северокорейской армии не был осуществлен. Всего лишь шесть дивизий были боеспособны, хотя по планам Северной Кореи ей в случае войны нужно было иметь от 13 до 15 дивизий».

Таким образом, американская ставка сама признала, что в Северной Корее вообще не было мобилизации. Как же можно было говорить о нападении северокорейской армии? Документы правительства Ли Сын Мана, которые были захвачены корейской Народной армией при занятии Сеула и затем опубликованы и подлинность которых не оспаривали ни американцы, ни их марионетки, свидетельствуют о планомерной подготовке к вторжению в Северную Корею. 30 сентября 1949 года Ли Сын Ман писал д-ру Роберту Оливеру, одному из своих друзей в США:

«Я глубоко убежден, что сейчас наиболее подходящий в психологическом отношении момент для осуществления агрессивной операции... Мы загоним людей Ким Ир Сена в горы и там постепенно заморим их голодом» [1].

То, что американские империалисты не просто инспирировали, но и планомерно готовили нападение, засвидетельствовал начальник американской военной миссии в Южной Корее генерал Робертс на состоявшемся в октябре 1949 года в Сеуле совещании командиров дивизий. Вот текст его заявления:

«Действительно, большое число атак на территорию севернее 38-й параллели было проведено по моему приказу, и в дальнейшем будет проведено еще много таких атак... Впредь вторжение вооруженных сил этой страны на территорию севернее 38-й параллели должно осуществляться только по приказам американской военной миссии» [2].

Вторжение в Северную Корею? Конечно! Но не по собственному усмотрению, а только когда прикажет Вашингтон.

---

[1] «Die Wahrheit über Korea», Dietz Verlag, Berlin, 1952, S. 58.
[2] Ibid., S. 60.

Через три месяца, в январе рокового года, в котором произошло вторжение, этот же самый Робертс стал говорить еще более определенно: «Война против Севера — решенное дело, и день ее уже недалек!» [1]

Мы сознательно привели здесь заявления только представителей империализма США и их пособников и считаем, что эти заявления сами говорят за себя. Американские империалисты стремились к нападению на Северную Корею не только для того, чтобы захватить ее, но и для того, чтобы с помощью конфликта в корне уничтожить все предпосылки для мирного развития в этой части земного шара. Во время выборов в Южной Корее в конце мая 1950 года Ли Сын Ман потерпел сокрушительное поражение, так что его режим оказался на пороге краха. Вот почему 25 июня 1950 года на 38-й параллели запылал новый «пожар рейхстага».

Президент США Трумэн раскрыл карты, когда через 48 часов после нападения послал на помощь своим ставленникам в Южной Корее вооруженные силы США и дал приказ «увеличить американские вооруженные силы на Филиппинах [номинально являвшихся независимым государством. — *А. Н.*]. Одновременно я распорядился ускорить поставку военных материалов вооруженным силам Франции и ее союзников в Индокитае, а также о посылке туда военной миссии».

Не удовлетворившись и этим, Трумэн предпринял прямое нападение на Китайскую Народную Республику, дав приказ американскому флоту силой воспрепятствовать воссоединению Тайваня с Китайской Народной Республикой. Никто до этого не оспаривал, что Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Напротив, это было совершенно определенно установлено на конференции трех великих держав в Каире в 1943 году, а затем еще раз подтверждено на Потсдамской конференции в 1945 году [2].

---

[1] Ibid., S. 63.

[2] В Каирской декларации, подписанной 1 декабря 1943 года Соединенными Штатами, Англией и Китаем, значится, что все территории, отторгнутые от Китая Японией, как, например, Маньчжурия, Формоза (Тайвань) и Пескадорские острова, подлежат возвращению Китайской Республике. В Потсдамской декларации от 26 июля 1945 года Соединенные Штаты, Англия и Китай подтвердили Каирскую декларацию.

Действия американского правительства в Корее невозможно рассматривать иначе, как преступную агрессию, как проявление его наглой претензии диктовать свою волю народам, когда и где ему заблагорассудится. Даже швейцарская газета «Ди Тат» вынуждена была смущенно признать 29 июня:

«Интервенция Трумэна усилила опасность третьей мировой войны».

Однако подлецы, дошедшие до предела низости — мы имеем в виду западноберлинский «Телеграф», — выпустили 26 июня свою газету с заголовком во всю ширину полосы: «Советы провоцируют войну на Дальнем Востоке». И чтобы создать видимость наличия у их американских господ и кормильцев оснований для агрессии, эта газета 2 июля поместила высосанное из пальца «сообщение собственного корреспондента», в котором говорилось, что «в помощь Северной Корее с берлинского аэродрома Шёнефельд должна быть отправлена на самолетах народная полиция».

Это, впрочем, не ново. Вспомним, что всякий раз, когда мировая общественность выражала возмущение по поводу жестокостей американских интервентов в Греции в конце сороковых годов, сразу же в «Телеграф» и других западноберлинских газетах появлялись сообщения об отправке народных полицейских из Восточной Германии в Грецию. Речь идет все о том же неизменном стремлении отвлечь внимание от подлой американской политики войны и найти ей оправдание.

Крупные германские капиталисты и их подручные в политических и журналистских кругах встали на защиту нарушителей мира из США не только потому, что сами они были убежденными реакционерами и агрессорами. Их побуждали к тому также весьма мощные материальные стимулы:

«В 1950 году война в Корее настолько улучшила послевоенную германскую конъюнктуру, что западногерманская экономика стала предметом удивления всего мира» [1].

Приведем несколько цифр, дающих представление о выгодах, извлеченных западногерманскими концернами из кровопролитной войны США против корейского

---

[1] «Capital». Wirtschaftsmagazin (Hamburg), № 5, Mai 1967.

народа. Если в 1949 году Западная Германия вывозила в США товаров на сумму 46,5 миллиона долларов, то уже в 1950 году эта сумма возросла до 102,4 миллиона долларов, а в 1955 году достигла 356,3 миллиона долларов. При этом среди экспортируемых товаров преобладали изделия из чугуна, стальные трубы, станки, в том числе прокатные станы. Так, Федеративная Республика Германии содействовала удовлетворению спроса на промышленную продукцию, повысившегося в результате агрессии США в Северной Корее.

В высшей степени показательно, что обусловленный войной в Корее крутой рост экспорта и военных прибылей финансового капитала ФРГ сопровождался организованной травлей коммунистов, выступавших против войны. Когда война в Корее открыла новые рынки для крупных западногерманских экспортеров, сами они открыли все шлюзы для потоков клеветы против Коммунистической партии Германии и потребовали ее запрещения, потому что эта партия — единственная из всех партий ФРГ — мужественно и громко возвысила свой голос против преступления американцев в Корее, против преступников и их клевретов из ФРГ.

Три последовательно сменивших друг друга боннских канцлера шумно одобряли спровоцированное Соединенными Штатами кровопролитие в Корее, а позднее во Вьетнаме. Фактически они прославляли самые опустошительные в истории колониальные войны и тех, кто на них наживался, поддерживали политику и бизнес, не имеющие никакого морального оправдания. Чтобы все же оправдать все это, официозные органы печати ФРГ и Западного Берлина объявили, что беспримерную интервенцию американцев в Корее следует расценивать как «политическую акцию», предпринятую от имени ООН, хотя в обсуждении и вынесении решения ООН не участвовали представители трети человечества.

Однако эти люди хотели бы замолчать тот факт, что Соединенные Штаты начали военную интервенцию до того, как 27 июня ее одобрили американские сателлиты в ООН. Сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс, напечатанное утренними газетами западных стран

26 июня 1950 года крупным шрифтом, начиналось словами:

«Правительство США решило оказать южнокорейской республике военную помощь. Генералу Макартуру дано указание незамедлительно направить из Японии в Южную Корею военное снаряжение и оружие. По сообщениям из Вашингтона, все это уже находится на пути в Южную Корею».

Это сообщение подтверждает, что Соединенные Штаты привели в движение свою военную машину 25 июня, в день нападения на Северную Корею, стало быть не дожидаясь решения ООН. Такая поспешность показывает, во-первых, как точно были информированы лица, возглавлявшие американский государственный аппарат, о предстоящих действиях Ли Сын Мана, а во-вторых, что Вашингтон ожидал этих действий, чтобы «от политики подготовки агрессии перейти к прямым актам агрессии одновременно в целом ряде стран Азии», как говорилось в заявлении Министерства иностранных дел СССР от 4 июля 1950 года.

Американские и западногерманские историки, а также готовая на любую подтасовку фактов империалистическая пресса утверждают, что наступление 25 июня 1950 года было начато Северной Кореей. Посмотрим же, что по этому поводу говорит британский дипломат сэр Джон Пратт. Этот сотрудник Форин оффис по вопросам Восточной Азии вышел в отставку в декабре 1951 года и опубликовал заявление, в котором говорилось:

«Утром 25 июня Ли Сын Ман напал на Северную Корею. Государственный департамент немедленно обратился к Совету Безопасности и потребовал, чтобы Северная Корея была объявлена «агрессором». Это и было сделано во второй половине того же дня, причем обвиняемая сторона не была выслушана и не были представлены какие-либо доказательства обоснованности обвинения» [1].

В действительности Народная армия разгромила передовые атакующие части южнокорейской армии и через три дня освободила Сеул.

---

[1] John Pratt, Tatsachen gegen Geschichtslügen. Die Wahrheit über die USA-Aggression im Fernen Osten. «Friedenswacht» (Berlin), Januar 1952, S. 40.

Однако еще за три недели до того, как на Северную Корею были спущены южнокорейские сторожевые псы, то есть задолго до начала военных действий, Соединенные Штаты в нарушение всех международных соглашений перебросили в Южную Корею 24-ю пехотную дивизию, а вскоре после этого 2-ю и 25-ю пехотные дивизии, 1-ю танковую дивизию и 1-ю дивизию морской пехоты. Когда перспектива поражения южнокорейской армии стала несомненной, Соединенные Штаты 26 и 27 июня предприняли массированное наступление, подвергли корейские города и деревни бомбардировке, обстреляли порты и высадили воинские соединения под прикрытием огня кораблей Тихоокеанского и 7-го флота, вошедших в территориальные воды Северной Кореи. Так подготовленная с американской помощью южнокорейская агрессия приняла характер международного конфликта. В истории Соединенных Штатов это была четвертая по масштабам война. После трех лет ожесточенных сражений силы их потерпели поражение и были вынуждены заключить перемирие. По официальным данным Соединенных Штатов, они потеряли убитыми около 25 тысяч человек и ранеными свыше 100 тысяч человек.

Между тем американские тресты получили огромные прибыли. Экономический упадок буквально за одну ночь сменился подъемом. «Уолл-стрит джорнэл», газета американской финансовой олигархии, подтвердила это следующими словами: «Война в Корее — чрезвычайно выгодное дело для монополий США».

Нет, никак нельзя считать случайным совпадением, что американская агрессия в Северной Корее началась в момент, когда экономика США переживала кризис перепроизводства. По официальным данным, расходы на вооружение, составлявшие в 1949 году 19 миллиардов долларов, к 1953 году выросли до 54,3 миллиарда.

Уже 9 октября, через три с половиной месяца после нападения, «Уолл-стрит джорнэл» с удовлетворением констатировала, что армия Соединенных Штатов к этому времени израсходовала на закупки оружия в 6 раз больше, чем предполагалось до начала агрессии (1962 миллиона вместо 312 миллионов долларов). По данным министерства обороны США, его расходы на войну в Корее составили 18 миллиардов долларов. Рек-

тор Массачусетского технологического института профессор П. А. Сэмюелсон прямо определил причину экономического бума: «Война в Корее и прочие расходы нашего правительства на оборону являются основой нашего процветания» [1].

Это экономическое процветание окончилось сразу же после заключения перемирия в июле 1953 года. Промышленное производство сократилось на 10 процентов. Свыше пяти миллионов рабочих были выброшены на улицу. Только новая агрессия — против Вьетнама — оказала гальванизирующее воздействие на экономику США. Но что же это за общественная система, которой необходимы вооружение и войны, чтобы использовать свои производственные мощности, и хозяева которой именно поэтому затевают войны! Без давления трестов с их потребностями и пожеланиями государственный секретарь Даллес и президент Трумэн не оказались бы перед необходимостью ввергнуть Соединенные Штаты в кровавую авантюру. Как писал в своей книге, опубликованной после второй мировой войны, известный экономист, которого никак нельзя причислить к противникам империализма, «войны двадцатого века могут привести к гибели капитализма. Однако война способствует также продлению его агонии» [2].

Лучше война, чем кризис! Действуя согласно этому императиву, американский империализм разоблачает свою моральную сущность. За антикоммунистическими воплями скрывается голое стремление к наживе, не признающее за другими народами никакого права на национальное и социальное самоопределение и ломающее все устои человеческой цивилизации ради того, чтобы ценою крови продлить еще на какой-то исторический срок господство короля Доллара.

Подведем итоги.

Соединенные Штаты развязали войну, чтобы удержать свои поколебленные китайской революцией позиции в Азии, кроме того, они рассчитывали, расширив агрессию, добиться для американского империализма мирового господства.

---

[1] «The Financial Times» (London), 24 November 1954.

[2] C. E. Ayres, The Divine Right of Capital, Boston, 1946, p. 43.

Агрессия против Северной Кореи была нужна Соединенным Штатам по экономическим соображениям, и они ее осуществили.

С самого начала военных действий Соединенные Штаты приняли в них непосредственное участие.

Соединенные Штаты использовали спровоцированный ими конфликт, чтобы попытаться аннексировать новые территории.

В пропагандистских целях южнокорейская клика, оказавшаяся у власти милостью США и только ради обеспечения интересов США, возвеличивалась как национальное правительство.

Хотя эта клика, по ее собственным признаниям, стремится только к агрессии, всячески рекламируется ее «стремление к миру».

Фашистский режим, ненавидимый внутри страны и презираемый повсеместно за ее пределами, выдается за демократический.

Американская интервенционистская война, которую вели американские генералы и солдаты, американские бомбардировщики и истребители и американские военные корабли, изображалась болтунами из «Голоса Америки» как советская агрессивная война.

Таков во всей своей наготе прием, с помощью которого империалисты пытаются представить свои кровавые злодеяния в виде законных оборонительных действий. Это им не удается.

В сообщении о положении в Корее, переданном утром 5 июля 1950 года западногерманскими радиостанциями, содержались следующие разоблачающие слова:

«Американцы остановили отступавшие в панике южнокорейские войска и вернули их на позиции».

Это классическое поведение рабовладельцев и надсмотрщиков, считающих наемников пушечным мясом: они гонят их в бой. Опираясь на самые прогнившие и развращенные фашистские слои общества, ненавидимые и народом и солдатами, поработители не желают отказаться от своего обреченного на провал дела и стремятся затянуть, обострить и расширить вызванный ими конфликт. И пусть они тысячу раз пытаются прикрыться ими же самими незаконно продиктованными решениями Совета Безопасности, в заседаниях которого не принимали участия самые большие народы: демо-

кратический мир срывает с душителей свободы народов маску и обнажает отвратительное лицо незадачливых американских спасителей мирового фашизма и поджигателей войны.

Порабощение или уничтожение — никакой другой альтернативы не признают американские диктаторы. Газетный магнат Генри Люс, которого финансирует король банков, железнодорожного и водного транспорта У. А. Гарриман (до 1950 года глава администрации по осуществлению плана Маршалла в Европе, а затем политический советник Трумэна и позднее президента Джонсона), возвестил о наступлении «американского века». В западногерманских органах печати (например, в «Дер Шпигель» от 20 июля 1950 года) появились статьи, авторы которых предавались мечтам о мировой диктатуре США, которой «нужен император», потому что «трудно предположить, что можно надолго упрочить мировое господство без цезаризма». Западные «демократы» докатились до мечты об императоре.

О том, что уделом Цезаря стала ранняя и насильственная смерть, они, по-видимому, забыли.

«Я хотел бы сравнить роль, предназначенную Соединенным Штатам провидением, с ролью Римской империи» [1], — заявил Аденауэр, который, очевидно, был более силен в биржевых делах, чем в истории, иначе он не выбрал бы столь неудачного сравнения. Как известно, агрессивная античная империя, которой должны и хотят подражать США, была разгромлена славянами на востоке, а германцами на западе. Об этом Вашингтону и Бонну не следовало бы забывать...

До 1914 года империалисты оказывались победителями во всех развязанных ими войнах. После победы Великой Октябрьской социалистической революции, и особенно после образования мировой социалистической системы, положение дел изменилось. Ни одна из крупных авантюр — в Корее, Египте и на Кубе — не достигла своей цели, и даже самая мощная из империалистических держав, США, несмотря на поистине гитлеровскую жестокость, с которой она ведет свою варварскую войну, не в состоянии поставить на колени маленький героический вьетнамский народ.

---

[1] «New York Times», 24 August 1950.

Разумеется, империализм не бумажный тигр. Хищник из бумаги не может причинить человечеству такие страшные страдания и поглотить такое огромное число жертв. Однако благодаря рождению и победоносному развитию социалистических государств, национальному революционному движению на трех континентах и битвам пролетариата в капиталистических странах агрессивные войны заканчиваются для их безответственных зачинщиков тяжелыми поражениями.

ЗАГОВОР МИРОВОГО КАПИТАЛА ПРОТИВ ЕГИПТА

ОБЩИЙ ОБЗОР

Усилившееся после второй мировой войны национально-освободительное движение в Египте привело в 1952 году к падению зависимой от Англии монархии и провозглашению республики. Правительство республики положило конец английской военной оккупации страны, а в июле 1956 года национализировало Суэцкий канал. В результате этого международный финансовый капитал, являвшийся хозяином акционерного общества по эксплуатации Суэцкого канала, навсегда лишился баснословных доходов. Поскольку Суэцкий канал был не только важной торговой артерией, но имел также для империалистов большое военно-стратегическое значение, они решили восстановить прежнее положение насильственным путем. Правительства Англии и Франции, которые сами являлись акционерами компании по эксплуатации канала, в течение трех месяцев скрытно, с лихорадочной поспешностью сосредоточили в восточной части Средиземного моря крупные воздушные, морские и сухопутные силы для нападения на Египет.

По договоренности между агрессорами нападение было начато Израилем, который добился начальных успехов благодаря внезапности удара и активной поддержке французской авиации и военных кораблей. Сразу же после этого Англия и Франция предъявили Израилю и Египту ультиматум, который фактически закреплял за Израилем частично оккупированный им Синайский полуостров, принадлежавший Египту, а от Египта требовал отведения войск на значительное расстояние от Суэцкого канала. Таким путем великие державы рассчитывали вернуть канал в свое владение.

Когда Египет отверг это наглое требование, последовало вторжение: в начале ноября 1956 года англо-французские военно-морские и военно-воздушные соединения подвергли жесточайшей бомбардировке египетские города и деревни и высадили отряды парашютистов и другие войска в северной части Египта.

Правительство США, полностью информированное о франко-англо-израильских военных приготовлениях, не обратило на них внимание мировой общественности, а его крейсировавший на Средиземном море мощный 6-й флот не предпринял ничего, чтобы встать между военными заговорщиками и избранной ими жертвой. Вместо этого американское правительство и пресса повели кампанию за свержение президента Насера. Империалисты США решили таскать египетские каштаны из огня войны руками трех интервентов, рассчитывая, что тем самым интервенты вызовут к себе ненависть и утратят свое влияние на Ближнем Востоке, в результате чего Соединенные Штаты, потирая руки, смогут установить там свое господство.

5 ноября 1956 года, в день массовых высадок англо-французских войск в Египте, Советское правительство направило правительствам трех государств, участвовавших в этом преступном нападении, ноту со столь резким предупреждением, что агрессоры, опасаясь серьезных последствий, уже через 24 часа согласились на прекращение огня. До конца 1956 года все солдаты империалистической коалиции были эвакуированы с египетской территории. Мир победил войну.

Однако через 11 лет Израиль вновь зажег факел войны. Ранним утром 5 июня 1967 года он напал на Египет, Сирию и Иорданию и, использовав преимущество внезапности, захватил обширные районы. Тем самым он выполнил задание Соединенных Штатов и НАТО вернуть под власть империалистов нефтяные богатства и стратегически важные территории Ближнего Востока. Главная цель империализма — свержение национально-революционных правительств в арабских странах — не была достигнута. Захваченные Израилем территории также не останутся в его владении на долгий срок.

ТАК БЫЛ СФАБРИКОВАН СУЭЦКИЙ КРИЗИС

В 1487 году португальцу Диасу удалось обойти вокруг мыса Доброй Надежды; так был открыт путь из Европы в Азию. Однако это был трудный и длинный путь, и вскоре человечеством овладела мысль прорыть перешеек между Средиземным и Красным морями,

чтобы тем самым значительно сократить протяженность водного пути между Европой и Азией. Идея эта осуществилась в 1869 году, когда было закончено строительство канала, предпринятое международным консорциумом капиталистов. За время строительства, продолжавшегося десять лет, от голода, жажды, истощения сил, чумы и холеры погибло 120 тысяч египетских рабочих. Сам Египет оказался на пороге государственного банкротства. Это было превосходное распределение ролей: со стороны Египта в сооружении канала участвовали сотни тысяч рабочих, огромное число которых погибло, а со стороны Англии и Франции — капиталисты, получившие огромные прибыли. «В результате строительства Суэцкого канала английский капитал затянул петлю на горле Египта, и освободиться из этой петли Египет уже не смог», — писала Роза Люксембург. Действительно, к 1876 году задолженность Египта настолько возросла, что он оказался в состоянии колониальной зависимости от Англии. Через восемьдесят лет империалистические державы убили 15 тысяч египтян, чтобы сохранить в своих руках канал, приносящий колоссальные прибыли. Кровопролитие на заре эры империалистического господства — и кровопролитие на закате ее. Однако различие между этими событиями было решающим: первое привело к порабощению, второе — к окончательному освобождению Египта.

Хотя после первой мировой войны Англия формально признала Египет суверенным государством, египетская армия оставалась в подчинении английских генералов и британские вооруженные силы численностью 100 тысяч человек продолжали оккупировать все морские и воздушные базы Египта и зону Суэцкого канала. Как и прежде, этой стране в экономическом отношении отводилась роль поставщика сырья для британской хлопчатобумажной промышленности.

В 1952 году силы национального освобождения, возглавляемые Гамалем Абдель Насером, одержали победу над англичанами и их египетскими союзниками — королевским домом, феодальными властителями и небольшой кучкой буржуазии, связанной с королевским домом и британскими интересами. Король был изгнан, и была провозглашена республика. Правительство

приступило к урезыванию владений крупных землевладельцев и ограничению их политического влияния.

Империалисты попытались взять реванш, прибегнув к экономической войне. На требование Египта об эвакуации британских войск из зоны Суэцкого канала английское правительство ответило резким сокращением закупок египетского хлопка, а США снизили цены на свой хлопок на мировом рынке, чтобы оказать давление на Египет, поскольку хлопок является главной статьей его экспорта. В этот трудный момент Советский Союз, ГДР и другие социалистические государства, закупив большие партии египетского хлопка, проявили себя подлинными друзьями национальной революции в Египте.

Поддержанное таким образом египетское правительство в 1954 году вынудило Англию к соглашению о выводе ее войск численностью 80 тысяч человек из зоны Суэцкого канала до весны 1956 года. Со всей остальной территории Египта английские войска уже были к этому времени эвакуированы. После того как все английские войска оставили страну, президент Насер объявил о национализации компании Суэцкого канала.

Империалисты подняли оглушительный вой. Они, поработившие Египет, залив его кровью, заговорили об «угрозе свободе судоходства», хотя египетская республика в своем декрете о национализации совершенно определенно гарантировала свободный проход через канал, а кроме того, полное возмещение убытков акционерам. Однако западные державы не желали терять огромные прибыли, которые и впредь могли бы приносить им сборы с судов, проходящих канал. В 1930 году чистый доход их составил три с половиной миллиарда золотых франков, что в девять раз превышало общую сумму расходов на сооружение канала. В 1955 году общая сумма чистой прибыли превысила 34,5 миллиарда золотых франков.

Действительно, ради того чтобы вновь овладеть делом, приносящим такие астрономические прибыли, стоило пойти на риск войны. Кроме того, что было еще важнее, Суэцкий канал имел для колониальных держав большое экономическое и военно-стратегическое значение. Почти три четверти судов, проходивших

через канал в последний год перед национализацией, составляли танкеры, доставлявшие в Англию из района Персидского залива 70 процентов всей импортируемой ею нефти, а во Францию — 90 процентов; этим же путем ввозился каучук, джут и растительное масло.

Карл Маркс, писавший «Капитал» в период строительства Суэцкого канала, правильно оценил исключительное значение этого сооружения. В 3-м томе «Капитала» он назвал совершенствование путей сообщения в XIX веке революцией, «которую можно сравнить только с промышленной революцией последней половины прошлого века... Суэцкий канал собственно только и открыл Восточную Азию и Австралию для пароходных сообщений. Время обращения для товаров, отправляемых в Восточную Азию, еще в 1847 г. составляло по меньшей мере двенадцать месяцев, теперь оно сведено почти к стольким же неделям... дееспособность занятого в ней капитала повысилась более чем вдвое или втрое. Что это не осталось без влияния на норму прибыли, понятно само собой» [1].

И в самом деле, крупнейшее гидротехническое сооружение XIX века, открывшее короткий путь в Индийский и Тихий океаны, а позднее приобретшее еще большее значение вследствие открытия громадных нефтяных месторождений на Ближнем и Среднем Востоке, привело к фантастическому росту прибылей. И эти колоссальные прибыли должны были теперь уплыть из рук монополий и попасть в карманы народов, через территорию которых проходил канал!

Мысль эта была невыносимой, тем более что потеря канала означала также для английских империалистов утрату того, что они называли «ключом от Востока» или «мостом в Азию», откуда они могли вести наблюдение за Ближним, Средним и Дальним Востоком и держать под контролем всю Британскую империю. Великий путь на Восток, как назвал его Маркс в другом месте, должен был остаться во владении империалистов [2].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. I, стр. 81.

[2] Само собой разумеется, что в обеих мировых войнах завоевание Суэцкого канала являлось военной, политической и экономической целью германского империализма.

Официальная англо-франко-израильская историография описывает войну против Египта, которая разразилась через три месяца после национализации Суэцкого канала, как событие, возникшее, так сказать, спонтанно и без подготовки. Реакционные израильские политики и генералы утверждают, что они ничего не знали о подготовительных мероприятиях англичан и французов, а сами они были вынуждены к ведению превентивной войны только на территории Синайского полуострова. Англия и Франция заявляли, что они предусматривали ограниченную по масштабам полицейскую акцию для защиты свободы судоходства по каналу (хотя в течение месяцев, истекших после национализации, все суда совершенно свободно и беспрепятственно проходили по каналу!). Наконец, английские государственные деятели имели смелость утверждать, что израильское нападение на Египет явилось для них полной неожиданностью.

Факты показывают, что подготовка к этой войне велась исподволь, хотя и с соблюдением строгой секретности. «Подготовка... военной операции проходила в обстановке полной военной и дипломатической тайны» [1].

Можно считать, что завязкой этой драмы послужили события, происшедшие в марте 1956 года. 1 марта иорданский король Хусейн сместил английского генерала Глабба с поста начальника генерального штаба и главнокомандующего иорданской армией. Удаление этого тайного правителя Иордании должно было и тут, как и во многих других частях света, привести к быстрому падению влияния Англии. С основанием или без основания британский премьер-министр Антони Иден решил, что в смещении Глабба виновен президент Египта Гамаль Абдель Насер, и поклялся жестоко отомстить ему.

---

[1] Merry et Serge Bromberger, Les secrets de l'expédition d'Egypte, p. 9. Разоблачения, которые мы находим в этой книге, изданной в Париже в 1956 году, тем более заслуживают внимания, что в намерения авторов отнюдь не входило осудить агрессию. Похоже, что книга написана по заданию реакционных французских военных кругов; во всяком случае, она удостоилась их похвалы. Авторы прославляют «крестовый поход» против Египта как «блестящий успех французского оружия».

Через 11 лет мир узнал, какие события разыгрались тогда в стенах английского министерства иностранных дел на Даунинг-стрит. В своей книге, изданной в конце 1967 года, заместитель министра иностранных дел в правительстве Идена сэр Антони Наттинг раскрыл историю суэцкого кризиса. На основании своих записей и воспоминаний он описал участие Англии в этой афере, которая привела к суэцкой войне 1956 года:

«После смещения Глабба я весь вечер и полночи спорил с Иденом и могу засвидетельствовать, что тогда он возлагал всю вину на Насера... И в тот роковой день он пришел к убеждению, что мир слишком тесен, чтобы в нем одновременно могли существовать он и Насер. «Египетского диктатора» следовало тем или иным способом устранить, так как иначе положение Англии на Ближнем Востоке и собственное положение Идена как премьер-министра могли подвергнуться чрезвычайно серьезной опасности» [1].

Наттинг, хотя он и не питал к арабам никаких дружеских чувств, составил в следующие дни проект меморандума, в котором предлагал определенные меры ООН в целях содействовать восстановлению мира между арабскими государствами и Израилем. Получив эту докладную записку, Иден позвонил Наттингу:

«Что означает весь этот вздор, который Вы мне прислали? — воскликнул он. — Я не согласен ни с одним словом в этой записке... К чему эта бессмыслица — изолировать Насера или «нейтрализовать» его, как Вы выражаетесь? Я хочу, чтобы он был уничтожен, неужели Вы не понимаете? Я хочу, чтобы его убрали» [2].

Наттинг попробовал осторожно возразить, что устранение Насера может вызвать хаос в Египте. На что Иден ответил:

«Я не желаю никакой альтернативы... И меня нисколько не волнует, что в Египте воцарятся анархия и хаос!» [3]

Он не ограничился словами (смысл которых был более чем ясен). Первый удар, рассчитанный на серьезное и чреватое тяжелыми последствиями ослабление

---

[1] Anthony Nutting, Die Suezverschwörung 1956, Wien, 1967, S. 22.

[2] Ibid., S. 44.

[3] Ibidem.

Египта, нанесли Соединенные Штаты: 19 июля 1956 года Вашингтон отменил свое решение о предоставлении займа на строительство высотной Асуанской плотины, этого символа экономической модернизации нового Египта. Лондон немедленно последовал его примеру. Советский Союз свел на нет задуманный нажим, который должен был вновь поставить Египет в вассальную зависимость от империалистических государств. Строительство Асуанской плотины было продолжено при широкой финансовой, материальной и технической помощи Советского Союза.

Насер со своей стороны ответил 26 июля на попытку экономического удушения Египта национализацией Суэцкого канала. Тогда империалисты предприняли новую акцию: 28, 29 и 31 июля правительства Англии, Франции и США одно за другим отдали распоряжения о замораживании, то есть фактически о реквизиции всех стерлинговых, франковых и долларовых активов Египта. Это была тяжелая экономическая санкция. Однако английским империалистам и этого показалось мало. Иден и стоявшие за ним банковские, промышленные и торговые круги настаивали на военном вмешательстве. В начале августа английское правительство призвало 20 тысяч резервистов и направило сильные подкрепления своим военно-морским и военно-воздушным силам в восточной части Средиземного моря. Иден телеграфировал Эйзенхауэру, тогдашнему президенту США, что экономические меры могут не дать надлежащего эффекта, «и мы должны быть готовы в случае необходимости образумить Насера силой» [1].

Далее в своей телеграмме Иден сообщал, что начальники генеральных штабов получили указание подготовить «соответствующий план военной операции» [2].

Доказательства налицо: английские империалисты не желали говорить с Египтом как с равноправным партнером; они намеревались диктовать ему условия как своей колонии. Устами английского премьера го-

---

[1] D w i g h t D. E i s e n h o w e r, Wagnis für den Frieden, Düsseldorf — Wien, 1961, S. 36.

[2] Ibidem.

ворила непомерная гордыня британских правящих классов, которые привыкли к тому, что стоило им свистнуть или тем более стоило засвистеть их пулям, как народы Азии и Африки в ужасе падали ниц.

Иден так откровенно изложил свои воинственные намерения потому, что его ободрили высказывания находившегося в эти августовские дни в Лондоне государственного секретаря США Даллеса, который вполне солидаризировался с ним и заявил на весь мир, что считает неприемлемым, чтобы «канал находился под контролем одного-единственного государства. Насера следует заставить вернуть его». Эти слова прозвучали сладкой музыкой для Идена, который сказал Наттингу:

«Если мы сейчас не проявим твердости, Насер рано или поздно отнимет у нас всю нашу нефть» [1].

Тут мы подошли ко второму главному мотиву, определяющему отношение империалистов к арабским народам. В нашем столетии в недрах земли, населенной арабскими народами, были обнаружены колоссальные нефтяные месторождения. Круглым счетом две трети известных в настоящее время мировых запасов нефти находятся в этом районе, который дает треть всей мировой добычи нефти. Нефтяной трест Рокфеллера (США) и «Ройял датч-Шелл» (Англия), к которым после второй мировой войны присоединились некоторые нефтяные компании Юга США, хотели и хотят сохранить эти богатейшие источники прибылей и могущества. Как им казалось и кажется, гарантировать это можно лишь в том случае, если арабской нефтью будут самовластно распоряжаться не арабские народы, а иностранные тресты. Поэтому арабские государства должны оставаться в полуколониальной зависимости. В свете этих фактов и следует рассматривать политику империалистических правительств, этих исполнительных органов гигантских трестов.

В обстановке, сложившейся летом 1956 года, планы империалистов дать надлежащий урок руководителям арабского национально-революционного движения, вернуть под свой контроль стратегический путь, пролегающий через Суэцкий канал, и таким образом обеспечить сохранность своих владений в нефтеносных районах

---

[1] Anthony Nutting, op. cit., p. 72.

отвечали желаниям правительства государства Израиль. Это государство по решению ООН должно было быть создано в 1948 году наряду с арабским палестинским государством. Однако государство Израиль, едва появившись на свет, воспрепятствовало созданию палестинского государства, присвоило большую часть предназначенной для этого государства территории и изгнало миллион арабов с унаследованной ими от их предков земли. Это и стало источником постоянной напряженности в арабско-израильских отношениях. Разумеется, такое положение было вызвано непосредственно действиями сионистских правителей Израиля, представляющих его крупную буржуазию. Однако за ними стоял мировой капитал, который рассматривал Израиль как весьма удобный инструмент войны для сохранения собственного господства на Ближнем Востоке, инструмент, который можно по своему желанию пускать в ход против арабских народов. Теперь это и произошло.

Как Иден сообщил американскому президенту, генеральные штабы Англии, Франции и Израиля с конца июля 1956 года занимались совместно подготовкой вторжения в Египет. Летом 1956 года Париж передал Израилю дюжину самолетов «мистэ́р», большое число артиллерийских батарей, танков и т. д.

Напомним еще раз: 26 июля Египет национализировал канал. Через трое суток французское правительство направило адмирала Номи, начальника главного штаба военно-морских сил, в Лондон, где он совместно с британским верховным командованием занялся разработкой состава сил и средств, необходимых для совместной интервенции в Египте [1].

Общественность не знала об этом ничего.

По соглашению между премьер-министрами обеих стран был создан специальный англо-французский генеральный штаб. В целях соблюдения наивысшей степени секретности предусматривалось, что соответствующую корреспонденцию о подготовке войны будут читать только пять лиц, а именно: в Англии — премьер-министр и королева, во Франции — президент, премьер-министр и военный министр. В начале августа в Анг-

[1] Merry et Serge Bromberger, op. cit., p. 60.

лию прибыл начальник французского генерального штаба генерал Бофр, который одновременно был назначен командующим французскими вооруженными силами для кампании в Египте.

Далее как в детективном романе: в Лондоне генерал Бофр превращается в гражданское лицо под вымышленным именем. Он спускается в подземелье, начинающееся за Уайт-холлом, улицей, где расположены английские правительственные учреждения, и уходящее глубоко под Темзу. Там, в одном из помещений, имеющем только искусственное освещение, Бофр в течение двух с половиной месяцев в полной тайне разрабатывает совместно с тридцатью офицерами английского и французского генеральных штабов план разбойничьей операции [1].

Английская общественность ничего об этом не знает.

Французская общественность ничего об этом не знает.

Мировая общественность тоже ничего об этом не знает.

Так за спиной народов готовилась война.

Как только генеральный штаб закончил свою работу, события стали развиваться бурными темпами. В воскресенье 14 октября исполняющий обязанности министра иностранных дел Франции Глазье и заместитель начальника главного штаба французских ВВС генерал Шаль (впоследствии один из руководителей фашистского заговора против де Голля) тайно прибыли на английский военный аэродром и были препровождены в Чекерс, загородную резиденцию английского премьера.

Там на совещании с Иденом был намечен следующий план действий: Израиль начинает наступление на Египет через Синайский полуостров. Дав израильским вооруженным силам достаточно времени, чтобы занять весь Синайский полуостров или бóльшую его часть, Англия и Франция прикажут Израилю и Египту отвести свои войска от Суэцкого канала, с тем чтобы англо-французские вооруженные силы могли оккупировать зону канала якобы для того, чтобы он не постра-

---

[1] Ibid., p. 70.

дал в результате военных действий. Это позволит обеим державам утверждать, что они «разделили враждующие стороны и погасили опасный очаг войны». На деле же Англия и Франция рассчитывали таким путем захватить контроль над каналом на всем его протяжении и над его главными портами — Порт-Саидом и Суэцем — и взять в свои руки управление им.

Так хладнокровно готовилась война. Не забыли они обмануть как друзей, так и врагов. Надо было ввести в заблуждение Насера и египтян (которые со своей стороны, естественно, не помышляли об агрессии) относительно военных приготовлений Израиля, так как мобилизация, которую ему предстояло провести, не могла, конечно, долго оставаться незамеченной. Для этого был разработан план отвлекающих мероприятий. Наттинг пишет о нем:

«Чтобы замаскировать наши намерения и усилить впечатление, что Израиль собирается напасть на Иорданию, с французами и Израилем была достигнута договоренность, что с целью отвлечения внимания израильские войска сразу же после начала мобилизации будут сосредоточиваться близ иорданской границы, а секретная служба Израиля распространит перед этим слух, что в Иорданию введены иракские войска. В этот момент мы «предупредим» Израиль, что в случае нападения на Иорданию вступит в силу англо-иорданское оборонительное соглашение. Этот хитрый маневр должен был не только уверить Насера, что ему не грозит никакая опасность, но и дать нам возможность выступить на Ближнем Востоке в роли «стражей мира»[1].

Пятнадцатого октября в Париже общее собрание паразитов, именующих себя акционерами компании Суэцкого канала, потребовало от Египта полного возмещения убытков на 12 лет вперед; после этого Иден и его министр иностранных дел Ллойд отправились в Париж. Здесь на пятичасовом совещании с их французскими партнерами был установлен срок начала интервенционистской войны и согласованы военно-политические мероприятия. Неделю спустя французский премьер-министр и премьер-министр Израиля Бен-Гурион встретились тайно, как два заговорщика — и действительно

---

[1] Anthony Nutting, op. cit., p. 139.

они были участниками заговора против мира! — на военном аэродроме Виллакублэ, в здании, из которого были удалены все гражданские и военные лица. Ги Молле прибыл на автомашине, не имевшей никаких опознавательных знаков. Бен-Гурион сошел с самолета, низко надвинув шляпу на лоб. В конце совещания, длившегося полдня, Израиль получил заверения, что его наступление будет поддержано французской авиацией и военно-морским флотом.

В этой строго секретной встрече участвовал также министр иностранных дел Англии Ллойд, прибывший из Лондона. По возвращении Бен-Гурион сразу же провел мобилизацию, причем настолько скрытно, что сведения о ней стали просачиваться за пределы страны только 28 октября.

Тут как на ладони видна вся подлость империалистической политики: эксплуататорские классы хладнокровно готовят войну, а их официальные представители в то же время делают одно миролюбивое заявление за другим. 23 октября Ллойд подробно информировал своего заместителя Наттинга о том, в какой день и в каком направлении начнет агрессию Израиль, когда Англия и Франция предъявят ультиматум и когда они осуществят военное вмешательство. Империалистов ничуть не беспокоило, что они готовят преступное, вопиющее нарушение устава ООН и международного права.

События развивались в соответствии с этим коварным замыслом. Как только распространились слухи о мобилизации в Израиле, он на следующий же день, 29 октября, совершил внезапное нападение, которое в Лондоне и Париже приветствовали как неожиданный дар божий. Наступающие войска сравнительно легко справились со своей задачей, потому что, во-первых, на Синайском полуострове было не так уж много египетских войск, к тому же не готовых к обороне и застигнутых врасплох, а, во-вторых, французская авиация господствовала в небе, прикрывая наступающие израильские войска с воздуха. Французские крейсеры, кроме того, обеспечивали фланговое прикрытие.

Днем позже, после того как мир был поставлен перед совершившимся фактом, правительства Англии и Франции направили Израилю и Египту ультиматум с требованием, чтобы обе стороны отвели свои войска

на 16 километров соответственно на восток и на запад от канала. Каким нейтральным и по-соломоновски мудрым выглядел этот шаг — и какое же это было, по существу, мошенничество! Израильтяне получили тем самым прямое приглашение наступать дальше, потому что они не приблизились еще к каналу на расстояние 16 километров. Египтяне же должны были очистить не только весь Синайский полуостров, но также, — и прежде всего — зону канала, да еще полосу шириной 16 километров к западу от него. В ультиматуме также содержалось требование, чтобы англо-французским войскам было разрешено оккупировать египетские порты и ключевые позиции: Порт-Саид, Исмаилию и Суэц. Таким путем международный финансовый капитал, политически представленный правительствами обеих западных держав, намеревался вновь овладеть каналом. Расчет строился на том, что Насер откажется выполнить это наглое требование, это послужит поводом для вторжения, и в Каире будет вновь установлен марионеточный режим, покорный Суэцкой компании.

Естественно, что израильтяне приняли этот ультиматум, для них весьма выгодный и отвечающий их желаниям. Понятно также, что египетское правительство отклонило его.

Когда премьер-министр Иден сделал сообщение в английской палате общин об ультиматуме, он прибег ко лжи (отнюдь не «святой лжи»). Он клялся и божился, что израильская агрессия явилась для него полнейшей неожиданностью. Собственно говоря, «Иден не лгал; просто он говорил правду, которая устарела на полмесяца», — язвительно замечают французские историки этой войны[1]. Уже 15 октября 1956 года Идену был во всех подробностях известен план операции.

И вновь мы убеждаемся, что в наше время обман общественного мнения и даже парламентов является одним из важнейших элементов подготовки войн империалистами. Ведь следует учитывать, что план агрессии, как сообщают авторы, являющиеся доверенными лицами французского генералитета, был вчерне намечен «за три месяца до предъявления ультиматума, и разработка его заняла пятьдесят дней»[2].

---

[1] Merry et Serge Bromberger, op. cit., p. 32.
[2] Ibid., p. 59.

Вечером 31 октября армада военных кораблей и транспортов западных держав полным ходом двинулась на Египет с Мальты и Кипра, где она сосредоточивалась в течение нескольких недель. Шесть дней англо-французские авиасоединения бомбардировали Порт-Саид и другие египетские города и деревни, обратив их в руины, а 5 ноября под командованием французского полковника (который через несколько лет был осужден во Франции как оасовец) были сброшены парашютные десанты в стратегически важных пунктах. Парашютисты учинили кровавую расправу над населением: в Порт-Саиде и Порт-Фуаде было убито 15 тысяч человек.

В своем рассказе о событиях Наттинг отмечает:

«...в ночь с 31 октября на 1 ноября английские самолеты во исполнение нашего обещания Бен-Гуриону подвергли бомбардировке четыре египетских аэродрома — Альмасу, Инхас, Абу-Сувейр и Эль-Кабрит, а ранним утром следующего дня еще девять... Британская авиация выполнила свое обещание израильтянам, которые могли теперь спокойно продолжать продвижение по Синайскому полуострову в уверенности, что Насер не в состоянии нанести ответный удар по их городам, а также помешать их наступлению» [1].

И все же низкие расчеты нарушителей мира не оправдались. Англо-французские милитаристы хвастливо заявляли, что они «освободят» Суэцкий канал, но им пришлось в бессилии наблюдать, как египтяне перекрыли канал, затопив в нем 49 судов. Вследствие этого торговым судам империалистов пришлось совершать рейсы на Средний и Дальний Восток длинным и требующим больших затрат кружным путем вокруг мыса Доброй Надежды. Ожесточенное сопротивление Египта удивило агрессоров, но не заставило их отступить.

И тут последовал удар грома, который привел к крушению планов агрессоров. Во второй половине дня 5 ноября 1956 года Советское правительство передало правительствам трех держав, совершивших нападение, ноту, в которой оно во имя восстановления мира недвусмысленно давало понять, что агрессия, если она

[1] Anthony Nutting, op. cit., p. 160—161.

будет продолжена, не останется безнаказанной. С ясностью, не допускающей кривотолков, в ноте, адресованной Англии, говорилось:

«В каком положении оказалась бы сама Англия, если бы на нее напали более сильные государства, располагающие всеми видами современного истребительного оружия? А ведь такие страны могли бы в настоящее время и не посылать к берегам Англии военно-морского или военно-воздушного флотов, а использовать другие средства, например ракетную технику. Если бы ракетное оружие было применено против Англии или Франции, Вы, наверное, назвали бы это варварским действием. Однако чем же отличается бесчеловечное нападение, совершенное вооруженными силами Англии и Франции на почти безоружный Египет?

Глубоко озабоченные развитием событий на Ближнем и Среднем Востоке, руководствуясь интересами сохранения всеобщего мира, мы считаем, что правительство Англии должно внять голосу благоразумия и остановить войну в Египте. Мы обращаемся к Вам, к парламенту, к лейбористской партии, к профсоюзам, ко всему народу Англии: прекратите вооруженную агрессию, остановите кровопролитие. Война в Египте может перекинуться на другие страны и перерасти в третью мировую войну. Мы полны решимости... восстановить мир на Ближнем Востоке».

Одновременно с вручением нот Советское правительство потребовало немедленного созыва Совета Безопасности ООН и представило проект резолюции, в которой содержалось требование о заключении перемирия в течение двенадцати часов и о выводе всех иностранных войск с египетской земли.

Американский историк Герман Файнер в своей вышедшей в свет в 1964 году книге «Даллес и Суэцкий кризис» [1] (в которой бывший государственный секретарь США критикуется с реакционных позиций) признает, что советские предостережения оказали чрезвычайно отрезвляющее воздействие на охваченных военной лихорадкой агрессоров и их американских союзников, и это на следующий же день привело к прекращению огня. Безусловно, в ноябре 1956 года Советский Союз

[1] Herman Finer. Dulles over Suez. The Theory and Practic of his Diplomacy, London, 1964.

спас народы мира от третьей мировой войны. Это еще одно доказательство того, что социалистический лагерь в союзе с народами, борющимися за свое национальное освобождение, и с рабочим классом капиталистических стран может воспрепятствовать возникновению войны, задушить ее в зародыше или, если уж война разразится, добиться ее прекращения. Важнейшим условием этого является нерушимое единство действий социалистических государств.

Может возникнуть вопрос, как все это время держало себя американское правительство. Будучи империалистами, правители США горели желанием использовать конфликт в своих интересах: во-первых, добиться отмены национализации канала, а во-вторых, заменить англо-французское влияние на Ближнем Востоке американским и стать в дальнейшем хозяевами Суэцкого канала. Когда приспешники США, и в том числе, разумеется, западногерманские историки, пишут, что в 1956 году Вашингтон намеревался ослабить напряженность на Ближнем Востоке и помешать развязыванию войны, то это чистейший блеф. За неделю до национализации Суэцкого канала, 19 июля 1956 года, Даллес, государственный секретарь США, в крайне резкой форме аннулировал сделанное ранее американцами предложение о строительстве Асуанской плотины в Египте. Далее: «С конца июля государственный департамент знал, какое большое значение придавали Лондон и Париж каналу, а также необходимости наказать Насера. Государственный департамент был в курсе всех приготовлений. Никакие значительные передвижения войск не могли пройти для него незамеченными, так же как и перемещения военно-морских и военно-воздушных сил. 6-й американский флот постоянно находился в водах Кипра, его самолеты — в воздушном пространстве над Средиземным морем, в районе побережья Израиля. Более того, то, что государственному секретарю Фостеру Даллесу не сообщалось официально, сообщал ему его брат Аллен Даллес, начальник разведывательной службы США» [1].

Тем временем выступил сам Аллен Даллес и подтвердил все это:

---

[1] Merry et Serge Bromberger, op. cit., p. 16.

«Разведывательная служба была полностью в курсе того, что собирались предпринять Израиль, а затем Великобритания и Франция... Американские официальные лица заявляли, что их страна ничего не знала заранее об этих действиях. На деле же американская разведывательная служба постоянно осведомляла правительство»[1].

Весьма консервативный английский историк Б. Кольер, который во время второй мировой войны состоял в штабе Эйзенхауэра, также подчеркивает: «Британское правительство с самого начала информировало его [государственного секретаря Даллеса. — *А. Н.*] настолько подробно, насколько он того желал» [2].

Вашингтонское правительство сделало тогда мину невинной девицы, над которой совершили насилие, но действовало оно как старая опытная сводня и укрывательница. Его сообщничество с агрессорами не вызывает сомнений. Оно становится еще более очевидным, если задаться вопросом: располагали ли США достаточными силами, чтобы предотвратить войну против Египта? Безусловно, располагали! 6-й американский флот, в составе которого было четыре авианосца, четыре тяжелых крейсера, оснащенных установками для запуска ракет с атомными боеголовками, двадцать четыре эскадренных миноносца и большое число десантных кораблей, представлял собой крупнейшее и наиболее мощное военно-морское соединение на Средиземном море. Ему достаточно было бы только стать между Кипром и египетским берегом, чтобы воспрепятствовать военным действиям. Он этого не сделал. Напротив, Соединенные Штаты участвовали в «замораживании» заграничных активов Египта, объявленном в ответ на национализацию Суэцкого канала. 1 августа 1956 года Даллес заявил: «Нужно изыскать средства заставить Насера выплюнуть то, что он попытался проглотить» [3].

«Всем важнейшим интересам Запада на Среднем Востоке будет нанесен непоправимый урон, если Насер

---

[1] Allen Dulles, Im Geheimdienst, Düsseldorf, 1963, S. 226—227.

[2] Basil Collier, Siege, die keine waren, München, 1964, S. 374—375.

[3] Anthony Eden, Memoiren 1945 bis 1957, Köln — Berlin, 1960, S. 496.

не получит соответствующего урока», — писала задающая тон газета республиканской партии США. Видные деятели этой партии, Эйзенхауэр и Даллес, возглавляли тогда вашингтонское правительство [1].

Действуя в духе этого заявления, Даллес и выступил на конференции, состоявшейся в Лондоне 16—21 августа; он предложил формально считать Суэцкий канал египетской государственной собственностью, но фактическое управление им передать на вечные времена в руки международной организации. Интригам Даллеса в Лондоне успешно воспротивились Советский Союз, Индия и другие государства.

Факты свидетельствуют: Соединенные Штаты неизменно проявляли благосклонное отношение к англо-французским военным приготовлениям и благоприятствовали им. Вашингтон ставил себе одновременно две цели: во-первых, он хотел, чтобы был сброшен Насер, изъявший канал из-под контроля международного капитала, а во-вторых, чтобы это произошло в результате длительной военной интервенции англичан и французов; тогда последние навлекли бы на себя ненависть арабов, и Соединенные Штаты могли бы пожать плоды этой победы и установить свое доминирующее влияние в арабских странах. Именно поэтому Белый дом вел сложную игру: с одной стороны, поддерживал военные приготовления трех держав, а с другой — в решающий момент занял выжидательную позицию, явно рассчитывая, что негодование мирового общественного мнения обрушится на Англию и Францию, а Соединенным Штатам удастся разыграть роль друга арабов.

И все эти планы рухнули. Независимость Египта окрепла в результате этого испытания кровью. Суэцкий канал остался государственной собственностью Египта. Уйти со своего поста пришлось не Насеру, а британскому премьеру сэру Антони Идену. Все страны мира, и в первую очередь арабские, сделали свои выводы из того факта, что огромный 6-й американский флот ограничился ролью наблюдателя, когда началась интервенция.

Таким образом, вполне соответствует действительности признание, которое посол США в Париже,

---

[1] «New York Herald Tribune», 7 August 1956.

известный крупный банкир Диллон, сделал в минуту откровенности. Он сказал, что, по его мнению, к прекращению огня привели не уговоры и морализирование, не опасения по поводу сокращения запасов нефти, не усилия американской дипломатии, а «весьма резко сформулированные советские предостережения» [1].

В своей книге, уже упоминавшейся выше, американский историк заканчивает одну из глав под названием «Даллес уступает России» следующими словами: «Факты остаются фактами. Советская угроза повергла Даллеса в панику» [2].

Десять лет спустя главный орган западногерманского концерна Шпрингера в статье о суэцкой войне также указал, что западные державы отступили «из уважения к Москве» [3].

У акул, от которых ускользнула их главная добыча, все же остается некоторое утешение. Суэцкая компания, на протяжении многих десятилетий присваивавшая сборы за прохождение канала, настолько обогатилась, что стала одной из крупнейших финансовых групп Франции и после поражения в суэцкой войне приобрела пятую часть акций ведущего металлургического концерна Франции (компании «Понт-а-Муссон») и вошла в долю весьма влиятельного «Банк де л'юньон паризьен» (21 процент его акций, а с осени 1966 года Суэцкая компания полностью контролирует этот крупный французский банк). Кроме того, она является пайщиком 130 французских и иностранных фирм, в том числе владеет 12,5 процента акций эссенского банка «Буркхардт унд компани», который в свою очередь тесно связан с гигантами рурской промышленности и с «Дейче банк».

Кровь превращается в золото. На этом основывалась и основывается практика и мораль капитализма в XIX и XX столетиях. В наши дни, однако, эксплуатируемая им область земного шара все больше и больше сужается.

Нельзя писать о суэцкой войне, не осветив позиции ГДР и ФРГ. Что касается ФРГ, то ее правительствен-

---

[1] «Washington Post», 12 December 1966.

[2] Herman Finer, Dulles over Suez. The Theory and Practic of his Diplomacy, London, 1964, p. 434.

[3] «Die Welt» (Hamburg), 20. August 1966.

ная пресса вела пропаганду, способствовавшую психологической подготовке и оправданию войны против Египта. Тут в ход было пущено все — от поношения Насера до уничижительных расистских высказываний в «Рейнишер меркур», официальном органе тогдашнего канцлера Аденауэра, и в западноберлинском «Курир» министра Леммера. Герман Абс, «всемогущий бог» западногерманского финансового капитала, властитель «Дейче банк» и многочисленных концернов, выразил чувства всей крупной буржуазии, господствующей между Рейном и Эльбой, когда потребовал «стойкого противодействия мероприятиям Египта» и бросил боевой клич: «Европа должна добиться восстановления международного порядка на Суэцком канале посредством надлежащих оборонительных действий» [1].

В соответствии с этим и вела себя правительственная западногерманская делегация на упомянутой выше конференции в Лондоне. Там боннский министр иностранных дел фон Брентано вторил как попугай своим коллегам Даллесу, Идену и Пино и нагло требовал, чтобы Насер согласился с планом Даллеса, предусматривавшим возвращение канала под контроль международного капитала. Одновременно западногерманское правительство объявило мораторий по платежам Египту и зашло так далеко, что запретило египетскому послу в Бонне вербовать в Западной Германии лоцманов для канала (это было сделано после того, как Англия и Франция отозвали своих лоцманов; преисполненные расистского высокомерия, они рассчитывали, что египтяне, будучи «небелыми», не смогут обеспечить движение по каналу).

Таким образом, ФРГ участвовала во всех мероприятиях экономической и политической войны, и, когда началась вооруженная агрессия, правительственная пресса Западной Германии приветствовала ее в полный голос. Напомним в этой связи, что подавляющее большинство парашютистов, которые действовали в районе Порт-Саида и в самом городе и убивали мирное население, были западногерманскими наемниками, служившими во французском иностранном легионе с согласия Бонна.

---

[1] «Rheinischer Merkur», 31. August 1956.

Если западногерманская Федеративная республика выступала в роли пособника агрессоров, то социалистическая Германская Демократическая Республика прокламировала и осуществляла на деле принцип солидарности со всеми народами, борющимися за свою свободу. Вальтер Ульбрихт (который уже 25 августа 1956 года в ответ на антиегипетский экономический бойкот, объявленный империалистами, распорядился о расширении торгового соглашения с Египтом) выразил мысли всего населения ГДР — а также и населения Западной Германии, — когда 2 ноября 1956 года в разгар военных действий заявил в Народной палате:

«ГДР приветствует смелый египетский народ и все арабские государства, которые защищают свою национальную независимость от англо-французского империализма. Военное нападение на Египет обнажает сущность политики НАТО, свидетельствует о ее бесчеловечности. Народ Западной Германии хотят убедить в том, что НАТО служит только «целям обороны» и занимается главным образом вопросами «экономического сотрудничества». Агрессия двух крупных западноевропейских государств — участников НАТО против Египта показывает всем народам, что представляет собой в действительности Североатлантический пакт и какой опасности он подвергает также и народы Европы. НАТО есть военное орудие хозяев концернов и банков, используемое для угнетения германского и других народов.

Боннское правительство вполне солидарно с ними, как видно из того, что на заседании англо-французской комиссии по Суэцкому каналу оно согласилось с английскими предложениями и тем самым поставило интересы кучки владельцев акций компании Суэцкого канала выше жизненно важных интересов германского населения. Социалистическая единая партия Германии придерживается мнения, что военная интервенция в Египте членов НАТО Великобритании и Франции должна побудить весь германский народ к совместной борьбе против ремилитаризации Западной Германии».

Волна сочувствия к египетскому народу всколыхнула ГДР. Сумма добровольных пожертвований составила много миллионов марок. На большом митинге со-

лидарности 5 ноября 1956 года в Берлине автор этой книги заявил:

«Мы спрашиваем западногерманских и западноберлинских социал-демократов и членов профсоюзов: с кем вы? С убийцами египетского народа, с убийцами алжирского народа, с крупными капиталистами, угнетателями многих народов? Или вы на стороне тех, кто борется за равенство и свободу всех наций? НАТО — это военная организация убийц Египта, а Западная Германия — это главная база НАТО в Европе.

Вооруженные силы ФРГ, составляющие часть военных сил НАТО, предназначены стать ударным отрядом для развязывания сначала внутренней войны против демократических сил Западной Германии, а затем войны за ее пределами. По образцу английских и французских агрессоров и их американских подстрекателей западно-германская армия также должна стать инструментом агрессии. Однако во второй половине XX века времена империалистического мирового господства раз и навсегда миновали. Народы хотят освободиться от угнетающих их кровопийц, и они добьются свободы. Поэтому мы требуем от имени всех германских демократов, от имени всех противников войны: немедленно прекратить агрессию! Немедленно вывести англо-франко-израильские войска с египетской земли! Империалисты, вон из Египта! Руки прочь от Египта!»

Таким образом, суэцкая война разыгрывалась не только на Ближнем Востоке, фронт ее проходил и в Европе; по одну сторону его оказалась ФРГ, служившая делу войны, а по другую ГДР, защищавшая дело мира.

Дружба между освобожденными народами Германской Демократической Республики и Объединенной Арабской Республики [1], а также Сирийской Арабской Республики, Иракской Республики, Алжирской Народной Демократической Республики и Народной Республики Южный Йемен, пройдя через огонь испытания 1956 года и закалившись в обстановке величайшей опасности для всеобщего мира, неуклонно крепла в последующие годы. Объединяющие нас дружеские и сердеч-

---

[1] В 1971 году приняла наименование Арабская Республика Египет. — *Прим. ред.*

ные узы все более крепнут под знаком свободы и независимости народов, свершающих в своих государствах глубочайшие общественные преобразования исторического значения.

Вопреки интригам и угрозам, репрессиям и заговорам империалистов США и ФРГ, которые на всех континентах противодействуют утверждению свободы, безопасности и суверенитета народов, отношения между ГДР и ОАР и другими арабскими государствами развиваются весьма успешно. 11 лет спустя, при новом нападении Израиля на Египет, их прочность вновь была подтверждена.

ИЗРАИЛЬ — ОСТРИЕ КОПЬЯ ИМПЕРИАЛИСТОВ

Уже в апреле — мае 1967 года Израиль сконцентрировал сильные воинские соединения на границах с арабскими государствами, главным образом с Сирийской Арабской Республикой и Объединенной Арабской Республикой, объявил мобилизацию и спровоцировал ряд военных инцидентов на иорданской и сирийской границах, пробуя свои силы перед решающим ударом.

Если принять во внимание, что нефтяные промыслы Ближнего Востока ежегодно приносят американским трестам и английским монополиям миллиардные прибыли и на 80 процентов покрывают потребность Западной Германии в горючем, то станет ясно, чьи интересы на Ближнем Востоке готовился защищать агрессор и какие новые источники баснословных прибылей он стремился захватить.

Пять крупнейших американских нефтяных монополий добыли в 1967 году на Ближнем Востоке свыше 260 миллионов тонн нефти. Полученная ими на этом чистая прибыль составила круглым счетом 1 миллиард долларов. За последние 20 лет США инвестировали в этом районе 1,5 миллиарда долларов и получили на этом 12 миллиардов чистой прибыли. Из разведанных до начала 1969 года на Ближнем Востоке запасов нефти в 37 миллиардов тонн американские нефтяные компании контролируют на сегодня свыше 20 миллиардов тонн. Это почти в пять раз превышает разведанные запасы нефти в США.

Стремление американских монополий сохранить контроль над источниками нефти является одной

из главных причин напряженности и империалистических авантюр на Ближнем Востоке. Израильскую военщину спустили с цепи с целью подавления национального арабского движения, которое в ОАР уже привело к национализации Суэцкого канала, а в Сирии — к лишению монополий их нефтяных богатств. Монополисты стремились упредить возникновение серьезных предпосылок для эксплуатации естественных богатств этого района в собственных интересах его народов и объединение на этой основе всех арабских стран.

Все было самым тщательным образом подготовлено державами НАТО и Израилем к 5 июня 1967 года. В 7 часов 45 минут утра этого дня Израиль, применив гитлеровскую стратегию «блицкрига», нанес внезапные массированные удары с воздуха по аэродромам и важным стратегическим объектам ОАР и одновременно оккупировал обширные районы Египта, Иордании и Сирии. Для прикрытия наступательных операций Израиля и оказания давления на арабские государства, а в случае надобности и для прямого вмешательства главные силы 6-го флота США до начала агрессии были переброшены с их баз в Неаполе и на Мальте в восточную часть Средиземного моря и приведены в боевую готовность, так же как и дислоцированные здесь мощные английские военно-морские силы.

Израиль, являющийся на Ближнем Востоке ударным отрядом мирового империализма, оккупировал территорию арабских государств, вчетверо превосходившую его собственную государственную территорию.

На захваченных арабских землях израильские оккупанты проводят политику ограбления, террора и массовых высылок: 400 тысяч человек выгнаны из своих домов, целые деревни сровнены с землей. Еще в 1948 году правители Израиля, захватив арабскую территорию, изгнали сотни тысяч арабов из их страны.

Нагло игнорируя резолюцию Совета Безопасности ООН от 22 ноября 1967 года, обязывающую Израиль безотлагательно очистить оккупированные им арабские территории, включая иорданскую часть Иерусалима, Тель-Авив продолжает наносить вооруженные удары,

которые по своим масштабам не уступают открытым военным действиям. Поддержка США поощряет правителей Израиля к наступательным действиям и укрепляет их в их намерении аннексировать захваченные арабские земли. Можно считать поэтому, что не прекращающаяся израильская агрессия в первую очередь обусловлена стремлением воспрепятствовать дальнейшему развитию революционного освободительного движения на арабском Востоке. Таким образом, мы имеем здесь дело с национальным сопротивлением и освободительной борьбой арабов, которая в значительной степени носит социальный, классовый характер.

Иметь Ближний и Средний Восток, этот «поворотный круг между Азией и Европой» [1], в своих руках, контролировать этот стык трех континентов — Европейского, Африканского и Азиатского — с его выгодным военно-географическим положением... ради достижения этого США и другие империалистические державы готовы пойти на любое преступление. И вот Соединенные Штаты, Англия и ФРГ стали оказывать Израилю широкую экономическую, политическую и военную помощь, которая по своим масштабам, соотнесенным с территорией и числом жителей, намного превосходила их помощь любому другому государству капиталистического мира. Они превратили Израиль в крупнейшую военную базу империализма на Ближнем Востоке, в исполнителя воли США, используя его как клин для разобщения участников антиимпериалистического и освободительного арабского движения и как острие копья, направленное против прогрессивных правительств на Ближнем Востоке. Никогда Израиль — государство, насчитывающее два и три четверти миллиона жителей, — не смог бы в течение многих лет выполнять роль постоянного нарушителя мира, если бы он не был неразрывно связан с самыми реакционными силами империализма и не получал бы от них оружие. В высокой степени милитаризованная экономика этой страны находится под контролем иностранных банков и монополий. Крупные инвестиции империалистических держав в Израиле и являются фунда-

---

[1] «New York Times», May 1967.

ментом его агрессивной внешней политики. Наттинг пишет в этой связи, «что мы основали Израиль не ради того, чтобы дать страдающему и преследуемому еврейскому народу родину и будущее, а чтобы использовать это государство как плацдарм для нового наступления Запада на арабские территории, как военную базу для достижения «империалистических» и «колонизаторских» целей Запада, созданную и финансируемую западными правительствами на деньги Запада» [1].

200 предприятий в важных в военном отношении отраслях экономики Израиля принадлежат американцам. Израилю оказывает поддержку Клуб миллионеров. К числу влиятельнейших членов этого клуба принадлежат американский банкир Виктор Картер, парижский банкир барон Эдмонд Ротшильд, английский «царь розничной торговли» лорд Сиф; членами клуба являются 3000 представителей международного финансового и банковского мира из 18 стран. На совещании клуба в июле 1969 года в Иерусалиме было принято решение, что «поток денежных средств, который на протяжении последних двадцати лет поддерживает Израиль, не должен иссякать и в будущем» [2]. Эти миллиардные суммы должны идти на повышение военного потенциала, но в первую очередь на форсированное осуществление «программы освоения оккупированных территорий». Министр обороны Израиля Моше Даян заявил: «Поэтому задачей Израиля является интегрирование оккупированных арабских территорий». Израильское правительство спешно заключило с одной из американских нефтяных компаний договор о проведении последней для Тель-Авива разведочных и исследовательских работ в прибрежных водах Синайского полуострова. Синай является египетской территорией, которую Израиль в настоящее время противозаконно удерживает с помощью военной силы. Дно Суэцкой бухты, оба берега которой являются суверенной территорией Египта, содержит огромные запасы нефти, предположительно превосходящие запасы Персидского залива. Эти богатства Израиль хочет узурпи-

---

[1] Anthony Nutting, op. cit., p. 123.
[2] «Christ und Welt», 25. Juli 1969.

ровать, объявив их своей «собственностью». Уже и сейчас Ближний Восток является главным производителем и экспортером черного золота. Геологические исследования показали, что под песками пустынь этого района находятся самые богатые на всем земном шаре запасы нефти.

Там, где дело идет о разжигании международных конфликтов, о поддержке агрессора, без Западной Германии никак нельзя было обойтись, и это прискорбная, но неотъемлемая особенность всей истории ФРГ. В марте 1960 года Аденауэр заключил с Бен-Гурионом тайное соглашение (подготовленное тогдашним военным министром Бонна Францем Йозефом Штраусом), в соответствии с которым боннское правительство обязалось поставить Израилю в течение нескольких лет самолеты, танки, торпедные катера и ракетные установки на сумму свыше 3 миллиардов марок.

Из «Фонда возмещения убытков» ФРГ Израиль уже получил 3,45 миллиарда марок.

Государственные кредиты ФРГ составили в 1966—1969 годы 600 миллионов марок. В 1968 году вывоз Западной Германии в Израиль внезапно увеличился на 85% — с 249 миллионов марок до 460 миллионов марок, а в 1969 году он превысил 500 миллионов марок.

Крупный западногерманский капитал заинтересован в усиленном вывозе капиталов в Израиль и в финансировании тех отраслей военной промышленности, в которых уже сейчас разрабатываются различные совместные германо-израильские проекты. Западногерманское военное министерство обеспечивает себе таким путем возможность ускоренного испытания в боевых условиях новых систем оружия. Сейчас Израиль разрабатывает совместно с западногерманскими фирмами «Мессершмитт-Бёльков-Блом», «Нитрохеми» (концерн Круппа) и Обществом реализации химических изделий в Либенахе новую артиллерийскую ракету с повышенной точностью попадания.

С 1960 по 1966 год Бонн вложил 25,4 миллиона марок в западногерманско-израильские исследовательские работы в области ядерного оружия. Западная Германия финансировала также строительство учебного центра для израильских офицеров и специалистов, сама осуществила обучение нескольких тысяч израильских

солдат, а весной 1967 года поставила Израилю 20 тысяч противогазов для использования во время «блицкрига».

Группы израильских офицеров обучаются на специальных курсах, организованных бундесвером. Эти офицеры образуют затем костяк отрядов «коммандос», задачей которых, помимо борьбы против палестинских партизан, является организация шпионажа и диверсий в арабских государствах. В Гамбурге израильские летчики обучаются вождению вертолетов. Образцом для этих специальных отрядов служит пресловутая американская «воздушная кавалерия», действующая в Южном Вьетнаме с вертолетов.

В штабе западногерманского бундесвера есть специальный офицер связи для координации военных мероприятий с Тель-Авивом. Эту должность занимает бригадный генерал Беккер. Группы израильских летчиков по завершении обучения на специальных курсах в Западной Германии возвращаются в Израиль на предоставленных в их распоряжение самолетах типа «норатлас».

Израильский химический концерн «Махтешим кемикл уоркс» в Беершебе и институт Вейцмана в Реховоте занимаются разработкой химических средств массового уничтожения. Речь идет о ряде опаснейших, высокотоксичных химических боевых отравляющих веществ. Эта работа осуществляется при всесторонней поддержке крупнейшего западногерманского химического концерна «ИГ Фарбениндустри».

Тесные связи существуют между западногерманской и израильской секретными службами. Начальником так называемого контрразведывательного отдела западногерманско-израильского атомного исследовательского центра в Берзере (Израиль) является, например, Макс Веймар, бывший офицер СС, действовавший в различных странах под псевдонимом Штефан Шторм.

Почему западногерманский империализм оказывает Израилю такую широкую и разностороннюю помощь? Почему ФРГ так открыто связывает себя с неправым делом и выступает на стороне агрессора на Ближнем Востоке? Что скрывается за этим? Любая агрессия служит для западногерманских империалистов предлогом

для подготовки к осуществлению их собственных агрессивных замыслов и оправданием их. Если аннексионистская политика Израиля останется безнаказанной, то они также смогут надеяться на безнаказанное осуществление агрессивных и аннексионистских планов в Европе. Поэтому ФРГ и не делала ни малейших попыток осудить Израиль морально. Ни один из западногерманских канцлеров не проронил ни слова по поводу преступлений, совершаемых на протяжении ряда лет Израилем в отношении арабов. Напротив, они потворствовали тому, что радио, телевидение и особенно шпрингеровские газеты настраивали общественное мнение Западной Германии в пользу израильской захватнической политики.

Правящие круги ФРГ использовали во зло чувство вины, ощущаемое многими западногерманскими гражданами, убеждая их, что поддерживая Тель-Авив, Западная Германия искупает преступления, совершенные Гитлером в отношении миллионов евреев. Однако это так называемое «искупление» состояло и состоит в действительности лишь в поставках оружия правящим империалистическим кругам Израиля и является фактически частью глобальной стратегии НАТО. В самой Западной Германии по-прежнему полным-полно тех, кто убивал евреев при гитлеровском режиме; если эти вчерашние убийцы сегодня вооружают Израиль и ликуют по поводу его агрессии, то это не имеет ничего общего с искуплением. Скорее можно объяснить это тем, что империалистические круги ФРГ всегда и повсеместно принимают сторону агрессора. Не удивительно поэтому, что командные круги бундесвера всячески восхваляют израильскую стратегию «блицкрига» и ссылаются на нее как на достойный подражания пример: «Осуществление подобных войн локального масштаба мыслимо также и в Берлине, и на охраняемых немцами участках демаркационной линии» [1]. Под «Берлином» подразумевается Западный Берлин, а под «демарка-

[1] См. «Wehrkunde» (теоретический журнал боннского генералитета) № 7 за 1967 год, статью Вильгельма Мейера-Детринга, генерал-лейтенанта в отставке, бывшего командира западногерманского армейского корпуса, «Ближневосточный конфликт и оборона Европы» (W. Meyer-Detring, Nahostkonflikt und Verteidigung Europas).

ционной линией» — граница между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой.

Те, кто восхищался в свое время гитлеровскими молниеносными ударами 1939—1941 годов, усматривают в израильском «блице» 1967 года образец для своей собственной военно-политической стратегии в Европе. Высшие штабы западногерманских вооруженных сил не скрывают, какие выводы они сделали из египетско-израильской войны 1967 года для своих концепций агрессии в Центральной Европе. Один из их рупоров, газета «Ди Вельт» выдвинула следующий тезис в статье, озаглавленной «Рецепт блицкрига»:

«Первое следствие этой из ряда вон выходящей кампании — полное ниспровержение модного утверждения, что войны ныне уже не являются средством осуществления политики. Они являются им более, чем когда-либо раньше» [1].

«Веркунде» резюмирует:

«Если нет возможности овладеть критическим положением, следует по крайней мере быстро ликвидировать это положение, не допуская его дальнейшего развития. В этом отношении ближневосточный конфликт в июне 1967 года может служить примером для подражания (! — *А. Н.*). Вместо неудачного политического решения произошла быстрая ликвидация кризиса военными средствами» [2].

Битые гитлеровские стратеги в ФРГ вновь, как и прежде, уповают на возможность в течение нескольких дней или даже часов завоевать целые страны. В успехе внезапного нападения Израиля они видят новое доказательство непогрешимости своей тактики.

Показательной в этом отношении является обстоятельная записка, составленная для командующих бундесвера министерским советником д-ром Зееманом, начальником отдела «безопасности и планирования»

---

[1] «Die Welt» (Hamburg), 10 Juni 1967; «Welt am Sonntag», 11 Juni 1967. Отметим, кстати, что король западногерманской прессы Аксель Шпрингер, которому принадлежит «Die Welt» и много других газет и журналов, неоднократно бывал в Израиле и преподнес в дар его правителям несколько миллионов марок.

[2] «Wehrkunde», Heft 9, 1967, Rabe G., Nahostluftkrieg im Juli 1967.

в ведомстве федерального канцлера. Зееман требует «немедленного перенесения боевых действий на территорию противника, чтобы в результате молниеносного нападения обеспечить себе залог» [1]. Можно подумать, что никогда не было Сталинграда и нацистский рейх не подписывал в Берлине капитуляцию...

Таким образом, союз западногерманских реваншистов с израильскими экстремистами является угрозой для всякого мирного прогрессивного развития как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Где бы в мире ни шла борьба за национальное освобождение и социальный прогресс, западногерманский империализм оказывается по другую сторону баррикады.

Укрепление национальных демократических сил в ОАР, Сирии, Ираке, Алжире и Южном Йемене, а также революционные события в сентябре 1969 года в Ливии препятствуют стремлениям международного монополистического капитала к господству и к умножению своих прибылей. Наемник международного монополистического капитала, Израиль хочет покорить арабов посредством военных авантюр. Однако военное блицнападение 1967 года не привело к осуществлению этой политической цели. Напротив, антиимпериалистические настроения арабских народных масс, их воля к сопротивлению ускорили на Ближнем Востоке консолидацию и расширение национально-революционного процесса и социального прогресса. Все новые народы вступают на путь борьбы против империалистического ига.

В ночь на 7 июня 1967 года, когда израильские войска подошли к Суэцкому каналу, Советский Союз, связанный нерушимыми узами со справедливой борьбой арабского народа, поставил в Совете Безопасности вопрос о немедленном прекращении военных действий. На созванной по его требованию вопреки сопротивлению США чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН действия Израиля были по достоинству заклеймены как варварский агрессивный акт империалистов, имеющих к тому же наглость взваливать вину за вероломное нападение на свои жертвы.

---

[1] K. Seeman, Bündnisprobleme der Bundesrepublik Deutschland, «Wehrwissenschaftliche Rundschau», Berlin — Frankfurt am Main, 1967, Heft 2.

Конструктивная политика СССР сыграла решающую роль при принятии Советом Безопасности резолюции от 22 ноября 1967 года, в которой Израилю было предъявлено обвинение в агрессии и выдвинуто требование установить справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке. «Совет Безопасности...

1. Утверждает, что выполнение принципов Устава требует установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, который должен включать применение обоих нижеследующих принципов:

I) вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта;

II) прекращение всех претензий или состояний войны и уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе и их права жить в мире в безопасных и признанных границах, не подвергаясь угрозам силой или ее применению...» [1]. Заявления огромной важности, содержащиеся в Основном документе Международного совещания коммунистических и рабочих партий в июне 1969 года в Москве, а также заявление ведущих партий и правительств шести социалистических стран от 27 ноября 1969 года явились новой фазой солидарности с арабскими государствами, подвергшимися нападению, и борьбы за политическое решение ближневосточной проблемы. Необходимым условием этого является достижение такого урегулирования, которое гарантирует всем народам Ближнего Востока, в том числе и народу Израиля, независимое и спокойное национальное существование, обеспечит безопасность их границ и даст им возможность использовать свои силы, ресурсы и энергию для удовлетворения своих насущных потребностей.

Не может быть на Ближнем Востоке никакого мира, пока израильские войска не освободят все оккупированные арабские территории. Без выполнения этого требования народы Ближнего Востока не смогут жить между собой в добрососедских отношениях.

Однако если Израиль будет упорно саботировать все, что ведет к справедливому урегулированию, если он попытается навязать народам Ближнего Востока

---

[1] «Международная жизнь», № 6, 1968, стр. 150

свои империалистические требования посредством вымогательских заявлений о том, что либо должны быть приняты израильские условия, либо мира не будет, если правящие круги Израиля, поддерживаемые американскими империалистами, будут бахвалиться завоевательными планами, направленными к созданию «великого Израиля», то они, тем самым, безрассудно поставят на карту жизненные интересы израильского народа.

Следует и впредь обеспечивать всестороннюю поддержку арабским народам, в том числе арабскому народу Палестины, в их борьбе против агрессивной империалистической политики на Ближнем Востоке, за освобождение оккупированных арабских территорий, за демократию и социальный прогресс. Миллионы людей требуют, чтобы проискам военных преступников был положен конец и чтобы арабские народы стали полновластными хозяевами своих стран.

НЕУДАВШАЯСЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Порой человечеству приходится ждать десятилетия, прежде чем раскроется тайна возникновения какой-либо войны. Но в случае с Кубой этого не скажешь. Разумеется, если бы вторжение в апреле 1961 года было успешным, то империалисты немедленно состряпали бы легенду «о восстании недовольного кубинского населения» и Вашингтон, конечно, не имел бы никакого отношения к этому вторжению. Ну, а так...

Ну а так, многодневное сражение у залива Кочинос (Залива свиней) окончилось уничтожением интервентов. Всячески пытаясь себя обелить и свалить вину на своих партнеров, кое-кто из главных действующих лиц приподнял завесу, скрывавшую правду. Поговорка «у победы много родителей, а поражение всегда сирота» на сей раз не оправдалась. Мемуары политических деятелей, сообщения кубинских эмигрантов-реакционеров, показания свидетелей в Вашингтоне, признания непосредственного военного руководителя вторжения создают яркую картину циничных разбойничьих методов империализма США, для которого, как сказал поэт, «Агнцы боле тут жертвой не падут, но людские жертвы без числа!»

ВЫСАДКА НА ПЛАЯ-ХИРОН

Как и в первой половине нашего столетия, так и позднее империалисты США практически рассматривали Кубу как свою колонию, высасывая из кубинцев все соки. Последней в целом ряду послушных Вашингтону креатур в Гаване был Батиста, который диктаторствовал с 1934 года, затем с 1944 по 1952 год жил в США, а в 1952 году вновь утвердил на Кубе режим крайней политической реакции, беспримерную кровавую диктатуру. Ненавидимый всем народом, за исключением крупных помещиков и некоторых воинских частей, он в экономическом, политическом и военном отношении полностью подчинил страну Соединенным

Штатам, которые в ответ поддерживали его всеми средствами.

Прямые капиталовложения Соединенных Штатов на Кубе составляли примерно один миллиард долларов. Крупные монополии контролировали 90% производства электроэнергии, добычи никеля, кобальта, железной руды и других полезных ископаемых. Им принадлежали 36 самых крупных сахарных заводов, которые производили до 40% всего сахара. Они владели также двумя миллионами гектаров самых плодородных земель, то есть одной четвертью всей обрабатываемой площади, и, наконец, они контролировали всю телеграфно-телефонную сеть. Столицу Кубы Гавану они превратили в придаток Майами, место развлечений американских капиталистов.

Благодаря своему положению в Карибском море Куба контролирует подступы к Мексиканскому заливу и расположена непосредственно между США и Панамским каналом, той кратчайшей коммуникацией между Атлантическим и Тихим океанами, которую США вопреки воле народа Панамы и попирая все международные права и обычаи, а также право наций на самоопределение оккупировали. Не удивительно поэтому, что Вашингтон придавал огромное значение господству над Кубой и выбирал в качестве наместников для нее самые продажные личности.

Не кто иной, как бывший американский президент Кеннеди, говорил в 1960 году о «грубой, кровавой и деспотической диктатуре Батисты» [1]. В своей книге «Стратегия мира» Кеннеди сетовал, что США так долго поддерживали Батисту и относились к нему столь некритично. Кеннеди говорил и писал так не потому, что был против колонизации Кубы, а потому, что Батиста, казнивший 20 тысяч патриотов, восстановил весь народ, в том числе и часть буржуазии, против империализма США. И в самом деле, Батиста растранжирил все национальное достояние кубинского народа, оплачивая военную помощь Вашингтона. Еще в конце июня 1958 года он подписал декрет, согласно которому право на эксплуатацию полезных ископаемых Кубы предо-

---

[1] Arthur Schlesinger, A thousand days, Boston — Cambridge, 1965, p. 224.

ставлялось на неограниченный срок нескольким американским трестам. В благодарность за это США и поддерживали карательные экспедиции Батисты против кубинских борцов за свободу. На всех снарядах и бомбах, противотанковых ракетах и гранатах, бывших в распоряжении солдат Батисты, имелись пометки «made in USA».

А когда народ нанес Батисте несколько сокрушительных ударов, диктатор, захватив с собой 500 миллионов долларов, бежал 1 января 1959 года через Доминиканскую Республику в Португалию к своему единомышленнику Салазару. Вся Куба вздохнула: для ее шестимиллионного населения началась новая жизнь. Однако Вашингтон никак не мог примириться с тем фактом, что победа революции сломила власть крупных концернов на Кубе. Начиная с 1959 года он пытается задушить Кубу экономически, изолировать ее политически и разгромить ее военным путем.

В апреле 1959 года Фидель Кастро, как премьер-министр островной республики, посетил Соединенные Штаты. Тогда же, после беседы с Кастро, вице-президент США Никсон составил секретную докладную записку для Белого дома, а также для руководителей министерства иностранных дел и секретной службы ЦРУ, в которой он потребовал, чтобы США предприняли военную интервенцию против Кубы [1].

Правительству Эйзенхауэра — Никсона это не показалось чересчур рискованным делом — ведь всего за пять лет до этого в результате открытого военного вмешательства оно свергло в Гватемале либерального президента Арбенса Гусмана, когда тот решил несколько урезать власть компании «Юнайтед фрут», и посадило на его место агента секретной службы США диктатора Армаса.

Достаточно обратиться к свидетельствам ответственных или, лучше сказать, безответственных государственных деятелей и их советников тех лет, чтобы приподнять и последнюю завесу над этим пресловутым делом и вскрыть историческую правду. Ближайшие политические сотрудники президента Кеннеди Артур

---

[1] Haynes Johnson, The Bay of Pigs. The Invasion of Cuba by Brigade 2506, London, 1965, p. 25.

Шлезингер и Теодор Соренсен после смерти Кеннеди выдали секреты Белого дома, а журналист Хейнс Джонсон публично поведал о всей военной организации этого дела, а также об участии в агрессии кубинских эмигрантов, использованных властями США. Все они одобряют коварную и многоплановую борьбу США против революционной Кубы, а это придает их сообщениям особое значение и достоверность.

Как за несколько лет до этого с Египтом, так и теперь империалисты США попытались сперва задушить Кубу экономически, а затем политически изолировать ее и в конце концов прибегли к военной интервенции. При этом все три этапа не были строго разделены. Так, например, военные приготовления начались уже во время экономической и политической блокады.

1959 год, в первые дни которого бежал Батиста, а победа революции была увенчана вступлением революционных войск в Гавану, принес Кубе широкую земельную реформу. Обширные плантации сахарного тростника, находившиеся до этого во владении американских компаний и местных крупных помещиков, были национализированы. В октябре 1959 года с провозглашением закона о горной промышленности рудники и шахты также перешли в собственность народа, благодаря чему Куба наконец-то сама смогла распоряжаться богатыми залежами всевозможных руд, боксита, вольфрама, никеля, цинка и т. д.

Кубинские филиалы нефтяных компаний «Эссо», «Тексако» и «Шелл» отказались перерабатывать советскую нефть. Эта мера имела тяжелые последствия для Кубы, ибо нефтеочистительные заводы целиком находились во владении американского и в меньшей степени английского финансового капитала. Экономический саботаж должен был задушить Кубу. На это и были рассчитаны махинации нефтяных компаний, эту же цель преследовал отказ Соединенных Штатов от закупок сахара в размере 740 тысяч тонн, что должно было особенно тяжело поразить Кубу, поскольку ее хозяйство вследствие диктата Северной Америки издавна было хозяйством монокультуры. Однако США просчитались, так как социалистические страны в ответ на это значительно расширили импорт

сахара с Кубы и оказывали и оказывают во многом другом экономическую помощь социалистической Кубе.

После всех этих преступных экономических санкций и многочисленных террористических акций, а также налетов авиации, в которых все яснее проступала направляющая рука Вашингтона, после того как подготовка к военной интервенции развернулась уже во всю ширь, а правительство США запретило всем странам, получающим из Вашингтона займы, закупать на Кубе сахар, — лишь после всего этого правительство Кубы национализировало предприятия 26 американских компаний, прежде всего «Стандард ойл», «Тексако», электростанции, а также телефонные станции и телефонную сеть и сахарные заводы.

А когда правительство Эйзенхауэра в октябре 1960 года наложило запрет на весь экспорт на Кубу, кубинское правительство национализировало все оставшиеся американские предприятия, включая банки, гостиницы и страховые компании. На каждый удар следовал контрудар, мужество революционеров Кубы, посмевших, находясь всего в 90 милях от США, выступить против опутавших своими щупальцами весь мир монополий, привело Вашингтон в неистовство.

«17 марта 1960 года президент Эйзенхауэр уполномочил ЦРУ организовать из кубинских эмигрантов партизанские военные отряды, обучить и вооружить их, с тем чтобы свергнуть Кастро. За шесть лет до этого президент принял подобное же решение о ЦРУ и партизанских отрядах в отношении другой латиноамериканской страны — Гватемалы.

И тогда ведь это удалось»[1].

То, чего не удалось достигнуть экономической блокадой, должно было быть достигнуто с помощью других американских акций. И это было поручено Аллену Даллесу, брату тогдашнего государственного секретаря США, тому самому Аллену Даллесу, который был шефом американского шпионажа в Европе и, сидя во время второй мировой войны в Берне, прилагал все усилия для заключения западными державами сепаратного мира с Германией, пытаясь сколотить единый военный фронт против Советского Союза. Непосред-

[1] Haynes Johnson, op. cit., p. 28.

ственным исполнителем предстоящих операций был назначен Ричард Биссел, заместитель Аллена Даллеса. Незадолго до президентских выборов в ноябре 1960 года, принесших победу Кеннеди, было принято решение создавать не партизанские банды, а настоящую интервенционную армию [1].

Кстати говоря, подобное решение было принято не только президентами — сначала Эйзенхауэром, а затем, с января 1961 года, Кеннеди, — но и ЦРУ.

План Даллеса и Биссела был официально одобрен начальниками штабов вооруженных сил США под председательством генерала Лемницера, а также адмиралом Бэрком, на которого возложили ответственность за военно-морские операции. В период с 29 ноября 1960 года по 12 апреля 1961 года состоялось не менее десятка всевозможных совещаний, в которых, помимо председательствующего президента Кеннеди, принимали участие министр иностранных дел Раск, военный министр Макнамара и министр финансов Диллон, а также Лемницер, заместители министра иностранных дел и военного министра и, разумеется, Даллес и Биссел. Эти совещания были целиком посвящены разнообразным аспектам подготовки и проведения интервенции [2].

На этих-то тайных сборищах политического и военного руководства США высиживалась агрессия. Никто, разумеется, не спрашивал американский народ и не думал его спрашивать, никто не требовал его согласия и ничего ему не объяснял — он был поставлен перед совершившимся фактом. А ведь речь шла о жизни и смерти, о войне и мире. Такова-то в действительности демократия США.

Правда, если бы кубинцев-эмигрантов, число которых составляло тысячи, обучали на американской земле, то дело стало бы известным гораздо скорее, но и тут имелся уже некоторый опыт. Недаром всего за несколько лет до этого ЦРУ свергло демократическое, избранное народом правительство Гватемалы и силой посадило на его место субъектов, послушных США.

---

[1] Theodore G. Sorensen, Kennedy, New York, 1965, p. 295.

[2] Haynes Johnson, op. cit., p. 65—68.

Итак, Аллен Даллес обратился к послу Гватемалы Карлосу Алехосу. По чистой случайности брат посла, Роберто, оказался владельцем нескольких крупных кофейных плантаций. Между ЦРУ и президентом Гватемалы вскоре была достигнута устная договоренность, и с августа 1960 года кубинские эмигранты переезжают на обширные плантации, где их натаскивают в течение 8 месяцев под руководством полковника Фрэнка Бендера из ЦРУ [1].

Между прочим, сей «Фрэнк Бендер» на самом деле был немцем по имени Дреллер, совершенно опустившимся субъектом, который цинично похвалялся, что кубинские контрреволюционеры все у него в кармане, вместе с его чековой книжкой. О Латинской Америке он не имел ни малейшего представления, но из чувства симпатии сотрудничал с батистовцами и другими правыми элементами [2].

Разумеется, Роберто Алехос предоставил свои плантации в распоряжение ЦРУ не задаром. Оно заплатило за них более миллиона долларов [3]. Когда дело дошло до расставания, он заявил американским офицерам, командовавшим кубинскими эмигрантами: «Не забудьте меня в Гаване» [4]. Он явно рассчитывал на то, что после победы контрреволюции на Кубе его вознаградят денационализированными землями.

В созданный США отряд, состоявший, примерно, из 1500 человек, на обучение и вооружение которых, по свидетельству начальника объединенного штаба вооруженных сил США генерала Лемницера, ЦРУ истратило 24 миллиона долларов, входило 100 бывших владельцев латифундий, 24 средних помещика, 67 домовладельцев, 112 оптовых торговцев, 325 бывших чиновников и, что особенно характерно, не менее 194 членов батистовских банд убийц. Уже сам социально-политический состав отряда интервентов говорит о его реакционном характере. Американские официальные круги пытались доказать «демократичность» состава десантной бригады, утверждая, будто в нее не входили люди

---

[1] Haynes Johnson, op. cit., p. 44.
[2] Arthur M. Schlesinger, op. cit., p. 230—236.
[3] «The Nation» (New York), 19 November 1960.
[4] «Die Welt» (Hamburg), 6. Mai 1961.

Батисты. Однако член так называемого кубинского эмигрантского правительства в США Рафаэль К. Наварро как раз жаловался на то, что ответственные военные посты были заняты бывшими батистовскими офицерами [1]. Кстати, политический советник Кеннеди Шлезингер подтвердил, что «в войсках вторжения находились офицеры и профессиональные солдаты Батисты» и что, помимо того, некоторые из самых отъявленных преступников из окружения Батисты появились на кораблях, которые доставляли войска на Кубу. А те офицеры, которых нельзя причислить к активным батистовцам, занимали, во всяком случае, крайне правые политические позиции [2].

Конечно, это была абсолютно реакционная затея и отнюдь не гражданская война между двумя политическими направлениями на Кубе, как это иногда пытается утверждать Вашингтон. Без помощи США кубинские контрреволюционеры в США представляли бы собой разношерстный политический сброд, не имеющий никакого военного значения. Они обрели его лишь благодаря организации и обучению, благодаря самолетам, оружию и боеприпасам, инструкторам, снаряжению, а также транспортным судам и 250 долларам ежемесячного жалованья для каждого человека при бесплатном питании. За все это платило правительство в Вашингтоне. Оно поставляло все материалы, кубинцы же были пушечным мясом, предназначенным для того, чтобы восстановить фактическое господство на Кубе монополий янки. «Мы будем до тех пор преследовать тиранию, покуда она не погибнет на улицах Гаваны», — хвастался Кеннеди в начале октября 1960 года в одной из своих предвыборных речей в Цинциннати [3], а полгода спустя, когда Кеннеди уже окончательно одобрил срок вторжения, он, намекая на распри, возникшие среди кубинских эмигрантов, дошел в своем цинизме до следующего утверждения: «Если мы хотим избавиться от этих людей, то это будет гораздо проще сделать на Кубе, чем в США» [4].

---

[1] «Frankfurter Rundschau», 18. April 1961.
[2] Arthur M. Schlesinger, op. cit., p. 268—269.
[3] Ibid., p. 225.
[4] Ibid., p. 257.

После того как в начале января 1961 года правительство США порвало дипломатические отношения с Кубой, развитие событий стало быстро приближаться к своему апогею. Второго апреля бригада была передислоцирована в Никарагуа, чтобы быть поближе к месту высадки, так называемому Заливу свиней на юге Кубы. Через два дня состоялось последнее, решающее совещание у Кеннеди. В своем выступлении Ричард Биссел, сделав военный обзор, подчеркнул: одновременно с высадкой бригады на Кубе вспыхнет восстание, инспирированное агентами ЦРУ. Это обстоятельство поможет удержать захваченный плацдарм и расширить его, а тем временем образованный офицерами ЦРУ «Революционный совет» провозгласит себя новым правительством и закрепится на кубинской земле. Вашингтон немедленно признает его как правомочное правительство Кубы, и в ответ на последующий в первый же день призыв о помощи быстро высадит морскую пехоту и совершит мощные воздушные налеты.

Президент Кеннеди попросил присутствующих высказать свое мнение. Все главнокомандующие родами войск, министры и их заместители, советники президента и, разумеется, Аллен Даллес лично подтвердили свое согласие с этим планом. За одним лишь исключением — председателя сенатской комиссии по иностранным делам Фулбрайта. Действительно, 30 марта сенатор направил президенту памятную записку, в которой решительно возражал против участия США во вторжении на Кубу или же поддержки такового. На вышеупомянутом совещании у Кеннеди он вновь повторил свои возражения в страстной речи, заявив, в частности: «Подобная операция подорвет наши моральные позиции во всем мире» [1].

После провала интервенции Кеннеди сказал: «Есть только один человек, чья совесть чиста, — и это Билл Фулбрайт» [2].

Однако с мнением сенатора не посчитался не только Кеннеди, но и его преемник Линдон Б. Джонсон, который продолжал вести агрессивную войну против Вьет-

---

[1] Arthur M. Schlesinger, op. cit., p. 251—252; «New York Times», 18 May 1966.

[2] Arthur M. Schlesinger, op. cit., p. 289.

нама, несмотря на резкие и неоднократные выступления Фулбрайта.

Мало того, Кеннеди лично оказывал давление на редакторов крупных газет и влиятельных журналов, с тем чтобы они не пропускали сообщений, касавшихся подготовки интервенции (к сожалению, это ему частично удалось). Так, например, Шлезингер в своей уже цитированной книге сообщает, что «Нью рипаблик», известный буржуазный еженедельник, намеревался в начале апреля 1961 года опубликовать «тщательное, точное и уничтожающее описание действий ЦРУ среди кубинских беженцев. Я [Шлезингер. — *А.Н.*] передал статью президенту, который немедленно прочитал ее и выразил надежду, что ее удастся задержать». И это действительно удалось!

Нечто подобное произошло и с «Нью-Йорк таймс», которая должна была выйти 7 апреля 1961 года с крупной шапкой и с сообщением в несколько колонок о подготовке ЦРУ интервенции против Кубы. Статья была направлена для предварительной цензуры в Вашингтон, и ее публикацию разрешили лишь после того, как были вычеркнуты все указания на то, что вторжение произойдет в ближайшее время, что начало его будет ознаменовано бомбардировкой Кубы, а также упоминание об участии в нем ЦРУ [1].

И при этом господа из Вашингтона все еще хотят уверить народы в том, будто североамериканская печать является самой свободной печатью в мире и печатает все, что достойно напечатания. На самом же деле она печатает только то, что ей разрешают печатать, только то, что отвечает интересам монополий и не противоречит их политике войны. Немногие исключения практически не становятся достоянием широкой общественности, к тому же авторы их подвергаются преследованиям. В апреле 1961 года готовилось кровавое преступление, жертвой которого должны были стать тысячи людей, однако правители США жаждали покрыть саваном молчания то, о чем они сговаривались.

Когда началось вторжение, то западногерманская

---

[1] Из речи главного редактора «Нью-Йорк таймс» Даниеля Клифтона, напечатанной в «Нью-Йорк таймс» 2 июня 1966 года.

печать полагала себя призванной утверждать, будто бы правительство США ничего не знало и не ведало и в подготовке нападения участия не принимало. Это, мол, «чисто кубинское дело», речь идет о «борьбе кубинских патриотов». Так, например, «Франкфуртер альгемайне цайтунг» писала 18 апреля 1961 года: «Все признаки свидетельствуют о том, что кубинские эмигранты предприняли нападение на остров без какой бы то ни было поддержки со стороны». «Однако, — так писала «Ди Вельт» в тот же день, — наваждению на Кубе могла бы, разумеется, немедленно положить конец американская интервенция. Да, открытой американской поддержки «Революционного совета», единого фронта всех тех антикастровцев, которые не являются сторонниками Батисты, по всей вероятности, было бы вполне достаточно».

У этой трагедии были и комические стороны: согласно американскому плану, должно было существовать «Временное правительство», которое, прибыв на место после успешного вторжения и получив признание, обратилось бы с просьбой о помощи. Но этого эмигрантского правительства не существовало. Отдельные течения в среде кубинских эмигрантов были подобны королевским детям из немецкой народной песни, которые никак не могли соединиться — расхождения между ними были чересчур глубоки. И тогда ЦРУ взяло дело в свои руки, заставив противящиеся стороны образовать под председательством Кардоны «Революционный совет».

Правда, этим господам ничего конкретного о событиях, которым предстояло разыграться на побережье страны, в роли правительства которой они фигурировали в задуманной Вашингтоном шахматной игре, сообщено не было. Их перевезли в Нью-Йорк, где они и начали действовать, разместившись в пресловутой гостинице «Лексингтон». В ответ на требование ЦРУ они состряпали манифест. Он был «напичкан страстными призывами к иностранным капиталодержателям, частным банкирам, экспроприированным помещикам, но по существу своему ничего не говорил рабочим, крестьянам или неграм» [1].

---

[1] Arthur M. Schlesinger, op. cit., p. 260.

Подобный манифест был даже для американцев слишком глупым, ведь на такую программу не клюнет ни одна рыбка.

Непосредственно перед вторжением ЦРУ доставило господ министров in spe [1] на самолетах в Майами, штат Флорида, и разместило их в пустующем доме неподалеку от города, рядом с заброшенным аэродромом. Охрана состояла из вооруженных до зубов солдат, и «правительство», таким образом, было полностью лишено каких бы то ни было контактов с внешним миром. Один из министров, обозлившись, сказал американцу: «Непонятно, кто мы: ваши союзники или ваши пленники?» [2]

О том, что происходило на самом деле, «министры» в буквальном смысле этого слова не имели ни малейшего представления. Впрочем, радио у них было. Благодаря этому они утром 18 апреля и узнали, что «их» войска высадились на Кубе. Сами они даже не подозревали об этом, ничего не ведали они и о победных сводках, которые публиковались от их имени. Далеко от Майами, а именно в Нью-Йорке, существовал некий пресс-агент Лем Джонс, президент рекламной фирмы, которая обычно бралась представлять интересы акционеров, но — разумеется, за немалые деньги — могла заняться и политическими делами. Названный Джонс опубликовал, правда без ведома «Революционного совета», утром первого дня вторжения в 7 часов 15 минут следующий бюллетень, продиктованный ему по телефону из ЦРУ и затем распространенный печатью и радио по всем Соединенным Штатам, а также всеми информационными агентствами капиталистических стран:

«Кубинский Революционный совет сообщает, что в ближайшие часы закончится решающее сражение кубинских революционеров против Кастро. Сегодняшняя акция имеет своей целью прежде всего поддержать и укрепить те силы, которые за последние месяцы были мобилизованы и обучены на самой Кубе. Огромная армия непобедимых солдат-патриотов, получив теперь инструкции, нанесет решающий удар во имя освобождения любимой отчизны».

---

[1] Будущих *(лат.)*.

[2] A r t h u r M. S c h l e s i n g e r, op. cit., p. 282.

Затем в бюллетене цитировались якобы слова представителя «Революционного совета»:

«Я объявляю, что еще сегодня, прежде чем спустятся сумерки, весь остров Куба поднимется и единая волна саботажа и восстания сметет коммунизм с нашей земли. Все меньше остается милисьянос, еще не перешедших на нашу сторону» [1].

Таким-то образом на аристократической Мэдисон-авеню в Манхаттане на все терпящей бумаге темным дельцом были одержаны победы, которых пешки Вашингтона не могли добиться на поле боя. Тем временем господа, от имени которых появились этот и другие бюллетени, сидели в Майами под домашним арестом в качестве пленников своих защитников и были освобождены только после провала интервенции, когда на подобных субъектов уже не было спроса.

Сей фарс, разыгранный во время кровавой трагедии, — не что иное, как классическое доказательство невероятной, прямо-таки гитлеровской наглости, с какой империалисты США всегда и везде обращались со своими вассалами.

Мы не намерены описывать здесь в деталях начавшуюся 17 апреля 1961 года интервенцию. Неожиданная высадка, причем ночью, в туман, дала возможность нападавшим создать плацдарм. Однако самой большой неожиданностью для наемной солдатни было то, что ожидаемое ими и обещанное им восстание населения не состоялось, напротив, даже местные милисьянос оказали такое героическое сопротивление, что захватчики с трудом продвигались вперед.

После трех дней боев перешедшие в контрнаступление кубинские войска уничтожили или взяли в плен всех интервентов, вместе с их американскими инструкторами и летчиками.

На сторону молодой островной республики, проявляя братскую солидарность, встали все страны социалистического лагеря в том числе и ГДР. В послании Государственного совета ГДР от 19 апреля 1961 года революционному правительству республики Куба сообщалось: «Совет министров ГДР направил в ООН про-

---

[1] Haynes Johnson, op. cit., p. 67, 121, 128—129, 156—157; Arthur M. Schlesinger, op. cit., p. 275.

тест против нападения на Кубу и потребовал принять меры для немедленного пресечения агрессии».

Одновременно в этом послании был разоблачен сговор США и Западной Германии, которая поддерживает все агрессивные действия, в том числе и позорное нападение на кубинский народ: «Нельзя рассматривать как случайность тот факт, что империалисты США приурочили решение об агрессии против Кубы к тому времени, когда в США находились боннский канцлер Аденауэр и командующий западногерманскими вооруженными силами нацистский генерал и военный преступник Ферч, чтобы вместе со штабом НАТО в Вашингтоне, во главе которого стоит нацистский генерал Хойзингер, обсудить новые агрессивные планы».

Когда поражение агрессоров и их вдохновителей стало неопровержимым фактом, поднялся великий плач западногерманской прессы и ее хозяев: «Если уж американская разведка не могла установить, каково истинное положение на Кубе, которая ведь расположена всего в 140 километрах от США и на которой находится к тому же военно-морская и военно-воздушная база Гуантанамо, то разве можно рассчитывать на то, что она обладает хотя бы в какой-то мере надежной информацией о положении в Восточном блоке», — писал дюссельдорфский «Индустрикурир» 25 апреля 1961 года. А газета «Ди Вельт» в своей передовице от 22 апреля 1961 года жалобно стонала: «И вот еще раз патриоты — надежда людей на самоопределение и свободу — проиграли сражение».

«Бухта свиней — это чудовищное поражение Соединенных Штатов Америки» [1], а от себя мы бы еще добавили, что это поражение не только военное. Ибо народы всего мира увидели истинное, дьявольское лицо американского империализма, полное отсутствие у него совести и его решимость ради завоевания господства над другими народами идти на любые преступления.

Примечательно, что господа в США после провала интервенции с перепугу пытались замести свои следы. В конце апреля — начале мая 1961 года в Гватемалу прибыли американские солдаты и рабочие и разрушили до основания весь лагерь со всеми бараками. Они не

---

[1] Haynes Johnson, op. cit., p. 175—176.

оставили даже фундамента — он был взорван. Затем уже бульдозеры довершили дело. Теперь там, где некогда США готовили кубинских наемников, непроходимые джунгли [1].

Но что бы ни предпринималось для затушевывания фактов, никому не удастся вырвать эту мрачную страницу из истории Соединенных Штатов.

Где бы и когда бы ни заходила речь о прибылях американских монополий, Вашингтон не признает права на национальное самоопределение других народов. Он игнорирует и попирает, насилует волю и стремления других наций, их желание следовать собственным идеям, если эти последние не соответствуют тем, какие господствуют в «богом избранной стране». Исторический апрель 1961 года показал нам не только преступления США, но и то, что во второй половине нашего столетия преступление уже не окупается, ибо положен предел тирании.

---

[1] Ibid., p. 350—351.

ВОЙНА ВО ВЬЕТНАМЕ — ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ПРИНОСЯЩЕЕ ПРИБЫЛЬ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Женевские соглашения по Индокитаю от 20 июля 1954 года, с их статьями о выводе всех иностранных войск из Вьетнама, о запрещении создавать там иностранные военные базы, о гарантии единства Севера и Юга страны, с их обещанием проведения общевьетнамских выборов не позднее чем через два года, декларировали мир и независимость народа, который в семилетней войне одержал победу над французской колониальной армией.

Соединенные Штаты, хотя и принимали участие в Женевском совещании, не подписали его декларацию, обещав, правда, в особом заявлении уважать достигнутое соглашение. Однако они не сделали этого. Напротив, они сочли, что настало время штыками морской пехоты и бомбардировками с воздуха и с моря, несущими смерть и разрушение, закрепить свои господствующие позиции на Тихом океане, в предполье Азиатского континента, во всей Юго-Восточной Азии;

путем военной интервенции подавить и уничтожить право на самоопределение и национальную независимость;

путем разрушения и массового истребления населения задушить демократическое народное движение и борьбу за свободу;

затормозить изменения в соотношении сил;

передать богатейшие материальные ресурсы Вьетнама международному жандарму — США, дабы с большой выгодой для себя эксплуатировать их;

превратить Юго-Восточную Азию в стратегическую базу империализма США.

Вот ради чего США поддерживают марионеточное правительство Южного Вьетнама, посылают туда своих военных советников, вот ради чего они саботировали общевьетнамские выборы, вот ради чего они раскололи страну политически, вот ради чего они постоянно увеличивают свое военное вмешательство и расширяют свои военные операции против освободительного дви-

жения в Южном Вьетнаме по мере того, как оно набирает силу и добивается успеха.

Расширять войну шаг за шагом, с тем чтобы «бомбами заставить противника сесть за стол переговоров», при помощи провокаций, таких, как в Тонкинском заливе, обострить положение и нанести по Демократической Республике Вьетнам новые разрушительные удары, а Южный Вьетнам «разрушить, дабы освободить его», как это сформулировал один из высших офицеров США, — подобный цинизм — свидетельство варварства общественного строя, который ради прибыли кучки миллиардеров готов пойти на любую преступную агрессию и не остановится даже перед уничтожением целых народов.

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ АГРЕССИИ

200 миллионов против 30 миллионов. Огромные эскадры на море и в воздухе, более полумиллиона до зубов вооруженных солдат, оснащенных совершеннейшими орудиями убийства, перебрасываются за тринадцать тысяч километров и нападают на страну, которая никогда им не делала ничего плохого. И эти американцы несут смерть и гибель Вьетнаму, народ которого никогда не выступал против США, не занял ни клочка их земли, никогда не бомбил американских больниц, школ или ферм, да и вообще никогда на американской земле никому не причинил зла. Пройдет время, и люди, схватившись за голову, будут спрашивать, как же стало возможным подобное преступление.

Возникновение и сам ход колониальной войны США против Вьетнама — особенно яркий пример того, как во второй половине XX века американский империализм пытается потопить в крови право на самоопределение и национальную независимость народов.

С конца прошлого столетия Франция угнетала Индокитай, однако не смогла воспрепятствовать забастовкам и народным восстаниям, достигшим в 30-е годы своего апогея. Капитулировав в 1940 году перед Гитлером, потому что она боялась Народного фронта внутри страны больше, чем фашистских завоевателей, французская крупная буржуазия охотно позволила японцам, связанным с Гитлером союзническим договором, занять

Индокитай. Она предпочла отдать страну в руки японцев, чем в руки угнетенного населения страны, чья борьба под руководством коммунистов и их председателя Хо Ши Мина была направлена широким антиколониальным фронтом против чужеземных угнетателей. Из целого ряда областей захватчики были изгнаны. В августе 1945 года, после капитуляции Японии, национально-освободительное движение установило народную власть, и 2 сентября 1945 года была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам. Ее президентом был избран Хо Ши Мин, который, даже по мнению авторитетного публициста американской буржуазии Уолтера Липпмана, «является единственным национальным вождем всех вьетнамцев» [1].

А марионеточный император Бао-Дай, плясавший сначала под французскую, а затем под японскую дудку, разложившийся гурман, поспешил убраться в британскую колонию Гонконг, где и стал убивать время в пресловутых барах.

Если бы великие державы поступили в соответствии со здравым смыслом и признали бы созданную волеизъявлением всего народа республику, то ныне на Юго-Востоке Азиатского континента процветало бы здоровое государство и война не испепеляла бы страну. Да и в самом деле, 6 марта 1946 года Франция подписала конвенцию, которая начиналась многообещающими словами:

«Правительство Франции признает Республику Вьетнам как свободное государство, имеющее свое правительство и парламент, свои вооруженные силы и свои финансы» [2].

Тем самым правительство Хо Ши Мина получило признание как правительство всего Вьетнама. Но стоило французской крупной буржуазии, ослабленной во второй мировой войне, вновь собраться с силами, как она тут же, нарушив договор, в декабре 1946 года напала на Ханой. Началась семилетняя война против Вьетнама, во время которой французы в ожесточенных сражениях пытались вновь восстановить свое господство в Индокитае.

---

[1] «Herald Tribune», February 1966.

[2] «Traités, Conventions, Accords passés entre le Viet-Nam et la France, 1787—1946», p. 41 et suiv.

Тогда-то они и вспомнили Бао-Дая, завсегдатая ночных кабаков Гонконга, марионеточного императора, в свое время посаженного на трон японцами, и теперь, в 1949 году, сами сделали его «главой государства». Такой убежденный приверженец колониальной системы, как бывший премьер-министр Англии Иден, вынужден был написать: «Новый глава государства не был популярен и не внушал никакого уважения. Его чаще можно было застать в ночных барах, чем на заседаниях Государственного совета. А махинации его продажных министров в Сайгоне его мало волновали» [1].

Победы вооруженных сил Демократической Республики Вьетнам над французскими войсками, в рядах которых в иностранном легионе, к сожалению, сражались и тысячи западногерманских легионеров, 7 мая 1954 года увенчались капитуляцией французской армии под Дьенбьенфу. Таким образом, ярмо угнетателей было вновь сброшено.

Через день после этого в Женеве открылась конференция по Индокитаю. А 20 июля 1954 года представители Советского Союза, народного Китая, Великобритании, Франции и других государств подписали соответствующие соглашения. Они предусматривали: вывод всех иностранных войск из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи; единство Северного и Южного Вьетнама, проведение не позднее лета 1956 года общевьетнамских выборов. А до этого 17-я широта должна была служить военной демаркационной линией, севернее которой осуществляет свою власть Вьет-Минь, а южнее — французы. Начиная со вступления в силу этих соглашений не разрешалось ввозить во Вьетнам ни войсковых подкреплений, ни дополнительного военного персонала. Ввоз оружия и других военных материалов был также запрещен, несмотря на сопротивление США. Тем самым этот договор скрепил мир и независимость бывшего Индокитая. Все участники подписали эти соглашения. Подписала Франция, подписала Великобритания, подписал Советский Союз и подписал народный Китай. И только одна держава, также принимавшая участие в этом совещании, не подписала — США, ибо они не желали и не желают национальной независи-

---

[1] Anthony Eden, Memoiren 1945—1957, S. 104—105.

мости и мира во Вьетнаме. Однако в особом заявлении они взяли на себя обязательство уважать эти соглашения и придерживаться их. Но во все последующие годы они не уважали и не придерживались их, а разорили землю вьетнамцев, совершив по отношению к народу Вьетнама такие преступления, которые можно сравнить разве что с гитлеровскими.

Свободных выборов во Вьетнаме США боялись как огня. Почему, собственно? Да потому, что весь народ отдал бы свой голос за Демократическую Республику Вьетнам. Не кто иной, как президент США генерал Эйзенхауэр, писал, что в случае свободных выборов Хо Ши Мин, то есть блок всех сил национального освобождения, получит во всем Вьетнаме 80 процентов голосов[1]. А этого никак нельзя было допустить. Свободные выборы только тогда свободны, когда в результате их к власти приходят агенты США. Вот почему Вашингтон все вновь и вновь препятствует проведению подлинно свободных выборов во Вьетнаме.

20 марта 1964 года президент США Джонсон сообщил по телеграфу послу Генри Кабот Лоджу в Сайгон, что он намерен «подавить идею нейтрализации, где бы она ни поднимала свою отвратительную голову, и в этом вопросе я [Джонсон] думаю нет ничего более важного, как заставить умолкнуть с помощью любых средств всякую нейтралистскую болтовню»[2].

И покуда словно с конвейера сходят заявления о миролюбии и уважении независимости народов, за кулисами отдаются приказы попирать нейтралитет других государств, ибо этот нейтралитет никак не согласуется с глобальной стратегией США.

Никто не призывал США закрепляться в Южном Вьетнаме, господствовать над страной и народом, душить свободу и право на самоопределение, а что именно заставило США вмешаться в дела Юго-Восточной Азии, об этом красноречиво говорят тайные планы Вашингтона: империалисты США потому проводят

---

[1] D. D. Eisenhower, Mandate for Change, London, 1963, p. 372.

[2] Этот сохранявшийся до сих пор в секрете документ, подлинность которого никогда никем не оспаривалась, опубликовала 13 июня 1971 года «Нью-Йорк таймс». Он взят из документов Пентагона, о которых еще пойдет речь ниже.

свою кровавую интервенционистскую политику, что стремятся, протягивая повсюду свои щупальца, завоевать для себя стратегические и экономические позиции и поставить народы в зависимость от себя.

Еще в начале столетия Теодор Рузвельт, президент США с 1901 по 1909 год и один из главных вдохновителей экспансии американского империализма в Латинской Америке и в районе Тихого океана, потребовал для США в западном полушарии абсолютного господства, дабы «они могли выполнять обязанности международной полицейской силы». В этом смысле Рузвельт сделал немало для подавления Филиппин, аннексии Панамского канала, интервенции на Кубе и для колонизации Доминиканской Республики. В этом-то и видел Теодор Рузвельт начало «величайшей эпохи всех эпох — Тихоокеанской эпохи».

Тихий океан должен был стать американским морем! Время для осуществления этой главной идеи господа американцы сочли наступившим после краха Японии во второй мировой войне и распада азиатских колониальных империй западноевропейских держав. Например, Гавайские острова США объявили своим 50-м штатом. А японский остров Окинава, китайский остров Тайвань, Филиппины и другие участки предполья Азиатского континента были превращены в военные базы США, которые Даллес назвал «цепью антикоммунистических бастионов» вокруг коммунистических стран.

Это было уже кое-что. Однако Вашингтон рассматривал это лишь как этап на пути к самому Азиатскому континенту. 13 января 1954 года Даллес следующим образом развил свою мысль:

«Интересы США на Дальнем Востоке, если их рассматривать с точки зрения стратегии, тесно связаны с так называемой цепью прибрежных островов. Сюда же следует причислить и две базы на самом континенте: Корею на севере и, если удастся, Индокитай на юге».

Несметные материальные богатства и выгодное стратегическое положение — вот что делает Индокитай столь привлекательным для Вашингтона. «Индокитай — это козырь. Уже во второй мировой войне он давал 300 миллионов долларов дохода», — писала

в 1950 году «Нью-Йорк таймс». А в 1953 году президент США Эйзенхауэр высказался еще яснее:

«Предположим, мы потеряли бы Индокитай. Без Индокитая мы остались бы без олова и без вольфрама, который так высоко ценим. Мы ищем самый дешевый путь, чтобы избежать наступления чего-то ужасного».

«Что-то ужасное» — это появившиеся на горизонте предвестники полного краха колониального господства.

После второй мировой войны президенты США разрабатывали в рамках американской мировой стратегии доктрину Тихоокеанского плацдарма, или же Азиатскую доктрину. Часть глобальной стратегии США состоит в том, как это сформулировал Эйзенхауэр 5 января 1957 года, чтобы проникать туда, где в результате национально-освободительного движения были изгнаны другие империалистические державы и возник «вакуум», который США и должны заполнить, не допуская нигде национального и демократического освобождения народа[1]. Несколько позднее Джонсон категорически потребовал, чтобы США, как тихоокеанская держава, «решительно выполняли в Азии свой долг»[2].

Читая такие слова, как «обязательства» и «долг», невольно вспоминаешь Редьярда Киплинга, апологета английского империализма, кровавые дела которого в Индии и других странах воспевались поэтом как некое «бремя белого человека». Таким образом, величайший эксплуататор народов должен был вызывать сострадание — он нес тяжкое бремя. Так и в наши дни американские неоколонизаторы стараются замаскировать свою агрессию в разных концах мира и особенно свои массовые убийства во Вьетнаме как некое «обязательство» или как «помощь» в наведении порядка — подобным образом осмелился охарактеризовать эти действия в декабре 1967 года бургомистр Западного Берлина социал-демократ Шютц.

Журнал, близко стоящий к Пентагону, так ответил на поставленный самому себе вопрос: «Почему США идут на риск большой войны в Азии?» Да потому, что

---

[1] Речь Джонсона 2 мая 1965 года по радио и телевидению. Цитируется по: «Department of State Bulletin» (Waschington), 17 May 1965, p. 744 etc.

[2] Речь Джонсона 12 июля 1966 года. Цитируется по: «Europa-Archiv», № 17, 10. September 1966.

Южный Вьетнам следует рассматривать как ключ к будущему всей Азии. Вот-де почему США необходимо оставаться во Вьетнаме и продолжать там борьбу. Переговоры необходимо отклонить, ибо в противном случае США перестанут быть тихоокеанской державой [1].

Какое там национальное самоопределение! Какие там «помощь», «обязательства»! Речь идет о господстве и расширении господства американского империализма. Потому-то он еще в 1954 году в самый разгар сражения под Дьенбьенфу намеревался подавить вьетнамских борцов за свободу с помощью огромной воздушной армады. На этом настаивал тогдашний председатель комитета начальников штабов вооруженных сил США адмирал Рэдфорд. Это было в начале апреля 1954 года. А еще 29 марта того же потребовал министр иностранных дел Даллес. Подобное же требование выдвинул 5 апреля 1954 года президент США Эйзенхауэр в секретном письме премьер-министру Англии Уинстону Черчиллю. Документ этот столь ясно раскрывает подлинные намерения американских империалистов, что мы процитируем его важнейшие положения:

«...Если Индокитай перейдет в руки коммунистов, то это в конечном счете окажется роковым для нашей и вашей глобально-стратегической позиции, со всеми вытекающими отсюда изменениями в соотношении сил для всей Азии и района Тихого океана, а, как я знаю, с этим вы не можете согласиться, так же как и я... это и заставило нас принять весьма серьезные, далеко идущие решения» [2].

Короче говоря, национальная независимость народов несовместима с жаждой власти империалистов США, которые уже в 1954 году намеревались вмешаться — и не только поставками оружия и присылкой военных советников, но готовы были во главе империалистической коалиции вступить в войну против народов Вьетнама, дабы поставить Юго-Восточную Азию в колониальную зависимость.

Однако Уинстон Черчилль вовсе не пришел в восторг. Эта хитрая лиса хорошо понимала, что США

---

[1] «United States News and World Report» (Washington), 26 April 1965.

[2] Цит. по: Marguerite Higgins, Our Vietnam Nightmare, New York, 1965, p. 9.

намерены вытеснить из Юго-Восточной Азии не только Францию, но и Англию. Вот почему он уклонился от совместной интервенции во Вьетнаме.

Тем временем одно событие следовало за другим, и в весьма нежелательном для США направлении. 7 мая 1954 года была уничтожена французская колониальная армия. 8 мая открылось Женевское совещание по Индокитаю. 20 июня правительство войны во Франции вынуждено было уйти в отставку, на смену ему пришло правительство Пьера Мендес-Франса. Оно-то и поспешило закончить войну, обескровившую Францию и стоившую ей 92 тысячи убитых, 114 тысяч раненых и 28 тысяч пленных.

«Президент Эйзенхауэр и государственный секретарь Даллес были весьма разочарованы бесплодностью своих усилий заставить Францию продолжать борьбу и весьма обеспокоены теми последствиями, которые вытекали из Женевских соглашений» [1].

Они были напуганы «угрозой» наступления мира. Руководящие круги США беспокоило то, что национальное самоутверждение народа, находившегося до этого под колониальным гнетом, может оказаться заразительным; ведь они считают район Тихого океана своей вотчиной и, эксплуатируя народы этого района и извлекая оттуда большую часть своих сырьевых ресурсов, стремятся превратить этот район земного шара в свою стратегическую позицию. Это и есть неоколониализм в чистом виде!

Пресловутый теоретик всех североамериканских агрессий В. В. Ростоу оправдывает военные интервенции в Корее, Вьетнаме и т. д. тем, будто они вытекают из «особой ответственности прежде всего США» [2].

А сенатор Томас Додд заявил 23 февраля 1965 года:

---

[1] Marguerite Higgins, Our Vietnam Nightmare, p. 10. Со второй половины сороковых и до середины шестидесятых годов Маргерит Хиггинс, умершая в 1967 году, была одной из самых известных военных корреспонденток американской крупной буржуазии. Она была замужем за генералом секретной службы Уильямом Хэллом и потому прекрасно информирована.

[2] Выступление перед курсантами, окончившими Военную школу специальных методов ведения войны в Форт-Брагге, в июне 1967 года.

«Мы потому во Вьетнаме, что этого требует наша собственная безопасность» [1].

Как послушаешь политиков США, можно подумать, что крупные силы вьетнамцев высадились в Сан-Франциско и вьетнамские самолеты бомбят Вашингтон. Империалисты США «защищают» то, что они называют своей «безопасностью», в 13 тысячах километров от американского побережья! В прошлом столетии колониальную политику обосновывали необходимостью нести «туземцам» Библию и цивилизацию. В наши дни их хотят, разумеется вполне бескорыстно, «защитить от коммунизма» и с этой целью попирают их суверенитет.

По мере того как наступательная сила французских колонизаторов истощалась, они прибегали во Вьетнаме к помощи американских кредитов и к поставкам в Юго-Восточную Азию американских товаров — как гражданских, так и военных. Это неизбежно повлекло за собой увеличение влияния США в оккупированном Вьетнаме. Чем ниже падал французский авторитет, тем более возрастала роль американцев, тем больше появлялось во Вьетнаме американских торговых, политических, военных «советников» и «советников» секретных служб, пока в конце концов они не стали определять всю политику Южного Вьетнама.

В своем багаже они привезли и кандидата в наследники «главе государства», верному слуге французов Бао-Даю, кстати, уже полностью дискредитировавшему себя. Им оказался некий Нго-динь-Зьем, который в начале 40-х годов попытал свое счастье с японцами в роли коллаборациониста и которому казалось, что он недостаточно быстро делает карьеру. Вместе с японцами он в свое время улетучился из Вьетнама. И этого-то предателя агенты секретной службы США откопали в духовной семинарии иезуитов в Мэринолле под Нью-Йорком. Получив указание от кардинала Спеллмана, этого правофлангового католической реакции, Зьем и сменил своих хозяев. Скрывшись в бенедиктинском монастыре в Бельгии, он стал готовиться к той новой роли, к которой его предназначили новые хозяева в Вашингтоне. В начале 1954 года он объявился на по-

[1] Речь в сенате Соединенных Штатов 23 февраля 1965 года.

литических подмостках Сайгона. К этому времени американское влияние уже настолько возросло, что Бао-Дай назначил его премьер-министром. Вскоре после этого Франция капитулировала, и в июле 1954 года были заключены Женевские соглашения, обещавшие всему Вьетнаму свободу.

Теперь-то вашингтонские империалисты совсем распоясались: спешно они подготовили заключение пакта, который и появился на свет 8 сентября 1954 года как так называемый «Договор об обороне Юго-Восточной Азии» (СЕАТО), его подписали наряду с США Великобритания, Австралия, Франция, Пакистан, Филиппины, Новая Зеландия и Таиланд.

В протоколе, прилагаемом к этому договору, действие его было распространено на Камбоджу, Лаос и Южный Вьетнам, причем никто даже не удосужился спросить разрешение на это у соответствующих правительств.

В чем же цель этого пакта? «Когда Даллес десять лет назад завершил подписание пакта СЕАТО, он признался, что главная цель его — дать нашему президенту возможность начать интервенцию в Индокитае» [1].

Стало быть, речь идет об агрессии под прикрытием так называемого оборонительного союза. И в самом деле, теперь министр иностранных дел Даллес и непосредственный наставник Зьема шеф-резидент ЦРУ во Вьетнаме генерал Ленсдэйл организовали в Южном Вьетнаме дворцовый переворот, в результате которого 10 мая 1955 года Зьем был провозглашен президентом Южного Вьетнама. Бао-Дая отправили подальше, и он с тех пор ведет свою беспутную жизнь на юге Франции. Таким образом, американская марионетка сменила французскую. Дабы представить этот путч как законный, Зьем и его американские «советники» организовали референдум, в котором приняло участие 15% избирателей! И даже эти 15% не все проголосовали за узурпатора милостью Вашингтона.

Это был провал, которому трудно подыскать сравнение. Но ведь в конце концов секретная служба США не для того поставила Зьема у кормила власти,

---

[1] «New York Times», 3 June 1964.

чтобы потерять его после выборов, предусмотренных Женевскими соглашениями по Индокитаю. Международные соглашения для Вашингтона не что иное, как клочок бумаги. Вот США и заставили свое подставное лицо отменить эти выборы навсегда или, как это несколько изящнее называется, «перенести на неопределенное время».

После победы над французскими оккупантами Северный Вьетнам переживал период тяжелой разрухи. Все заводы были разрушены, многие рудники затоплены французской администрацией, которая даже через 7 месяцев после заключения перемирия взрывала портовые сооружения в Хайфоне и вывозила из страны все, что только попадало под руку. Северному Вьетнаму нужны были годы и годы, чтобы залечить нанесенные войной раны и избавить население от голода.

Американцы не теряли времени. Начиная с 1954 года они усилили группы своих военных советников, которым было поручено обучение солдатни, тем временем поставленной на ноги Зьемом, и руководство ею. Одновременно секретная служба США (ЦРУ) наводнила Южный Вьетнам отрядами своих агентов. Миллиарды долларов, полученные с 1955 по 1960 год Зьемом, который обеспечивал свой государственный бюджет в основном за счет поступлений из США, позволили ему уничтожить 100 тысяч и бросить в тюрьмы 800 тысяч южных вьетнамцев.

Правда, долго скрывать от мирового общественного мнения, что весь народ Южного Вьетнама настроен против деспотии продажного Зьема и его сородичей, было невозможно, а потому Вашингтон в 1963 году отказался от Зьема и его братца. 24 июня 1971 года из секретных документов правительства США мир узнал, что как свержение, так и убийства вовсе не были делом рук вьетнамцев, а были организованы правительством президента Кеннеди.

После убийства Зьема правительство США публично заявило, что оно ничего не подозревало о путче. Однако документы разоблачают, что правительство Кеннеди особенно опасалось установления контактов между Зьемом и Демократической Республикой Вьетнам и прежде всего «начала переговоров с целью нейтрализации» Южного Вьетнама. Это и побудило заме-

стителя государственного секретаря США по вопросам дальневосточной политики Хилсмэна предложить подсказать южновьетнамским «генералам быстро совершить государственный переворот. А со Зьемом обойтись так, как генералы того пожелают» [1]. Об этом подкупленным США генералам не надо было повторять дважды. Они тут же устроили путч, как о том и свидетельствуют уже цитированные документы Пентагона, «в тесном контакте с официальными инстанциями США, всячески поощрявшими путчистов» [2].

После убийства Зьема и его брата на освободившиеся места посадили других подопытных кроликов, а когда и эти были, так сказать, «израсходованы», в 1965 году на высокий пост возвели некоего Ки, чей «демократизм» был вполне гарантирован уже одним его заявлением о том, что он восхищается Адольфом Гитлером и подражает ему. В качестве убийцы он впервые отличился, бомбардируя вьетнамские деревни в начале 1964 года, когда он был еще лейтенантом во французских оккупационных войсках.

В первый период — и это было типично для эры президента Кеннеди — империалисты США пытались создать впечатление, будто в Южном Вьетнаме речь идет о коммунистическом восстании, которое-де инспирировано Демократической Республикой Вьетнам. Борьбу «дружественного» южновьетнамского правительства против этого «восстания» США поддерживают только с помощью нескольких военных советников, и разве что посылают туда деньги и вооружение.

Но подобная версия долго не могла продержаться, настолько смехотворно узкой оказалась социальная база сайгонского режима и настолько широким — народное движение Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Всего несколько лет спустя в своей речи 22 декабря 1967 года в Таиланде президент Джонсон лично разорвал все эти пропагандистские тенета лжи, открыто заявив, что Соединенные Штаты Северной Америки ни в Азии, ни в других частях света «никогда не потерпят национально-освободительных войн». Вот оно в чем, оказывается, дело! Ведь каждая нацио-

---

[1] «International Herald Tribune», 24 June 1971.
[2] «International Herald Tribune», 25 June 1971.

нально-освободительная война наносит удар мировому господству, к которому стремятся США, и потому они и отвечают на нее военным вторжением, причем в самом Вашингтоне подчас разгораются споры о наиболее целесообразных вариантах ведения войны. Так, например, одна из фракций, типичными представителями которой являются люди, подобные Голдуотеру, и высокопоставленные генералы, требовала начать войну на уничтожение с применением атомного оружия.

Однако президент Джонсон выбрал иной путь. Что касается методов, которые он предпочел, то они были разработаны американским военным теоретиком профессором Германом Каном, поистине ядерным чудовищем во плоти. Сей теоретик, зная, что социалистические страны желают мира и во что бы то ни стало стремятся избежать мировой войны, полагает, будто социалистический лагерь совершенно не подготовлен к «гибкому реагированию» империализма США и потому потерпит поражение. Дабы империалисты США восторжествовали во всем мире, Кан разработал 44-ступенчатый план, начинающийся с «простого» обострения обстановки и заканчивающийся ядерной войной. Арсенал Кана учитывает все: обман мирового общественного мнения, приучение его к уже достигнутой ступени эскалации, подготовку к последующей наступательной операции и т. д.

Будущие преступления разработаны теоретически с предельным совершенством: здесь ничего не упущено. Кан рекомендует довести конфликт до предела в три этапа.

Первый этап: Кан предлагает шаг за шагом наращивать размах конфликта путем увеличения количества вводимых в действие войск, военных материалов и особенно оружия, а затем перенесения боевых действий в тыл противника и применения ядерного оружия.

Второй этап предусматривает территориальное расширение конфликта, например перенесение боевых действий на территорию соседних государств.

Третий этап предполагает открытие новых театров военных действий, то есть агрессор нападает на союзника своих противников, даже если тот находится на другом континенте.

Эти три измерения являются составными частями некой «лестницы». Если, например, противник отказывается выполнить вымогательские требования, то «первую ступень» перешагивают. Последующие ступени предусматривают средства военного вымогательства и виды «скрытой борьбы». То, что под этим подразумевает Кан, он описывает следующим образом: «Имеется возможность взрывать бомбы, не говоря о том, кто их взорвал. Национальных врагов внутри собственных границ можно подавлять и даже уничтожать... Можно прибегать также и к ограниченной партизанской войне, пиратским налетам, саботажу или террору»[1].

Лестница Кана поднимается до такого положения, «когда уже нажаты все кнопки». В его расчетах судьба миллионов людей целых наций не что иное, как голая цифра.

Разница между Каном и Гитлером чисто формальная. Гитлер предпочитал методы молниеносной войны, в то время как Кан, начиная с относительно ограниченного пожара, к которому люди должны привыкнуть, предлагает шаг за шагом усиливать войну и расширять ее, не отступая от мыслимых и немыслимых индивидуальных и массовых преступлений по отношению к пленным и гражданскому населению, вплоть до того момента, когда человечество будет ввергнуто в пучину новой мировой войны.

Если мы предоставляем так много места «идеям» этого интеллектуального преступника, то только потому, что правительство Джонсона возвело его теорию в ранг официальной государственной доктрины, которая испытывается во Вьетнаме и в соседних с ним странах. Несколько упрощая, можно выделить четыре ступени действий США:

1. С 1954 года США саботировали проведение в жизнь Женевских соглашений, создали в Южном Вьетнаме проамериканский марионеточный режим и

---

[1] Herman Kahn, On Escalation, New York — Washington — London, 1965, p. 73; Herman Kahn, Escalation as a Strategy, «Fortune» (Chicago), April 1965. См. также западногерманское издание книги Г. Кана с предисловием Хельмута Шмидта: «Eskalation. Die Politik mit der Vernichtungsspirale», (West-) Berlin, 1966, S. 113.

вытеснили французов из администрации всего этого района.

2. В 1960 году началась непосредственная военная интервенция американцев с участием специальных подразделений, при обширных поставках оружия. Она наращивалась тем сильней, чем у́же становилась социальная база режима Зьема.

3. В 1964 году стало невозможным сохранять даже видимость того, что в Южном Вьетнаме происходят какие-то внутривьетнамские столкновения, так как Армию освобождения Южного Вьетнама поддерживало подавляющее большинство населения и она контролировала уже более $^4/_5$ страны. Тогда-то правящие круги Вашингтона решили резко усилить свое военное вмешательство. Крупные соединения вооруженных сил США на суше, в воздухе и на воде вступили в действие и предприняли крупнейшие военные операции в Южном Вьетнаме, а также против Демократической Республики Вьетнам. Короче говоря, это была самая настоящая американская война, с которой давно уже спала оболочка так называемой помощи Вьетнаму.

По меньшей мере с конца 1964 и начала 1965 года генералы США с их войсками уже выполняют роль не военных советников при номинально ведущих войну южновьетнамской армии и правительстве, а сами ведут войну и с 1965 года систематически распространяют ее на Северный Вьетнам.

4. Увязнув окончательно в Южном Вьетнаме, агрессоры пытаются найти выход в территориальном расширении войны. Они никогда не уважали независимость Лаоса и Камбоджи, а с конца 1967 года пытаются распространить войну и на эти государства. Попытка эта продиктована отчаянием, ибо того, чего Вашингтон не сумел достигнуть в одном Вьетнаме, ему подавно не удастся добиться путем расширения войны. Американская стратегия не в состоянии достигнуть своих целей, однако она усиливает угрозу, нависшую над всем человечеством.

И в самом деле, Соединенным Штатам давно уже была не по вкусу нейтральная позиция, занятая Камбоджей, отклонившей неоднократно предлагавшуюся военную и экономическую «помощь» Вашинг-

тона и в ответ на американские бомбардировки камбоджийских пограничных деревень разорвавшей дипломатические отношения с США. Господа из Вашингтона давно уже присматривались к довольно протяженной границе Камбоджи с Южным Вьетнамом, надеясь, должно быть, создать со стороны Камбоджи новый фронт против вьетнамского народа. Потому-то они так тщательно и готовили переворот в Камбодже, опираясь на реакционные силы внутри этой страны. С начала 1960 года пресловутые американские «зеленые береты» вели свою тайную подрывную деятельность в Камбодже, как это подтвердил входивший в один из этих секретных отрядов капитан Роберт Мараско, выступивший 1 июня 1970 года по нью-йоркской программе телевидения NBC. Воспользовавшись отсутствием в течение многих месяцев главы государства принца Сианука, клика генералов и политиков, противников реформ в Камбодже, 18 марта 1970 года узурпировала власть. Однако их наглая заносчивость оказалась столь же велика, как и их непопулярность в народе. Во всем мире никто не сомневается в том, что этот режим с самого начала держится лишь на глиняных ногах.

Ведущая газета французской буржуазии писала, например, что «армия генерала Лон-Нола без особых затруднений была бы сметена» [1], если бы...

...да, если бы Соединенные Штаты в который уже раз не утопили бы в крови суверенитет целого народа и его государства.

«Режим Пном-Пеня не в состоянии удержаться без поддержки иностранных войск» [2], а его крик о помощи по адресу иностранных государств был услышан в Вашингтоне еще до того, как он раздался в Пном-Пене. Военный министр США Лэйрд потребовал в середине апреля 1970 года вторжения в Камбоджу [3], впрочем, дабы обмануть мировое общественное мнение и усыпить его, он одновременно заставил Пентагон сделать заявление о том, что «США не будут вводить войска в Камбоджу» [4]. И в то время, как все шире разворачи-

---

[1] «Le Monde», 5 juin 1970.
[2] Ibid.
[3] Сообщение агентства ЮПИ от 15 мая.
[4] «Newsweek», 20 April 1970.

валась подготовка к вторжению, командующий вооруженными силами США на вьетнамо-камбоджийской границе генерал-лейтенант Джулиан Юэл провозгласил: «Политика США состоит в том, чтобы ни при каких обстоятельствах американские войска не пересекали камбоджийскую границу» [1].

И даже еще 23 апреля министр иностранных дел Роджерс выступил перед бюджетной подкомиссией палаты представителей со следующим заявлением: «Мы вполне признаем, что если мы продолжим эскалацию и наши войска вторгнутся в Камбоджу, то вся наша программа пойдет прахом» [2].

И всего четыре дня спустя было принято решение о немедленной интервенции в Камбоджу. Кто же принял подобное решение? Никто и не думал запрашивать Генеральную Ассамблею ООН или Совет Безопасности. Президент Никсон не консультировался с американским конгрессом, да и не запрашивал у него полномочий. Отнюдь. То была молниеносная война по образцу Гитлера, решение о начале которой было принято тайно в самом узком кругу.

Но возмущение во всем мире и даже в самой Америке столь вопиющим нарушением международного права, охватившее даже некоторые круги крупной буржуазии, было столь велико, что виновников обуял страх. Военный министр Лэйрд отправил срочную и, разумеется, строго секретную телеграмму верховному командующему американскими войсками во Вьетнаме генералу Абрамсу с призывом о помощи. Сей документ столь характерен для хозяев Вашингтона, что его необходимо процитировать, дабы он стал известен не только нам, современникам, но и будущим поколениям:

«Дорогой Аб.! В связи со спорами о наступлении американских войск в Камбодже на американскую общественность подействовали бы нижеследующие доказательства успеха данной операции:

1. Пленные высшие офицеры вражеских войск.
2. Захват крупных вражеских штабов.
3. Захват крупных складов оружия врага» [3].

---

[1] «International Herald Tribune», 14 April 1970.
[2] «Tribune» (London), 15 May 1970.
[3] «Newsweek», 25 May 1970.

Вот, стало быть, каким образом осуществляется агрессия: сначала втайне от всего мира нападают на страну и лишь затем стараются наскрести доказательства, оправдывающие интервенцию.

«Высшие» вьетнамские «офицеры» — ни одного из них не могли обнаружить в Камбодже, да и не обнаружили!

«Крупные вражеские штабы» — ни одного не нашли, хоть и искали многие месяцы!

А что касается складов оружия, то агрессор, более полутора десятка лет ведущий войну во Вьетнаме, действительно представил таковые; только весь мир считает, что их специально перенесли из Южного Вьетнама в Камбоджу.

Однако *одного* результата США добились: инсценированное 1 мая 1970 года новое разбойничье нападение на мирную страну сделало США еще более ненавистными во всем мире. И мы можем лишь согласиться с влиятельным лидером республиканской партии сенатором Джорджем Д. Эйкеном, когда он перед лицом попыток замазать преступление США всевозможными разговорами о «вьетнамизации» войны в Юго-Восточной Азии коротко и ясно заявил:

«Совершенно ясно, что это американская война, и, скорее всего, ее назовут войной Никсона» [1].

Начав эту агрессию под девизом подавления народов, тяжело больной колосс США движется от одной агрессии к другой. И все менее убедительными делаются оправдания его военных авантюр. Агрессия в Камбодже, расширение интервенции на Лаос в феврале 1971 года и новые варварские воздушные бомбардировки Демократической Республики Вьетнам — таково ничем не прикрытое лицо империалистической политики США.

В соответствии с гангстерскими нравами правящей клики США народы этого района мира должны уничтожать друг друга, дабы вся эта часть света стала добычей системы империализма США, пытающегося прикрыть свою политическую слабость военной экспансией.

Эта война на три фронта в Индокитае является

---

[1] «United States News and World Report», 11 May 1970.

не чем иным, как азиатским вариантом глобальной стратегии, столь напоминающей по своей безудержности, бесчеловечности и расовой ненависти гитлеровскую.

Что же касается самого способа ведения войны, то бросается в глаза сходство действий американских генералов во Вьетнаме с массовым истреблением целых народов Гитлером, оба совершают массовые зверства. Империалисты США используют Вьетнам как военный полигон, бомбят мирное население, жилища совершенно так же, как Гитлер, по собственному его признанию, в 1936—1939 годах использовал Испанию как опытный полигон для чудовищных воздушных бомбардировок, ставших во время второй мировой войны характерными для варварских нацистских методов ведения войны.

В 1965 году адмирал Уильям Ф. Рэдборн, начальник секретной службы США (протянувшего свои щупальца по всему миру ЦРУ), заявил, что США по отношению к Вьетнаму проводят «роттердамскую политику». В этой связи можно вспомнить, что в мае 1940 года, несмотря на перемирие, существовавшее между Голландией и третьим рейхом, Роттердам был разбомблен до основания, причем погибло большое число мирных жителей, так как гитлеровская «Люфтваффе» нанесла свой главный удар по невоенным объектам. (Инициатор разрушения Роттердама гитлеровский офицер Треттнер впоследствии стал главнокомандующим боннским бундесвером.)

Даже Антони Иден, который в течение всей своей политической карьеры всегда был приверженцем США, заявил в 1966 году по поводу войны во Вьетнаме: «Следует признать, что обширные бомбардировки и в еще большей степени возмутительное, нечеловеческое обращение с пленными заставляют содрогаться сердца даже тех людей, которые хотели бы поддерживать США» [1].

Дабы сделать империалистическую агрессивную войну хоть как-то приемлемой, распространяется ложь не только относительно ее намерений и целей, но и ее продолжительности.

---

[1] «Foreign Affairs» (New York), January 1966.

Летом 1914 года германский кайзер Вильгельм обещал своим войскам, что к рождеству они, увенчанные победой, вернутся домой. И они действительно вернулись к рождеству домой, но не к рождеству 1914, а к рождеству 1918 года, и вернулись разбитыми.

Спустя несколько недель после нападения на Советский Союз Гитлер хвастался, что Красной Армии уже переломлен хребет и что для окончательной победы надо провести лишь некоторые работы по очистке территории. Теперь-то мы знаем, чем окончилось это хвастовство.

Американские империалисты таким же образом обманывают свой народ. 2 октября 1963 года Белый дом заявил: «Макнамара и генерал Тэйлор считают, что главная часть военной задачи США [во Вьетнаме. — *А. Н.*] будет решена к концу 1965 года». А военный министр Макнамара даже пообещал, что солдаты США вернутся домой в конце 1963 года (заявление от 19 ноября 1963 года). 3 февраля 1964 года он снова заявил: «Я надеюсь, что дополнительные контингенты мы сможем сразу же вернуть». В действительности же во Вьетнам посылались все новые войска.

Командующий войсками США во Вьетнаме генерал Уэстморленд заявил 13 июля 1967 года, что «в минувшем году были достигнуты колоссальные успехи», и, выступая в Национальном клубе печати в Вашингтоне в ноябре 1967 года, уточнил: «Мы достигли той точки, откуда уже виден конец. В завершающей фазе, по истечении, быть может, двух лет, мы сможем начать вывод американских вооруженных сил». Тем временем многие десятки тысяч американских солдат отправлялись во Вьетнам. Вывели оттуда только самого Уэстморленда как битого генерала.

Однако довольно цитат, которые только лишний раз доказывают нам, как лживыми обещаниями (начало возвращения войск в 1963 году, окончательная победа в 1965-м, а затем «по истечении, быть может, двух лет») пытаются поддержать боевой дух на фронте и в тылу. Только грязное дело нуждается в подобном обмане войск и гражданского населения.

Ложь — один из методов, входящих в арсенал империалистической войны. Она служит подготовке и обоснованию ее, а также ее развязыванию (лживое со-

общение о воздушной бомбардировке французами южной Германии в начале августа 1914 года, ложь Гитлера в 1939 году о «нападении на радиостанцию в Глейвице», ложь фашистов в 1941 году об оборонительной войне против Советского Союза).

ИНЦИДЕНТ ПО ЗАКАЗУ...

Классический пример подобного инцидента был продемонстрирован в августе 1964 года. Как в это время, так и позднее военные корабли и самолеты США находились в Тонкинском заливе, чьи воды за многие тысячи километров от Америки омывают берега Демократической Республики Вьетнам и Китайской Народной Республики, глубоко вклиниваясь в их территорию. 2 августа американские эсминцы подошли к островам, расположенным непосредственно у берегов Северного Вьетнама. А когда их прогнали из территориальных вод ДРВ, в Вашингтоне и во всем империалистическом лагере поднялся чудовищный крик: «Северный Вьетнам спровоцировал американское правительство» — верещала печать Шпрингера [1].

4 августа телеграфные агентства распространили сообщение правительства США, согласно которому «Северовьетнамские катера вновь атаковали в Тонкинском заливе американские эсминцы. Президент Джонсон срочно созвал совещание в Белом доме».

Это совещание привело к следующим двум результатам. Буквально через несколько часов после него было совершено 64 массированных налета на Северный Вьетнам. Во-вторых, президент предложил конгрессу резолюцию, которая была принята в том же месяце. То было зловещее решение: оно разрешало президенту США «вводить в действие в Юго-Восточной Азии вооруженные силы, когда он сочтет это необходимым», — и это без ограничения срока. Пользуясь этим правом, Джонсон шаг за шагом расширял агрессивную войну.

Остается только констатировать, что сообщение от 4 августа 1964 года, послужившее предлогом для решения конгресса, буквально высосано из пальца. До-

---

[1] «Die Welt» (Hamburg), 3 August 1964.

статочно уже того, что, несмотря на якобы длившееся многие часы нападение северовьетнамских торпедных катеров, обоим американским эсминцам не было нанесено никакого повреждения и ни один из членов экипажей не пострадал. Консервативная парижская газета «Монд» в корреспонденции из Вашингтона уже 8 августа с тревогой указала на следующее обстоятельство: относительно нападения северовьетнамцев вообще «нет никакой достоверной информации», а вместо доказательств, предъявления которых следовало бы ожидать, имеется лишь «великая пустота» и «поражающая брешь». И не удивительно. О нападении, которое вообще не было совершено, трудно дать четкую и достоверную информацию.

В 1967 году тайна начала понемногу раскрываться. 21 декабря 1967 года «Нью-Йорк таймс» опубликовала подробное сообщение своего собственного корреспондента из Вашингтона, согласно которому «некоторые члены сенатской комиссии по иностранным делам, скептически относящиеся к заявлениям правительства, без всякого шума расследуют детали инцидентов в Тонкинском заливе в 1964 году... некоторые члены комиссии задают вопрос: было ли вообще совершено нападение на эсминцы с помощью автоматического оружия и торпед... Так, например, недавно в комиссию поступило письмо бывшего морского офицера, который заявил, что президент, Макнамара и начальники объединенных штабов дали конгрессу заведомо неверную информацию». Автор письма Джон У. Уайт сам служил на авианосце «Пайн Айленд», который был первым военным кораблем, нарушившим территориальные воды Северного Вьетнама после якобы совершенного нападения на оба американских эсминца. В своем письме Уайт пишет: «Я хорошо помню нелепые радиосообщения, поступившие с обоих эсминцев, нелепые потому, что эсминцы сами не были уверены в том, что на них напали».

Позднее лейтенант Уайт беседовал с начальником радиолокационной службы «Мэддокса» (одного из двух якобы атакованных эсминцев). Этот офицер, находившийся во время пресловутого нападения в своем служебном помещении, «сказал мне, что его оценка ультразвуковой гидролокационной записи была отрицательной и что по кораблю не было выпущено ни одной

торпеды — ни по воде, ни другим путем. Он сказал мне также, что постоянно держал в курсе командира корабля».

И офицеры, находившиеся на месте происшествия, ничего не заметили, ничего не знали и ничего не сообщали об инциденте, который был полностью изобретен в Вашингтоне, чтобы обострить обстановку и расширить войну.

Правительство США уже за многие месяцы до этого планировало воздушные налеты на Северный Вьетнам и в июле 1964 года вело строго секретные переговоры по этому поводу со своим кровавым подручным в Сайгоне. Вышеупомянутая резолюция конгресса, которая давала президенту право расширить войну на Северный Вьетнам, выдавалась ведь всегда за стихийную демонстрацию парламента против «северовьетнамской агрессии». А на самом деле еще в начале июля 1964 года помощник государственного секретаря по вопросам Дальнего Востока Уильям Банди разработал полный проект этого решения! Не хватало только инцидента.

И он тут же был состряпан, как по заказу.

Теперь уже доказано, что 4 августа в северовьетнамские воды был преднамеренно направлен со специальным заданием американский эсминец, чтобы разведать систему предупреждения Северного Вьетнама и нейтрализовать ее.

Доказано также, что 4 августа 1964 года Джонсон приказал начать налет всего через несколько часов после так называемого инцидента, не имея никаких доказательств нападения на оба американских эсминца. Опираясь на лживую информацию, он начал войну против Северного Вьетнама.

Все эти факты, разоблачающие провокационный характер методов правительства США, взяты из 20-листного отчета сенатской комиссии по иностранным делам, отчета, основанного на одних только фактах, который официальный Вашингтон еще замалчивал, когда печать всего мира уже публиковала выдержки из него [1].

21 февраля 1968 года сенатор-демократ Уэйн Морзе заявил с парламентской трибуны в Вашингтоне: «Мэд-

---

[1] «New York Times», 25 January 1968; «New York Herald Tribune», 16 January 1968; «Le Monde», 29 janvier 1968.

докс» был шпионским кораблем, получившим приказ шпионского характера... 4 августа 1964 года Соединенные Штаты были в Тонкинском заливе не кем иным, как провокатором, и именно так это и войдет в историю» [1].

Нет-нет, латинская поговорка о мире, который хочет быть обманутым, неверна! Но мир обманут той человеконенавистнической империалистической группировкой, которая живет за счет войны и потому окутывает народы туманом лжи, дабы они не могли ясно видеть.

Что империалисты способны, особенно используя эффект неожиданности, некоторое время продержаться на лжи, не вызывает сомнения. Но, как известно, у лжи короткие ноги, и они делаются все короче, ибо правда выставляет своих свидетелей. Северный Вьетнам с самого начала заявлял, что второго нападения, о котором говорит Вашингтон, вообще не было. В 1968 году многие морские офицеры США, участники событий, подтвердили, что северовьетнамские сообщения основаны на правде, и даже американские сенаторы из комиссии по иностранным делам не могли скрыть, да и не считают нужным теперь скрывать, что правительство обмануло их и обмануло с единственной целью расширения агрессии США на Северный Вьетнам, поводом для которой и послужило выдуманное столкновение.

...И ЕГО ПОДОПЛЕКА

Опубликование в июне 1971 года уже упоминавшихся секретных документов американского военного ведомства явилось для всего мира еще одним подтверждением того, с какой одержимостью американское правительство осуществляло свою агрессию во Вьетнаме. Солидные газеты американской крупной буржуазии, такие, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк гералд трибюн», опубликовав многочисленные официальные документы, показали, каким образом правительство США втайне от собственного народа задолго вынашивало, планировало и в конце концов совершило нападение на Вьетнам.

[1] «Herald Tribune», 23 February 1968.

В соответствии с этими строго секретными документами американского министерства обороны правительство Джонсона — и это вытекает из официальных материалов, составляющих в целом 74 тома, — уже весной 1964 года взяло курс на расширение военных действий против Демократической Республики Вьетнам. Эскалация вплоть до открытого нападения была рассчитана на три этапа.

1 февраля 1964 года президент Линдон Б. Джонсон отдал приказ о вступлении в силу «оперативного плана 34 А» — «широкой программы тайных военных операций против государства Северный Вьетнам».

На первом этапе, в соответствии с этим сценарием, предусматривались шпионские полеты над Северным Вьетнамом, похищение северовьетнамских граждан с целью получения от них информации для секретной службы, совершение актов диверсии парашютистами, а также доставка подразделений специального назначения для ведения психологической войны; на этом этапе предусматривались также нападения отрядов «командос», высаженных с моря, взрыв мостов и обстрел северовьетнамских береговых сооружений с торпедных катеров. Вторая часть этого большого плана скрытой войны правительства США предусматривала воздушные операции в Лаосе, речь шла о налетах истребителей-бомбардировщиков Т-28 с опознавательными знаками Лаоса, однако управляемых пилотами «Эйр Америка» (псевдочастной авиационной компании, финансируемой секретной службой ЦРУ), и разведывательных полетах ВВС США и военно-морских реактивных самолетов. Документы свидетельствуют о том, «что было пущено в ход все для оказания давления на Северный Вьетнам и начала военных операций на границе с Камбоджей и Лаосом».

Третьим элементом усиленного военного давления на Северный Вьетнам явились действия патрульных миноносцев в Тонкинском заливе. Секретные документы разоблачают, что начатые США воздушные бомбардировки, причиной которых якобы послужил инцидент в Тонкинском заливе, в действительности были предусмотрены за шесть месяцев до него, причем во всех деталях, в качестве пролога «расширения опера-

тивных возможностей», то есть перехода к открытым военным действиям.

В соответствии со «стратегией провокаций» президент США Джонсон «вызвал целый ряд событий, которые изменили характер войны во Вьетнаме и роль Америки в этой войне».

План «стратегии провокаций» — таковы были намерения Белого дома — «должен обеспечить поводы для эскалации, когда они нам понадобятся», а это означало «непрерывные» бомбардировки Северного Вьетнама, пока не будут выполнены все американские требования [1].

В сентябре 1964 года в Белом доме было принято решение о будущей воздушной войне против Северного Вьетнама. Цель ее заключалась в нанесении как можно большего урона «экономическому и промышленному развитию Северного Вьетнама». Генеральный штаб наметил 94 объекта, учичтожение которых предусматривалось в ходе постепенного усиления военного давления. Всего несколько месяцев спустя, 8 февраля 1965 года, Джонсон отдал приказ о начале операции «Роллинг тандер» («Раскаты грома»), означавшей не что иное, как открытое широкое наступление на Демократическую Республику Вьетнам, с тем чтобы, произведя чудовищные разрушения, подчинить эту страну диктату США.

Весьма характерным для политики США является тот факт, что все эти действия были активизированы после того, как министр обороны Макнамара совершил свою инспекционную поездку и в памятной записке от 16 марта 1964 года вынужден был признать, что обстановка для США ухудшилась и в Сайгоне заметен «опасный рост нейтралистских настроений». В самых мрачных красках обрисовал Макнамара возможность создания нейтралистскими силами совместно с коммунистами на юге страны коалиционного правительства, которое может потребовать от США вывода войск.

Джон Т. Макнотон, помощник министра обороны, объяснил следующим образом, почему США ведут эту войну: «На 70 процентов мы стремимся избежать уни-

---

[1] Разъяснения к плану помощника министра обороны Джона Макнотона; см.: «New Yourk Times», 14 June 1971.

зительного для Америки поражения». Таким образом для империалистов США речь идет вовсе не о свободе народа Южного Вьетнама или какого-либо другого народа, как об этом патетически заявляют пропагандисты Вашингтона и его союзников, а о власти и престиже американского империализма.

Ни американской общественности, ни конгрессу, ни избирателям ничего не сообщали об этих подлых планах. В пункте 11 памятной записки № 328 значится: «Президент желает, чтобы были приняты все меры, дабы избежать преждевременного разглашения». Когда речь идет о вопросах, жизненно важных для всей нации, тогда американский народ не спрашивают. За все эти годы правительства Эйзенхауэра, Кеннеди, Джонсона и Никсона не информировали парламент — сенат и палату представителей, не говоря уже о том, чтобы проконсультироваться с ним, хотя конституция предусматривает контроль парламента над политикой правительства. Все это говорит о том, в какой степени господа империалисты попирают основы буржуазной парламентской демократии. Закабаление народов вовне страны дополняется подавлением демократии внутри страны.

Буржуазная газета «Франкфуртер рундшау» 22 июня 1971 года в статье «Уроки Вьетнама» писала: «Навязанную им вьетнамскую войну США, оказывается, сами сфабриковали. Правительство Линдона Б. Джонсона обмануло не только собственный народ, но и всех союзников, выдавая себя в ходе избирательной кампании 1964 года за партию мира. Оно лгало, когда в августе 1964 года после нападения на крейсер «Мэддокс» потребовало для себя полномочий, ибо нападение это оно само спровоцировало, а вовсе не Ханой. Оно лгало, когда излагало причины, побудившие его к этому.

Документы, опубликованные в «Нью-Йорк таймс», говорят еще и о том, что войну вести его побудило вовсе не желание «помочь другу» и совсем не стремление к союзнической верности. И отнюдь не человечность и даже не стремление оттеснить русских и прежде всего китайцев из Юго-Восточной Азии побудило его хладнокровно запланировать воздушный террор против Северного Вьетнама, массовое уничтоже-

ние джунглей и сельскохозяйственных культур, напалмовую войну против населения, а затем и Сонгми. Правительство Джонсона прежде всего хотело доказать, что США являются сверхдержавой, и при этом оно прибегло к средствам, к которым правительство Кеннеди прибегало на первом этапе в отношении Кубы».

С первых дней своего правления президент Никсон, который в 1954 году, будучи вице-президентом в правительстве Эйзенхауэра, одобрил применение тактического ядерного оружия в Индокитае, продолжил преступную агрессию и даже расширил ее. Что бы там ни расписывали международные защитники Вашингтона относительно «вьетнамизации войны», после опубликования официальных материалов документально подтверждено, что война в Юго-Восточной Азии — это война американского империализма.

СУГУБО МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ

Дьявольская захватническая война американцев во Вьетнаме вызвана не только стратегическими соображениями. Сколько бы ее философски ни обосновывали всякие ростоу и каны, сколько бы ни предлагали путей для ее ведения, сколько бы пропагандисты ни маскировали глобальную стратегию США «помощью» другим народам и сколько бы политики и генералы ни бросали новых резервов на поля сражения, все решают те заинтересованные лица, которые держат в руках рычаги экономики. Начиная с большого кризиса 1929—1933 годов заправилы крупной промышленности и банков дрожат от страха перед новым экономическим спадом и его неизбежными последствиями: миллиардными убытками, ослаблением и утратой позиций во всем мире, требованиями рабочего класса, выступлениями негров за свои права и т. д. Лозунг «Лучше война, чем кризис», впервые выдвинутый печально известным американским послом, стал лозунгом целого класса, который, как это подтверждается опытом, делает на войнах XX столетия свой самый большой бизнес. Это относится как к первой, так и ко второй мировым войнам, а также к войне в Корее и во Вьетнаме. Тайной окутывают не только происхождение войн, но и этапы на-

растания империалистических войн. Их выдают за оборонительные войны в ответ на нападения, которые никогда не имели места, или за войны в защиту свободы других народов. Подлинные мотивы нельзя признавать, так они низки и подлы. Тем важнее раскрыть их.

Летом 1965 года было отмечено приближение резкого спада экономической конъюнктуры США. В промышленном производстве начал наблюдаться застой, сократились жилищное строительство и заказы на товары длительного потребления. И вот тогда, а именно 28 июля 1965 года, президент Джонсон выступил на пресс-конференции, на которой огласил большое повышение расходов на войну во Вьетнаме и увеличение вооруженных сил США во Вьетнаме до 125 тысяч человек еще в том же году.

На следующее утро газета «Нью-Йорк таймс» вышла с крупным заголовком: «Вьетнамская политика Джонсона вызвала у Уолл-стрита вздох облегчения». И чтобы не оставалось уже никаких сомнений, приведем выдержку из одного консервативного журнала, который в статье под весьма характерным заголовком «От Вьетнама исходит толчок», между прочим, писал: «Специалисты в Вашингтоне заявили, что отныне эскалация вьетнамской войны обеспечивает перманентное расширение экономики США» [1].

Другой столь же влиятельный еженедельник крупной американской буржуазии торжествовал: Вьетнам исключает возможность упадка. «Почти все верят, что война во Вьетнаме исключает возможность крупного (экономического) спада» [2].

Несколько недель спустя ведущая газета капиталистов США подвела итог, выйдя в свет с шапкой «Вьетнамская война подогревает экономику США». Статья стоит того, чтобы ее процитировать. Начинается она словами:

«Нам еще раз удалось спастись... Бум выдыхался. Экономическая деятельность замедлилась. Это предвещало длительный застой или даже серьезный спад в экономике. Производство упало бы еще ниже. И

---

[1] «Newsweek», 16 August 1965.
[2] «News and World Report», 30 August 1965.

вдруг решение об эскалации... Время для эскалации во Вьетнаме было выбрано великолепно, это и спасло экономику от краха» [1].

Было бы легко и весьма соблазнительно воспроизвести сотни таких цитат из печатных органов Северной Америки. Какое моральное банкротство, да и практическое фиаско звучат в них! Самая могучая империалистическая держава всего капиталистического мира открыто заявляет, что она только ценой убийственной войны в состоянии спасти свою экономику от краха!

Однако военный бизнес не является единственным критерием общего развития экономики США. И в то время, как расходы на вооружение в связи с войной во Вьетнаме скачкообразно поднимаются и властители экономики США загребают баснословные прибыли, эта же самая война пошатнула доллар. Роль мирового жандарма, которую жаждут играть империалисты США, их многочисленные военные базы на пяти континентах, их глобальная стратегия, их война во Вьетнаме, стоящая около ста миллионов долларов в день, — все это вместе привело к серьезнейшему кризису финансовой и валютной системы США. Президент американского Центрального банка Уильям Мартин заявил 18 апреля 1968 года в своей речи, произнесенной в Вашингтоне, что США переживают сейчас самый острый после 1931 года финансовый кризис. «Нам грозит совершенно недопустимый дефицит государственного бюджета и такой же дефицит платежного баланса». Если в ближайшие годы угроза эта не будет устранена, в Соединенных Штатах произойдут «не поддающиеся контролю упадок и инфляция» [2].

Ясно одно: попытка реализовать планы мирового господства империализма США обречена на провал благодаря одному лишь факту существования социалистического лагеря, да они и превышают военные, экономические и финансовые возможности Северной Америки. Хорошо известно, что империалистическое чудовище ненасытно, но клыки его уже недостаточно остры, а аппарат пищеварения явно расстроен. И это, разумеется, привело к обострению внутренних противо-

---

[1] «New York Times», 24 September 1965.
[2] DPA Washington, 19 April 1968.

речий США (ведь расходы на социальные нужды в связи с ростом расходов на войну правительство США постоянно сокращает), да и противоречия в самом империалистическом лагере обострились, так как Вашингтон все бо́льшую часть военных расходов пытается переложить как прямо, так и косвенно на плечи своих союзников.

США не только экспортируют войну во Вьетнам, не только убивают сотни тысяч ни в чем не повинных людей и сгоняют миллионы с насиженных мест — они превращают разоренную страну в источник богатейших доходов.

Строительство аэродромов, портов, электростанций, арсеналов, мостов, бараков и т. д. — все это находится в руках концернов, которые наживают сверхприбыли, ибо «Ведомство международного развития» гарантирует тем американским монополиям, которые вкладывают капиталы в Южном Вьетнаме, чистую прибыль от 20 до 30 процентов. К тому же эти капиталовложения лишены всякого риска, так как правительство США предоставляет еще особые гарантии, обеспечивая этим компаниям за счет налогоплательщиков стопроцентное возмещение убытков, если таковые возникнут «в результате военных действий, революций, беспорядков, национализации и т. д.». А чтобы сделать эти капиталовложения еще более привлекательными, их освобождают в Южном Вьетнаме от налогов.

Не в последнюю очередь война Никсона во Вьетнаме тесно связана с интересами американских нефтяных монополий. Там, где течет нефть, там и в Азии, как на Ближнем Востоке и в Латинской Америке, всегда текла и течет потоками кровь, и все ради того, чтобы нефтяные компании могли бы лишить народы их сокровищ как в недрах земли, так и под водой.

Когда государственный секретарь Уильям Роджерс в середине марта 1971 года заявлял, что открытие нефтяных месторождений «не оказывает никакого влияния на политику США в Индокитае», он лгал.

Еще в 1965 году Генри Кабот Лодж, тогдашний посол США в Сайгоне, говорил о заинтересованности американцев в разработке нефтяных месторождений как в Южном Вьетнаме, так и во всей Юго-Восточной Азии. Начиная с 1966 года американцы финансируют

там сейсмические изыскания в целях закладки нефтяных скважин; прежде всего это относится к владельцу крупнейшей нефтяной компании Девиду Рокфеллеру, президенту «Чейз Манхэттэн-бэнк», кстати оплачивающего большую часть этих изысканий. Согласно утверждениям геологов, через четыре года в районе Юго-Восточной Азии можно будет добывать ежедневно до 60 миллионов тонн бедной серой нефти (следовательно ее очистка обойдется дешево) — это больше, чем добывается в настоящее время во всем капиталистическом мире.

Подобными соблазнительными перспективами Рокфеллер побуждал нефтяные компании к инвестициям в районе Юго-Восточной Азии; при этом он подсчитал, что до 1980 года на азиатском побережье Тихого океана может быть вложено до 36 миллиардов долларов.

Двадцать семь нефтяных фирм уже добивались в Сайгоне разрешения на закладку скважин в дельте Меконга и в других местах. Десять американских фирм уже подписали договоры с южновьетнамским правительством. А такие компании, как «Галф ойл», «Стандард ойл оф Калифорния», «Континенталь», «Теннеко» и другие, уже вложили крупные суммы в геологическую разведку.

Открытие этих огромных нефтяных полей и побудило американские нефтяные компании активно включиться в войну в Юго-Восточной Азии. Американский журнал «Форбс», пользующийся особым вниманием деловых кругов, следующим образом выразил это в статье от 15 марта 1971 года: «Нефть всегда будет политическим полезным ископаемым». «Политические последствия явно значительны», — писал журнал. «Когда есть нефть, даже когда только заходит речь о возможности наличия нефти, тогда вопрос о том, кто правит в Сайгоне, уже более, чем политический». Профессор Габриел Колко, историк американской дипломатии, подчеркнул в статье, опубликованной в «Нью рипаблик» 13 марта 1971 года: «Капиталовложения в нефтяные месторождения дали бы правительству возможность получить то, чего ему до сих пор недоставало, а именно: политическую и экономическую базу. Эта политическая и экономическая база, являющаяся в нашем столетии тем экономическим элемен-

том, на который американская внешняя политика в отношении третьего мира оказывала наибольшее влияние, только тогда сможет быть эффективной, когда налицо будут политические условия для экономической активности. Так как разработка нефтяных месторождений в новых районах, считая разведку, добычу, а затем и сбыт, в общем и целом занимает до десяти лет и более, то американские фирмы в прошлом никогда не вкладывали деньги в какую-либо область, не получив предварительно от Вашингтона гарантий того, что их часто весьма значительные вложения в конце концов окупятся».

Другими словами, нефтедобывающая промышленность лишь тогда разворачивается, когда получит от правительства США политические заверения, что ее никто не вытеснит из этих районов в течение длительного срока. За это она, со своей стороны, оказывает значительную поддержку военной политике Никсона. Не случайно поэтому президент Никсон на одной из своих пресс-конференций в середине января 1971 года заявил, что войска США останутся во Вьетнаме «так долго, как это потребуется»! Подобные заверения прозвучали сладкой музыкой для ушей нефтяных королей. Они необходимы им, дабы без помех овладеть огромными нефтяными богатствами.

Разве не ясно после этого, что колоссальный военный бизнес и заставляет бизнесменов всячески способствовать политике войны! Да это им и нетрудно, ведь генеральные директора и члены наблюдательных советов главнейших концернов входят в качестве министров в федеральное правительство США. Государственный аппарат и монополии, а также высшие офицеры всех родов войск в США представляют собой единый сплав, что находит свое выражение в создании перманентной военной экономики и гигантской военной машины. И этот зловещий союз порождает войны, путчи, государственные перевороты и делит между участниками его трофеи подобной политики международного разбоя. Ведущая империалистическая держава, лишенная способности править и экономически развиваться, не размахивая дубиной против народов всего мира, демонстрирует всю свою чудовищность и свидетельствует тем самым, что ее социальный

строй уже изжил себя и его давно необходимо сменить. Идя от поражения к поражению, она ввергла собственную нацию в кризис, привела к распаду, так что даже в кругах американской крупной буржуазии возникли серьезные разногласия относительно целесообразности продолжения вьетнамской войны. Результаты войны во Вьетнаме столь катастрофичны, что влиятельные группы господствующего класса выступают друг против друга из-за этой войны и часть их выступает даже против нее самой.

А ФРГ?

То, что малые государства Восточной и Юго-Восточной Азии поддерживают США в их агрессии против Вьетнама, не вызывает удивления. Вашингтон держит их крепко за горло. Потеряй эти правительства поддержку США, они за несколько дней были бы сметены волей народов.

Ну а Западная Германия? Никто не мог бы заставить Бонн поддерживать американские преступления во Вьетнаме. Это происходило по доброй воле правящих кругов Бонна. Тут могут возразить: ведь Федеративная республика — империалистическое государство. Да, это так. Но существуют ведь другие империалистические государства, которые никак не поддерживали войну империалистов США во Вьетнаме. Де-факто Федеративная республика являлась единственным империалистическим государством, которое прямо и косвенно, материально и пропагандистски оказывало помощь агрессору.

Бывший боннский канцлер Эрхард недвусмысленно заявил 16 июня 1966 года, выступая по телевидению, каково отношение федерального правительства к войне во Вьетнаме: «Я не думаю, что в Америке кто-нибудь сомневается в нашей позиции. Наша моральная поддержка на стороне Соединенных Штатов... мы готовы взять на себя и некоторые материальные обязательства». Три с половиной месяца спустя федеральный канцлер в американо-западногерманском коммюнике восхвалял агрессивную политику Вашингтона: «Федеральный канцлер Эрхард подтвердил свое мнение, что... усилия Соединенных Штатов во Вьетнаме являются доказательством того, сколь серьезно США относятся

к выполнению своих интернациональных обязательств»[1].

Что одному федеральному канцлеру разрешено, то дозволено и другому. Вот и Кизингер, посетив Вашингтон, заверил 15 августа 1967 года президента США Джонсона, что примет участие в массовых убийствах вьетнамского народа: «Смею вас заверить, что, сознавая общую ответственность за этот мир и используя наши возможности, мы постараемся снять с ваших плеч долю бремени»[2].

Еще на пороге пятидесятых и шестидесятых годов Западная Германия стала поддерживать сайгонский режим поставками товаров, имеющих военное значение, причем в крупных масштабах. С 1960 по 1966 год таких товаров было поставлено на сумму 700 миллионов марок. Сверх того правительство ФРГ предоставило фашистскому режиму в Сайгоне 278 миллионов марок кредита на вооружение и под предлогом «помощи развивающимся странам» подарило ему еще дополнительно 67 миллионов марок. И вот результат: «Федеративная республика — вторая после США страна-кредитор Южного Вьетнама»[3].

В мае 1967 года предназначенный для западногерманских предпринимателей журнал «Капитал» привел изобличающие факты, которые иллюстрируют соотношение между американской бойней народов и прибылями западногерманских предпринимателей. «Как раз вовремя, а именно когда это чудо [имеются в виду доходы, извлекаемые западногерманскими предпринимателями из корейской войны. —*А. Н.*] кончилось, США начали войну во Вьетнаме. И с тех пор, как они экспортируют в Сайгон миллиарды, американская экономика так загружена, что она в какой-то мере пренебрегает экспортом и в то же время вынуждена все больше и больше импортировать. Благодаря вьетнамскому буму германский экспорт в США возрос в 1966 году почти на 25 процентов, и, пожалуй, трудно переоценить, сколь большую пользу могут извлечь германские экспортеры из того обстоятельства, что так много американских

---

[1] Коммюнике от 27 сентября 1966 года. «Bulletin der Bundesregierung» (Bonn), № 128, 30. September 1966, S. 1018.

[2] Ibid., № 88, 18. August 1967, S. 754.

[3] «Industriekurier» (Düsseldorf), 19. August 1967.

предприятий производят товары для Вьетнама, а не для мирового рынка»[1].

Ведь и в самом деле наиболее кровавые империалистические войны 50-х и 60-х годов этого столетия, корейская и вьетнамская, проложили капиталистам Федеративной республики дорогу к крупным прибылям. Промышленность Федеративной Республики Германии непосредственно и косвенно работает на войну во Вьетнаме. Она снабжает фашистскую военную клику в Сайгоне и способствует агрессии США, всячески поддерживая ослабевший от войны американский доллар.

Кто столь успешно жиреет на разбойничьей войне, тот, естественно, и пропагандирует ее. Читая влиятельные газеты Западной Германии, например продукцию концерна Шпрингера или же боннские газеты, мы сразу же обращаем внимание на то, что агрессия США представлена в них вовсе не как возмутительное дело, а как вполне естественное. Более того, ФРГ, по существу, защищает организованное варварство, применение американцами во Вьетнаме напалма и отравляющих веществ. «Американцы химическими средствами лишают растительность джунглей листьев, они наносят бомбовые удары и применяют самые жестокие средства в борьбе против партизан: тактику выжженной земли и ударных отрядов, которые только убивают. Как бы это чудовищно ни звучало, но в подобной политике заключен единственный шанс»[2].

А орган Шпрингера, гамбургская «Ди Вельт», сделала следующее оригинальнейшее открытие (этой газете боннские министры любят, не называя себя, доверять свои мысли, и потому она отражает политику Бонна):

«Всеобщий крик возмущения по поводу применения газов во Вьетнаме является самым странным примером того, как эмоции подавляют разум, ибо газ принадлежит к самому гуманному оружию, какое когда-либо применялось в войне»[3].

Чем это более противоречит международному праву, тем горячее западногерманский империализм защищает то, что проклинают народы.

---

[1] «Capital» (Hamburg), № 5, Mai 1967.
[2] «Bonner Rundschau», 6. August 1964.
[3] «Die Welt» (Hamburg), 31. März 1965.

Вьетнамская политика западногерманских миллионеров — одна из самых позорных страниц в германской истории. Однако ее нельзя рассматривать изолированно. Дело не в политическом просчете, не в чрезвычайном происшествии, а в определенном методе.

ФРГ участвовала в подавлении молодых национальных государств и национальных движений, вооружала португальских фашистов, расправляющихся с восставшими колониями, открыто поддерживала расистскую диктатуру в Южной Африке, подавляющую большинство черного населения этой страны, финансировала презираемую всем миром и высоко ценимую только Вашингтоном и Бонном банду, котора именует себя правительством Южной Кореи и которая утопает в крови своего собственного народа.

По адресу реваншистских кругов ФРГ можно только сказать: скажи мне, какой международной политики ты придерживаешься, и я скажу тебе, какова твоя европейская политика. Тому, кто в Азии и Африке действует столь агрессивно и реакционно, никто уж не поверит, что он в Европе ведет честную игру.

Те, кто приветствует «горячую» агрессивную войну в Юго-Восточной Азии, поддерживает ее и наживается на ней, уподобляются генералам «холодной войны» против ГДР. И обе эти войны они проиграют.

Ибо против них поднялась буря истории, против них восстает совесть всего мира, против них поднимаются народы, настаивающие на своем неотъемлемом праве на суверенитет. На одной стороне — нация и социализм, на другой — предательство интересов народа и империализм. И между этими двумя фронтами разыгрывается решающее сражение. И тот, кто следит за развитием событий нашего столетия, тот видит империализм в незавидной роли тех государственных преступников, осужденных венецианским сенатом, на которых с каждым днем сантиметр за сантиметром надвигаются тюремные стены и потолок — вплоть до неизбежного конца.

И пусть порой на антиимпериалистической стороне то тут, то там и наблюдается временное затишье или даже частичные отступления, все же стрелка компаса надежно указывает нашу победу.

О СУЩНОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ОБЩИЙ ОБЗОР

Остановимся на существенных чертах американского империализма! Тому, кто отрицает его существование, так как империализм равнозначен прямой аннексии чужих территорий, следует ответить, что аннексия является лишь одним и ни в коем случае не единственным признаком империализма. В чем же сущность империализма?

Пять его важнейших черт следующие:

1. Концентрация производства и капитала, которая достигла столь высокой ступени развития, что она создает монополии, играющие решающую роль в хозяйственной жизни.

2. Слияние банковского капитала с промышленным и создание на базе этого «финансового капитала» финансовой олигархии.

3. Экспорт капитала в отличие от экспорта товаров приобретает особо важное значение.

4. Образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир между собой.

5. Территориальный раздел мира между крупнейшими капиталистическими державами уже завершен.

Империализм — это капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, вывоз капитала приобрел особо важное значение, начался раздел мира международными трестами и закончился территориальный раздел земли крупнейшими капиталистическими странами. Монополии, олигархия, стремление к господству вместо стремления к свободе, эксплуатация все большего числа маленьких или слабых наций незначительным числом богатых или могучих наций — все это и породило те отличительные черты империализма, которые заставляют характеризовать его как паразитический или загнивающий капитализм [1].

В наши дни империализм вступил в новый этап развития, этап государственно-монополистического

[1] См.: В. И. Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 386—387, 422.

капитализма. Эта государственно-монополистическая система характеризуется слиянием концентрированной власти трестов, концернов и крупных банков с государственной властью в единый функциональный механизм.

С одной стороны, заправилы капиталистического крупного производства способны сохранять свое господство в обществе и свою систему извлечения прибылей только с помощью все более широкого вмешательства государства во все новые области. С другой стороны, именно в связи с подобным развитием государственно-монополистической системы абсолютизируется господство монополий над всеми областями жизни.

АНАЛИЗ ЛЕНИНА ПОДТВЕРЖДАЕТСЯ ПРОЦЕССОМ РАЗВИТИЯ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Государственно-монополистический капитализм означает высшую степень концентрации и централизации.

И где в капиталистическом мире мы найдем бо̀льшую концентрацию производства в руках небольшого числа огромных капиталистических корпораций, как не в Америке?

По официальным данным [1], в 1958 году каждые четыре самые крупные компании в своих отраслях производства владели следующей долей (в %):

Автомобили	75	Самолеты	59
Чугун и сталь	53	Пластмассы	40
Переработка нефтепродуктов	32	Синтетическое волокно	78

Одна только «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн» объединяет в своих руках более 25 процентов всего производства чугуна и стали США.

В автомобильной промышленности, как и прежде, впереди идут «Дженерал моторс», «Форд» и «Крайслер». «Дюпон» является главным химическим концерном США и всего капиталистического мира.

В электротехнической промышленности США главенствующее положение занимают «Дженерал электрик» и «Интернэшнл бизнес мэшинз». В 1966 году

[1] См.: «Statistical Abstract of the United States 1966», p. 778—780.

«Дженерал электрик», как крупнейший концерн США и всего капиталистического мира, достиг оборота 7,2 миллиарда долларов при доле во всей электротехнической промышленности США 25 процентов.

«Интернэшнл бизнес мэшинз» в 1966 году достигла оборота 4,2 миллиарда долларов, и на ее долю приходилось 70 процентов проданных на рынке США счетно-решающих устройств.

К электро- и электронным гигантам США следует причислить и «Радио корпорейшн оф Америка», «Вестингауз электрик корпорейшн» и «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» (ITT).

Особое положение занимает «Американ телефон энд телеграф компани» (АТТ), которая со своими 83 процентами всех телефонов, по существу, монополизировала эту отрасль. Баланс АТТ с ее 35,2 миллиарда долларов в 1966 году столь же велик, как и баланс трех ведущих промышленных концернов США, вместе взятых («Дженерал моторс», «Форд» и «Стандард ойл оф Нью-Джерси»). АТТ насчитывает примерно 750 тысяч сотрудников, компания контролирует около 8 процентов всех капиталовложений в экономику США.

«Почти все средства связи, почти все производство и распределение электрического тока, добрая часть транспорта, большинство предприятий по обработке и добыче горнорудных материалов, существенная часть мелкой торговли и большой сектор всего развлекательного промысла находятся в руках крупных фирм, и если мы назовем от пятисот до шестисот, то это будет примерно все» [1].

О каких величинах здесь идет речь, можно показать на примере «Дженерал моторс». Этот автомобильный концерн со своими 20,7 миллиарда долларов дохода получает столько же, сколько получают три миллиона американских фермеров, то есть девять десятых сельскохозяйственных предприятий.

И не только паразитический, но и преступный характер современной империалистической системы проявляется наиболее ярко на примере связей монополий с производством вооружений и агрессией.

---

[1] John Kenneth Galbraith, Die moderne Industriegesellschaft, München — Zürich, 1968, S. 22.

В 1966 году 25 ведущих фирм США получили более 55% всех военных заказов. Одно только производство вооружений увеличилось с 1965 по 1966 год на 20%. Можно представить себе, какие доходы скрываются за этими процентами: если в 1961 году чистый доход крупнейших концернов США составлял 26 миллиардов долларов, то в 1965 году он возрос на две трети, то есть до 44 миллиардов долларов.

Ведущие концерны электротехнической и автомобильной промышленности, а также концерны, производящие самолеты и ракеты, наживаются из года в год на гонке вооружений и на агрессии во Вьетнаме. Только с 1962 по 1966 год обороты восьми самых крупных обществ американской авиационной и космической промышленности («Боинг», «Локхид», «Норт американ эвиэйшн», «Дженерал дайнэмикс», «Юнайтед эйркрафт», «Текстрон», «Макдонелл» и «Грумэн эйркрафт») возросли на 38%, то есть на 13,2 миллиарда долларов, а чистые зарегистрированные доходы — на 99% (403 миллиона долларов).

Если взять голые цифры расходов на вооружение в США со времени второй мировой войны, то можно подсчитать и чудовищные прибыли военнопромышленных концернов, а с другой стороны, разобраться в тех крупных осложнениях, которые возникают для экономики и финансов США в результате политики войны.

По официальным американским данным, в каждом бюджетном году США тратили на вооружение в миллиардах долларов:

1949/50 г.	13 018	1960/61 г.	47 494
1950/51 г.	22 471	1961/62 г.	51 103
1951/52 г.	44 037	1962/63 г.	52 755
1952/53 г.	50 442	1963/64 г.	54 181
1953/54 г.	46 986	1964/65 г.	50 163
1954/55 г.	40 695	1965/66 г.	57 000
1955/56 г.	40 723	1966/67 г.	70 700
1956/57 г.	43 368	1967/68 г.	76 500
1957/58 г.	44 234	1968/69 г.	77 877
1958/59 г.	46 483	1969/70 г.	80 295
1959/60 г.	45 691	1970/71 г.	76 443

Так что войны на современном этапе, и особенно война во Вьетнаме, оказываются настоящей золотой

жилой. Миллионы тонн бомб и боеприпасов, при помощи которых уничтожаются вьетнамцы, приносят концернам миллиарды долларов. А расход горючего бомбардировщиками и на морские перевозки наполняет кассы всемирно известных нефтефирм.

Для концернов США, производящих вооружение, более, чем для концернов всякой другой империалистической страны, характерно особенно тесное слияние хозяев крупной промышленности и военной иерархии.

«Путь к этому указал еще в 1944 году президент «Дженерал электрик» Чарлз Вильсон, предложивший заключить союз Большого бизнеса и военных, который ратовал бы за перманентную военную экономику»[1].

Время, истекшее после второй мировой войны, показало, что срастание высшей военной олигархии с монополистическим капиталом стало поистине характерным признаком всей системы. Этот процесс обнаруживает следующие признаки.

Связи между ведущими военными деятелями и крупными монополистическими группами постоянно крепнут благодаря систематическому включению военных в аппарат монополий, работающих на вооружение, и связанных с ними банков вплоть до личного альянса.

Связи эти еще более консолидировались, поскольку представители монополий, работающих на вооружение, все чаще назначаются на руководящие посты в военном ведомстве.

Военное ведомство и начальники штабов согласуют стратегические планы непосредственно с планами монополий.

Военно-промышленные монополии контролируют правительство в Вашингтоне и особенно внешнюю политику США. Список министров обороны США и их связей с монополиями доказывает это: 1947—1948 годы — Джеймс Форрестол, совладелец банковского дома «Диллон, Рид энд компани», связанного с международными военно-промышленными концернами; 1949—1950 годы — Луис Джонсон, директор самолетостроительного концерна «Консолидейтед валти», который теперь входит в «Дженерал дайнэмикс»; 1951—1953

[1] John Swomley, The Military Establishment, Boston, 1964, p. 100.

годы — Роберт Ловетт, совладелец банкирского дома «Гарриман энд компани», директор атомно-самолето-ракетной монополии «Норт америкен эвиэйшн»; 1953 — 1957 годы — Чарлз Вильсон, президент автомобильно-танкового треста «Дженерал моторс»; 1957—1960 годы — Нейл Макэлрой, директор атомно-электронной монополии «Дженерал электрик» и танкового и ракетного концерна «Крайслер»; 1960 год — январь 1961 года — Томас Гэйтс, совладелец банкирского дома «Дрексель энд компани», входящего в группу Моргана. С 1961 до начала 1968 года этот влиятельный пост занимал Роберт Макнамара, некогда президент фордовского автомобильного треста.

Со своей стороны сотни генералов и адмиралов входят в наблюдательные советы концернов, производящих вооружение. Только «Дженерал дайнэмикс», одна из самых крупных фирм по производству военных самолетов в США, выплачивает огромное жалованье 27 генералам и адмиралам и еще 160 высшим офицерам, которые, используя свои связи, обеспечивают концерну крупные заказы. «Генералы, адмиралы и высшие чиновники по выходе на пенсию почти автоматически переходят в промышленность» [1].

Этот процесс срастания и личных связей верхов военной промышленности с Белым домом, госдепартаментом и Пентагоном все более и более усиливается. Такое продвижение генералов и адмиралов, которые в первые десятилетия этого столетия не играли почти никакой роли в политике США, разумеется, не случайно. Там, где «холодная» и «горячая» война становятся главным содержанием политики, как это имеет место в США во второй половине XX века, удельный вес военных деятелей в экономике и политике неизбежно должен значительно возрастать. Однако было бы заблуждением предполагать, что они, несмотря на их бесспорно возросшее влияние, самостоятельно определяют политику США. Это делают как раньше, так и теперь крупные монополии, чьи отношения с Пентагоном и государственным департаментом действительно никогда не были столь тесными, как теперь.

---

[1] John Kenneth Galbraith, Die moderne Industriegesellschaft, S. 433.

Люди, наживающиеся на войне, которым даже гибель самолетов США обеспечивает богатые заказы, уж позаботятся о том, чтобы колеса американской политики приводились в движение бурей войны. Эти господа страстно заинтересованы в напряженности обстановки и войне, ведь именно благодаря этому огромные суммы текут в сейфы концернов. А эти доходы от войны в свою очередь усиливают стремление к дальнейшей экспансии.

Человек, который должен хорошо это знать, потому что во время второй мировой войны занимал высокий пост в правительстве, затем входил в самый узкий круг советников президента Кеннеди, потом был послом в Индии — мы имеем в виду известного буржуазного экономиста Гелбрэйта, — прямо говорит, почему американская система лучше всего функционирует благодаря гонке вооружений. «Резкое сокращение гонки вооружений в результате общего отказа от холодной войны противоречило бы потребностям всей промышленной системы» [1]. Под термином «промышленная система» автор подразумевает образуемый «крупными финансовыми группами» экономический комплекс. Он даже подчеркивает — это он-то, являющийся, в конце концов, защитником этих крупных финансовых групп, — что они не только объективно заинтересованы в вооружении и войне, но и субъективно непосредственно поддерживают и войну и гонку вооружений. «Дабы оправдать свои потребности, промышленная система всячески поддерживает веру в воображаемую непримиримость конфликта (вместе со всем, что относится к нему). А когда эта вера укоренилась, тогда ведь и гонка вооружений представляется чем-то вполне нормальным, естественным и неизбежным. И это относится ко всем мероприятиям, связанным с ней. Всякое иное мнение уже считается эксцентричным и безответственным. В этом и заложена сила системы...» [2]

Сила? Пока да. Но ведь есть еще суд истории над общественной структурой, для которой вооружение и захватнические войны являются наивысшими ценностями. И дело не только в том, что львиная доля военных заказов достается этим монополиям и они

[1] Ibid., S. 379.
[2] Ibid., S. 370.

извлекают из подобного положения максимум выгоды для себя. Более того, а это в тысячу раз ужасней: они-то и есть те, кто планирует и определяет внешнюю политику и военную политику империализма США. Гелбрэйт подтверждает это весьма выразительно. Когда крупная фирма получает военный заказ, *«то она участвует и в определении возможного противника, и в выборе вероятных объектов атак,* предположительных видов вытекающих из всего этого враждебных действий и других факторов, от которых зависит программа обеспечения обороны страны. В сотрудничестве с другими, подобными же органами планирования, к которым, само собой разумеется, относятся и правительственные учреждения, она *вносит* [фирма — *А. Н.*] *свою лепту в развитие официальной концепции обороны и тем самым участвует в определении внешней политики»* [1].

Потому-то, согласно Гелбрэйту, «в течение прошедших двадцати лет существовала тесная связь между холодной войной и потребностями промышленной системы» [2], и нам остается только добавить, что с тех пор эта связь стала только еще прочней, более того, ключевые предприятия военной экономики оказывают решающее влияние на государство, как это и доказывает американский автор в другом месте.

Короче говоря, правительство является главным центром по распределению заказов, в котором командуют сами монополии. Так что здесь мы имеем дело с причинной зависимостью между господством монополистического капитала и подготовкой и возникновением войн, а военное производство становится идеальной формой производства позднего капитализма.

Таким образом выявляются новые формы и видоизменения самого монополистического капитала [3].

---

[1] Ibid., S. 349 [подчеркнуто мною. — *А.Н.*].

[2] Ibid., S. 366.

[3] К ним относится, например, и определенное планирование экономики. А ведь как в свое время апологеты монополистического капитала обрушивались на плановую социалистическую экономику, противопоставляя ей свою «свободу конкуренции», «экономику соревнования» и, наконец, «социальное [мы не говорим уж о путанице понятий, внесенной и вносимой в обиход правыми лидерами социал-демократии!] рыночное хозяйство». От разговоров о свободной конкуренции и об об-

Но они вовсе не поправляют, а подтверждают самым убедительным образом все, что Ленин писал о чудовищном паразитическом, загнивающем характере империализма.

Что касается второго признака империализма — срастания банковского капитала с промышленным, — то и оно нигде так не продвинулось, как в США. Вместе с колоссальным ростом монополизации банковского дела, связи банков с промышленностью чрезвычайно окрепли и тем самым усилили экономическую мощь крупнейших финансовых монополий. Три, четыре или пять крупнейших банков заняли в кредитной системе каждой империалистической страны главенствующие позиции. Современные финансово-олигархические группы образуют союзы самых богатых миллионеров и миллиардеров, объединенных общими интересами. Эти группы подчиняют себе наряду с промышленностью, транспортом и банками также и страховые общества, кредитное и сберегательное дело и тому подобное. Развитие финансовых групп тем самым достигает новой ступени, для которой характерно дальнейшее форсирование монополизации производства и обращения.

И наконец, вывоз капитала, который Ленин определяет как третий признак и одну из важнейших черт империализма, обретает, особенно после первой мировой войны, еще больший перевес над экспортом товаров. Стоит только вспомнить займы дома Моргана и других банковских учреждений, предоставленные во второй половине двадцатых годов Германии. Или же темпы и размах, с какими за последние десятилетия и годы закреплялся американский финансовый капитал в иностранных предприятиях во всех пяти частях света, как он подчинял себе целые отрасли экономики, к тому же этот процесс постоянно усиливается. Международный радиус действия большинства североамериканских монополий охватывает всю сферу влияния империализма.

ществе социальной симметрии ничего не осталось, кроме весьма реального государства, которым завладели несколько десятков самых богатых семей, дабы использовать его в качестве орудия и не выпускать из своих когтей. Для них понятие плановой экономики теперь уже не анафема, для них оно теперь плановая экономика вооружений и захватнических войн.

Примером может служить компания «Стандард ойл оф Нью-Джерси», которая имеет 200 дочерних обществ, разведывает или добывает нефть в 25 странах и владеет 64 нефтеочистительными заводами в 29 странах.

У «Дженерал электрик» 250 предприятий в 22 странах. «Интернэшнл бизнес мэшинз корпорэйшн» контролирует 46 иностранных дочерних обществ, имеющих 331 представительство, 223 вычислительных центра, 17 заводов и 6 лабораторий в 103 странах. «Интернэшнл телефон энд телеграф», а также «Вестингауз электрик» контролируют каждая по 150 дочерних акционерных обществ во многих капиталистических странах.

Отличительной чертой этих процессов является то обстоятельство, что оборот таких дочерних обществ за границей растет гораздо быстрее, чем экспорт товаров из США.

	1957 г.	1965 г.	
	(в миллионах долларов)		Повышение
Оборот дочерних обществ за границей	18,3	42,4	2,3 раза
Экспорт товаров из США	20,6	27,0	1,3 »

Тут следует вспомнить о тех многих и многих миллиардах долларов, которые со времени окончания второй мировой войны потекли во множество капиталистических стран благодаря плану Маршалла и иным подобным акциям. Объем экспорта капитала из США отражается в следующих цифрах [1].

	Конец 1950 г.	Конец 1966 г.
	(в миллионах долларов)	
Общая сумма американских капиталовложений за границей	31 539	111 874
Из них:		
частных	19 004	86 235
государственных	12 535	25 639

[1] «Survey of Current Business» (Washington), 1967, № 9, p. 40.

Ныне экспорт капитала характеризуется новыми явлениями и процессами. Само государство все чаще выступает как весьма крупный экспортер капитала. Империалисты США раскинули сеть своих финансовых щупалец по всему капиталистическому миру. Стремление их к политическому господству во всей империалистической системе дополняется решительным вторжением их капитала в целях экономического проникновения в другие страны.

Государственный экспорт капитала посредством предоставления займов или субсидий особенно развивающимся странам практикуется под вывеской экономической или военной «помощи». Здесь теснейшим образом переплетаются глобальная стратегия и экспорт капитала. Главная стратегическая цель подобной империалистической «помощи» заключается в том, чтобы привязать развивающиеся страны к капиталистической экономике и закрыть им переход на некапиталистический путь развития. Наряду с усилением роли империалистического государства как экспортера капитала возросла и его роль как гаранта вывоза частного капитала. Капиталовложения империалистических монополий в развивающихся странах весьма значительны, ведь они служат основой для получения новых прибылей, которые составляют ежегодно миллиарды долларов.

Обратимся же теперь к четвертому признаку империализма — раздел мира международными монополиями! Очень характерным для него был раздел химического рынка до второй мировой войны между тремя крупными трестами Америки, Германии и Англии. Ныне мы видим нечто подобное при разделе источников нефти. «Стандард ойл оф Нью-Джерси» вообще является крупнейшим нефтяным концерном мира. У него и самое большое влияние в международном нефтяном картеле, в который входят пять американских, два британских и один французский концерн. Так, например, в 1966 году монополии США (помимо «Стандард ойл оф Нью-Джерси», следует назвать «Галф ойл», «Сокони мобил ойл», «Стандард ойл оф Калифорния» и «Тексако») сконцентрировали в своих руках 52 процента нефтедобычи в арабских странах.

Следует особо рассказать о том, что гармония при этом вовсе не царит между ними, что противоречия между отдельными капиталистическими концернами вновь и вновь прорываются наружу — теперь уже на более высоком уровне. Ведь между империалистическими государствами и их союзниками идет суровая конкурентная борьба, торговая война, борьба за рынки сбыта и сферы приложения капиталов.

Существенно новое в борьбе империалистов за экономический передел мира — это ярко выраженный государственно-монополистический характер этой борьбы, усиленное вмешательство государства в международные экономические связи. Это все факторы, которые оказывают большое влияние на характер, формы и методы борьбы монополий за экономический передел мира.

Руководимый своими классовыми интересами, монополистический капитал создал военно-политические блоки и новые межгосударственные формы связи, которые находят наиболее яркое выражение в империалистической «интеграции». Тенденция к интеграции пустила глубокие корни в экономике современного капитализма. В значительной мере эта тенденция была вызвана к жизни дальнейшим развитием производительных сил, что связано с научно-технической революцией.

Международные монополистические объединения ныне закрепились во всех областях экономической деятельности. Их влияние распространяется отныне не только на сбыт товаров, но во все большей мере на сферы исследований и обслуживания.

Наряду с «классическими» методами раздела рынков путем соглашений о ценах и экспортных квотах все чаще прибегают к международным патентным пулам, международным соглашениям о кооперации и специализации производства, к международным консорциумам по проведению научных исследований, совместной разработке источников сырья, строительству предприятий и т. д., создаются международные объединения национальных союзов предпринимателей, которые призваны облегчить достижение согласия монополий относительно распределения рынков.

Ленин в своем труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» указывал на то, что связи между капиталистическими объединениями на почве экономи-

ческого раздела мира не являются постоянными. Наряду и в связи с ними между политическими объединениями, между государствами складываются определенные отношения на основе территориального раздела мира, борьбы за колонии, борьбы за новые экономические районы. При этом монополии прежде всего заинтересованы в проникновении в развитые капиталистические государства. Экспорт капитала в этих условиях приобретает возрастающее значение, являясь могучим средством монополий в борьбе за новый раздел рынков. Размер экспорта капитала в эти страны стремительно возрастает. Большинство империалистических государств — это не только экспортеры капитала, но одновременно и объекты выгодных капиталовложений.

Подобный обоюдосторонний экспорт капитала ведет к обострению конкуренции между местными и иностранными монополиями, к усилению соперничества между империалистическими государствами.

А это подводит нас к пятому признаку империализма: территориальный раздел мира между крупнейшими капиталистическими державами завершен. Для отдельных капиталистических группировок нет больше возможности проникнуть в до сих пор еще не занятые области. Весь мир уже разделен, и — что еще хуже (хуже для капиталистов) — после первой мировой войны все большие районы земного шара становятся недоступными для капиталистов. И тот сектор земного шара, в котором шакалы монополистического капитала грызутся из-за добычи — драка разыгрывается в самых разных формах, вплоть до военных действий, — становится все уже, а это автоматически обостряет борьбу.

Послевоенное развитие в полной мере подтверждает ленинское учение о войне, мире и революции. Агрессивные группы современного империализма, и прежде всего американского империализма, в своей политической стратегии вовсе не отказываются от применения военных средств, от навязывания своей воли силой оружия, стремясь положить конец социализму и революционному движению во всем мире. Ради достижения этой цели империализм затеял беспримерную в истории по своим масштабам гонку вооружений и предпринял широкую подготовку для развязывания новой мировой войны.

И ныне угроза войны таится в самой природе империализма. Алчущие войны круги монополистической буржуазии стремятся удержать и укрепить свои позиции. Ради этого они обостряют международное положение, создают очаги напряженности, усиливают гонку вооружений и развязывают локальные войны. Дабы сохранить свое господство, а то и расширить его, они и не думают отказываться от заранее обреченной на провал попытки «еще раз вступить» в борьбу против социализма, вернуть себе потерянные позиции и оттеснить социализм, при этом они рассчитывают если и не на всеобщую войну, то на местную, ограниченную войну или любые другие средства, в том числе и такие, как подрыв единства социалистических стран.

Стремлением к укреплению господства империализма объясняется и созданная в послевоенные годы империалистами США с помощью западноевропейских империалистов система экономических, политических и военных блоков, направленных против Советского Союза и других социалистических стран. Сюда же относится включение экономики и политики участников этих блоков в стратегические расчеты американского империализма. Размер и степень интеграции, а также зависимости участников подобных блоков, например внутри Северо-Атлантического пакта (НАТО), навряд ли имеют себе равных в истории империализма. Однако противоречия между отдельными странами подобные блоки не в силах ликвидировать. Напротив, создание их привело к возникновению новых противоречий внутри империалистической системы.

Такова картина современного американского общества, картина современного империализма. С одной стороны, безудержная экспансия, гигантские прибыли монополий, производство вооружений с целью массового уничтожения людей и вооруженная агрессия, а с другой — усиленная эксплуатация, деформация экономики и пошатнувшиеся финансы государства, возрастающая социальная неуверенность, систематическое урезывание демократических свобод, грубый террор и переход к фашистским методам управления.

При государственно-монополистическом капитализме все противоречия обостряются. Меры, к которым прибегают ради усиления власти монополий, в конеч-

ном итоге расшатывают эту власть. Перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм является логическим завершением его развития, его последней ступенью. Ибо общественное развитие нуждается в плановом и контролируемом производстве, отвечающем потребностям трудящихся, свободном от анархии, капиталистических оков военной экономики. Ныне, вместе с расцветом социализма, создана модель планового общества, именно благодаря этому и высвобождающего все творческие силы народа. Оно-то и стало той реальностью, которая все более определяет судьбы всего мира.

Империализм вынужден принять вызов на соревнование. Развитие государственно-монополистического капитализма, при котором государство, как официальный представитель капиталистического общества, все в большей мере берет на себя руководство производством в интересах монополий, является попыткой задержать исторический прогресс.

Однако империализм не в состоянии прыгнуть выше своей головы. Рамки его все сужаются. Усиление его внутренних противоречий, рост сил социализма обостряют его общий кризис.

В марте 1968 года газеты западного мира жаловались на официальную девальвацию английского фунта стерлингов и на постоянное падение стоимости доллара, заявляя, что «разразился самый серьезный кризис международной валютной системы после экономического кризиса 1931 года и биржевого краха 1929 года». Это, конечно, правильно, однако все же только полуправда. Ибо валютный кризис является не чем иным, как выражением кризиса всей системы и результатом задуманной для ее сохранения глобальной стратегии. Более 30 миллиардов поглощает ежегодно преступная война против вьетнамского народа. Во многих странах — Греция тому самый свежий пример — США содержат марионеточные правительства, подавляющие борющийся за демократию и свободу народ. США содержат более 100 крупных военных баз за пределами своей страны. Вот на что расходуются силы американской экономики.

Результаты сказываются в хроническом дефиците американского платежного баланса и вытекающем

отсюда выхолащивании доллара, который долго являлся символом всемогущества капитала. Золото, олицетворяющее богатство при капитализме, утекает из США. Золотой запас США резко уменьшился, а доля США в золотом запасе всех стран капиталистического мира настолько сократилась, что господство доллара, а вместе с ним и функционирование всей империалистической валютной системы поставлено под вопрос.

Золотые запасы США и всех стран, входящих в сферу капитализма[1]

Годы	США	Всех стран	Доля США, в %
	(в миллионах амер. долларов)		
Конец 1960-го	17 804	40 505	44,0
1965	14 065	43 230	32,5
1966	13 235	43 180	30,7
1967	12 065	41 605	29,0
1968	10 892	40 905	26,6
1969	11 859	41 015	28,9
Июнь 1970-го	11 889	41 170	28,9

[1] «International Financial Statistics», (Washington), December 1970.

Таким образом, империализм США стал слабее. Облик нашего столетия, несмотря на все старания империалистов путем глобальной стратегии вернуть себе инициативу, уже не определяется империализмом. Он определяется могучим монолитным движением сил социализма и мира и их борьбой против империализма и войны, он определяется борьбой во всех странах планеты против диктатуры государственно-монополистического капитализма, борьбой за демократию и социальные права трудящихся, он определяется успешно развивающимся революционным национально-освободительным движением, в ходе которого уже 70 молодых государств сбросили колониальное иго и проходят теперь новый этап своего общественного развития. Контрреволюционная глобальная стратегия империализма США вкупе с реакционными планами гегемонии западногерманского империализма вызывают нарастающее сопротивление сил мира.

Если режим государственно-монополистического капитализма нельзя спасти от кризиса иначе, как развязывая агрессию, разрушая целые страны и уничтожая сотни тысяч человеческих жизней, то уже одно это выносит ему приговор как пагубной системе, час которой пробил. Эта система лишена морали и нравственности, ибо она превращает человеческую кровь и руины в золото и прибыль, даже само существование ее в последней фазе целиком зависит от войны! Самосохранение народов, права и достоинство их требуют беспощадной и непримиримой борьбы против американского всемирного жандарма, чья железная пята истребляет целые нации.

РЕЧЬ ИДЕТ О ВОЙНЕ И МИРЕ В СЕРДЦЕ ЕВРОПЫ

ОБЩИЙ ОБЗОР

Германия будет демократическим и миролюбивым государством — так было решено и подписано государствами — участниками Потсдамской конференции в августе 1945 года. Но эта мечта народов и миллионов немцев оказалась кошмаром для жаждущих захватов монополий и генералов разбитого фашистского рейха, лишь на короткое время парализованных ею. Ибо, как только американские империалисты пробудили их к новой жизни, они сразу же начали теснить все прогрессивное и поддерживать все, что усиливало их власть. При этом они игнорировали волю народа и перечеркнули сделанное народом, дабы получить желаемый простор для осуществления своих собственных реваншистских доктрин и развязать себе руки для новых агрессивных планов.

Международный крупный капитал во главе с правительством США и в сговоре со старыми хозяевами экономики гитлеровской Германии, которые теперь уже в качестве новых господ западногерманской Федеративной республики поднимались к власти, разорвали Германию. После того, как германской нации был навязан раскол столицы и всей страны, германский империализм вступил на путь интенсивной поддержки своих бывших противников по войне, а за спиной западногерманской общественности — на путь нового вооружения и создания западногерманской армии. Он поспешил присоединить свежеиспеченное государство к западным системам пактов, таким, как Европейское объединение угля и стали, Европейское оборонительное сообщество и НАТО, с тем чтобы отныне громогласно провозгласить свою цель: ликвидацию Германской Демократической Республики, ревизию результатов второй мировой войны, уничтожение социализма и установление нового порядка в Европе, при котором, по представлениям Бонна, Федеративная республика играла бы доминирующую роль. Следуя во внешней политике гитлеровским образцам, бывшие закулисные деятели

фашистской военной диктатуры и те, кто извлекал в свое время из нее выгоду, начали теперь кроить новую модель диктатуры и для внутренней политики: удалять всех последовательных антифашистов и антимилитаристов из государственных учреждений и общинных управлений, налагать запрет на КПГ и все прогрессивные организации.

Решив, что теперь-то путь открыт, западногерманская реакция в середине 1953 года приготовилась к непосредственному штурму ГДР — группы провокаторов из Западного Берлина, поддержанные американскими танками на государственной границе, инсценировали контрреволюционный путч. Но путч провалился, как провалилось и запланированное в 1961 году военное вторжение в ГДР. Стойко и мужественно проводя свою активную антивоенную политику, Германская Демократическая Республика противостоит разжиганию военной истерии и подготовке нападений. 13 августа 1961 года Антифашистский вал остановил врага. Дело мира вновь восторжествовало.

ПОПЫТКА УСТАНОВИТЬ МИРОВОЕ ГОСПОДСТВО

Вторая мировая война поглотила более 50 миллионов человеческих жизней. Бесчисленные раны наций, населяющих Европу и Азию, кровоточили. Во многих странах не было семьи, которой не пришлось бы оплакивать по крайней мере одного убитого. Более ужасных страданий не приносила ни одна война.

Но была и есть одна держава, которая не желает дать измученным народам время залечить свои раны; держава, которая, пользуясь своей возросшей благодаря войне мощью, стремится подчинить себе весь мир, — это Соединенные Штаты Америки.

После кончины 12 апреля 1945 года президента Рузвельта, сотрудничавшего еще с буржуазно-либеральными элементами, и после окончания в том же году военных действий второй мировой войны (в сентябре 1945 года последовала безоговорочная капитуляция Японии) власть в США полностью перешла в руки тех монополистических кругов, которые еще до войны были особенно тесно связаны с германскими империалистическими трестами и поддерживали гитлеровский

фашизм, предоставляя кредиты, заключая договоры о лицензиях, картельные договоры о разделе капиталистического мирового рынка. Всяческое поощрение гитлеровской Германии еще до войны было продиктовано прежде всего их ненавистью к СССР. Американский историк Флеминг охарактеризовал подобную позицию следующим образом:

«Они никогда не намеревались бороться против фашистских держав, и если делали это, то с отвращением, потому что были вынуждены к тому Пёрл-Харбором. Нападение Германии на Россию воскресило их надежды. Ведь ненавистной красной угрозе будет положен конец. К их великому удивлению этого не произошло. Ненавистная система обрела огромную мощь... И это означало, что война более чем проиграна. Реальностью стало нечто гораздо более страшное, чем они опасались. И против этого необходимо было что-то предпринять» [1].

И кое-что было предпринято. Международные обязательства, взятые на себя США относительно мирного сотрудничества с СССР, были нарушены, началась «холодная война». И Европа стала одним из ее главных театров военных действий, а германский вопрос — центральным вопросом постоянно обостряемых западными державами международных противоречий.

В речи американского министра иностранных дел Джеймса Бирнса, произнесенной 6 сентября 1946 года в Штутгарте, и был провозглашен этот поворот в политике. «Нью-Йорк таймс» комментировала речь следующим образом: «Если взглянуть на это с более узкой точки зрения, заявление Бирнса является попыткой отодвинуть знаменитый железный занавес подальше на восток» [2]. А обнародование доктрины Трумэна 12 марта 1947 года [3] ознаменовало собой окончательное торжество «холодной войны» во внешней политике США. Она вызвала к жизни план Маршалла и вопреки обязательствам, вытекавшим из Потсдамских соглаше-

---

[1] D. F. Fleming, The cold war and its origins, New York, 1961, v. I, p. 284.

[2] Europa-Archiv. Zeitgeschichte — Zeitkritik — Verwaltung — Wirtschaftsaufbau. Erstes Jahr, Juli 1946 — Juni 1947, S. 264.

[3] Europa-Archiv. Zweites Jahr, Juli — Dezember 1947, 1947, S. 819 f.

ний, привела к реставрации империализма в Западной Германии, к расколу Германии и образованию НАТО. Все эти меры были направлены на то, чтобы обеспечить господство американских монополий в Западной Европе, предотвратить победу народных революций во многих странах Европы и сплотить западноевропейские государства в антисоциалистический блок.

Именно таким образом после этапа «сдерживания» социализма и создания превосходящей военной мощи империализма намеревались путем военных угроз и самой войны достигнуть этапа «отбрасывания» социализма. Образование военных блоков явилось одним из важнейших элементов европейской политики США. В основу ее была положена идея антикоммунизма.

Вторую мировую войну Соединенные Штаты — чьи потери в людях не достигли и 300 тысяч человек (столько, сколько в год гибнет там людей в результате дорожных происшествий), а доходы от войны, прибыли концернов составили 53 миллиарда долларов — использовали для ослабления своих союзников, им удалось глубоко вторгнуться в их стратегические позиции и в экономику, а в Японии и Западной Германии они захватили после войны господствующие позиции. В последнем мирном году перед второй мировой войной доля США в промышленной продукции капиталистического мирового сектора составляла 47 процентов, она все возрастала и в 1949 году достигла 60 процентов. Таким образом, США производили больше, чем весь остальной капиталистический мир.

Однако именно подобное обогащение, подобная концентрация промышленного производства в США вовсе не предотвратили угрозы кризиса, а повысили ее. И огромному производственному комплексу, чрезвычайно раздутому в 1939—1945 годы и поддерживаемому на высоких оборотах благодаря поставкам вооружения союзникам, вдруг стал угрожать холостой ход. Многомиллионная безработица, резкое снижение потребления, крах целых отраслей экономики, серьезное уменьшение прибылей — таковы были мрачные перспективы, перед которыми оказалась экономика США.

«Значительная часть продукции отправляется на склады. Оборот розничной торговли снизился на 20 про-

центов по сравнению с прошлым годом. Чиновники министерства торговли и министерства сельского хозяйства предсказывают для второй половины 1947 года серьезный спад деловой активности»[1]. С каждой неделей положение обострялось, и в конце мая 1947 года Объединение чикагских покупателей констатировало, что «спад деловой активности уже принимает крупные размеры».

В США уже говорили не о том, *наступит ли* кризис, а о том, *когда он разразится* с полной силой. От западного до восточного побережья, от промышленных центров у канадских озер до прерий Техаса царило мрачное настроение.

И вдруг 8 июня 1947 года министр иностранных дел Маршалл произносит в Говардском университете речь, в которой провозглашает свой план. Для крупных американских концернов это был луч света, шанс хотя бы на временное, но значительное ослабление кризиса. Разумеется, столь открыто поначалу никто не высказывался, сперва необходимо было завлечь в свои сети европейские государства. И тут уж не поскупились пустить в ход всю шкалу самых гуманных обоснований, филантропия и великодушие Соединенных Штатов засверкали всеми красками палитры.

23 июля 1947 года Центральный секретариат СЕПГ предостерегал от последствий, к которым приведет политика плана Маршалла: «После окончания Парижской конференции американские государственные деятели все чаще делают заявления относительно предполагаемой долларовой помощи для восстановления западногерманской экономики...

Американский монополистический капитал, вышедший из войны окрепшим, ныне стремится отвести угрожающий ему экономический кризис путем завоевания новых рынков и закрепления старых рынков посредством предоставления государственных займов. Однако опыт говорит о том, что подобные займы приводят к нарушению суверенитета принимающих эти займы стран и к подчинению их экономики и политики интересам американских монополий. Уже сейчас ясно

---

[1] «Wall Street Magazine», 29 March 1947.

видно, что Германии предлагают продать ее будущее за эти займы» [1].

Напоминая о последствиях американской политики займов в годы Веймарской республики — политики, завершившейся кризисом, фашизмом и войной, Центральный секретариат СЕПГ подчеркивал: «Последствия новой американской политики займов будут столь же роковыми, если не хуже. Промышленный запад Германии вовлекается в западный блок, угрожающий миру. Власть германских концернов сохраняется. Вместо мирной германской экономики возникает новый центр господства реакционных и жаждущих войны сил. Вместо осуществления права рабочего класса на участие в решениях, касающихся восстановления экономики, торжествует наемное рабство на службе иностранных и германских капиталистов-монополистов» [2].

В середине июня 1948 года Вальтер Ульбрихт заявил по поводу этой надвигавшейся угрозы: «План Маршалла — это план раскола Германии и национального закабаления населения Западной Германии... это план классовой борьбы иностранных и германских концернов против трудового народа... план превращения Западной Германии в плацдарм борьбы против демократических стран» [3].

Когда план Маршалла вступил в действие, США заговорили по-иному, их грубая откровенность должна была открыть глаза даже простакам. Владелец автомобильного концерна «Студебеккер» и администратор плана Маршалла Пауль Гофман 8 февраля 1949 года заявил перед сенатской комиссией по иностранным делам:

«Если США удастся осуществить план Маршалла в предусмотренном виде, то это окажется самым большим бизнесом, который когда-либо удавался США».

«Самый большой бизнес США...» Речь, стало быть, вовсе не о помощи другим странам, а о помощи самим

---

[1] «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands», Bd. I, Dietz Verlag, Berlin, 1951, S. 207.

[2] Ibid., p. 208.

[3] Walter Ulbricht, Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bd. III, Berlin, 1960, S. 218.

себе. К тому же европейские государства вовсе не могли распоряжаться полученными по займам деньгами, как им заблагорассудится. Их вынуждали покупать товары, в которых у них не было необходимости или которые они могли купить в другом месте, притом лучшего качества и дешевле. Последствия были тем тревожней, что одновременно США запретили странам, включенным в план Маршалла, торговлю многочисленными промышленными товарами с Советским Союзом и странами народной демократии, включая ГДР. Таким путем экономика стран, охваченных планом Маршалла, попадала во все большую зависимость от США.

Следует еще добавить,что план Маршалла был задуман не только как лекарство против болезни, то есть кризиса, его функция состояла и в том, чтобы поставить европейские государства в экономическую и политическую зависимость от господствующих в США капиталистических монополий и их агрессивных планов. Американские кредиты оказались подобны золотым цепям, которыми эти государства были прикованы теперь к колеснице американской внешней политики. Вопреки интересам своих народов страны плана Маршалла были вынуждены поддерживать все военные провокации США, цель которых заключалась в распространении американского господства на весь земной шар.

До весны 1950 года страны, охваченные планом Маршалла, получили от США 8,6 миллиарда долларов. Заставив истратить большую часть этой суммы на покупку товаров в США, Вашингтон принудил соответствующие страны вложить остаток в вооружение. Таким образом, субсидии по плану Маршалла оказались поистине дарами данайцев.

В одном из своих экономических обзоров газета «Нью-Йорк геральд трибюн» от 7 августа 1950 года сделала вывод, что в истекшем году в странах плана Маршалла «часть национального дохода, предназначенная для личного потребления, оставалась меньшей, чем до войны. Тот факт, что личное потребление не достигло довоенного уровня, вызывает особую тревогу, так как ресурсы расходуются на непроизводительные вооору-

жения». «Холодная война» так же неотъемлема от плана Маршалла, как снаряд от пушки. Если же не переводить военные предприятия США на мирное производство (что угрожало бы резким сокращением высоких военных прибылей), то необходимо найти предлог для сохранения производства оружия на высоком уровне второй мировой войны и тем самым предоставить гигантским концернам США возможность и впредь получать сверхприбыли.

Ради этой цели и разжигалась «холодная война». Ради потребностей тех, кто зарабатывал на «холодной войне», каждый народ, борющийся за свою свободу, превращался американской пропагандой и пропагандой стран-вассалов в «орудие Советского Союза» и потому должен был быть поставлен на колени Соединенными Штатами. При этом пропагандисты «холодной войны», хорошо знавшие, сколь ненавистна народам всякая мысль о войне, трубили о «защите». Дабы сделать свою войну приемлемой, они выдавали себя и государства, в которые они пытались проникнуть и которые хотели подчинить себе экономически, политически и в военном отношении, за «жертвы советской агрессии».

Разве в Канаде, Мексике или где-нибудь еще в Западном полушарии были советские военные инструкторы и оружие? Даже профессиональные лгуны из «Голоса Америки» не посмели бы это утверждать. Однако один из американских президентов, а именно Трумэн, весной 1950 года в связи с визитом иранского шаха назвал его страну «левым флангом США» и соответственно этому приказал вооружить иранскую армию американским оружием и американцам же обучить ее, хотя Иран и удален от США на 10 тысяч *км*. В том же 1950 году американские газеты и журналы, несмотря на то что вьетнамо-китайская граница находится на расстоянии 13 тысяч *км* от Америки, назвали ее границей США.

В восточном средиземноморье в годы, последовавшие за второй мировой войной, в Афинах правил, согласно указке представителя США, король Павлос Глюксбург со своей женой-нацисткой из БДМ (нацистский «Союз немецких девушек») и тем сатанинским выводком ублюдков, которые в качестве квислингов гитле-

ровского вермахта управляли Грецией, а впоследствии служили американцам, в силу многолетней интервенции которых и оказалось возможным навязать народу монархистско-милитаристскую диктатуру. Каждый американский посол по своему усмотрению снимал и назначал в Афинах правительство, совершенно так же как гангстеры в некоторых штатах США назначают начальников различных ведомств. Потому-то и Турция, в которой нет официально допущенной левой партии, нет законом разрешенных профсоюзов, столь высоко ценилась вашингтонскими политиками и рассматривалась правительством США как форпост «западной демократии». Соответственно этому ее и вооружали.

Выкормыш Гитлера и Муссолини на юго-западе Европы фашистский диктатор Франко пользуется звонким благоволением рокфеллеровского «Чейз нэшнл бэнк», который щедро предоставлял Франко займы, в то время как американские генералы и адмиралы буквально не выходили из кабинета Франко, заключая с ним соглашения о предоставлении США испанских военных баз. При этом американских провозвестников демократии ни в какой мере не смущало то, что все, даже отдаленно напоминавшее рабочее движение или социализм, в Испании строжайшим образом запрещено и карается смертной казнью или же длительным тюремным заключением.

Те самые Соединенные Штаты, которые кичатся тем, будто они являются стражами демократии и смертельными врагами тоталитаризма, были и являются на самом деле спасителями прогнивших монархий, фашистских диктатур и феодальных племенных вождей. Рука об руку с ними они провоцируют свободный мир социализма, выступая, разумеется, всегда в роли защитников, причем, странное дело, и в Европе и в Азии эти защитники всегда разжигают политические и военные пожары в самой непосредственной близости от СССР.

Однако от тех немцев, которые еще кое-что помнят, невозможно скрыть, что мотивы, тактика, аргументы, да и союзники лидеров США схожи с гитлеровскими. Разве не Гитлер, захватив чужую территорию, подавив какой-нибудь народ, способствуя созданию фашистской диктатуры Франко, вступая в заговор с отцом нынеш-

него шаха Ирана, уничтожая евреев и социалистов, — разве не Гитлер всегда при этом твердил в свое оправдание о «большевистской опасности»? Кто превращает врагов Гитлера в своих врагов, кто заключает в свои объятия союзников Гитлера, кто и политически, и в военном отношении следует по стопам Гитлера, тот опустился до уровня Гитлера и так же кончит, как кончил Гитлер.

Меж тем символом веры хозяев Белого дома и Пентагона, в котором размещается военное министерство США, остается международная провокация. Нынешние диктаторы Америки горячо заинтересованы в том, чтобы все вновь и вновь возникали очаги пожаров, чтобы международная напряженность не уменьшалась, а увеличивалась, ибо без подобной отравленной атмосферы, без воинственных речей и махинаций массовое производство оружия стало бы немыслимым. А это привело бы немедленно к резкому спаду производства и деловой активности в США, так как те, кто вершит судьбы Америки, сделали изготовление орудий смерти, на которых можно заработать гораздо больше, чем на любом другом производстве, основой всей экономической жизни страны.

Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Тот, кто вступает в союз с фашистами и реакционерами-милитаристами, чтобы угнетать народы, не может быть демократом. Хозяева Вашингтона и Уолл-стрита, видевшие в продажном Чан Кай-ши свое спасение и поставлявшие ему оружие, чтобы убивать миллионы китайцев; приказывавшие рубить головы греческим патриотам; ежедневно сбрасывающие в Юго-Восточной Азии бомбы и учиняющие кровавые бойни ради сохранения власти империалистического колониального режима над жаждущими свободы народами, — хозяева Вашингтона и Уолл-стрита потеряли всякое право называть себя демократами. Их архиреакционная внешняя политика, между прочим, является не чем иным, как продолжением и отражением их антидемократической внутренней политики, политики преследования и подавления всех неугодных магнатам капитала политических антивоенных настроений в Америке.

О, конечно, они порой говорят о мире! Но мир, который они при этом подразумевают, — это мир дворцам и война хижинам. Это мир погоста, который несет с собой атомная бомба.

Американская пропаганда, выступающая против тоталитаризма, «сражающаяся» за демократию, служит лишь туманной завесой для происков империализма. Изгнание коммунистов из французского правительства, правительств Италии, Бельгии, Западной Германии каждый раз служило лишь предлогом к торжеству реакции и передаче крупных промышленных предприятий под контроль американского капитала. Военный триумф греческих монархо-фашистов под командованием 500 американских офицеров был теснейшим образом связан с созданием американской военной базы в восточной части Средиземного моря и необходимостью обеспечения хлынувшего в Грецию потока американских капиталов. И военная помощь марионеточному императору Бао-Даю и его французским покровителям тоже была предоставлена за большие концессии американскому капиталу как во французской метрополии, так и в бывших французских колониях в Азии, которые империалисты США, сея смерть и разрушения, стремятся превратить в свои колонии.

КАК И ПОЧЕМУ БЫЛА РАСКОЛОТА ГЕРМАНИЯ

Потсдамские соглашения между Советским Союзом, США и Великобританией, как известно, предусматривали:

«Германский милитаризм и нацизм будут искоренены, и Союзники, в согласии друг с другом, сейчас и в будущем, примут и другие меры, необходимые для того, чтобы Германия никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире.

Союзники не намерены уничтожить или ввергнуть в рабство немецкий народ. Союзники намереваются дать немецкому народу возможность подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию своей жизни на демократической и мирной основе» [1].

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», ОГИЗ, 1947, т. III, стр. 339.

Подписавшие эти соглашения прекрасно отдавали себе отчет в том, какое значение имеет для преобразования Германии в миролюбивое демократическое государство тот факт, в чьих руках находится собственность на средства производства и в чьих руках власть. Они прекрасно знали, что без субсидий и политического давления германских промышленных и финансовых магнатов Гитлер никогда бы не въехал на Вильгельмштрассе и что без поддержки генеральных директоров и наблюдательных советов рурских трестов, концерна «ИГ Фарбениндустри», «Дейче банк» и т. д. никогда бы не было и третьего рейха. Чтобы закрыть этот экономический источник фашистского движения и всех германских агрессий, главы государств постановили в Потсдаме: «В практически кратчайший срок германская экономика должна быть децентрализована с целью уничтожения существующей чрезмерной концентрации экономической силы, представленной особенно в форме картелей, синдикатов, трестов и других монополистических соглашений» [1].

Не успели высохнуть чернила подписей под соглашением, как уже начался саботаж его американскими властями. Всего через несколько месяцев после Потсдама, 22 декабря 1945 года, председатель сенатской комиссии по военным делам сенатор Килгор обратился к общественности со следующим предостережением: «Было бы равносильно самоубийству, если бы американская политика поставила под угрозу мир во всем мире, а ведь подобная точка зрения, к сожалению, стала преобладать на совещаниях нашей военной администрации в Германии».

Почему же сенатор Килгор выступил со столь тяжким обвинением? В ноябре 1945 года начальник отдела декартелизации американской военной администрации в Германии полковник Бернстайн демонстративно подал в отставку, уехал в США и в сенсационных заявлениях обвинил высших американских чиновников в саботаже работы своего отдела. Речь идет, заявил он, о людях в звании генералов, перед которыми я бессилен.

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», ОГИЗ, 1947, т. III, стр. 343.

Спустя каких-нибудь три месяца, 25 февраля 1946 года, его заместитель Рассел А. Никсон предстал перед сенатской комиссией по военным делам и констатировал, что «на всех ступенях иерархической лестницы американской военной администрации, во всей американской зоне Германии ответственные офицеры противятся денацификации, заявляя, что мы обязаны воздвигнуть бастион против большевизма и России».

Никсон закончил свои показания следующими словами:

«Совершенно ясно, что в течение последних шести месяцев все усилия в Германии были направлены на то, чтобы устранить последнюю сплоченную группу, отдел декартелизации, который действительно всерьез относился к уничтожению концентрации экономической силы и руководствовался в своих действиях Потсдамским договором».

Называя имена, указывая место и время, Никсон проинформировал американских сенаторов о том, как в Гессене, Баварии и Вюртемберге высокопоставленные американские офицеры солидаризировались с владельцами германских концернов, спасали их от ареста, заявляя, что эта гитлеровская опора «станет нашей опорой в борьбе против большевизма».

Следует обратить внимание на то, когда эти обвинения были выдвинуты компетентными американскими представителями. И тогда станет ясно, что американские политики в Германии уже в 1945 году глумились над Потсдамскими соглашениями. Правда, тогда эта политика нарушения договора еще не была провозглашена официально. Она проводилась в жизнь, но никто еще не осмеливался открыто выступить в ее защиту. Черчилль в то время еще не произнес своей речи в Фултоне, и Трумэн не провозгласил своей доктрины, да и Маршалл еще не объявил о своем плане.

Преемником полковника Бернстайна и Никсона стал Джеймс Мартин. В июле 1947 года он сложил с себя эти обязанности, сделав следующее заявление:

«Из протеста против махинаций крупных американских компаний в Германии я ухожу в отставку».

Вернувшись в Нью-Йорк, он обвинил четыре треста — «Дженерал электрик», «Дженерал моторс», «Стандард ойл» и «Интернэшнл телефон энд телеграф

корпорейшн» — в том, что они сводят на нет усилия его отдела по демократизации германской экономики. «Эти американские объединения хотят возвести в самом сердце Европы Германию, контролируемую монополиями», — так закончил Мартин свое заявление представителям прессы. Читателю названия трестов покажутся знакомыми — они ведь те самые, которые столь успешно поддерживали вооружение Гитлера и его политику войны.

Джеймс Мартин вел нескончаемую малую войну со своим начальником, руководителем экономического отдела американской военной администрации генералом Дрейпером. Это все тот же Дрейпер, который, будучи вице-президентом крупнейшего банка «Диллон, Рид энд компани», финансировал германских пушечных королей. Его-то и обвинял Мартин в том, что он блокирует проведение программы декартелизации и саботирует ее. И что же последовало? Мартину пришлось уйти, а преемником его стал зять Дрейпера Филипп Хаукинс. Сам же Дрейпер получил повышение — стал заместителем министра обороны, превратившись, таким образом, из подчиненного Клея в его начальника, и теперь уже из Америки дирижировал политикой США в Германии. А его зять вскоре получил еще более обширное поле деятельности, и отдел декартелизации, возглавляемый Р. Бронсоном, креатурой дома Дрейпер—Хаукинс, был просто подчинен ему.

Когда дело зашло столь далеко и в декабре 1947 года генералом Маршаллом была сорвана Лондонская конференция министров иностранных дел, генерал Клей счел ситуацию достаточно созревшей, чтобы сбросить маску.

То, что до этого делалось тайно, теперь надо было провозгласить открыто. В марте 1948 года командующий американскими оккупационными войсками в Германии генерал Клей вызвал к себе нового руководителя отдела декартелизации Р. Бронсона и приказал ему без всяких обиняков «немедленно прекратить все мероприятия, направленные на разукрупнение монополий и роспуск трестов».

Девятнадцать чиновников отдела декартелизации — все, что осталось от когда-то занятых здесь 150 сотруд-

ников, — заявили генералу Клею письменный протест против подобного грубого нарушения Потсдамских соглашений. Тогда их вызвали к генералу Клею и 22 марта 1948 года он отчитал их так, как никогда бы не позволил себе ни один судья по отношению к мелкому воришке. Все девятнадцать сотрудников были уволены. Таким-то образом победили американские и германские миллионеры, которым клеи и маршаллы обеспечили зеленую улицу на пути к капиталистической, трестовской, неофашистской Германии, вынашивающей новую войну.

Всего несколько недель спустя, 14 апреля 1948 года, на заседании англо-американского двустороннего совета во Франкфурте-на-Майне дело дошло до весьма характерного спора между Клеем и его английским коллегой генералом Робертсоном. В соответствии с имеющимся у нас протоколом этого заседания американцы обвинили англичан в том, что те распыляют германскую сталелитейную промышленность, разбивая ее на слишком большое число малых единиц, и намерены решать вопрос о собственности на предприятия при посредстве элементов, враждебных картелям. «Это уже слишком! — заявил Клей. — Я могу, — так дословно значится в протоколе, — заверить генерала Робертсона, что американское правительство никогда не согласится с подобной программой».

В ответ на это Робертсон немедленно же отступил. А газета «Нью-Йорк таймс» 14 мая 1948 года поставила все точки над i, подтвердив «резкое изменение курса американской политики в вопросах декартелизации Германии».

Подобное изменение курса произошло одновременно с переходом США и Англии к политике открытого и прямого раскола Германии. В феврале и марте 1947 года бывший президент США, архиреакционер Герберт Гувер по предложению Трумэна предпринял поездку в Германию. 3 апреля 1947 года «Нью-Йорк таймс» раскрыла, что Гувер на закрытом заседании самым диким образом натравливал министров трех земельных правительств американской зоны (Баварии, Вюртемберг, Гессен) на Советский Союз. «Мы сражаемся за европейскую цивилизацию против азиатов». То была

сладкая музыка для ушей высоких германских правительственных чиновников, от которых Гувер не скрыл, что он выражает мнение Трумэна. Вернувшись в США, Гувер предложил создать сепаратное западногерманское правительство.

«Через пять месяцев после этого на столе генерала Клея уже лежал готовый план создания правительства Западной Германии — проект одного из его высших советников. Это было в ноябре 1947 года, непосредственно перед сессией Совета министров иностранных дел в Лондоне» [1].

Из этого видно, что авторитетные американские деятели задолго готовили организационные меры по расколу Германии.

Еще 18 октября 1947 года берлинский корреспондент «Нью-Йорк пост» Эрнст Лейзер проговорился:

«Целый ряд чиновников американской военной администрации единодушно предсказывал мне, что Лондонская конференция зайдет в тупик и что после этого будет создана отдельная западногерманская республика».

В главной квартире американской военной администрации в Берлине царило приподнятое настроение. Сотрудники похлопывали друг друга по плечу, поздравляли друг друга с тем, «что теперь наконец-то разделаются с русскими». Срыв Лондонской конференции считался уже само собой разумеющимся делом. Высокопоставленные сотрудники генерала Клея перед отъездом заявили, что они «через недельку вернутся», заявление это они повторяли в своих телефонных разговорах, когда звонили из Лондона в Берлин, задолго до того, как стал обсуждаться вопрос о репарациях, который и послужил для Маршалла предлогом сорвать конференцию.

Характерным дополнением к тому, что происходило за кулисами американской политики в Германии, явились другие мероприятия генерала Клея.

«25 октября [1947 года. — *А. Н.*] я уполномочил полковника Текстора (директор отдела Службы информации Управления оккупационных войск США) атаковать

---

[1] Delbert Clark, Again the goose step («Снова гусиный шаг»), New York, 1949, p. 21.

коммунизм, где бы и в каком бы виде он ни проявлялся...»[1]

А уж повторять подобное приглашение кровавым собакам третьего рейха от журналистики американскому пресс-шефу Текстору не пришлось. Охотно прислушиваясь к требованию Клея и к его лозунгу, они вновь ринулись на политические подмостки (которые им пришлось покинуть в 1945 году), дабы теперь в неблагородном состязании с многочисленными социал-демократическими журналистами создать атмосферу «холодной войны», направленной против Советского Союза и тогдашней Советской оккупационной зоны.

Все это происходило за месяц до Лондонской конференции министров иностранных дел! Приказ Клея, возвещавший травлю Советского Союза, как и задолго до этого подготовленный план Гувера—Трумэна—Клея, имевший своей целью отколоть Западную Германию, говорят нам, где надо искать подлинных виновников раскола Германии.

Типичным для американских методов в германском вопросе в первые послевоенные годы является нарушение договоров при постоянном заверении в верности этим договорам. Так же как Гитлер, готовя очередную агрессию и осуществляя ее, никогда не уставал подчеркивать свое миролюбие, совершенно так же американские империалисты в 1945—1947 годах на словах клялись в своем стремлении к сотрудничеству великих держав, как то было записано в Потсдамских соглашениях, а на деле они попирали важнейшие статьи этих соглашений. А когда советская сторона выступала с неизбежным протестом против этих грубых нарушений международных соглашений, тогда истинные виновники стали рядиться в тогу невинных и «доказывать» неинформированной американской публике, что подобные протесты порождены злым умыслом против США и что Советский Союз делает сотрудничество все более затруднительным, даже просто невозможным.

Делберт Кларк, бывший главный корреспондент влиятельной газеты американской крупной буржуазии

---

[1] Lucius D. Clay, Entscheidung in Deutschland, Frankfurt am Main, 1950, S. 182.

«Нью-Йорк таймс», проведший в послевоенной Германии около двух лет, сам ярый враг Советского Союза, пишет собственно о двурушничестве и подлости политики, направленной на отход от Потсдамских соглашений, когда констатирует, что непосредственные «подчиненные Клея изыскивали пути лишить официальную политику эффективности. Одновременно они убедили его в необходимости одобрить административные изменения, которые были направлены на то, чтобы свести на нет официальную политику... Сторонники этого курса, идейным руководителем которого стал Уильям Дрейпер, на первых порах ясно отдавали себе отчет в том, что американская общественность сразу же после войны не потерпит столь крутого поворота. Вот и стало необходимым продвигаться медленно, по этапам и при помощи всяческих хитростей делать невозможным проведение согласованной политики, в то же время громко провозглашая, что никаких изменений в политике не произошло и не предполагается. Впоследствии, когда разногласия с Россией достигли уже угрожающей стадии и стало возможным изображать дело так, будто весь маневр является делом патриотическим и продиктован заботой о национальной обороне, когда уже всякий, придерживающийся иного мнения, вызывал подозрение... Клей позволил себе в марте 1948 года публично подчеркнуть, что в отношении декартелизации все, по сути, обстоит, как прежде. Потребовалось специальное расследование, чтобы доказать, что изменения в политике действительно произошли... Чем дальше, тем больше честных и способных сотрудников [американской военной администрации. — *А. Н.*] увольняли только потому, что они не были убеждены в том, что полный разрыв с Россией необходим и желателен» [1].

По высказываниям тех представителей США, которые тщетно противились возрождению германского империализма, и тех, кто цинично с самого начала трудился над срывом Потсдамских соглашений, можно проследить, как трагически подготавливал Вашингтон раскол Германии с помощью германской реакции. Дадим же слово еще двум авторитетным свидетелям!

---

[1] Delbert Clark, Again the goose step, p. 56.

Не кто иной, как министр иностранных дел Джон Фостер Даллес, публично признал, что уже через месяц после подписания Потсдамских соглашений, то есть в сентябре 1945 года, было положено начало американской «послевоенной политике «никакого умиротворения» [1].

Таким образом, уже тогда перешли от политики коалиции с Советским Союзом к «холодной войне» против него.

Один из руководящих деятелей при верховном комиссаре США в Германии Чарлз У. Тайер сообщает, делясь своим практическим опытом:

«Примерно в 1946 году руководящим деятелям Америки стало ясно, что в действительности врагом является не разбитая Германия, а победившая Россия, и они резко изменили свой курс. С тех пор немцев [читай: германских империалистов. — *А. Н.*] следовало рассматривать как потенциальных союзников» [2].

Тем самым для западных оккупационных держав на смену закрепленным в Потсдамском соглашении принципам согласованной оккупационной политики с Советским Союзом пришла новая ориентация:

вместо совместного обеспечения прочного мира в Европе четырьмя державами-победительницами — образование западными державами агрессивных блоков, направленных против Советского Союза, союзника и партнера по договорам;

вместо уничтожения германского милитаризма — его консервация и реставрация как будущей антикоммунистической ударной силы в Европе;

вместо всесторонней поддержки демократических сил немецкого народа и его демократического развития — единый фронт с реакцией;

вместо уничтожения экономических основ агрессивного германского империализма — их сохранение и расширение;

короче: срыв Потсдамских соглашений вместо осуществления их основных принципов.

---

[1] Заявление Д. Фостера Даллеса в журнале «Лайф» от 8 мая 1959 года.

[2] Charles W. Thayer, Die unruhigen Deutschen, Bern — Stuttgart — Wien, 1958, S. 118 ff.

Подобная политическая концепция трех западных держав совершенно неизбежно привела к расколу мира на две противостоящие друг другу группировки, на два военных блока. В содружестве с германскими империалистами и милитаристами Германия была расколота и Западная Германия превращена в базу агрессии против социалистического лагеря, в центр борьбы против мирного сосуществования, национальной независимости, демократии и социального прогресса, в оплот реакции, антикоммунизма и неоколониализма в Европе, в один из опаснейших очагов напряженности в самом сердце Европы.

После того как количество тайных актов саботажа перешло уже в новое качество — в открытые враждебные заявления, направленные против Советского Союза, и срыв сотрудничества с ним, генералы Клей и Робертсон созвали 7 января 1948 года во Франкфурте-на-Майне конференцию с представителями правительств германских земель английской и американской зоны, на которой генерал Клей, как явствует из протокола, заявил:

«Я желаю создания настоящего правительства, и немедленно».

Тем самым сепаратистская политика, нацеленная на раскол Германии и создание западногерманского правительства капиталистических концернов, перешла из стадии тайных махинаций в стадию открытых политических акций. До первого апреля, заявил Клей на пресс-конференции во Франкфурте-на-Майне 29 января 1948 года, должно быть образовано западногерманское правительство. Но так быстро дело не вышло! Однако 16 мая 1948 года Джон Бирд, редактор хорошо информированного лондонского журнала «Экономист», отражающего взгляды Сити, уже писал в «Вашингтон пост»:

«*Что бы там ни было, в трех западных зонах Германии будет образовано правительство.* Большинство административных функций, очевидно, будет передано представителям деловых кругов. Как британские, так и американские высшие чины признают, что картели будут восстановлены. *Христианско-социальный союз и Христианско-демократический союз образуют правительственный фасад, скрываясь за которым вершить*

судьбы Германии будут промышленники». [Курсив мой. — *А. Н.*]

Три недели спустя программа эта была реализована. 7 июня 1948 года Лондонская конференция министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и стран Бенилюкса закончилась принятием следующих решений: образовать западногерманское правительство; не заключать мирного договора с Германией, а ввести вместо него оккупационный статут; иностранные войска оставить в Германии на неопределенный срок; вместо принятого парламентом земли Северный Рейн — Вестфалия решения о национализации полезных ископаемых Рура передать всю Рурскую область под контроль специально для этого созданной иностранной экономической администрации.

В решении Правления Социалистической единой партии Германии от 30 июня 1948 года говорится по поводу этих лондонских рекомендаций: «Препятствуя заключению мирного договора с Германией и пытаясь вместо этого навязать Германии оккупационный статут, который продлит оккупацию Германии на неопределенный срок, они [западные державы. — *А. Н.*] препятствуют строительству мирной Германии. Сорвав в западных оккупационных зонах демилитаризацию и демократизацию, они помогли вернуться к власти тем силам монополистического капитала, для которых войны всегда были прибыльным делом. Противодействуя единству Германии и претворяя в жизнь свои раскольнические планы, они разрывают Германию и Европу на две части, препятствуя тем самым установлению столь горячо желаемого народами мира» [1].

Не прошло и 11 дней после принятия в Лондоне этих решений, как англичане и американцы вместе со своими французскими помощниками нанесли второй удар — ввели западную марку. Этот удар самым зловещим образом единым махом расколол экономику Германии и ее столицы и вызвал, особенно в Берлине, финансовый хаос. Это была авантюра, ударившая по жизненному уровню миллионов людей в Западной Германии, но это ни в коей мере не трогало американ-

---

[1] «Dokumente der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands», Bd. II, Dietz Verlag, Berlin, 1950, S. 74—75.

цев. Им важно было разорвать экономические связи между Востоком и Западом и создать между ними непроходимую пропасть, с тем чтобы легче было превратить Западную Германию в свою вотчину как в политическом и военном, так и в экономическом отношении, превратить ее в бастион, направленный против Востока. А вызванную расколом напряженность международного положения они намерены были использовать для того, чтобы обеспечить дополнительные прибыли американской военной промышленности.

После того как Западный Берлин в результате преступной денежной реформы был лишен нормального сообщения с Восточным Берлином и тогдашней Советской оккупационной зоной, американское правительство создало 26 июня 1948 года так называемый «воздушный мост». Легко доказать, что «мост» этот был создан вовсе не из гуманных соображений, как это утверждала американская печать и печать, послушная Америке. Комитет нейтральных стран предложил ведь тогда проект, в соответствии с которым Берлин должен был получить единую денежную систему, в этом случае «воздушный мост» потерял бы вообще всякий смысл. Более того, в августе 1948 года великие державы договорились в Москве о ликвидации берлинского конфликта. И все же он и впредь отравлял международную атмосферу. Почему же?

ВЕСНА 1948 ГОДА. НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Можно документально подтвердить, что весной 1948 года влиятельная группа американских промышленников, генералов и представителей правительства пыталась из-за берлинского вопроса развязать третью мировую войну.

Американский комитет исследования проблем национальной обороны, председателем которого состоял тогда бывший президент Герберт Гувер, опубликовал в декабре 1948 года поистине сенсационное сообщение, которое печать западной ориентации по вполне понятным причинам обошла молчанием. В этом сообщении, обнародованном 17 декабря 1948 года агентством Франс Пресс и на следующий день опубликованном в «Нейе

цюрхер цайтунг», говорилось, что секретная служба американских военно-воздушных сил в начале 1948 года передала правительству США весьма тревожную информацию. В соответствии с ней Советский Союз в состоянии подвергнуть Великобританию бомбардировке и одновременно продвинуть свои танки до французского побережья Атлантического океана. Сославшись на эту нелепую фальшивку, американское министерство авиации потребовало немедленной всеобщей мобилизации в Соединенных Штатах, то есть превентивной войны.

И если этот трюк, который мог быть задуман разве что в сумасшедшем доме, не удался, то потому, что другие группы американской крупной буржуазии испугались собственной прыти — подобный прыжок в неизвестность изобличил бы их перед всем миром. И все же на основании этой фальшивки Трумэн потребовал введения всеобщей воинской повинности и настоял на своем — таким образом, впервые в истории Америки воинская обязанность была введена в мирное время. С тех пор ее так и не отменили.

Одновременно с этими действиями министерства авиации генерал Клей в начале 1948 года послал из Берлина начальнику генерального штаба США Брэдли сенсационное сообщение, в котором говорилось «о близости каких-то действий советской стороны в Германии» и которое предупреждало правителей США, чтобы они «более не упускали из виду» возможность войны [1]. Не кто иной, как сам Клей, признается, что американские вооружения не в последнюю очередь в ответ на его ложь были форсированы: «в результате моего сообщения была усилена подготовка к обороне», — писал он [2]. Подобное параллельное выступление Клея и министерства авиации говорит о сыгранности американской партии войны по эту и по ту сторону Атлантики. В конце концов министр авиации Саймингтон и министр обороны Форрестол, а также Дрейпер и государственный секретарь генерал Маршалл договорились о том, чтобы заострить до предела берлинский конфликт и при помощи «воздушного моста» организо-

[1] Lucius D. Clay, Entscheidung in Deutschland, Frankfurt am Main, 1950, S. 393.

[2] Ibidem.

вать перманентные военные маневры, которые смогли бы вдохнуть новую жизнь в почти остановившуюся авиационную промышленность США.

Когда окончилась вторая мировая война, владельцы авиационной промышленности США думали, что переход на мирное производство возможен и рентабелен. И в самом деле, в конторах самолетостроительных заводов рассчитывали на крупный сбыт гражданских самолетов. В 1946 году было продано 35 тысяч самолетов, но затем начался резкий спад. Заказы авиатранспортных компаний на новые самолеты резко упали и занятость в самолетостроительной промышленности снизилась с 1 миллиона человек в 1946 году до 161 тысячи человек в марте 1948 года. В самом этом факте нет ничего удивительного, так как должны же были сказаться сокращение военных заказов и переход на мирную продукцию. Однако владельцы авиационных заводов и не думали спокойно наблюдать за подобным явлением — ведь оно лишало их легких и высоких прибылей от поставок вооружения.

Вот ради чего руководство американской авиапромышленности превратилось в гнездо фашистов, профашистов и высших офицеров, которые непрестанно вдалбливали и вдалбливают и поныне в мозги вашингтонских политиков, — а посредством печати и в головы миллионов и миллионов людей — мысль о необходимости войны против Советского Союза и о расколе Германии, с тем чтобы получать бóльшие военные заказы и выколачивать бóльшие прибыли.

И они не обманулись в своих расчетах. Под характерным заголовком «Военные заказы холодной войны помогают американской авиационной промышленности» влиятельная буржуазная газета, орган республиканской партии, вскрыла истинную подоплеку и «воздушного моста» и прочих американских провокаций.

«Холодная война стала благодатью для авиационной промышленности, ибо вооруженные силы являются ныне единственным крупным рынком сбыта самолетов. *После катастрофического 1947 года* большинство самолетостроительных заводов уже в 1948 году оказалось *обеспеченным достаточным количеством правительственных заказов* и производство их вновь стало вполне прибыльным.

Впервые после войны авиационная промышленность в миновавшем году достигла такого объема продукции, что стоимость ее составила примерно один миллиард долларов по сравнению с 48 миллионами в 1947 году... *Если бы не раздутые правительственные заказы, авиационная промышленность оказалась бы в трудном положении.* Новое расширение этой отрасли промышленности, начавшееся в прошлом году, продолжится и в 1949 году и в конце 1950 или начале 1951 года достигнет двух миллиардов долларов»[1]. [Курсив мой. — *А. Н.*]

Будет, пожалуй, полезно назвать и организаторов подобного сговора, который весной 1948 года так приблизил человечество к войне. Министром авиации был тогда (до мая 1950 года) Уильям Саймингтон[2] — зять поджигателя войны, известного своей архиреакционной внутренней политикой депутата от республиканской партии Уодсворта. Карьера Саймингтона началась, когда он стал директором крупного концерна по производству чугуна и стали, принадлежащего его кузену Чарлзу Пейзону. В тридцатых годах и в начале сороковых годов сей Пейзон вместе с посольством гитлеровской Германии в Вашингтоне финансировал издание откровенно фашистского журнала «Скрибнерс комментейтер».

---

[1] «Herald Tribune», 24 February 1949.

[2] Затем Трумэн назначил его руководителем Центрального управления по обеспечению и регулированию стратегического сырья и размещению заказов («Нейшнл секьюрити рисорсиз борд»). В начале сентября 1950 года Трумэн расширил полномочия Саймингтона, назначив его (согласно сообщению «Нью-Йорк таймс» от 7 сентября 1950 года) руководителем управления по экономической мобилизации. Уже в этом своем качестве Саймингтон раздал военных заказов на 16 миллиардов долларов. Эти заказы лежали в сейфах президентов оружейных концернов в ожидании начала войны, с тем чтобы затем сразу же быть запущенными в производство. Другие заказы, на 41 миллиард долларов, ведомство Саймингтона предусмотрело на первые шесть месяцев после начала войны. Эти цифры делают понятной алчность, с какой часть крупной буржуазии в Америке толкает страну к войне. После отставки с поста председателя Национального управления безопасности У Стюарт Саймингтон стал в 1952 году сенатором от штата Миссури. Он слыл политическим лидером «радикальных ястребов» в Вашингтоне, которые требуют, чтобы в войне в Южном Вьетнаме применили атомное оружие и она была бы распространена на весь Северный Вьетнам.

В этот журнал, восхвалявший Гитлера на все лады, Пейзон вложил не менее 100 тысяч долларов, а посол третьего рейха в Вашингтоне — 30 тысяч долларов. Саймингтон вполне одобрял фашистскую деятельность своего родственничка и компаньона.

Став министром авиации, он в качестве своего заместителя и первого помощника ввел в правительство некоего Артура С. Барроуза. Это уже был явный фашист, состоявший членом пресловутой организации «Америка прежде всего», которая пропагандировала захват Гитлером Европейского континета. Когда США вступили в войну, эта организация вынуждена была самораспуститься. Барроуз был не только членом ее, но и, как сообщила 12 марта 1941 года «Нью-Йорк таймс», тем, кто в основном финансировал эту фашистскую организацию.

Второй помощник министра авиации США Корнелиус Вандербилт-Уитни — также один из родственников Саймингтона и Пейзона и мультимиллионер, он получил по отцовской линии огромное наследство от вандербилтовской компании по строительству железных дорог, да и по материнской линии ему досталось целое состояние в нефтяной промышленности США. Как главный акционер крупной авиакомпании «Пан-Америкэн эйруэйс корпорейшн», он, разумеется, претендовал на важный пост в министерстве авиации — ведь в США магнаты частного капитала открыто распоряжаются в соответствующих ведомствах государственного аппарата.

Чтобы обеспечить своей авиационной промышленности максимальную занятость, Саймингтон, Барроуз, Вандербилт требовали создания в мирное время 70 воздушных эскадр, в то время как многие депутаты, которым приходилось считаться с настроениями своих и без того обремененных налогами избирателей, полагали более чем достаточным и 48. Целый поток фальшивок о наращивании мощи советских ВВС, многие годы лансируемых министерством авиации США в печати и по радио, явился обычным, хотя и не единственным средством добиться одобрения конгрессом планов тех, кто заинтересован в войне, а следовательно, и обеспечить им высокие прибыли.

Тройка Саймингтон—Барроуз—Вандербилт вовсе не представляет собой какое-то исключение, нет, это типичный для США пример переплетения интересов профашистов и государственных интересов, частного бизнеса и правительственных функций. Об этом же свидетельствуют и другие случаи, касающиеся частного сектора авиационной промышленности. Адмирал Э. Лэнд, во время войны начальник управления военных перевозок, стал президентом частной компании «Эйр транспорт ассосиэйшн». Адмирал Уильям Стендли, руководивший всеми операциями военно-морского флота США в годы войны, стал директором в «Пан-Америкэн эйруэйс корпорейшн», главным акционером которой являлся второй помощник министра авиации Вандербилт. «Трансконтинентал энд уэстерн эйруэйс корпорейшн», которая наряду с авиалиниями владеет также собственными самолетостроительными предприятиями, сделала адмирала Гаролда Боуэна и бывшего командующего американскими ВВС в Африке и на Среднем Востоке генерала Бенжамина Джайлса своими вице-президентами, а заместителя командующего всеми военно-воздушными силами США во второй мировой войне генерала Айра Икера — вице-президентом своей «Хьюгс тул корпорейшн».

Но этим список высших офицеров, которые перешли в частную самолетостроительную промышленность США, далеко еще не исчерпан. Назовем еще генерал-майора Оливера Эколса, ныне президента «Эйркрафт индастриз ассосиэйшн», адмирала Л. Б. Ричардсона, ныне вице-президента известной самолетостроительной фирмы «Кэртис энд Райт», генерал-майора И. Ф. Миллера, вице-президента компании «Бутс эйркрафт нат корпорейшн», генерал-майора Р. Райса, директора новой «Грейт норзерн эйр лайнз», бригадных генералов Уильямсона, М. В. Арнолда, У. Уэлча и Мэллоя из «Эйр транспорт корпорейшн», «Юнайтед эйркрафт» и известной самолетостроительной фирмы «Фэйрчайлд».

Таким образом, целый конгломерат генералов, адмиралов и профашистов-миллионеров завладел авиационной промышленностью, авиалиниями и министерством авиации США. Дабы поддерживать производство и прибыли на высоком уровне, они изо дня в день,

из года в год наводняют всю Америку, да и весь мир всевозможными выдуманными сообщениями и фальшивками об агрессивных намерениях Советского Союза. Однако то, что мы констатировали для авиационной промышленности, имеет место и в армии и на флоте, да и в государственном департаменте (вспомним хотя бы адвоката трестов Даллеса и Ачесона, которые из химического концерна «Дюпон» перебрались в министерство иностранных дел в качестве его шефов).

Жан-Жак Руссо говорит в четвертой главе своего «Общественного договора»: «Ничто не представляет большей опасности, нежели влияние частных интересов на общественные дела».

А ведь именно это и происходит в США, где вся политика, и особенно политика внешняя и военная, определяется не интересами мира и демократии, а стремлением к прибыли нескольких богатых бизнесменов и жаждой власти военной касты, которой победы во второй мировой войне вскружили голову, хотя эти победы поистине в весьма ограниченной мере можно приписать ей.

И напротив, Советский Союз проводит политику мира вовсе не потому, что русские от рождения якобы лучше, чем американцы, а потому, что в Советском Союзе построен социализм, который сделал широкие народные массы хозяевами государства и его экономики, те самые народные массы, которым в случае войны самим вместе со своими семьями приходится нести все ее тяготы. В Советском Союзе главный источник войн навсегда закрыт, ибо там ликвидирован капитализм, при котором война является прибыльным делом для чрезвычайно узкой общественной прослойки, при котором в экспансии и войне видят даже необходимый выход из экономического кризиса и спасение от него.

Наша оценка американской внешней политики как политики, враждебной миру, как политики войны вовсе не родилась «за железным занавесом»: весьма авторитетные представители консервативных сил в США выступают с теми же упреками по адресу официальной американской политики. Так, бывший помощник государственного секретаря Сэмнер Уэллес заявил:

«Когда д-р Эватт и мистер Трюгве Ли [генеральный секретарь ООН. — *А. Н.*] ясно и энергично выступили

в защиту мира, это, несомненно, никак не согласовывалось со стратегией американской дипломатии... Мне кажется вполне уместным задать вопрос: быть может, мы хотим, чтобы наше *правительство превратило Объединенные Нации в инструмент достижения наших особых целей?* Ведя переговоры о создании ограниченного только западными странами союза вне Объединенных Наций, *Соединенные Штаты ведут дело к расколу мира*, а это ведь может разрушить все здание Объединенных Наций.

События, происшедшие совсем недавно, наглядно показали, почему в нашей внешней политике мы отстраняем Объединенные Нации. Как раз тогда, когда наша делегация в Париже заявила, что она поддержит малые страны в их стремлении найти решение кризиса, возникшего между Западом и Востоком, берлинская военная администрация генерала Клея заявила представителям печати, что попытка Объединенных Наций потерпит крах. После того как западные державы официально согласились с предложенной малыми странами формулой и эта формула была одобрена и Советским Союзом, *американские военные власти в Берлине заявили, что подобное решение неприемлемо, и предъявили еще пять куда больших требований Москве, о которых прежде вообще не заходила речь.*

Нашему правительству следовало бы подумать над тем, служит ли интересам США та политика, которую в течение последних трех лет столь часто навязывают ему наши военные» [1]. [Курсив наш. — *А. Н.*]

Тщетно Сэмнер Уэллес призывал своих преемников в деле определения политики США к порядку. Тщетно разоблачал он разжигание войны трумэнами, форресталами, клеями и маршаллами. Слишком могучи были и есть бизнесмены и профессиональные военные, диктующие курс «холодной войны». В своем полугодовом отчете за 1948 год президент Трумэн уже заявил:

«Если международная напряженность уменьшится, то мы сразу же окажемся перед испытанием, смогут ли наши фабриканты и торговцы достаточно быстро приспособиться к ценам и издержкам производства так,

[1] «New York Herald Tribune», 14 December 1948.

чтобы занятость и объем производства не пережили серьезных потрясений» [1].

Проще говоря — хотите избежать кризиса, надо поддерживать международную напряженность. И когда выступили со своими предложениями нейтральные государства, когда генеральный секретарь ООН Трюгве Ли попытался посредничать и уже казалось, что Западный Берлин наконец-то перестанет быть очагом конфликтов, тогда-то в США заговорили весьма откровенно. Через три недели после того, как Сэмнер Уэллес выступил со своим обвинением, в первом январском номере журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» за 1949 год можно было прочесть:

«Если бы дело действительно дошло до настоящего мира, то все полетело бы кувырком. В настоящее время ассигнования на вооружение и на военную помощь другим странам поддерживают деловую активность».

А 2 января 1949 года «Нью-Йорк стар» писала:

«Бизнесмены боятся, что если дело действительно дойдет до подлинного мирного урегулирования с Советским Союзом и наш военный бюджет будет урезан, то это приведет к спаду деловой активности».

Примерно в то же самое время «Уолл-стрит мэгэзин» высказал следующие опасения:

«Стабилизация мира в ближайшем будущем маловероятна. Но если все же дойдет до этого и если она приведет к уменьшению ассигнований на вооружение, то в том, что касается предпринимательских прибылей, это может привести к худшим результатам, чем повышение налогов».

Что для народов благо, то для магнатов вооружения проклятие. То, о чем мечтают миллионеры США, чем они живут, что является основой их прибылей и богатства, — это катастрофа для всего мира: «война нервов», «холодная война», «горячая война». На основании признаний печати и самих политических деятелей США следует сделать заключение, что мир они рассматривают как величайшее зло, потому они и стремятся убить голубя мира, где и когда бы он ни появился.

---

[1] «Mittsommer-Wirtschaftsbericht des Präsidenten», Juli 1948, S. 45.

Американская пропаганда настойчиво пыталась сама и с помощью купленных ею немецких журналистов приукрасить политику войны, вооружений, раскола, проводимую в согласии и единстве с германским монополистическим капиталом, изобразить ее как некие меры защиты от «советской блокады Берлина», а западноберлинский рай для нескольких миллионеров представить как цитадель прогресса.

ПРИЧИНЫ И ЭТАПЫ БЕРЛИНСКОГО КОНФЛИКТА

Когда в мае 1945 года в результате победы Советской Армии в Берлине умолкли орудия, война в Европе закончилась там же, где она родилась. Еще во время военных действий, 28 апреля 1945 года, советский военный комендант города генерал-полковник Берзарин, в руках которого находилась административная и политическая власть во всем Берлине, в своем приказе №1 велел немедленно привести в действие все коммунальные предприятия и прочие жизненно важные объекты [1].

Мужчины и женщины из народа, и в первых рядах рабочие, члены коммунистической партии и социал-демократы, вместе с другими антифашистами начали восстанавливать экономику и городское управление на совершенно другой основе. Силы, готовые к новому строительству, объединились в Антифашистско-демократическом блоке партий, разрешенных приказом №2 главнокомандующего советскими Вооруженными Силами от 10 июня 1945 года. Главное направление их действий определяло воззвание КПГ от 11 июня 1945 года, в котором коммунисты призывали всех трудящихся, все демократические и прогрессивные силы народа на данном историческом повороте к великой борьбе за демократическое обновление Германии, за возрождение страны.

Антифашистско-демократическое самоуправление, фундаментом которого служил единый фронт КПГ и

---

[1] См. Приказ № 1 военного коменданта г. Берлина, 28 апреля 1945 года.

СДПГ, опиравшийся на широкий союз с противниками Гитлера среди буржуазии, начало свою работу, сознавая, что только единство антифашистов может обеспечить возрождение германского народа.

Новый демократический магистрат Берлина, образованный 17 мая 1945 года под председательством беспартийного обербургомистра д-ра Артура Вернера, уже на своем первом заседании, 20 мая, принял решение поставить во главе всех предприятий, директора которых были активными нацистами, временных уполномоченных антифашистов, удалить нацистские элементы из вновь создаваемого управления, из школ и прочих учреждений и создать антифашистскую полицию. Профсоюзы и производственные советы начали очищать предприятия, такие, как предприятия Тиссена и заводы «Даймлер-Бенц», от фашистских элементов. К концу мая были распущены 73 фашистские экономические организации, а 2 июля было издано распоряжение о конфискации собственности всех активных нацистов. Производство, налаженное собственными силами трудящихся, должно было впредь служить лишь мирным потребностям.

Таким образом, Берлин показал пример того, как благодаря антифашистско-демократическому единству действий может быть сохранено закрепленное в Потсдамских соглашениях экономическое единство Германии и обеспечено демократическое возрождение страны. Соглашение от 6 октября 1945 года легло в основу единства действий КПГ и СДПГ для «Большого Берлина». В нем обе партии призывались:

1. Вести систематическую борьбу против остатков нацистской идеологии; совместно контролировать городское управление и учреждения и очистить их от замаскировавшихся нацистов; на все посты назначить завоевавших доверие антифашистов.

2. Очистить все предприятия от активных нацистских и нечистоплотных элементов; обеспечить рабочим самое широкое участие в решении всех вопросов, касающихся заработной платы и условий труда, а также в руководстве производством; права́ производственных советов и профсоюзов должны быть обеспечены во что бы то ни стало.

3. Привлечь женщин и молодежь к строительству новой, демократической жизни.

4. Срочно разработать для района «Большого Берлина» программу подготовки к будущей зиме.

ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ РАСКАЛЫВАЮТ БЕРЛИН

Правовое положение западных держав в Берлине значительно отличалось от того, какое у них было в их зонах. В то время как в западных зонах они были носителями «верховной власти», в Берлине они ими не были, поскольку Берлин был и оставался составной частью Советской оккупационной зоны и, следовательно, подчинялся советской верховной власти.

В пункте 1 «Соглашения... о зонах оккупации Германии» от 6 июня 1945 года говорится по этому поводу следующее: «Германия... будет разделена для целей оккупации на четыре зоны...» [1]

Таким образом, Берлин не исключался из Советской оккупационной зоны, а являлся составной частью ее. Верховная власть оставалась как во всей Советской оккупационной зоне, так и во всем Берлине в руках Советского Союза. В соответствии с этим имперские железные дороги во всем Берлине и все водные пути сообщения находились под советским управлением. Западные державы имели право лишь на участие в оккупации Берлина и в совместном управлении Берлином в виде подчиненной Союзному контрольному совету Межсоюзнической комендатуры.

В пункте 2 «Соглашения... о зонах оккупации Германии» от 6 июня 1945 года говорится по этому поводу: «Район «Большого Берлина» занимается вооруженными силами каждой из четырех держав. Для совместного управления им создается Межсоюзническая комендатура в составе четырех комендантов, назначаемых их соответствующими главнокомандующими» [2].

Соглашение о совместном управлении Берлином — который по-прежнему находился под советской верховной властью — вытекало из того факта, что четыре великие державы под решающим влиянием Советского

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 284.

[2] Там же.

Союза приняли на себя обязательство сохранять единство Германии. Для этой цели они решили разместить высший контрольный орган — Контрольный совет — в столице Германии, с тем чтобы он именно отсюда мог обеспечивать «надлежащую согласованность действий главнокомандующих в их соответствующих зонах», а также достижение согласованных решений по главным вопросам, касающимся Германии в целом.

Право западных держав на участие в оккупации «Большого Берлина» и в его управлении было обусловлено сохранением верности антимилитаристским, антифашистским, демократическим целям Потсдамских соглашений.

В связи с признанием права немецкого народа на самоопределение действие соглашений было ограничено сроком, который был необходим для осуществления этих целей демократическими силами Берлина.

Совместная оккупация «Большого Берлина» и управление им зиждились на принципе сохранения Берлина как столицы Германии, отсюда и местоположение Контрольного совета, которому подчинялась Межсоюзническая комендатура в качестве его берлинского исполнительного органа.

Политический смысл временной совместной оккупации и совместного управления Берлином союзниками по антигитлеровской коалиции, взявшими на себя обязательство о единых совместных действиях, заключался в остальном в том же, что и смысл их пребывания во всей Германии: окончательное устранение сил войны в Германии, облегчение ее мирного демократического развития и ее объединения в рамках миролюбивого демократического государства.

Однако западные державы действовали в прямо противоположном духе. Сразу же после вступления в Берлин они начали готовить в «своих» секторах раскол города, с тем чтобы при помощи немецкой реакции всех оттенков превратить город в форпост новой войны против Советского Союза, а в связи с образованием лагеря социалистических государств — и против всего социалистического лагеря.

Вместо того чтобы содействовать скорейшему превращению Берлина в центр мира и демократии, западные державы с самого начала систематически пре-

вращали «свои» сектора в центр «холодной войны», в вотчину реакционных сил, стремившихся к восстановлению прежних порядков, отводя Западному Берлину роль возмутителя спокойствия, которому надлежало препятствовать мирному и демократическому развитию в Советской оккупационной зоне, а также в демократическом секторе Берлина, развитию, которого требовали Потсдамские соглашения.

Внешне они еще какое-то время носили личину. Так, например, Межсоюзническая комендатура, решения которой принимались только единогласно, на своем первом заседании 11 июля 1945 года приветствовала все принятые до этого меры советского коменданта[1]. И этого не следует забывать особенно потому, что правительства и историки западных держав уж очень хотят, чтобы об этом все забыли.

Когда избранный в октябре 1946 года городской парламент приступил в конце ноября 1946 года к исполнению своих обязанностей, обе рабочие партии имели в нем большинство в две трети голосов. Таким образом, налицо были все предпосылки для совместной работы в интересах прогресса. По инициативе СЕПГ 13 февраля и 27 марта 1947 года на общем собрании городского парламента голосами депутатов от СЕПГ и СДПГ были приняты такие значительные законы, как закон об экспроприации собственности концернов и закон о конфискации имущества военных преступников и активных нацистов. Проведение этих законов в жизнь и в Западном Берлине не позволило бы хозяевам концернов и активным нацистам продолжать их роковую деятельность и вести «холодную войну». Но это не было сделано. Ибо, вместо того чтобы использовать большинство в две трети голосов в городском собрании и вместе с СЕПГ сорвать планы реакции и не допустить раскола города, правое руководство СДПГ вступило в союз с реакционными силами ХДС и Либерально-демократической партии (ЛДП). Таким образом, концепция западных держав нашла у этих групп желаемую поддержку. Чтобы спасти свое положение в Западном Берлине, они за несколько недель произвели заранее

---

[1] См. Приказ № 1 Межсоюзнической военной комендатуры г. Берлина от 11 июля 1945 года.

подготовленный раскол, вплоть до самого последнего подотдела магистрата, и, воспользовавшись реакционным коалиционным большинством, перенесли заседания городского парламента в Западный Берлин.

За их спиной стояли западные оккупационные державы, защищавшие интересы германского монополистического капитала и открыто выступавшие за его спасение. Это стало особенно ясно, когда западные союзники отказались утвердить закон об экспроприации собственности концернов, препятствуя тем самым его вступлению в силу. Наложив вето в Межсоюзнической комендатуре на закон об экспроприации собственности концернов и тем самым поправ подписанные ими Потсдамские соглашения, представители западных держав одновременно разрешили в «своих» секторах объединение предпринимателей и передали им имущество распущенных фашистских экономических организаций и имперских учреждений. До конца 1947 года более 200 таких объединений получили лицензии.

В связи с последовательным осуществлением Потсдамских соглашений в Восточной Германии западным державам, так же как и силам германского монополистического капитала, пришлось вскоре понять, что их первоначальные планы — вновь установить во всей Германии власть империализма — обречены на провал. Поэтому они без околичностей стали подготавливать раскол Германии, чтобы хотя бы в районах своей оккупации реставрировать старые порядки.

Берлин играл в осуществлении этих планов решающую роль. Как в политическом, так и в экономическом отношении его намеревались присоединить к будущему западному государству; в качестве предмостного укрепления в самом сердце Советской оккупационной зоны он должен был препятствовать дальнейшему антифашистскому демократическому восстановлению страны. Действуя из этого «фронтового» города, они и намеревались в подходящий момент «смять» всю Восточную Германию.

Отсюда и усилия западных держав в Берлине воспрепятствовать достижению единства рабочего класса, и стремление обрести влияние на буржуазные партии и на СДПГ. Отсюда политика, направленная на защиту концернов, отсюда и постоянный саботаж город-

ской экономики и отказ от заключения торговых договоров с Восточной Германией.

Расколу Берлина и всей Германии прогрессивные силы противопоставили программу мира и восстановления на демократической основе. Вместе с массовыми организациями, такими, как Объединение свободных немецких профсоюзов (ОСНП), Союз свободной немецкой молодежи (СНМ), Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме (ОЛПН), Демократический блок призвал население Берлина, не щадя сил, решительно и уверенно трудиться во имя достижения этой цели. «Восстановление единства Берлина в делах управления, экономики и снабжения, — так сформулирована одна из главнейших задач этой программы, — является предпосылкой для восстановления в Берлине нормальных условий, а тем самым и совместных действий всех демократических сил в деле достижения единства Германии и установления справедливого мира... а эта цель стоит того, чтобы к ней стремились все, ибо все демократические силы Берлина несут большую ответственность за всю Германию».

Однако стоявшие за кулисами вдохновители раскола задумали распространить тайно подготавливаемую в Западной Германии сепаратную денежную реформу и на Берлин и таким образом включить весь Берлин в создаваемое боннское сепаратное государство. 23 июня 1948 года представители западных держав нарушили данное за пять дней до этого письменное обещание не вводить в Западном Берлине сепаратную денежную систему, действовавшую в Западной Германии.

Две различные денежные системы, отделение части города от его естественного экономического тыла должны были привести экономику Берлина на грань катастрофы.

Тысячи берлинцев, делегации предприятий собрались во время заседания городского парламента 23 июня 1948 года перед ратушей; 26 августа более 50 тысяч человек пришли сюда, чтобы предъявить свои требования и выразить свой протест.

После введения американцами, англичанами и французами раскольнической денежной системы в Западной Германии и в Западном Берлине пришлось ввести некоторые транспортные ограничения, чтобы Советская

оккупационная зона не оказалась наводненной старыми денежными знаками, обесцененными в Западной Германии. При этом меры, принятые советскими властями 19 июня, не касались товарных поездов. Западные же державы 24 июня перекрыли весь товарный поток, идущий с Запада на Восток. Так что, если уж говорить о блокаде Берлина, то ее установили западные державы и те же западные державы приказали объявить самоблокаду Западного Берлина, что доказывается следующими фактами.

1 июля 1948 года существовавшая тогда Немецкая экономическая комиссия предложила берлинскому магистрату снабжать весь Берлин из тогдашней Советской оккупационной зоны. Реакционное крыло магистрата сорвало соответствующие переговоры.

20 июля советские оккупационные власти заявили о своей готовности снабжать весь Берлин. И это предложение было отклонено.

22 июля правительство Советского Союза приняло решение немедленно же выделить 100 тысяч тонн пшеницы и соответствующее количество другого продовольствия для снабжения Берлина, включая его западные секторы. Коменданты западных секторов никак не реагировали на это.

23 июля Немецкая экономическая комиссия в целях ликвидации ограничений в снабжении Западного Берлина электроэнергией предложила снабжать током находящуюся в британском секторе турбину АЭГ. Но и это предложение коменданты западных секторов отклонили.

В июле советская комендатура вызвалась снабжать западноберлинских детей на прежних условиях свежим молоком. После двухнедельного молчания Клей и его коллеги отклонили и это предложение, а 5 августа открыли «обменные пункты», при помощи которых установили искусственный курс, намереваясь дискредитировать валюту тогдашней Советской оккупационной зоны и подорвать ее.

Таковы факты. Они свидетельствуют о том, что все разговоры о блокаде и намерении морить население Западного Берлина голодом являются сознательной клеветой, выдумкой и провокацией. Все те ограничения, которые обрушились тогда на жителей Западного Бер-

лина — отсутствие тока в 1948—1949 годах, временная массовая безработица, — все это следует отнести за счет Клея и Робертсона, американского и английского правительств и их западногерманских и западноберлинских политических подручных, которым не нужно было взаимопонимание, а нужны были конфликты, чтобы иметь таким образом предлог для гонки вооружений и враждебной политики по отношению к Советскому Союзу.

2 августа 1948 года в Москве начались переговоры по берлинскому вопросу. Они окончились 30 августа заключением соглашения между Советским Союзом, США, Великобританией и Францией, главные положения которого дословно гласили:

«а) ограничения связи, транспорта и торговли между Берлином и западными зонами, а также движения грузов в советскую зону Германии и обратно, введенные в последнее время, будут сняты;

б) немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единственной валюты для Берлина и западная марка «Б» будет изъята из обращения в Берлине» [1].

Именно в связи с последующей в нарушение правовых международных норм политикой западных держав интересно отметить два факта, вытекающие из договоренности от 30 августа 1948 года, которые Вашингтон и Лондон с тех пор стараются замалчивать.

Во-первых, было признано, что денежные знаки Советской оккупационной зоны являются единственным законным платежным средством для всего Берлина. Тем самым было подтверждено, что весь Берлин входит в Советскую оккупационную зону.

Во-вторых, одновременно с этим они признали, что, введя западную марку, сами стали зачинщиками так называемого берлинского кризиса и что ограничительные меры советских властей явились неизбежным ответом на их сепаратные действия, а западная марка, в нарушение всех прав введенная в Западном Берлине, должна быть изъята из обращения.

Четырех главнокомандующих в Берлине уполномочили до 7 сентября разработать мероприятия, связан-

[1] «Dokumente zur Deutschlandpolitik der Sowjetunion», Berlin, 1957, Bd. I, S. 118. См.: «Внешняя политика Советского Союза» (1948 год), часть II, 1951, стр. 30.)

ные с введением в Берлине немецкой марки Советской зоны. Однако генерал Клей 7 сентября сорвал переговоры главнокомандующих и вызвал к себе лидеров послушных Америке западноберлинских партий. Все эти рейтеры, нейманы и швеннике, прибыв спустя 48 часов в сопровождении американских офицеров к рейхстагу, дикими проклятиями по адресу Советского Союза довели до исступления собравшуюся там толпу, направив ее в восточную часть города; здесь уже из толпы стали стрелять, да и вообще позволяли себе безобразные выходки. Там, где Клей, там не может быть мира, там должна раздаваться стрельба.

Между 10 и 19 июля 1948 года, то есть между двумя вышеописанными предложениями Немецкой экономической комиссии и советских оккупационных властей, главнокомандующий США в Германии попытался ни более ни менее как развязать войну. Послушаем его самого:

«Тщательность, с которой русские избегают всего, что вызвало бы применение силы, убедила меня в том, что Советское правительство не желает войны... 10 июля я сообщил об этом нашему правительству и предложил поставить Советы в известность: в соответствии с нашим правом находиться в Берлине мы в один определенный день пошлем вооруженный конвой... Я заявил, что я вполне сознаю риск... Вооруженный конвой не мог бы пересечь границы [между американской и советской оккупационными зонами. — *А. Н.*], не вызвав угрозы серьезнейших последствий...

19 июля я повторил свое предложение каблограммой...» [1].

В этой каблограмме Клей дословно заявлял, что «только мы [США. — *А. Н.*] можем взять на себя руководство всем миром» [2].

Ссылаясь на миролюбие Советского Союза, Клей, таким образом, предлагал вооруженное вторжение в Советскую оккупационную зону. Он знал — и признает это сам, — что рисковал вызвать войну. Сему генералу, должно быть, не давали спокойно спать гитлеровские лавры. И подобно Гитлеру, стремившемуся к мировому господству, Клей рассматривает весь мир

[1] L. D. Clay, Entscheidung in Deutschland, S. 413.
[2] Ibidem.

как владения американского империализма, которому-де суждено «руководить всем миром».

Исходя из этой концепции, Клей предпринимал все, чтобы торпедировать любое соглашение. Когда вышеназванные московские четырехсторонние переговоры в августе 1948 года стали развиваться успешно, он приложил все усилия, чтобы сорвать их.

«В одной из радиотелеграмм я настаивал на прекращении московских переговоров... в своих каблограммах во время московских совещаний я указывал на то, что по Берлину соглашение невозможно...» [1]

Несмотря на целый поток его телеграмм, переговоры достигли своей цели. И тогда-то Клей сам предпринял шаги, чтобы достигнутые соглашения не были осуществлены на деле. И он добился своего. Наметившееся взаимопонимание было сорвано именно потому, что американские военные не желали его. Введение немецкой марки советской зоны во всем Берлине и устранение сепаратных денежных знаков успокоило бы миллионы жителей столицы, нормализовало бы экономическую жизнь города и в значительной мере уменьшило бы международную напряженность в одной из самых невралгических точек земного шара.

Но этого не случилось потому, что фабриканты смерти — владельцы самолетостроительных фирм требовали новых массовых заказов, и потому, что нефтяная промышленность на каждой тысяче полетов в Берлин и обратно получала великолепные доходы [2].

Вместо того чтобы снабжать Западный Берлин продуктами и т. п. из окружающих его восточногерманских областей — что было бы вполне нормально и так и было предложено — ему навязали самоблокаду и питание с воздуха, по так называемому «воздушному мосту», необычайно выгодному для миллионеров США.

«Настоящая цель так называемого «воздушного моста» заключается в одном — обеспечить самолетостроительным предприятиям и нефтяным обществам

---

[1] Ibid., S. 408—409.

[2] В соответствии с официальным американским сообщением того времени стоимость полета машины типа «скаймастер» составляла 315 долларов в час, а стоимость полета транспортной машины меньшего размера — «С-47» — составляла 100 долларов.

США большие доходы». Кто же это писал? Отнюдь не коммунистическая газета, а архиреакционная «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уолрд рипорт» в январе 1949 года!

Невозможно яснее вскрыть смысл и цель «воздушного моста» в частности и «холодной войны» в целом. Несомненным его успехом был, между прочим, и тот, что самолетостроительные предприятия США в первой четверти 1950 года получили прибылей на 98 процентов больше, чем в той же четверти предыдущего года. Промышленность, производящая средства потребления, приносила отнюдь не столь высокие прибыли.

И кто же за все это платил? У кого было столько денег? Разумеется, Западная Германия, население которой платило за «воздушный мост» 50 миллионов западных марок в месяц. Саймингтоны и рокфеллеры, посмеиваясь, набивали себе карманы. А маскировку они предоставили политикам крупной буржуазии Западного Берлина и Западной Германии, которые, стремясь удержать население в руках, превратили в своих излияниях прибыльный улов американских самолетостроительных и нефтяных компаний в «борьбу за свободу демократического Берлина».

Принося политические и экономические прибыли, «воздушный мост» служил и непосредственной подготовке к войне. «Мы приобрели и для военных и для гражданских целей неоценимый опыт по использованию воздушного транспорта», — заявил Клей, а «Таймс» писала в феврале 1949 года: «Воздушный мост оказался крупным стратегическим полигоном. Весь прежний опыт относительно возможности снабжения воздушным путем во время войны опрокинут берлинским опытом». И не в последнюю очередь вся затея с «воздушным мостом» послужила для США желанным предлогом для перебазирования новых военно-воздушных соединений в Европу и создания там новых баз.

Если просматривать печать тех дней, сразу же бросается в глаза подстрекательская роль западноберлинских газет. Официальный орган западноберлинской социал-демократии «Социал-демократ» раскрыл американские карты, выбросив 17 августа 1948 года, то есть в самый разгар приведших к соглашению четырехсторонних переговоров в Москве, лозунг: «Берлин

поистине стоит войны». Берлинский «Телеграф» (также орган социал-демократии) шел в первых рядах тех сил, которые пытались превратить берлинский кризис в прецедент для начала войны. Газета способствовала и приветствовала введение двойной валюты в Западном Берлине, считая, что «и при таких параллельных валютах вполне можно построить здоровую экономику» (передовая статья от 20 июня). 25 июня 1948 года газета опубликовала речь западноберлинского бургомистра Рейтера, произнесенную им за день до этого, в которой он утверждал, что «у людей на Западе... есть кругозор, они в состоянии контролировать свою экономику и знают также, что они могут демократическим путем принимать участие в формировании подобных вещей. Фабрики на Востоке работают не для немецкого народа...»

Как воспринимать эту ложь спустя двадцать лет? Со смехом или с возмущением? Это зависит от темперамента, но ясно одно — в западных странах властвует ничем не сдерживаемая диктатура монополистического капитала, целые промышленные отрасли Западной Германии перешли во владение североамериканцев и рабочие Западной Германии и Западного Берлина совершенно бесправны экономически и лишены всякого голоса на производстве. Напротив, в Германской Демократической Республике в полной мере господствует демократия как в экономике в целом, так и на заводах и фабриках.

Когда в Москве пришли к согласию, западноберлинская печать была ошеломлена. Не дай бог, напряженность и трения прекратятся и весь военный бизнес полетит кувырком! Нет, этого нельзя допустить. В Берлине не должна быть введена единая валюта, экономика не должна процветать, в Берлине не нужна полная занятость.

«Во всяком случае, как прежде, так и теперь существует опасение, и притом самое серьезное, что вслед за введением восточной валюты Берлин будет выдан тем политическим силам, которые стоят за этой валютой» [1].

За день до того, как Клей сорвал переговоры, на первой странице «Телеграф» в стиле Гитлера и Геббельса проклинали «Россию, которая вечно повсюду нарушает

---

[1] См. передовую статью в «Telegraf», 1. September 1948.

мир человечества... В Китае она способствовала гражданской войне [это еще почему? Неужели американское оружие для Чан Кай-ши и его говорящие по-английски инструкторы прибыли из Москвы? — *А. Н.*]. В Египте она незримо присутствует позади каждого из фронтов [как это возможно? — *А. Н.*]. В Малайе и Бирме она подстрекает народ против его правительства».

«Его правительство»! Следует заметить, что оно находилось тогда не в Малайе и не в Бирме, а в Лондоне. Где и когда бы народы ни выступали за национальное самоопределение, за свободу, за освобождение от господства иностранных эксплуататоров, западная печать всегда превращает вполне естественные и справедливые выступления угнетенных народов в преступления, инспирированные Москвой. Злодеяния империалистов, которые все еще считают, что большинство населения земного шара недостойно иметь собственное правительство, подобные кровавые злодеяния всячески приукрашиваются основной массой западной прессы, отвлекающей внимание своих читателей от действительных империалистов путем изобретения «советского империализма».

Но мы сами видели, что еще задолго до того, как Советский Союз возник, американский финансовый капитал пытался расширить свою сферу влияния во многих частях света путем войны и подавления других народов. Разве Советский Союз несет ответственность за политику колонизации в Центральной Америке? Разве Советский Союз завоевал Гавайи и Филиппины? Разве первая империалистическая война была развязана Советским Союзом, который ведь, как известно, появился на свет только 7 ноября 1917 года? И разве Потсдамские соглашения нарушил Советский Союз а не американцы, которые сами признают, что сделали это еще в 1945—1946 годах?

При этом сами американцы и их немецкая лейб-гвардия тогда и не смели утверждать, что Советский Союз был тому причиной.

На самом же деле рождение Советской власти стало и днем рождения свободы для всех наций, которые угнетались царизмом как в самой России, так и за ее пределами. Именно благодаря победе Советской власти и были ликвидированы причины угнетения других на-

родов, причины завоевательных войн: жажда прибылей, стремление к захвату иностранных источников сырья, рынков сбыта и приложения капиталов и, наконец, жажда власти, обуревавшая генералов класса капиталистов и помещиков. У пришедшего к власти в Советском Союзе рабочего класса всегда только одно желание — жить со всеми народами в мире.

Своим обращением «Всем, всем, всем!», призывавшим к окончанию первой мировой войны, Советская Россия с первого дня своего существования начала проводить политику мира; с тех пор она везде и всегда боролась против возникновения очагов войны, выдвигая соответствующие предложения.

Да и кто бы стал оспаривать, что советская политика санкций против кровавой авантюры Муссолини в Абиссинии в 1935 году служила делу мира и что саботаж этих мер западными державами способствовал этой войне вообще и победе итальянского фашизма в частности?

Кто станет оспаривать, что принятие предложений советских представителей в Лиге наций о создании системы коллективной безопасности, направленной против гитлеровской агрессии, — предложений, которые уже в 1934 году обрели конкретную форму, — послужило бы делу мира и что многолетний саботаж западными державами этих выдвигаемых вновь и вновь предложений в огромной мере усиливал гитлеровский фашизм и привел к оккупации Австрии и Чехословакии и к развязыванию второй мировой войны?!

Кто станет оспаривать, что твердая политика мира Советского Союза на Дальнем Востоке сдерживала милитаристско-фашистскую Японию в течение многих лет? В то время как еще до нападения Японии на Китай в 1937 году, да и долгие годы спустя североамериканские концерны снабжали агрессора всеми необходимыми полуфабрикатами и сырьем, да и вообще сделали возможным успех японской интервенции против Китая [1].

---

[1] Теперь уже скончавшийся американский генерал Е. Ф. Карлсон зимой 1939/40 года выступил перед владельцами крупнейших банков США «Нэшнл сити бэнк» (Морган) и «Чейз нэшнл бэнк» (Рокфеллер), а также «Стандард ойл» и других крупнейших компаний. И сделал он это потому, что знал: Япония получала более половины всех необходимых ей материа-

Вооружение и войны неотделимы от капитализма, как лава неотделима от вулкана. Разоружение и мир являются неотъемлемыми чертами социалистической политики, которую проводит Советский Союз.

Как мы видели выше, Клей саботировал проведение четырехстороннего соглашения о нормализации положения в Берлине. Тогда председатель Совета Безопасности ООН министр иностранных дел Аргентины Брамуглиа попытался вновь собрать великие державы за одним столом. 25 октября 1948 года он предложил следующий проект резолюции:

1. Снять все транспортные ограничения между Западной и Восточной Германией, а также между западными зонами и Берлином.

2. Ввести в Берлине единую валюту на базе немецкой марки Советской оккупационной зоны.

Советский министр иностранных дел принял предложение Брамуглиа, в то время как представители США, Великобритании и Франции сразу же отклонили его. Они отклонили его, хотя предложение Брамуглиа являлось не чем иным, как новым изданием четырехстороннего соглашения от 30 августа, соглашения, о котором теперь ни Вашингтон, ни Лондон, ни Париж ничего и знать не хотели.

После того как попытка посредничества Брамуглиа была сорвана из-за решимости западных держав не допустить взаимопонимания, председатель III сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций австралиец Эватт и генеральный секретарь Трюгве Ли предприняли новые шаги, пытаясь собрать великие державы за одним столом. И эти усилия были встречены Советским Союзом положительно. Но западные державы вновь их отвергли.

лов из США. «Господа, я предостерегаю вас, вы помогаете стране, которая однажды нападет на нас и нанесет нам тяжелый урон в живой силе и технике». Один из промышленников спросил: «Что ж, вы предсказываете японо-американскую войну?» — «Да, — ответил Карлсон, — в ближайшие десять лет».

В ответ на это его собеседник высказал мнение господ предпринимателей самого крупного капиталистического государства: «Дорогой Карлсон, война там или не война, мы заинтересованы только в дивидендах теперешних капиталовложений». Michael Blankfort, The Big Yankee, p. 320.

В этот момент даже такие люди, как Сэмнер Уэллес (см. уже цитировавшееся его выступление), высказали свое возмущение политикой саботажа, проводимой западными державами. Вынужденные все же считаться с мировым общественным мнением, министры иностранных дел США, Великобритании и Франции — Ачесон, Бевин и Шуман — согласились на созыв в начале мая 1949 года Совета министров иностранных дел четырех держав. После срыва его заседания Маршаллом в декабре 1947 года совет не созывался, теперь же 23 мая 1949 года он собрался вновь, на этот раз в Париже (это произошло после того, как все страны-участницы приняли решение о снятии взаимных транспортных ограничений на путях-коммуникациях с Берлином).

20 июня 1949 года Парижское совещание окончилось принятием целого ряда решений, в соответствии с которыми «в духе намерений министров иностранных дел» оккупационные власти в Берлине должны собираться на четырехсторонней основе, с тем чтобы «добиться восстановления политического и экономического единства Германии». Между прочим, эти совещания в Берлине должны были иметь своей целью «конкретные шаги по расширению торговли между западными зонами и восточной зоной», облегчению как перевозки людей, так и товаров и вообще нормализации положения в Берлине. Руководящим экономическим органам как востока, так и запада Германии поручалось содействовать «более тесным экономическим связям между зонами».

Это было немного, но это было все же кое-что, особенно если учесть, что государственному департаменту и его немецким ландскнехтам пера сам созыв совета был весьма неприятен. Правда, Запад перечеркнул все предложения относительно прочного политического урегулирования германского вопроса.

Советский Союз предложил, чтобы четыре державы в течение трех месяцев подготовили проект мирного договора с Германией и назначили кратчайший срок для вывода оккупационных войск — не более года после заключения мирного договора. Ачесон, Бевин и Шуман отклонили это предложение, причем Ачесон заявил, что «всякая дискуссия о мирном договоре —

пустая трата времени». Что же касается вывода оккупационных войск, то Бевин заявил: «Великобритания не может связывать себя какими-либо сроками», а Ачесон с грубой откровенностью добавил: «Может быть, через пятьдесят лет».

Советский Союз предложил образовать общегерманское правительство. «Нет!» — ответили западные державы.

Советский Союз, который этими предложениями преследовал дорогую для каждого немецкого патриота цель — создание неделимой мирной демократической Германии, предложил тогда образовать Общегерманский государственный совет на основе существовавших тогда двух высших германских экономических органов — франкфуртского Экономического совета и Немецкой экономической комиссии, однако три лжемудреца из Западной Европы отклонили это предложение. Советский Союз предложил тогда образовать хотя бы координирующий экономический орган из обеих экономических организаций. И это предложение было отклонено.

Советский Союз предложил воссоздать единую германскую столицу и образовать общеберлинский магистрат. «Нет», — ответили все трое, а Ачесон добавил: «Раздел Берлина необратим».

Откуда взялось такое упорство западных держав, об этом рассказал через двадцать лет, в середине июня 1968 года, в газете «Сент-Питерсберг таймс» американский генерал Хью Б. Хестер: «Берлин был разделен на основании тщательно разработанной программы, целью которой было вытеснить Советы из Германии. Мне это сообщил один из главных советников военного губернатора в Германии незадолго до моего отъезда. Я находился в Германии с сентября 1945 года по ноябрь 1947 года в качестве начальника снабжения и сельского хозяйства при главной квартире в Берлине».

Итак, берлинский кризис 1948—1949 годов не был случайным, а находился в тесной связи с планами трех западных держав и их антисоветскими целями в Европе. Советский Союз провоцировали, а «воздушный мост» и «блокада» должны были накалять атмосферу. Им нужен был очаг кризиса, чтобы сорвать какое бы то ни было решение, направленное на установление

демократии во всей Германии, чтобы завершить сколачивание блоков в Западной Европе.

Тот факт, что западным державам, несмотря на все их провокации, не удалось вовлечь Советский Союз в военный конфликт, является важнейшим результатом этих критических месяцев. Сорвалась и попытка задержать антифашистское демократическое развитие на востоке Германии, было сорвано и намерение включить Берлин в созданное ими западногерманское сепаратное государство.

После того как Западный Берлин был политически отделен, внеочередное Городское собрание заявило 30 ноября 1948 года в соответствии с требованием Демократического блока о снятии старого магистрата и приняло решение образовать новый, Демократический магистрат «Большого Берлина». Создание этого берлинского органа приветствовали на митинге более 500 тысяч берлинцев, а советский комендант 2 декабря 1948 года признал его единственным правомочным органом по управлению городом.

В Западном Берлине и в Федеративной республике хотели бы путем шумной пропаганды подменить правду о берлинском кризисе и его последствиях ложью. Посему следует отметить, что Советское правительство уже в своей ноте правительству США от 14 июля 1948 года подчеркивало, что «Берлин находится в центре Советской зоны и является частью этой зоны» [1].

В другой ноте, от 3 октября 1948 года, Советское правительство напоминало США о том, что они нарушили договор и, следовательно, должны нести ответственность за последствия: «Правительства трех держав продолжают заявлять о своих правах в отношении управления Берлином, основанных на известных соглашениях четырех держав о совместном управлении Германией и Берлином. Но право на управление Берлином четырьмя правительствами, расположенным в центре Советской зоны оккупации, имеет смысл лишь в том случае, если Германия признается единым государством, а Берлин — его столицей. Поскольку, однако, три правительства отделили Западную Герма-

[1] «Советский Союз и берлинский вопрос. Документы», М., 1948, стр. 46.

нию от Восточной Германии и создают там отдельное государство, право на управление Берлином со стороны этих правительств теряет смысл» [1].

Неоспоримо, что США, Великобритания и Франция своими сепаратными действиями как в западных зонах Германии, так и в трех секторах Берлина, расколовшими Германию и ее столицу, разрушили систему четырехстороннего управления Германией и Берлином, а тем самым подорвали и ту правовую основу, которая давала им право на участие в управлении Берлином.

Вместе с образованием Германской Демократической Республики Советский Союз передал ГДР свою верховную власть над всей территорией прежней Советской зоны оккупации. Тем самым в правовом отношении Берлин после образования ГДР является столицей и составной частью ГДР, а в связи с обретением полного суверенитета ГДР в 1954 году освобождена от каких бы то ни было оккупационно-правовых ограничений.

В Германии никогда не существовало пятой оккупационной зоны, не существовало ее и тогда, когда западные державы принимали участие в совместной оккупации Берлина. Целью этой совместной оккупации Берлина была демократизация и предотвращение реставрации сил германского империализма.

Никогда не существовало никакого договора или соглашения о том, что Западный Берлин принадлежит Федеративной Республике Германии. Этого не осмеливались утверждать даже западные державы.

14 мая 1949 года три коменданта западных секторов Берлина препроводили бургомистру Западного Берлина памятную записку, в которой значилось: «три военных губернатора переслали парламентскому совету в Бонне текст Оккупационного статута, предоставляющего Федеративной Республике Германии, которая вскоре будет основана, широкие законодательные, исполнительные и судебные полномочия». Этому хладнокровному признанию организованного раскола

---

[1] «Внешняя политика Советского Союза» (1948 год), ч. II, стр. 72—73, М., 1951.

Германии сопутствовало некоторое ограничение. Американцы, англичане и французы подчеркивали в своем заявлении, что они «не дают своего согласия на включение [Западного] Берлина в качестве земли в Федеративную республику». Союзническая комендатура оставляла за собой все права «которые были необходимы для обеспечения безопасности, порядка и финансовой и экономической стабильности города» [1].

29 августа 1950 года Союзная Верховная комиссия указала в своем письме по поводу западноберлинской конституции, что Западный Берлин не может быть объявлен 12-й землей Федеративной республики [2].

Даже Элеонора Л. Даллес, сестра бывшего государственного секретаря и начальника секретной службы США, руководившая многие годы германским отделом в государственном департаменте, вынуждена была подчеркнуть: «Решающим моментом является то, что город не только географически изолирован, так как расположен почти в 200 километрах от Федеративной республики, но как в правовом, так и в политическом отношении занимает особое положение... Четкое различие между Федеративной республикой и [Западным] Берлином, на котором настаивали западные державы, не разрешает городу вооружаться, производить оружие, а тем самым исключает его жителей из числа военнообязанных Федеративной республики. Кроме того, военнослужащие бундесвера не имеют права находиться в Берлине» [3].

На самом деле эти выдвинутые западными державами условия многократно нарушались на практике. Реваншистские круги ФРГ пытались включить Западный Берлин в состав Федеративной республики, так например в опубликованном 15 декабря 1967 года проекте программы действий ХДС значится:

«Западный Берлин является землей Федеративной Республики Германии. ХДС требует, чтобы... Западный Берлин был политически интегрирован с Федеративной республикой».

---

[1] Keesings Archiv der Gegenwart, Jg. 1948/49, Wien, S. 1939 D.
[2] Ibid., Jg. 1950, S. 2554 D.
[3] Eleanor L. Dulles, Berlin une die Amerikaner, Köln, 1967, S. 58—59.

КОМУ НУЖЕН ПЛАЦДАРМ ДЛЯ ВОЙНЫ, ТОТ И СОЗДАЕТ СЕПАРАТНОЕ ГОСУДАРСТВО

Спустя три месяца после берлинского конфликта стало ясно, почему три западные державы не согласились с конструктивными предложениями Советского Союза. Они нарушили свое обещание от 20 июня 1949 года — содействовать восстановлению единства Германии — и 20 сентября создали боннский раскольнический кабинет, пойдя тем самым еще дальше по пути раскола Германии. Они поставили у кормила власти такое правительство, состав которого являлся вызовом всем демократам и антифашистам в Германии и за границей. В него вошли:

президент Хейс, который в 1933 году лично передал Гитлеру в рейхстаге полномочия на создание его кровавой диктатуры, а с 1939 года прославлял агрессивную войну третьего рейха словом и пером;

федеральный канцлер Аденауэр, который в 1919 и 1923 годах из ненависти к социализму попытался оторвать Рейнскую область от Германии и которого впоследствии спас не кто иной, как Геринг, прекративший дело о взяточничестве, — Аденауэр получил от треста искусственного шелка акции на сумму почти миллион марок — кроме того, нацистское государство выплачивало ему пенсию в размере тысячи марок в год, к которой в 1938 году было добавлено в качестве единовременного «возмещения» 280 тысяч марок;

министр экономики, а впоследствии канцлер Эрхард, который во времена «тысячелетней империи» был доверенным советником нацистского гаулейтера Саарской области Бюркеля и который сразу же после 1945 года принялся вместе с пресловутым калийным миллионером Рехбергом плести антисоветские заговоры;

министр финансов Шеффер, который еще в 1922 году выступал в баварском парламенте в роли адвоката гитлеровской партии, защищал ее зверства, издевался над демократией и словом и пером ратовал за диктатуру.

Честных демократов в Бонне оттесняли, чтобы легче было подняться западногерманскому монополистическому капиталу. Представителей трудового народа, тре-

бовавших мира и взаимопонимания, преследовали, дабы они не были помехой включению Западной Германии в агрессивный военный блок. Западную Германию превратили в американскую военную базу, чтобы обеспечить решающие исходные позиции для наступления на социализм, то есть для войны против Советского Союза и ГДР. Именно потому, что вся американская политика была нацелена на подготовку войны против социалистических государств, именно потому господа в Вашингтоне и их европейские подпевалы изобрели берлинскую проблему, которая служила прикрытием для их политики раскола Германии.

Правящая клика США расколола Германию, чтобы не допустить развития немецкого народа по пути мира и демократизации и превратить Западную Германию в протекторат США, чья земля и людские ресурсы должны были быть принесены в жертву на алтарь войны против Востока. За каждую банку свиной тушенки — немецкий солдат! За каждый ящик кока-колы или виски — немецкий офицер! За каждый миллион долларов — немецкий город, который при помощи «чудо-оружия» может быть стерт с лица земли! Об этом совершенно открыто говорили политические деятели в американском парламенте и американские стратеги.

Вот почему в Западной Германии было создано государство, в котором по американскому примеру воцарилась неограниченная диктатура капитала, государство, парламент которого начал свою деятельность с призывов к аннексии Австрии и Судет и опустился до того, что изгнал из своих стен депутатов-антифашистов только за то, что эти мученики борьбы против Гитлера осмелились летом 1950 года выступить за мир с Польской Народной Республикой. Пожалуй, трудно более веско обвинить главных виновников всего этого, чем это сделано в книге Делберта Кларка, имевшего возможность в течение 20 месяцев в непосредственной близости от генерала Клея и его подручных изучать американскую оккупационную политику в Германии и занявшего вслед за тем один из руководящих постов в газете «Нью-Йорк таймс». Кларк критиковал правительство в Вашингтоне за то, что оно «проводит политику, рассчитанную на попрание всех принципов, во имя которых мы воевали... Инициаторы этой политики

выдвинули в 1946 году тезис о необходимости создания ультраконсервативного вала, защищаемого пангерманцами... Никакими речами нельзя скрыть и оправдать восстановление власти друзей Гитлера... Без колебаний и излишне не мешкая, правительства США и Великобритании передавали германскую экономику снова в руки тех, кто разрушил Веймарскую республику, и не проходило месяца, чтобы их не наделяли новыми полномочиями» [1]. Почему же это произошло? Вот что пишет об этом автор:

«В конце концов, среди сотрудников военной администрации [военной администрации США в Западной Германии — *А.Н.*] воцарилась чудовищная атмосфера. Люди, имеющие власть, руководствовались следующими соображениями: во-первых, они были твердо убеждены, что вся болтовня относительно реформ не что иное, как идеалистический вздор, и что германскую промышленность следует как можно более полно реконструировать по довоенному образцу. Другое соображение заключалось в том, что в связи с «неизбежностью» борьбы против России исключительно важно не держать ни одного инакомыслящего сотрудника на важных постах... отправляясь затем от убеждения, что разрыв неотвратим и чем скорее он произойдет, тем лучше, приходили к убеждению, что все враги России являются нашими друзьями... И подобное попрание здравого смысла привело весной 1949 года к тому, что во всей американской зоне нацисты, занимавшие некогда важные должности, вновь вернулись на эти посты, а многие ответственные сотрудники военной администрации, не видевшие в том необходимости и считавшие это нежелательным, были уволены. Американская и британская зоны Германии стали надежным убежищем для людей, достигших при Гитлере влияния и богатства, и даже для тех, кто непосредственно помог ему прийти к власти» [2].

Что еще можно добавить к этому обвинению англо-американских оккупационных властей, повинных в новом возвышении прогитлеровских банкиров, промышленников и политиков? Однако Кларк сообщил кое-что

---

[1] Delbert Clark, Again the goose step, p. VII, IX, 16.
[2] Ibid., p. 64.

и о тех деятелях, которые оказывают поддержку нацистским генералам. Кларк рассказывает, как весной 1947 года он разговаривал с одним полковником разведслужбы американской военной администрации, который следующими словами обрисовал всю премудрость американского империализма: «Разумеется, я знаю, что этих немцев никогда не перевоспитаешь. Однако в настоящий момент это не имеет значения. Сейчас нам надо торопиться, чтобы заполучить их на нашу сторону для борьбы против русских» [1].

«Год спустя еще один гораздо более авторитетный офицер разведслужбы сказал мне нечто весьма схожее», — продолжает Кларк и сообщает, что он обратил внимание этого американского генерала на целый ряд генералов гитлеровского вермахта и СС. Установлено ли за такими людьми, как полковник СС Скорцени, генерал-полковники Штудент, Линдеман, Гудериан, генерал Гальдер, если называть только некоторых, достаточно серьезное наблюдение? На что собеседник Кларка ответил, что эти гитлеровские военные руководители его вовсе не интересуют как возможные фюреры пробуждающегося к новой жизни нацизма. «Я интересуюсь только тем, что происходит вон там», — сказал он, указав на географической карте местоположение Советского Союза.

Еще до официального образования германского сепаратного государства «военные специалисты США разработали новую политическую линию, в основе которой лежала идея восстановления германских вооруженных сил против русских. По мнению этих военных, немцы с большей готовностью возьмут на себя военные обязательства, чем французы» [2].

Еще бы! Разве германские империалисты не доказали в 1918—1919 годы, из какого антисоветского материала они скроены? Разве с 1941 года в результате их хладнокровно рассчитанных массовых убийств не погибло 20 миллионов советских граждан? Разве, потерпев военное поражение, они не предлагают международной реакции вновь свои услуги в качестве ударной силы против Востока, против социализма?

---

[1] Ibid., p. 65.

[2] «United States News», цитируется по швейцарской газете «Die Tat», 19 August 1948.

Вот почему американские поджигатели войны связывают с ними такие большие надежды.

Вот почему генерал Клей так громко призывал к созданию германской пехоты [1].

Вот почему председатель военной подкомиссии сената США Томас выступил за создание «некоторого числа германских дивизий» [2].

Вот почему в атлантической ставке в Фонтенбло создание германской армии уже более не ставилось под вопрос, ведь «без германских дивизий на Западе количество войск недостаточно» [3].

В том же месяце, в котором выявились столь явные доказательства политики США по ремилитаризации Западной Германии, депутат от правящей Демократической партии в палате представителей в Вашингтоне Роберт Поудж предложил создать западногерманскую армию наемников в составе 25 дивизий, которой командовали бы американские офицеры и которая была бы вооружена американским оружием.

«Я вовсе не предлагаю призвать молодых американцев, с тем чтобы отправить их в Германию. Я вовсе не предлагаю посылать куда-то американских солдат, когда мы можем найти и других. К тому же немецким солдатам можно платить лишь небольшую часть того вознаграждения, какое обычно платится в американской армии» [4].

Какой великолепный бизнес! Одновременно экономится и собственная кровь и собственные деньги! А щедрость проявляется только в *одном* — в поставках бомб.

«Мы можем заверить наших союзников, что задачу по разрушению линии коммуникаций и производственных мощностей [в Западной Европе] мы в состоянии выполнить гораздо успешней, чем какая бы то ни было другая армия из проходивших за последнюю тысячу лет по этой территории. Мы не оставим в целости ни одного моста, затопим все угольные шахты, сровняем с землей фабрики и заводы. Мы разрушим все и вся» [5].

---

[1] См.: «United Press», 21 November 1949.
[2] «United Press», 23 November 1949.
[3] «New York Times», 16 November 1949.
[4] «Congressional Record» (Washington), 4 November 1949.
[5] Ibidem.

Таковы «успокоительные» перспективы, которые предлагают немцам, бельгийцам, французам и итальянцам. А ведь мистер Поудж лишь повторил здесь пожелание, которое высказал некогда сенатор Трумэн (впоследствии президент США). Когда 22 июня 1941 года он услыхал о нападении нацистов на Советский Союз, его мозг оказался в состоянии породить лишь одну мысль, и он открыто высказал надежду, что пусть, мол, немцы и русские как можно больше убивают друг друга, правда, он умолчал о том, что вот тогда-то американские стервятники и набросятся на ослабевшие от взаимного кровопускания государства и прикарманят добычу.

Лишь простаку может показаться случайным, что высказывания американских политических деятелей и генералов относительно использования Западной Германии и западных немцев так резко участились с подготовкой и созданием боннского режима. В Вашингтоне на создание сепаратного государства никогда иначе и не смотрели, как на этап на пути преобразования Западной Германии в бастион и базу военной агрессии долларового империализма.

Некто иной, как серое преосвященство американской внешней политики сороковых годов и многолетний политический советник американского военного губернатора в Германии Роберт Мерфи, засвидетельствовал, что по окончании Московской конференции министров иностранных дел в апреле 1947 года — мы повторяем: уже в апреле 1947 года! — три западные державы приняли решение о создании западногерманской Федеративной республики [1].

В полной тайне они в союзе с Аденауэром сколачивали один раскольнический заговор за другим, покуда не достигли своей цели, которую американский военный губернатор генерал Люшьес Д. Клей охарактеризовал следующим образом:

«Западногерманское государство стало реальностью; мы достигли важнейшей цели нашей политики... здание западногерманского государства было построено до того, как четыре министра иностранных дел 23 мая 1949 года встретились в Париже» [2].

---

[1] Europa-Archiv (Bonn), 14. Jg., 1959, S. D. 87.

[2] Lucius D. Clay, Entscheidung in Deutschland, Frankfurt am Main, S. 480.

Полностью сознавая, какое взрывчатое наследство он оставляет для разжигания новой войны в Европе, Люшьес Клей с циничной откровенностью заявил:

«В политическом плане длительный раздел Германии приведет к возрождению национализма» [1].

Вот и раскрылась непонятная для некоторых наивных людей тайна, почему американское правительство с самого начала столь открыто и в нарушение всех взятых на себя международных обязательств поддерживало и усиливало враждебную народу германскую реакцию. Для тех, кто, подобно правящим кругам США, разжигает ненависть к СССР, те немцы, которые однажды уже вели эту войну и одобряли ее, — самые подходящие союзники. Следует признать, что большая часть немецкого народа позволила вовлечь себя в войну против Советского Союза. Но подготавливали ее и вели с энтузиазмом только германские реакционеры. И именно на них-то и опирается американский империализм.

Зачем проводить денацификацию среди немцев? К чему все это демократическое перевоспитание! Оно ведь было бы просто вредно. А так как антибольшевизм и антисоветизм были основой гитлеровской политики и так как антибольшевизм и антисоветизм стали ныне основой всей американской политики и ее Атлантического пакта, то теперь американское правительство старается изо всех сил, чтобы немцы не забыли того, что им вдалбливал Гитлер. Оттого-то Бонн и стал похож на ведьмовский котел со своими нацистскими банкирами, нацистскими промышленниками, нацистскими генералами, нацистскими юристами и политиками, которые когда-то прокладывали дорогу к власти Гитлеру и проводили его политику и которым после 1945 года вашингтонские комиссары помогли вернуться к власти в Западной Германии.

Внутренняя реакция и внешняя агрессия неразделимо связаны друг с другом. Не всякая внутренняя реакция должна приводить к агрессии. Но не существует агрессии без внутренней реакции.

---

[1] Ibid., S. 483.

РЕВАНШИСТСКАЯ ПОЛИТИКА ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

До сих пор мы говорили о политике иностранных империалистов, и прежде всего империалистов США. Подобная политика могла стать эффективной лишь постольку, поскольку она опиралась на поддержку германских крупных капиталистов, которые думали только о возрождении германского империализма, стремились к нему и действовали в этом духе. Прежде всего им необходимо было сорвать все усилия передать в руки народа созданное руками народа. Ради этого-то и были перечеркнуты в Западной Германии все принятые после войны решения парламентов о национализации собственности военных преступников, банкиров и капиталистов. Очень скоро они покинули стены тюрем, если вообще подвергались судебным преследованиям, и вновь заняли позиции на экономических и политических бастионах власти. Заправилы крупных банков и крупной промышленности гитлеровской империи стали заправилами крупных банков и крупной промышленности Федеративной республики.

Восстановления власти тех слоев и тех семей, которые сделали возможным приход к власти Гитлера и его войну, нельзя было достигнуть иначе, как расколов Германию. При этом толстосумы и их политические подпевалы готовы были разыграть несколько вариантов. Одни выступали за разделение Германии на несколько отдельных государств, которые должны были бы «самостоятельно» опираться на западные капиталистические государства или даже присоединиться к ним. Другие намеревались немедленно создать капиталистическую единую Германию в рамках тогдашних четырех оккупационных зон. После того как оказался практически неосуществимым первый вариант, а второй в результате изменившегося соотношения сил — невозможным, крупная германская буржуазия, разгромленная в военном отношении, однако вовсе не уничтоженная, решительно присоединилась к агрессивной программе Вашингтона, предусматривавшей для Центральной Европы слияние трех западных оккупационных зон Германии в одно сепаратное государство. Это государственное образование должно было превра-

титься под американским верховным господством в выдвинутый вперед бастион мирового империализма против социалистического лагеря. Вернуть всю Германию империализму оказалось уже невозможным, так как на востоке ее был создан народный антиимпериалистический строй. Вот империалисты и совершили не задумываясь надрез, и Германия оказалась расколотой. Если уж нельзя было удержать в своих руках все, то решили превратить хотя бы часть Германии в заповедник монополистического капитала и плацдарм для будущей агрессии. Лучше хотя бы кусок Германии под диктатурой крупного капитала, чем вся Германия, но демократическая. Именно такие отвратительные, враждебные немецкому народу мысли и заставили империалистов США вкупе с западногерманским монополистическим капиталом расколоть Германию. Ибо Германия, верная принципам Потсдамских соглашений, была немыслима для этих кругов, чьим глашатаем выступал Аденауэр. Потому он и заявил:

«Единая Германия, нейтральная, стоящая на почве Потсдамских соглашений, была для нас невозможна» [1].

Когда Советское правительство в 1957 году в своей ноте предложило создать объединенную Германию как нейтральное государство, тогда — это засвидетельствовал один из тогдашних министров Аденауэра, — федеральный канцлер «немедленно отправился во Францию, чтобы предостеречь наших союзников, как он это делал неоднократно и до этого, против опасности создания вновь объединенной Германии» [2].

Два года спустя Аденауэр заклинал тогдашнего премьер-министра Франции Мендес-Франса:

«Вы ничего не потеряете, если пожертвуете единством Германии. Потеряю я. Однако мы готовы пожертвовать им, если получим возможность присоединиться к сильному западному лагерю» [3].

Действуя в сговоре с международным капиталом, он предал национальные интересы немецкого народа ради сохранения власти монополий, нацизма и милитаризма. Еще в 1951 году Аденауэр подписал договор о

---

[1] Konrad Adenauer, Erinnerungen 1945—1953, Stuttgart.

[2] Доктор Томас Делер во «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 9. Dezember 1963.

[3] «Newsweek» (New York), 30 August 1954, p. 16.

присоединении к Европейскому объединению угля и стали, благодаря которому западногерманский империализм смог восстановить свой военный потенциал, а на ГДР стал смотреть как на иностранную державу. Он отказался от единства ради сохранения классовой диктатуры старых властителей и губителей Германии. В период возвышения буржуазии она во многих странах, таких, как Англия, Франция, Италия, играла роль объединителя наций, выступала против феодальной раздробленности. Конечно, она использовала народные массы для достижения своих собственных, классовых целей; но эти цели временно совпадали с интересами всех, ибо необходимо было преодолеть раздробленность отечества.

Но вместе с выходом на историческую арену рабочего класса это положение изменяется. Теперь крупная буржуазия предает нацию, дабы сохранить свои классовые привилегии. Вчерашний враг за границами отечества становится сегодня ближайшим другом, даже братом по оружию, к груди которого припадают, когда собственный народ берет судьбы родины в свои руки. Для ничтожной кучки финансовых капиталистов отечество — это их банковский счет, содержимое их несгораемых шкафов!

Французская буржуазия в 1871 году обратилась за помощью к Бисмарку, который только что разгромил Францию и отнял у нее Эльзас-Лотарингию. И Бисмарк поддержал французскую буржуазию в борьбе против славной Коммуны парижского пролетариата.

Русская аристократия и крупная буржуазия вместе с германским, английским, французским, американским и японским империализмом опустошает в четырехлетней гражданской войне и интервенции 1917—1921 годов молодую Советскую республику потому, что не может примириться с потерей своей неограниченной власти над народом.

А в 1940 году французский финансовый капитал готов подчиниться нацистским захватчикам, лишь бы не допустить собственный рабочий класс к участию в правительстве. «Лучше Гитлер, чем Народный фронт», — таков его лозунг.

Только самым грубым образом поправ национальные интересы, германская крупная буржуазия после

1945 года смогла, опираясь на штыки оккупационных армий, жульническим образом вновь пробраться к власти.

Раз в Западной Германии у кормила власти вновь встали те же слои, что и при Гитлере, то и внутренний и внешнеполитический курс их неизбежно должен был быть тем же. Антисоветскую политику, политику разжигания войны, проводимую США, они восприняли как манну небесную. Всего через несколько лет после самоубийства Гитлера стало реальностью то, на что он в свои последние месяцы жизни так сильно рассчитывал: единый фронт англо-американских империалистов с их побежденными конкурентами, которые одновременно являлись их классовыми союзниками. Эту концепцию, с конца 1945 года все более находившую отражение в политической практике тех дней, разработал государственный секретарь США Даллес, как известно, в течение многих лет определявший международную послевоенную политику Америки:

«Вновь ожившая Германия может стать крупным козырем в руках Запада. Втягивая Восточную Германию в сферу власти Запада, она может завоевать сильно выдающуюся вперед стратегическую позицию в Центральной Европе, которая подрывала бы советские военные и политические позиции в Польше, ЧССР, Венгрии и других пограничных странах» [1].

Яснее не скажешь: пусть Западная Германия вновь встанет на ноги как империалистическая держава, с тем чтобы насильственно отторгнуть от социализма Восточную Германию, Польшу, Чехословакию, Венгрию и «другие страны».

Эта программа точно совпадала с позицией Аденауэра, который, будучи во времена Веймарской республики влиятельным политиком партии Центра, после второй мировой войны стал главой основанного тогда же Христианско-демократического союза и первым канцлером Федеративной республики. С Даллесом его связывала тесная дружба и общность взглядов, нашедшая свое выражение в следующем заявлении:

«Я представляю себе развитие следующим образом:

---

[1] J. F. Dulles, Krieg oder Frieden, Wien — Stuttgart, 1950, S. 163.

когда Запад станет сильнее, чем Советская Россия, тогда и наступит день для переговоров с Советской Россией... Тогда-то и придется разъяснить Советской России, что так дальше продолжаться не может, недопустимо, чтобы она пол-Европы держала в рабстве, и что... необходимо вновь пересмотреть условия, создавшиеся в Восточной Европе» [1].

Этот призыв к насилию вовсе нельзя было назвать фальшивой игрой. За несколько дней до этого Аденауэр провозгласил: «Мы не можем получить ни Берлина, ни германского Востока как только через Объединенную Европу» [2].

В завершение своих спекуляций он заявил о том, что лучший путь вернуть германский Восток — это добиться «нового вооружения Германии в рамках Европейской армии». Чтобы устранить и последние сомнения относительно его намерений, Аденауэр подчеркнул в «Рейнишер меркур»: «То, что расположено восточнее Эльбы и Верры, — это неосвобожденные провинции Германии. А посему и задача гласит — не воссоединение, а освобождение... Слову «воссоединение» давно пора исчезнуть. Слишком много оно натворило бед. Паролем будет «освобождение»!» [3]

Пожалуй никогда еще война не прокламировалась столь открыто как цель боннской политики, а включение Федеративной республики в Западный блок — в качестве средства достижения этого. Примерно в то же самое время статс-секретарь Аденауэра Хальштейн обрисовал важнейшие этапы этой программы:

«...включение Федеративной республики в Западный блок; ликвидация раскола Германии; слияние свободной Западной Европы с освобожденной от большевизма Восточной Европой вплоть до Урала» [4].

В нескольких фразах перед нами предстает здесь развернутая перспективная программа целого класса,

---

[1] Выступление Аденауэра на митинге ХДС в Гейдельберге 1 марта 1952 года. См.: «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung», 4. März 1952, № 26.

[2] «Die Neue Zeitung», 8. Februar 1952. Протокольная запись правительственного заявления Аденауэра перед началом обсуждения основных положений Европейского оборонительного сообщества в бундестаге (Бонн, 7 февраля 1952 года).

[3] «Rheinischer Merkur» (Köln), 20. Juni 1952.

[4] «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 14. März 1952.

который не извлек и не хочет извлечь из истории никакого урока. Казалось бы, что двух мировых войн, принесших Германии лишь стыд и позор, горе и потоки пролитой крови, а также территориальные потери, в которых она сама повинна, вполне достаточно и даже более чем достаточно. Для немецкого народа так оно и есть, но не для господствующего класса, которому подготовка и ведение мировых войн принесли чудовищные прибыли. Не успев после поражения 1945 года даже вновь сомкнуть свои ряды, он уже вновь вызывает весь мир «к барьеру». Ибо то, что провозгласил Аденауэр, стало законом для действий Федеративной республики. Ведь раскол Германии был задуман «не только» как средство сохранения капитализма в Западной Германии.

И если Аденауэр уже 5 октября 1945 года, когда не минуло еще и пяти месяцев после военного разгрома германского империализма, предложил немедленно же образовать из трех западных зон Федеративное государство [1], то еще спустя несколько месяцев он вместе со своей партией принял «резолюцию по проблеме беженцев», в которой дословно значится: «ХДС все вновь и вновь будет настойчиво выдвигать требование о возвращении Восточных провинций» [2].

Воскрешение к новой жизни потерпевшего поражение в мае 1945 года империалистического капитала и его господства в Германии могло быть осуществлено только путем раскола Германии и с самого начала рассматривалось как необходимая предпосылка для продолжения старой захватнической политики. Реакционный раскол Германии и захватническая политика вовсе не два чуждых друг другу понятия, они тесно связаны между собой. Здесь на общей антисоветской платформе объединились мечтающие о захвате всего мира североамериканские владельцы концернов, политики и генералы с германскими эксплуататорами с их вечным «Дранг нах Остен».

После того как продолжавшаяся более четырех с половиной лет раскольническая политика между-

[1] См. Биографию Аденауэра, написанную Паулем Ваймаром и получившую одобрение самого Аденауэра. Paul Weymar, Konrad Adenauer, München, 1955, S. 281.

[2] «Cölnische Rundschau», 6. August 1946.

народного капитала под руководством Вашингтона породила сепаратную Федеративную республику, в октябре 1949 года была образована Германская Демократическая Республика, которую следует рассматривать как магнит для всех тех демократически настроенных и миролюбивых немцев, которые не потерпят ни палачей собственной свободы во главе государства, ни необходимости вновь играть жалкую роль ландскнехтов международной реакции. Это республика труда, вставшая на путь социализма и продемонстрировавшая миру рождение нового германского государства, которому можно доверять, ибо облик его и его дела — это облик и дела освобожденного рабочего класса, крестьян, интеллигенции и других трудящихся слоев. Это первое в истории Германии свободное от эксплуататоров государство, а потому его внешняя политика продиктована верой в равноправие всех народов.

И если в Западной Германии вновь верховодит финансовый капитал и потому угроза миру, исходящая оттуда, усиливается, то в ГДР у кормила власти стоят прежде всего те силы, которые во время и между двумя мировыми войнами, принося бесчисленные жертвы, вели борьбу против империализма, а ныне воспитывают новые поколения в духе социализма и непримиримой вражды к аннексии в любом ее виде. И это государство не может не быть миролюбивым государством, ибо оно есть народное государство и прежде всего государство рабочего класса, который ни в одной стране мира не заинтересован в войне, а заинтересован только в мире, так как в отличие от финансового капитала только в условиях мира он может процветать.

Из Вашингтона и от западногерманского империализма веет тленом прошлого, там куется раскол Германии, там вынашивают не только «холодную», но и «горячую» войну. К свету, к будущему обращена социалистическая мирная политика. С первого дня своего существования ГДР, исполненная сознания ответственности перед народом и нацией, не допускает в пределах своих границ возникновения реваншистских идей, никаких стремлений к изменению границ в сердце Европы. И там, где всего несколько десятилетий назад высилась цитадель внутренней реакции и внешней агрес-

сии, направленная против немецкого и других народов, там теперь находится правительство, которое создано самим народом и которого не боится ни один другой народ. На прочной основе созидания нашей социалистической жизни и дружбы с Советским Союзом и другими социалистическими государствами мы строим новую, цветущую народную Германию, к которой придет и западногерманский рабочий класс.

Именно то, что войдет в историю германской внутренней и внешней политики как страницы ее славы, — именно это и делает ГДР предметом ненависти международной, и особенно западногерманской реакции. Неслыханная агрессивность Аденауэра и последовавших за ним правительств вызвана как их необузданной классовой ненавистью к добившемуся своего освобождения рабочему классу социалистического германского национального государства, так и их политикой аннексий, направленной на ревизию границ и поддержку неоколониалистских войн во всех частях мира. Это они состряпали фальшивку, переиначив старый пангерманский и гитлеровский «Дранг *нах* Остен» в «Угрозу с Востока».

Это Аденуэр, набравшись наглости, заявил 3 декабря 1952 года в бундестаге во время второго чтения законов о присоединении к Европейскому оборонительному сообществу:

«В настоящее время положение таково: кто отрицает Европейское оборонительное сообщество, тот отрицает и Европу. А тот, кто отрицает Европу, с головой выдает народы Западной Европы, и особенно наш немецкий народ, в рабство большевизму... Кто отрицает Европу, тот является могильщиком немецкого народа» [1].

Эта древняя идеологическая рухлядь была извлечена из гитлеровского сундука, дабы постскриптум оправдать вооружение ради «освобождения Восточной Европы». Сначала была указана цель захвата и созданы средства для ее достижения, а затем стали изображать, будто им угрожают.

Кричали об угрозе со стороны тех, ради истребления которых за десять лет до этого была начата одна из са-

[1] Konrad Adenauer, Erinnerungen 1953—1955, S. 178.

мых чудовищных войн в мировой истории и которых, видите ли, вновь собрались «освобождать». Как сами империалистические классовые силы, так и их язык остались прежними.

Начатая в 1950 году корейская война, которую, как это доказано, развязали Вашингтон и его южнокорейские подголоски, была использована вновь пробудившимся германским империализмом как повод для гонки вооружений.

Хотя федеральное правительство 24 ноября 1949 года в так называемом Петерсбергском соглашении торжественно провозгласило свою решимость «поддерживать демилитаризацию территории Федеративной республики и всеми средствами препятствовать восстановлению вооруженных сил», однако это было не что иное, как пыль, пущенная в глаза западногерманским гражданам. Ведь не успели просохнуть чернила на подписи канцлера, как тот же Аденауэр 17 мая 1950 года заявил: «Мы должны осознать необходимость создания мощных германских оборонительных сил». Чтобы сделать подобное заявление, опрокидывающее все заверения, сделанные до этого, Аденауэр не запросил ни бундестаг, ни даже собственное правительство, не запросил он согласия и для тайного меморандума, в котором 29 августа 1950 года предлагал западным державам создание западногерманской армии. И только из иностранных источников западногерманская общественность узнала об этой секретной памятной записке, весьма характерной для диктаторских абсолютистских методов правления в Бонне. Когда дело всплыло, бывший тогда министром внутренних дел от ХДС Хейнеман сложил с себя полномочия из протеста против самодержавной политики Аденауэра.

Так была заложена база для ремилитаризации Западной Германии! Именно так, за спиной народа, западногерманский империализм вступил на путь новых вооружений!

Так была рождена созданная гитлеровскими генералами, проникнутая гитлеровским духом армия боннского реваншизма. Дабы оправдать подобное роковое начинание, Аденауэр развернул безудержную травлю социалистических государств. Не проходило месяца, чтобы он не заявил, «что положение еще никогда не

было столь серьезным». Ничуть не скрывая своих воинственных намерений, он 5 марта 1952 года в своем выступлении по Северо-западному германскому радио раскрыл планы западногерманских империалистов и их иностранных закулисных хозяев: «Только когда Запад будет по-настоящему силен, появится исходная позиция... для освобождения не только советской зоны, но и всей порабощенной Европы к востоку от железного занавеса» [1]. Это уже откровенный язык войны.

СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ КОММУНИСТОВ И РАСКОЛОМ ГЕРМАНИИ

Без 1933 года не было бы и 1939 года. Без запрета Гитлером Коммунистической партии Германии и охоты на коммунистов, начавшейся с первого года его прихода к власти, не было бы и развязывания войны на седьмом году его пребывания у власти. Так как коммунисты были единственной партией, которая в парламентах и главным образом на предприятиях и на улице оружием критики и критикой оружия с начала 20-х годов бескомпромиссно и непреклонно боролась против фашизма, то Гитлер, придя к власти, должен был убрать коммунистов с дороги, с тем чтобы при помощи внутренней агрессии подготовить агрессию внешнюю.

Гитлер сгинул, однако его закулисные вдохновители и те, кто его финансировал и нагревал руки на фашистской военной диктатуре, остались. А потому они действовали и действуют по его рецептам.

То, что коммунисты вошли в послевоенные правительства западногерманских земель, было само собой разумеющимся делом. Никто в 1945 году не оспаривал, что коммунисты в пределах Германии вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы против гитлеровского фашизма и принесли наибольшие жертвы. В первые же часы после краха нацистского рейха они представляли собой движущую силу демократического развития. Одновременно они были и надежнейшей гарантией того, что старый гибельный курс никогда больше не повторится. Именно коммунисты были

---

[1] «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung» 6. März 1952.

призваны выполнить наказ немецкого народа, совпадавший с постулатами Потсдамских соглашений: национализировать собственность военных преступников и не допустить возрождения диктатуры концернов со всеми ее отвратительными политическими последствиями.

Рождение демократии или возрождение концернов — такова была после второй мировой войны в гораздо большей мере, чем после первой, проблема, от ответа на которую зависела судьба немцев. Потому-то коммунисты, как исполнители народной воли, как люди, видящие перспективу, как дальновидные политики, и вошли в западногерманские земельные правительства. Они хотели идти новыми путями. Но уже в самом начале против них выступил многоликий блок генералов западных оккупационных держав, западногерманских христианских лидеров и правых лидеров социал-демократии, уцелевших крупных предпринимателей, банкиров, нацистских бонз и генералов вермахта. Они-то знали, что, покамест коммунисты, как истинные хранители народных интересов, входят в состав правительств, невозможно оживить старый государственный аппарат, старые концерны и старые милитаристские порядки. Потому с 1947 по 1948 год министров-коммунистов систематически вытесняли из правительств земель и свободных городов.

Но этого мало. Когда началась агрессия США в Корее и капиталисты-бизнесмены только что созданной Федеративной республики стали извлекать из этого доходы, Федеративная республика в качестве подарка к первой годовщине создания раскольнического государства объявила Коммунистическую партию Германии вне закона и изгнала с государственной службы всех тех служащих, которые принадлежали к КПГ или входили в другие организации, такие, как Объединение лиц, преследовавшихся при фашизме, Общество германо-советской дружбы, Союз свободной немецкой молодежи и т. д.

И это произошло через день после того, как министры иностранных дел США, Великобритании и Франции приняли в Нью-Йорке решение создать западногерманские войска под видом «мобильных полицейских сил», включить Федеративную республику

в НАТО и предоставить ей право единоличного представительства всей Германии. Официальное устранение всех последовательных антифашистов и антимилитаристов из государственных учреждений и общинных управлений Федеративной Республики Германии как раз в это время приобретало, таким образом, особое значение: необходимо было парализовать всякое сопротивление ремилитаризации. А места изгнанных коммунистов заняли нацисты и милитаристы, которые с тех пор стали проникать в государственный аппарат во все более широких масштабах.

Невзирая на это, сопротивление новой гонке вооружений не было сломлено. В 1951 году вся Федеративная Республика Германии покрылась сетью комитетов по проведению плебисцита, целью которого было поднять население Федеративной республики на борьбу против нового милитаристского издания антикоммунистической политики. Тогда полиция арестовала 7331 члена комитетов по проведению плебисцита и тех, кто помогал им; таким образом, пытались путем открытого террора помешать народу дать антимилитаристский ответ на вопросы плебисцита. И все же более 9 миллионов западных немцев личной подписью скрепили свой протест против возрождения роковой политики.

Встревоженное столь мощным движением федеральное правительство 22 ноября 1951 года вошло в Конституционный суд с предложением запретить коммунистическую партию, участие которой в плебисците против новой гонки вооружений было охарактеризовано как «самый тяжелый удар, нанесенный самому существованию Федеративной республики».

Этот процесс начался в ноябре 1954 года и закончился в августе 1956 года. Высшая судебная инстанция Федеративной республики вынесла решение о запрете КПГ, а аденауэровское правительство поспешило провести его в жизнь. Спустя одиннадцать лет после краха кровавого гитлеровского режима, жертвой которого стали десятки тысяч коммунистов — сотни тысяч их были брошены в тюрьмы, — наследники Гитлера вновь загнали коммунистическую партию в подполье — таков был один из важнейших результатов реваншистско-милитаристской политики.

23 октября 1954 года Аденауэр и монополистиче-

ская иерархия совершили второе после образования западногерманского сепаратного государства национальное предательство, второе и третье: они подписали Парижские соглашения и включили Западную Германию в НАТО.

И цель их — восстановление германского милитаризма, вовлечение Федеративной республики в западный военный пакт, создание регулярной армии численностью 500 тысяч человек — была направлена против восстановления единства Германии, против безопасности и мира в Европе. Все это закрепляло раскол Германии, превращая Федеративную республику в европейский центр «холодной войны», и подготавливало новый военный взрыв.

Германские империалисты, считая период стабилизации своей власти как в экономическом, так и в политическом отношении завершенным, настаивали на агрессивном решении германского вопроса. Вооружившись вновь, создав сильную армию и опираясь на Североатлантический пакт, они решили, что могут изменить сложившееся в Германии в связи с образованием Германской Демократической Республики соотношение сил в свою пользу, с тем чтобы впоследствии ревизовать и другие результаты второй мировой войны в Восточной Европе.

Вступление Федеративной республики в агрессивный Североатлантический блок переполнило чашу преступлений и, как в этом признался в 1954 году председатель СДПГ Эрих Олленхауэр перед фракцией социал-демократической партии в бундестаге, окончательно закрыло пути к воссоединению Германии [1].

Германская Демократическая Республика давно уже предупреждала, что ратификация Парижских соглашений и вступление Западной Германии в НАТО исключают возможность воссоединения Германии, ставят под угрозу мир в Европе и создают новый опасный очаг напряженности. Предложенная правительством ГДР возможность мирного демократического воссоединения путем общегерманских выборов не была, таким

---

[1] См. интервью председателя фракции СДПГ Фрица Эрлера, опубликованное в западноберлинском журнале «Дер Монат» в мае 1967 года, № 224, стр. 33.

образом, использована. Надвигавшиеся военные тучи, обострение напряженности заставили социалистические государства принять обширные совместные меры. 14 мая 1955 года правительственные делегации социалистических стран подписали в Варшаве Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Сознавая свои международные обязательства, они приняли решение ради сохранения мира и безопасности социалистических государств создать Объединенное командование вооруженными силами стран — участниц договора. Заключив этот оборонительный союз, они взяли на себя обязательство приложить все силы к тому, чтобы обеспечить дальнейший прогресс социалистического общественного строя в ГДР и других государствах, а также блокировать тлеющие очаги пожара и погасить их.

Итак, повторим вкратце:

В 1945 году Аденауэр в союзе с западными империалистическими державами уже пропагандирует раскол Германии.

В 1946 году под восторженные крики крупной буржуазии Западной Германии были объединены американская и английская оккупационные зоны.

В 1947 году командующие оккупационными зонами вместе с германскими крупными капиталистами создали Экономический совет, который отделил экономически Западную Германию от остальной Германии.

В 1948 году Германия была разорвана сепаратной денежной реформой, новые денежные знаки были тайно отпечатаны в Вашингтоне и неожиданно пущены в оборот в Западной Германии. Тот факт, что это произошло в то время, когда шли четырехсторонние переговоры о введении новой *единой* валюты для *всей* Германии, лишь подчеркивает злобный характер раскольнических действий. Вопреки официальным обещаниям западных держав не вводить раскольнической валюты в западных секторах Берлина она все же была введена там 23 июня 1948 года. Тем самым западные державы в союзе и в согласии с западноберлинскими концернами и правыми лидерами социал-демократии разорвали столицу Германии на две части.

К преступному расколу Германии присовокупили преступный раскол ее столицы. Стоит только пред-

ставить себе, что Берлин остался бы единым в административном и экономическом отношении! А ведь это было бы совершенно естественным для такого крупного города, население которого за многие века срослось воедино, пользовалось *единым* языком, *единой* территорией и *единым* управлением! Для трехсполовиноймиллионного населения Берлина это было бы великим благом, способствовало бы нормализации положения и, главное, не позволило бы превратить Западный Берлин в очаг напряженности, чреватый военным взрывом.

За экономическим расколом последовал раскол политический. В сентябре 1949 года была образована Федеративная Республика Германии.

Империалистический сапог растоптал заключенные великими державами в августе 1945 года Потсдамские соглашения, предусматривавшие создание разоруженной, экономически единой Германии, очищенной от трестов и монополий, свободной от милитаризма и националистической отравы. Первые шаги навстречу гибели были сделаны.

Теперь же под опекой своих иностранных благожелателей, аденауэры совершили новый шаг. Вслед за созданием капиталистического раскольнического государства началась подготовка новой агрессии, гонка вооружения, формирование армии в гитлеровском духе и под командой гитлеровских офицеров, распространение реваншистских и захватнических идей среди всего населения как в школах, так и в казармах, в печати, по радио и телевидению. А венцом всего явилось вступление в 1955 году в НАТО, этот «Священный союз» XX столетия, цель которого — разгром социализма в Европе.

НАШ ДОМ НАМЕРЕВАЛИСЬ ПОДЖЕЧЬ ПЕРВЫМ

Неоднократно после 1945 года новоявленный германский империализм пытался насильственно изменить как положение, так и границы в Европе. Весной 1953 года реакционеры Западной Германии направили все свои усилия на непосредственную ликвидацию ГДР. По указанию Аденауэра 14 июня 1953 года в Западный Берлин прибыл статс-секретарь ведомства бундесканцлера Отто Ленц. Еще 29 января того же года в офи-

циальном бюллетене боннского правительства сей статс-секретарь хвастливо заявлял, что устранение правительства ГДР — «пустяк». Теперь он взялся за дело вместе с прибывшим спустя 48 часов в Западный Берлин начальником секретной службы США А. У. Даллесом и его сестрой Элеонорой Даллес, руководительницей германского отдела в американском министерстве иностранных дел. Международная реакция устроила свое рандеву в Западном Берлине.

Этому городу, расположенному в 160 километрах от Западной Германии, с самого начала была предназначена роль крепости и фронтового города в центре социалистического океана. В Западном Берлине разместилось более 80 секретных служб. Он получал ежегодно из Бонна и Вашингтона миллиарды марок. Он должен был стать соблазнительной сверкающей витриной, выдвинутым вперед плацдармом. Таково громко провозглашавшееся кредо западно-берлинских политиков! Один из лидеров социал-демократии и сенатор по вопросам экономики в Западном Берлине, сыгравший немалую роль в расколе Берлина, Густав Клингельхефер, с наглой откровенностью заявил в 1949 году, что задача «ближайших лет» не только «оборона [Западного] Берлина, но и превращение его в плацдарм для будущего наступления» [1].

Бургомистр Западного Берлина Рейтер (1948—1953 годы) назвал управляемую им территорию «дверной ручкой», при помощи которой «можно распахнуть двери на Восток» [2].

Незадолго до июньских событий 1953 года сей социал-демократ Рейтер выложил свои политические карты на стол:

«Мы кол в теле советской зоны, и мы заставим тамошнюю оккупационную власть отступить... [Западный] Берлин — самая дешевая атомная бомба» [3].

Совершенно очевидно, что без концентрации сил международной реакции и предоставления свободы рук ее ударным отрядам дело никогда бы не дошло до событий 17 июня 1953 года.

---

[1] «Telegraf» (Westberlin), 24. Oktober 1949.
[2] «Die Neue Zeitung», 17. Juli 1951.
[3] «Telegraf», 12. März 1953.

Во всех авантюрах, направленных против ГДР, ведущую роль играли скрывавшиеся за кулисами короли финансового капитала. Они возлагали свои надежды на быстрое развитие событий. Дирекции таких концернов, как электротехнические тресты АЭГ и «Сименс», приказали скупить на биржах Западной Германии по повышенным ценам акции предприятий ГДР, которые прежде, при фашистской диктатуре, являлись частью колоссальных владений этих трестов. И действительно, 13 июня 1953 года на западногерманских биржах значительно повысился спрос на так называемые «восточные» ценности, дело дошло даже до настоящего повышения. Наступили великие дни для всевозможных биржевых спекулянтов. Рубрика рыночной и биржевой информации дюссельдорфского «Индустри-курир» вышла с шапкой «Значительное повышение курса». «Наряду с понижением дисконта, — значилось в этой заметке, — новости о резком изменении политики по отношению к Восточной зоне послужили хорошим стимулом. Спрос на ценные бумаги фирм, располагавших собственностью в Восточной зоне, например «Сименс», АЭГ, «Бекула», «Дессауэр газ» и т. д., оживился, что и повлекло за собой повышение курса на три пункта» [1].

Два дня спустя та же газета писала: «На рынке акций интерес еще более сместился в пользу ценностей обществ, имевших прежде владения на Востоке. АЭГ выиграло полтора пункта, акции «Сименс» продавались на три пункта выше... что касается других, то акции Маннесмана поднялись на 3,5 пункта...» [2]

Газета «Хандельсблатт» сообщала: «Даже при осторожной оценке можно утверждать, что пробудились весьма широкие надежды, нашедшие выражение в повышении курса акций тех компаний, которые прежде имели вложения на Востоке» [3].

Миллионеры размечтались о денационализации народных предприятий, однако они не только мечтали, но и спекулировали.

16 и 17 июня многочисленные отряды провокаторов из Западного Берлина перешли открытую границу и

---

[1] «Industriekurier» (Düsseldorf), № 90, 13. Juni 1953.
[2] «Industriekurier», № 91, 15. Juni 1953.
[3] «Handelsblatt» (Düsseldorf), № 68, 15. Juni 1953.

вместе с диверсионными группами, руководимыми западногерманскими, и особенно западноберлинскими радиостанциями (прежде всего РИАС), начали действовать против ГДР. Одновременно американские танки, дислоцированные в Гессене и Баварии, были сосредоточены на государственной границе ГДР, а также в Западном Берлине. Однако контрреволюционный путч, фашистский характер которого был продемонстрирован убийствами классово сознательных социалистов, поджогами и ограблениями, быстро потерпел фиаско.

Благодаря подавлению его на стыке двух систем удалось предотвратить военную интервенцию и избежать опасности военного столкновения. Политика так называемого «отбрасывания», инспирированная Джоном Фостером Даллесом и активно поддержанная агрессивными силами германского империализма с помощью предмостного укрепления «Западный Берлин», потерпела поражение. Мирная держава — Германская Демократическая Республика — укрепила свой международный авторитет, доказав возможность предотвращения мирового пожара и продемонстрировав, как это можно сделать.

Исполненная сознания своей ответственности и полная решимости никогда более не допустить, чтобы с немецкой земли исходила угроза войны, ГДР и в последующие годы неутомимо искала новых путей разрядки напряженности и обращалась к правительствам всех европейских государств, в том числе и к правительству Федеративной Республики Германии, с предложениями по обеспечению европейской безопасности. Диапазон этих предложений простирался от соглашений об отказе от применения силы, о разоружении, об отказе от атомного вооружения и вплоть до призыва заключить пакт о ненападении между ГДР и ФРГ.

На все утвердительные «да» мирных сил следовали отказ и «нет» со стороны боннского правительства. Вместе со своими политическими и военными приспешниками оно развернуло против ГДР целую систему вредительских и подрывных действий, начиная от экономического бойкота, саботажа, шпионажа, организованной торговли людьми, дезорганизации денежного

обращения при помощи искусственно вздутого курса и вплоть до клеветы в международном масштабе и подготовки военной интервенции.

Было бы неправильно полагать, что вся эта система преступных действий осталась вовсе безрезультатной. На самом деле ГДР был нанесен ущерб, исчисляющийся в сотнях миллиардов марок. К этому следует прибавить огромный урон, который боннский кабинет нанес ГДР своей дискриминационной политикой в области торговли, дискриминации, которая привела осенью 1960 года даже к временному расторжению торговых соглашений с ГДР. Это сделало необходимыми быстрые и весьма значительные по своим последствиям изменения в ориентации, имевшие целью ликвидировать зависимость от Западной Германии, которая существовала еще в некоторых важных отраслях.

ПОЧЕМУ ДОЛЖНО БЫЛО НАСТУПИТЬ 13 АВГУСТА 1961 ГОДА?

В 1961 году в Бонне и Западном Берлине вновь пришли к выводу, что ситуация созрела и что можно перейти к решительным действиям. При этом «возможное восстание» на территории ГДР должно было сочетаться с «освободительной миссией» западногерманских милитаристов.

Сначала военный министр вещал о «часе спасения» [1], а затем в том же месяце съезд ХДС, дабы зловещий час этот поскорее пробил, призвал к «политике с позиции силы». Личный друг Штрауса и главный редактор «Мюнхнер меркур» Альфонс Дальма [2] писал 26 июня 1961 года в своей газете, что в ГДР необходимо довести дело до «взрыва». Для этого потребуется соответствующая политическая, психологическая, пропагандистская и не в последнюю очередь организационная и подрывная «подготовка со стороны Запада».

К этой подготовке относилась и деятельность некой организации под невинным названием «Исследователь-

---

[1] «Die Bundeswehr» (Fachorgan des Deutschen Bundeswehr — Verbandes e. V. Bonn), April 1961.

[2] В апреле 1967 года назначен главным редактором австрийского радиовещания.

ский совет» при так называемом министерстве по общегерманским вопросам, которая 6 июля 1961 года выступила перед общественностью с экономической программой, предусматривавшей после свержения рабоче-крестьянской власти в ГДР установление западногерманских капиталистических порядков, программой, которую боннское правительство восторженно приветствовало в своем официальном бюллетене.

Тем временем боннский военный министр Штраус отправился в США, где, выступая в Санта-Роса (Калифорния), провозгласил: «Вторая мировая война еще не окончена». Он требовал политических акций во имя осуществления права на самоопределение, этого синонима захватнических планов германского империализма, причем вовсе не ограничился при этом ГДР, а включил в круг лишенных права на самоопределение и требующих освобождения стран Польшу, Чехословакию, Венгрию, Болгарию и Румынию. Федеральное правительство сочло речь Штрауса столь значительной, что поместило ее на первых полосах своего официального правительственного бюллетеня [1]. Во время личных встреч с американским президентом Кеннеди и его советниками Штраус пытался уверить своих собеседников в том, что в ГДР предстоит «народное восстание» и что федеральное правительство располагает средствами само решить сей «внутригерманский конфликт». На состоявшейся затем пресс-конференции в Нью-Йорке Штраус подчеркнул, «что Запад должен быть готов к своего рода гражданской войне в Германии». Не желая признавать существование такого государства, как ГДР, и рассматривая ГДР как некий вакуум, боннские империалисты изображали в своей пропаганде запланированную военную агрессию как простую полицейскую операцию в осуществление боннского единоличного представительства всей Германии.

Точку над і поставил уже цитировавшийся Дальма, которому Штраус приказал в 1961 году в передовице августовского номера журнала бундесвера «Веркунде» призвать к «всеобщему народному восстанию» в ГДР и к «организованной подготовке» его Западом.

---

[1] «Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung» (Bonn), № 136, 26. Juli 1961, S. 1325.

На этапе до образования сепаратного государства американской чеканки, созданного при участии западногерманских капиталистов, командные кадры гитлеровского вермахта консервировались, их обогащали новыми американскими империалистическими идеями и реваншистской стратегией.

После образования сепаратного государства западногерманский империализм на оставшейся ему территории намеревался создать свои собственные вооруженные силы, а территорию эту превратить в плацдарм для новой агрессии.

Близкий друг Аденауэра Роберт Ингрим подчеркивал это в 1955 году: «Нормализация положения германского государства путем воссоздания военных институтов срочно необходима как с внутриполитической, так и с внешнеполитической точек зрения» [1]. При этом речь шла не только о замене внутри страны западных держав в осуществлении оккупационных функций, но в гораздо большей степени о тех выводах, которые они делали из существования ГДР и других социалистических государств. Рабочий класс, находящийся в Федеративной республике под гнетом и являющийся одновременно главным потенциальным врагом, в другой части Германии стал господствующим классом и, совершив успешную социально-политическую революцию, нанес западногерманскому империализму неизлечимую рану.

Вопрос об аннексии Германской Демократической Республики и территорий других социалистических государств приобрел — особенно в пропаганде западногерманского империализма, в обработке офицерского и рядового состава бундесвера — характер идеологической борьбы. Классовая борьба между крупной буржуазией и рабочим классом распространилась на «межгосударственные отношения», а в Германии — на отношения двух государств с различным общественным строем. Будущая армия должна была быть подготовлена, с одной стороны, к гражданской войне в Германии, а с другой стороны, к «освобождению восточноевропейских государств». Генерал в отставке Фёрч подчерки-

---

[1] Robert Ingrim, Bündnis oder Krieg, München, 1955, S. 128.

вал в 1953 году: «Мы движемся навстречу войне мировоззрений... солдат Запада, и особенно германский солдат, должен быть готов к тому, что он станет солдатом гражданской войны» [1].

Подписанием Парижских соглашений начался первый этап непосредственного формирования бундесвера. Его создавали как кадровую армию; был оформлен и генеральный штаб, обещавший не упускать таких возможностей, как 1953 год, которую тогда не сумели использовать. Планомерно происходило и проникновение в штабы НАТО. Штраус, который 18 октября 1956 года принял руководство военным министерством, мечтал сделать соответствующие военные выводы из событий 1956 года в Венгрии, в районе Суэцкого канала и в Польше. Он провозгласил: «Я знаю только Красный вариант... качество выше количества». Речь шла о том, чтобы как можно скорей подготовить дивизии ко дню «X» — Красный вариант. Хойзингер, как председатель руководящего военного совета, а с 1957 года генеральный инспектор бундесвера, распорядился: полная моторизация, создание большего количества танковых ударных сил, бо́льшая мобильность!

Второй этап строительства бундесвера — это ускоренное создание и усиление готовой к действию агрессивной армии, а также начало оснащения армии атомным оружием. Весьма показательно при этом приводимое обоснование: «Спутники над нашими головами настоятельно напоминают нам о том, что Советы обладают не только самой сильной в мире обычной армией, не только атомным и термоядерным оружием, но и снарядами, которыми они могут накрыть любую цель на земном шаре и которые в состоянии уничтожить любой город в мире» [2].

В марте 1958 года бундестаг проголосовал за оснащение бундесвера средствами доставки атомного оружия и за подготовку к атомной войне.

Вместе с назначением на важнейшие командные должности в НАТО западногерманских генералов усиливалось и их влияние на разработку стратегии НАТО.

---

[1] Hermann Foertsch, Der Soldat des Westens in der Sowjetideologie, «Wehrkunde» (München), 1953, Heft 5., S. 2.

[2] Erich Jaeger, Handbuch der NATO, Frankfurt am Main, 1957, Ergänzungslieferung 2/58, C 11, S. 151.

Документ МС 70, содержащий основные концепции атомного вооружения бундесвера, был принят 7 мая 1958 года 25-й сессией Совета НАТО, и бундесвер стал самой крупной атомной силой НАТО, получающей это вооружение на основе договора. В сенсационном военном меморандуме от сентября 1960 года боннские генералы потребовали применения наступательной стратегии плюс атомное вооружение и плюс чрезвычайные законы внутри страны.

К середине 1961 года боннский вермахт во главе с фашистскими генералами, генштабистами и офицерами (запланированный и сформированный как костяк будущей миллионной армии), солдаты которого были обучены, натасканы и вооружены, как готовая к действиям агрессивная армия с ограниченными задачами в ядерной войне, отравленная идеологически антикоммунизмом, шовинизмом и реваншизмом, стал самой сильной армией НАТО в Европе.

В 1961 году, как и всегда, натовское крыло евангелической церкви подливало масло в огонь. Заместитель председателя совета епископ Лилье предоставил весь авторитет церкви в распоряжение поджигателей войны. На вопрос, заданный диктором второй программы западногерманского телевидения 28 июля вечером, обладает ли христианин в ГДР «не только пассивным, но и активным правом на сопротивление», Лилье ответил:

«Я не хотел бы ставить под угрозу своих братьев по ту сторону, ответив просто «да». Но думать я это думаю».

Более открыто, пожалуй, трудно призывать к мятежу во имя капиталистического общества и с крестом на груди! Вот, значит, какие настроения царили в то лето среди представителей господствующих кругов в Федеративной республике.

И в этой обстановке, когда дело шло о войне или мире в Германии, высший народный орган ГДР принял 6 июля 1961 года Германский план мира. В нем содержалось далеко не первое предложение западногерманскому правительству. Это вообще характерно, а для будущих историков весьма показательно, что в пятидесятых и шестидесятых годах этого столетия всякая официальная инициатива, имевшая целью нормализа-

цию отношений между ГДР и ФРГ, исходила только от ГДР, в то время как в Бонне звучали только фанфары «холодной войны». Народная палата выдвинула предложение заключить соглашение доброй воли, по которому оба германских государства должны были отказаться от атомного вооружения, пропаганды войны и реваншизма и которое должно было обеспечить взаимное невмешательство и заключение пакта о ненападении между государствами Варшавского договора и государствами НАТО.

Однако в Бонне остались глухи к предложению Народной палаты ГДР об улучшении отношений на основе принципа мирного сосуществования. На него даже не сочли нужным ответить, разве что счесть ответом заявление федерального правления западногерманского ХДС через пять дней после этого шага Народной палаты. В этом заявлении было дословно сказано следующее: «Вновь объединившаяся Германия должна быть интегрирована Европейским сообществом», которое «со своей стороны нуждается в Североатлантическом сообществе». Таким образом «вся германская нация» должна была быть включена в сферу НАТО [1]!

Того же самого 6 июля 1961 года, когда Народная палата своим Германским планом мира вновь протянула руку, боннское правительство опубликовало свой «Серый план», в котором потребовало ликвидации народной собственности на фабрики и заводы и восстановления власти капитала в ГДР.

Боннское правительство считало, что необходимо игнорировать все предложения ГДР, ведь ее собирались поглотить, включив в Федеративную республику. Следовательно, переговоры на равных началах могли быть только помехой для запланированной аннексии — ведь

---

[1] Миссис Даллес, которую вполне можно охарактеризовать как интерпретатора политики двух ее братьев и сегодняшнего Вашингтона, в 1967 году следующим образом определила цели США: «Привести объединенную Германию в Западное сообщество» (Eleanor L. Dulles, Berlin und die Amerikaner, S. 11). Это вполне аутентичное изложение смысла официальной политики США и западногерманского империализма: ГДР и западная Польша должны быть поглощены и включены в сферу НАТО. Не удивительно, что сам Аденауэр написал похвальное предисловие к этой книге.

нападение на страну, с которой ведутся переговоры, позорит агрессора перед всем миром.

Один из лейб-журналистов Аденауэра, Роберт Ингрим, выболтал самые сокровенные мысли своего канцлера, написав, что «свободный мир должен уметь использовать все средства войны, войны нервов и горячей войны. А к этому относятся не только обычные вооруженные силы и обычные вооружения, но и подрывная деятельность, разжигание внутреннего сопротивления, работа в подполье, разложение строя, саботаж, нарушение нормальной работы транспорта и экономики, неподчинение, восстание» [1].

Итак, ГДР предлагала переговоры, а господствующие круги Федеративной Республики Германии отвечали: «Нет, мы хотим войны, а не переговоров».

И вновь Западный Берлин сыграл решающую роль при подготовке запланированного уничтожающего удара против ГДР. На его почве быстро вырастали ядовитые растения всяческих тайных служб западных держав, обосновался шпионский аппарат боннского ведомства информации и ведомства по охране конституции, восточные бюро всевозможных боннских партий, филиалы эмигрантских подонков из социалистических стран, руководимые уголовными преступниками и нацистскими мошенниками и финансировавшиеся Бонном, «Боевые группы против бесчеловечности», информационный центр Вест, Комитет по расследованиям свободных юристов... и как только весь этот сброд ни называл себя. Какие условия царили в Западном Берлине, о том писала одна из ведущих газет мировой буржуазии: «Никто всерьез и не пытается отрицать тот факт, что из Западного Берлина Запад ведет обширную и успешную антикоммунистическую пропагандистскую и шпионскую деятельность» [2].

Но этого мало. Словно магнит, Западный Берлин притягивал к себе всевозможных насекомых человеческого происхождения. Здесь они находили себе занятие и вознаграждение. Каждая подожженная рига в ГДР, любой вред, причиненный какому-нибудь предприятию, каждый акт саботажа на транспорте, каждый

---

[1] «Bonner Rundschau», 9. Juli 1961.
[2] «New York Times», 8 July 1959.

увод специалистов, рабочих высокой квалификации, инженеров, врачей, ученых — все это преследовало одну цель: внести полный беспорядок в ненавистную общественную жизнь социалистического востока Германии и вызвать экономический хаос. Ничто не осталось неиспользованным, и за все выдавались высокие вознаграждения.

Элеонора Даллес называет сумму 30 миллиардов марок — вот убыток, который понесла ГДР только из-за сманенных на запад техников и специалистов [1].

«Байер-верке», принадлежавшие концерну «ИГ Фарбениндустри», «Крупп», «Ханиель» и другие концерны сами скупали людей или же платили западноберлинским вербовщикам за каждую голову гражданина ГДР до 3000 марок. Они стремились создать атмосферу паники.

И чтобы усилить чувство неуверенности, они без колебаний пошли даже на общественно опасные финансовые спекуляции. Установление искусственного соотношения курса валют во вред ГДР позволяло гражданам капиталистических стран, и прежде всего самим немецким капиталистам, скупать по дешевке в ГДР через широко разветвленную сеть спекулянтов высококачественные товары, начиная от десятков тысяч тонн мяса и масла до кинокамер и оптических приборов, от пишущих машинок до весьма дорогих предметов искусства. Между Западным Берлином и ГДР ежедневно курсировало в среднем до миллиона человек, из которых значительная часть занималась этим грязным промыслом или позволяла себя использовать в этих целях и при этом подкупала граждан ГДР. Именно таким и многими тысячами других способов и проводился финансовый и политический подрыв социалистического германского государства. Короче, международная реакция закладывала все мины, только бы взорвать на воздух ГДР.

После всего этого вполне естествен вопрос: ну, а социал-демократия? Что сделала она перед лицом столь опасных махинаций? Совершенно ясно, что подобная политика не могла бы осуществляться, если бы ей

---

[1] Eleanor L. Dulles, Berlin und die Amerikaner, Köln, 1967, S. 143.

воспротивилась столь сильная партия, как социал-демократическая, к тому же она обладала в Западном Берлине большинством голосов избирателей и большинством в сенате. Мы не ставим перед собой задачи углубляться в чувства рядовых членов СДПГ — не они определяли ход событий. А определяли их, к сожалению, правые лидеры.

Еще в июне 1960 года они предали Германский план собственной партии, единогласно принятый 18 марта 1959 года Правлением СДПГ и социал-демократической фракцией бундестага. Он содержал несколько предложений по созданию зоны разрядки напряженности в Центральной Европе, включая ограничение вооружений и отвод войск НАТО, в качестве предпосылки для создания европейской системы безопасности, а также предлагал осуществление ряда мер в целях политического и экономического сближения обеих частей Германии вплоть до окончательного их воссоединения и в целях подготовки заключения мирного договора для всей Германии с государствами антигитлеровской коалиции. И если преамбула к Германскому плану еще исходила из того, что «многие годы федеральное правительство придерживается политики силы... которая все более затрудняет путь к воссоединению и ныне сделала его уже почти непроходимым» [1], то в своем выступлении 30 июня 1960 года в бундестаге представитель социал-демократической фракции уже открыто декларировал политику войны против ГДР, заявив, что Германский план его собственной партии принадлежит прошлому и что «Атлантический союз является предпосылкой воссоединения Германии». Другими словами, он открыто высказался в пользу НАТО и политики ХДС/ХСС, потребовав «единой внешней политики правительства и оппозиции» [2]. Ибо Германский план и предполагаемую агрессию против ГДР вряд ли можно было как-то совместить. И надо было предать первый, чтобы начать подготавливать вторую.

Весной 1961 года Вашингтон навестил западногерманский и западноберлинский газетный король Аксель

---

[1] «Deutschlandplan der SPD», Herausgeber: Vorstand der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, Bonn, April 1959, S. 13.

[2] «Das Parlament» (Bonn), 13. Juli 1960.

Шпрингер. Владелец газетного треста, колоссальные размеры которого обратно пропорциональны уровню его продукции, низкому и безнравственному, сей генералиссимус от безудержной пропагандистской войны потребовал, чтобы Кеннеди принял в феврале целый отряд гитлеровских журналистов и младофашистов. Президент США не принял их, и тогда Шпрингер приземлился в апартаментах американской секретной службы, где в беседе с одним из высших чиновников обрисовал обстановку и перспективы с, так сказать, шпрингеровской колокольни:

«В зоне вот-вот вспыхнет восстание... западные немцы и западные берлинцы не будут сидеть сложа руки. Запад Германии поспешит на помощь своим землякам» [1].

В таком духе сей газетный король натравливал население Западной Германии и Западного Берлина на ГДР. В узком кругу Шпрингер неоднократно говорил, что намерен завоевать для своей прессы «рынок Центральной Германии». Однако за его фантастическим враньем и фальшивками, питающими «холодную войну», скрывались и скрываются весьма низкие корыстные мотивы: надежды на сбыт миллионов экземпляров шпрингеровских газет в ГДР, когда самой ГДР, конечно, уже не будет. Благодаря прекрасным личным отношениям с Францем Йозефом Штраусом Шпрингер хорошо знал, что чудовищная концепция, выболтанная им в Вашингтоне, соответствует явным желаниям и тайным приготовлениям боннского правительства. Настал ведь как раз тот год, о котором Штраус в 1959 году пророчески вещал: «Через два года заиграют оркестры бундесвера».

И в самом деле, в начале 1961 года все чаще давали о себе знать признаки непосредственных военных приготовлений к агрессии.

В конце января 1961 года Штраус потребовал создания «Национального штаба руководства» со всеми военными, политическими и экономическими полномочиями, который должен был сосредоточить в своих руках все руководство подготовкой к нападению на ГДР. В первую неделю февраля уже репетировали за

[1] «Der Spiegel» (Hamburg), № 34, 15. August 1966.

несколько месяцев до этого провозглашенную наступательную стратегию: в непосредственной близости от государственных границ ГДР и ЧССР проводили обширные маневры НАТО «Зимний щит II» — разыгрывали неожиданное нападение на социалистическое германское государство и его непосредственного социалистического соседа.

В мае по настоянию правительства Аденауэра верховные командования вооруженных сил США, Великобритании и Франции разработали военный план, намечавший прорыв из Западной Германии в Западный Берлин [1].

На конференции 12 июня встретились Штраус, начальник бундесвера генерал Фёрч и верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО американский генерал Норстэд. Несколько дней спустя печать США подтвердила наличие разработанного военным министерством в Вашингтоне и НАТО плана, предусматривавшего насильственное вторжение в ГДР. А что содержал этот план, выдал хорошо осведомленный корреспондент нью-йоркского журнала «Ньюсуик» при Пентагоне Ллойд Норман:

«НАТО располагает 32 планами-вариантами для Берлина... Самые осторожные уже одобрены союзниками по НАТО и могут немедленно вступить в действие. Главнокомандующий Лорис Норстэд, например, может объявить тревогу и этим привести в состояние боевой готовности сухопутные и воздушные силы НАТО. Он может поднять в воздух 500 самолетов или же подвинуть войска ближе к пограничной линии. Он может привести в предпусковое состояние (15 минут до пуска) свои ракеты «Мэйк-Матадор», 60 своих ракет «Тор» в Англии и свои немногие ракеты «Юпитер» в Италии...

Но разработаны и более решительные планы: конвой грузовиков спровоцирует восточногерманских контролеров, отказавшись признать их авторитет. Если коммунисты не поддадутся, тогда соответствующий старший офицер либо вернется обратно, или же в соответствии с приказом попытается пробить себе путь силой. Если восточные немцы начнут стрелять, его войска откроют ответный огонь. Если восточные немцы

---

[1] «New York Herald Tribune», 29 May 1961.

введут в действие большее количество войск и ликвидируют конвой США, то тогда следующим шагом со стороны США будет ввод в действие более крупного конвоя с поддержкой танков...

Общественности США во весь голос заявляют, что НАТО намерено использовать ядерное оружие. Американские бомбардировщики могут сбросить небольшую атомную бомбу на скопление коммунистических танков, разумеется, если Советы расположат свои войска хорошо просматриваемыми группами, как полагает руководство ВВС. Это и явилось бы проверкой решимости Запада пойти до конца. Если русские не отступят после нашего ядерного удара и ответят на него ядерным оружием, тогда, вероятнее всего, начнется большая война...» [1]

С таким варварским легкомыслием играли тогда войной американские и западногерманские круги! Одновременно с разоблачением плана НАТО в «Ньюсуик» Штраус, выступая 18 июня в Кемптене перед офицерами и солдатами бундесвера и членами ХСС, потребовал ликвидации ГДР и социалистического общественного порядка в Восточной Европе. Десять дней спустя бывший гитлеровский генерал Хойзингер заверил, что семь западногерманских дивизий готовы немедленно выполнить любую миссию [2]. Через день бундестаг (в третьем чтении так называемого 131-го закона) принял решение о реабилитации резервных войск СС, а также войск СС и полков СС «Мертвая голова». На том же заседании парламента командование бундесвера получило право еще до объявления так называемого состояния обороны осуществлять реквизиции для снабжения армии и мобилизовывать вспомогательные службы для нужд армии.

3 июля генерал Кларк, командующий вооруженными силами США в Европе, публично призывал «подготовиться к крайнему случаю».

Вторую половину июля Штраус провел в США, где он не только сделал уже упоминавшиеся воинственные заявления, но и участвовал в совещаниях, главным образом в Пентагоне, в результате которых 1 августа 1961 года, в день его возвращения в Федеративную

---

[1] «Newsweek» (New York), 19 June 1961.

[2] «Neue Zürcher Zeitung», 30. Juni 1961.

республику, для всех соединений НАТО в Европе была объявлена боевая готовность, что, естественно, резко увеличило опасность войны. Дабы еще более накалить обстановку, авиация США немедленно же начала проводить крупные воздушнодесантные и воздушнотранспортные маневры в Западной Германии и в самих США. Одновременно с этим начиная с 8 августа состоялись крупные маневры западногерманского военно-морского флота с участием более ста кораблей, причем район маневров распространялся до балтийского побережья ГДР. Разыгрывалось блиц-нападение на северный фланг германского рабоче-крестьянского государства. Именно в эти же дни нацистский генерал и командующий сухопутными войсками НАТО в Центральной Европе Шпейдель предпринял инспекционную поездку вдоль границ ГДР, после которой 10 августа заявил, что НАТО в этом районе готово к действиям.

В этот напряженный период правительства стран Варшавского договора собрались в Москве, чтобы обсудить новые меры по мирному урегулированию положения в сердце Европы. В заявлении, опубликованном 13 августа, они обратились к Народной палате, к правительству и ко всем трудящимся ГДР с предложением установить на границе с Западным Берлином такой порядок, который бы надежно пресек подрывную деятельность в лагере социалистических стран и обеспечил бы вокруг всей территории Западного Берлина, включая его границы с демократическим Берлином, надежную охрану и действенный контроль.

Такова была обстановка летом 1961 года. С одной стороны, неослабевающие попытки ГДР установить мир вообще и мирные отношения с населением Федеративной Республики Германии в частности. С другой стороны, ожесточенная, грубая решимость западногерманской и западноберлинской реакции бросить меч на весы германской истории. Многочисленные провокационные речи и главным обазом действия вскоре довели конфликт до апогея. Угроза европейской и мировой войны нарастала.

И в эту минуту Германская Демократическая Республика нанесла удар. Утром 13 августа «холодные» и «горячие» вояки увидели у Бранденбургских ворот и вдоль всей государственной границы ГДР с Западным

Берлином двойной оборонительный вал, один из камня, сооруженный за одну ночь, и другой — живой, из бойцов боевых дружин с заводов и солдат-пограничников ГДР, вал, за которым стояли эшелонированная Национальная народная армия, советские войска и готовый к бою весь европейский социалистический лагерь. Здесь был продемонстрирован шедевр стратегического планирования и точности исполнения, по минутам и секундам рассчитанная грандиозная военная акция во имя мира, оказавшаяся совершенно неожиданной для противника и парализовавшая его.

Не было принесено в жертву ни одной человеческой жизни, не было пролито ни единой капли крови, никто не пострадал, кроме диверсантов и агентов, спекулянтов, валютчиков и торговцев людьми и прежде всего поджигателей войны, которые так надеялись начать с Запада марш через Бранденбургские ворота и перед носом которых теперь с грохотом захлопнулись двери.

Наконец-то в ГДР могли действовать законы социализма без помех извне и никто не мог присваивать себе то, что было создано народом ГДР. Начиная с этого дня в ГДР происходит постоянный экономический и политический подъем и непрерывно растет ее международный авторитет. Враг был остановлен, и возможности для его маневров значительно ограничены. Мир выиграл сражение, война потерпела поражение, и ставшее таким образом зримым новое соотношение сил в Европе привело в уныние западногерманских и западноберлинских империалистов. С этого 13 августа и следует датировать начало смертельного кризиса правительства Аденауэра, с этого же дня в широких кругах Западной Германии начали сознавать, что, продолжая прежнюю политику, Федеративная республика наносит себе тяжелый урон. Ибо в эпоху, когда большая часть Европы является социалистической и каждый второй европеец живет в социалистическом государстве, империалисты уже лишены возможности по своему желанию, как то было не раз в XX столетии, затевать войну.

Как делаются империалистические войны, мы знаем по своему большому и горькому опыту. А как предотвратить империалистическую войну, было продемонстрировано 13 августа 1961 года. И дата эта будет жить

в истории как пример того, что силы социализма, действуя единым фронтом, способны перечеркнуть и опрокинуть все расчеты жаждущих войны агрессоров.

КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЛАСТИ В РУКАХ ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПОРОЖДАЕТ ПЕРМАНЕНТНУЮ УГРОЗУ ВОЙНЫ

Если проповеди Аденауэра об «освобождении народов Восточной Европы» и его политика с позиции силы потерпели крах, а ее зачинщик в 1963 году даже споткнулся на этом, то последующие годы показали, что империалисты в результате своих неудач вовсе не стали пацифистами.

Наследник Аденауэра в кресле федерального канцлера Людвиг Эрхард заявил 10 ноября 1965 года от имени своего правительства: «Послевоенный период окончился!» И это прозвучало как целая программа, краткий смысл которой таков: новый *пред*военный период начался.

И в самом деле, еще в 1950 году крупный западногерманский капитал обладал лишь незначительным международным влиянием. Но это положение быстро изменилось. Не желаемое немецким народом и запрещенное Потсдамскими соглашениями держав антигитлеровской коалиции воскрешение концернов и монополий как экономических виновников войн германского империализма все же состоялось. Статистически доказано, что ничтожная горстка в 15 тысяч человек, составляющая лишь 0,2 процента населения Западной Германии, богаче, чем все 99,8 процента, вместе взятые.

По поручению западногерманского правительства директор боннского Института общественных и экономических наук профессор Вильгельм Крелле составил заключение, содержавшее весьма характерный для существующих в Федеративной республике условий вывод, а именно, что «седьмая часть всей частной собственности принадлежит одной тысячной части граждан Федеративной республики и 1,7 процента населения контролирует 70 процентов всех средств производства» [1].

---

[1] «Der Spiegel» (Hamburg), 1968, № 20, S. 34.

Кто стал бы перед лицом подобных фактов отрицать, что Федеративная Республика Германии является ярко выраженным классовым государством крупного капитала?! И при этом речь идет прежде всего о той общественной группе, чья вина в гитлеровских преступлениях доказана в судебном порядке. Типичный пример тому группа «ИГ Фарбениндустри», оборот которой в 1938 году достиг 1,65 миллиарда марок, а в 1967 году — 17 миллиардов марок, то есть увеличился в десять раз, и это несмотря на то, что большая часть бывших владений этого концерна находится в ГДР и стала теперь народной собственностью. В результате слияния группы «ИГ Фарбениндустри» (BASF) с концерном «Винтершалль — Зальцдетфурт» в начале 70-х годов в рамках «Общего рынка» образовался крупнейший химический концерн, годовой оборот которого вместе с предприятиями «Хёхст» и «Байер» составляет 22,9 миллиарда марок.

Концентрация капитала в руках мощнейших монополий продолжается невиданными доселе темпами. Это находит свое выражение как в ускоренном росте крупных монополий и банков, так и в новых формах слияния. В конце 1968 года на 304 крупных предприятия (0,42% от существующих в Западной Германии 71 842 фирм) приходилось 60% основного капитала. Эти 304 крупнейших фирмы в среднем в 330 раз больше, чем весь «остаток» (99,58%). В 70-е годы наряду со всяческими действиями, способствующими аккумуляции капитала частно-монополистических и государственных фирм, на первый план выдвигается монополистическая централизация в форме крупных слияний. Если в 1968 году таких слияний было 65, то в 1969 году число их достигло уже 168. А в 1970 году это число возросло до 305. Возникающие в результате подобных слияний группы монополий, или сверхконцерны, охватывают целые промышленные отрасли, включая партнеров по кооперации производства и поставщиков сырья, и занимают в рамках Европейского экономического сообщества господствующее положение благодаря тому, что они контролируют значительную долю рынков сбыта.

Это качественно новое развитие находит свое выражение в том, что сумма балансов всех принявших

участие в слиянии фирм подскочила с 1,2 миллиарда марок в 1968 году до 18,2 миллиарда марок в 1969 году, то есть в 15 раз.

Типичными для этого развития являются следующие крупные слияния: в области производства труб Тиссен (7,1 миллиарда марок годового оборота в 1968 году) слился с Манесманном (4,7 миллиарда марок годового оборота).

В сталелитейной промышленности произошло слияние капитала в целях дальнейшего общего слияния фирм «Хёш» (3,4 миллиарда марок годового оборота) и «Хоговенс» (1,2 миллиарда марок годового оборота).

Стимулирование концентрации и централизации министром экономики социал-демократом Шиллером, которого даже монополисты называют самым горячим поклонником концентрации из всех бывших до сих пор министров экономики, находит свое выражение и в законодательных акциях, направленных на облегчение подобного рода преобразований, а также в снижении налогов и снятии таковых при слиянии. Тем самым крупный капитал получает ту поддержку, которая ему необходима, во-первых, для удовлетворения потребностей, вызываемых научно-технической революцией, а, во-вторых, для того, чтобы завоевать еще большую власть в государстве и обществе, а также укрепить свои позиции для внешней экспансии.

В 1970 году акционерные общества выплатили своим акционерам за 1969 год рекордные дивиденды. Судя по годовым отчетам за 1969 год 2056 акционерных обществ, на которые приходится более 90% всего основного капитала, средние дивиденды составляли в 1969 году 16% по сравнению с 13,8% в 1968 году. Повышение дивидендов в 1969 году по сравнению с 1968 годом составило 25%. По подсчетам Объединения немецких профсоюзов повышение чистой прибыли на одного предпринимателя в 1968 и 1969 годах было в три раза больше, чем повышение средней реальной заработной платы.

Власть концернов определяется не только размером капитала, но и их работой в области научных исследований и разработок. Современные исследования стали столь дорогостоящими, что только самые крупные

фирмы способны мобилизовать необходимые для этого средства. А это обеспечивает им недостижимые для других преимущества и в самом производстве, так как результаты научных исследований и разработок все более становятся монопольным владением монополий.

Концерн «Байер» почти 60% своего оборота обеспечивает за счет товаров, которые впервые были изготовлены после 1948 года. Половина, примерно 10 тысяч, патентов этого концерна зарегистрирована после 1945 года. Только после 1953 года он израсходовал 1,7 миллиарда марок на исследования и разработки, при этом только в 1965 году — 215 миллионов марок. В 1970 году на долю трех преемников концерна «ИГ Фарбениндустри» приходилось более 50%, то есть более одного миллиарда в год, всех расходов западногерманской химической промышленности на исследовательские цели.

Вместе с концентрацией производства происходит и концентрация банковского дела, причем процесс слияния промышленного и банковского капитала продолжался в течение десятилетий и после второй мировой войны; этот процесс имеет решающее значение при господстве государственно-монополистического капитала. Так, например, в 1970 году произошло слияние баварских банков: «Байерише штатсбанк», «Байерише ферайнсбанк» и «Байерише Хипотекен унд Вексельбанк» слились в единый «Байерн-банк». Планируется также слияние этого единого баварского банка с «Коммерцбанк». Таким образом создается такой гигант, который по своей мощности может превзойти и «Дейче банк», и «Дрезденер банк».

Попробуем проследить пути развития трех крупнейших частных финансовых институтов: «Дейче банк», «Дрезденер банк» и «Коммерцбанк». В 1963 году представители этих трех крупнейших банков входили в 1347 наблюдательных советов важнейших промышленных и торговых фирм. Солидный западногерманский буржуазный публицист, исследуя господствующие круги Федеративной республики с социальной точки зрения, пришел к выводу, что только 50 человек занимают не менее тысячи постов в правлениях, наблюдательных советах и других руководящих орга-

нах[1]. Необходимо отметить, что речь идет о тех самых крупных банках, ликвидация которых после 1945 года была поставлена в порядок дня германским народом и державами-победительницами, ибо банки эти помогли Гитлеру прийти к власти и поддерживали его аннексии. Ныне же эти банки, как будто ничего не произошло, стали еще могущественней, чем прежде. В 1929 году у них был во всем тогдашнем германском государстве и за границей 651 филиал, а сегодня только в Западной Германии этих филиалов 1779! А владельцы этих банков мечтают о верховной власти над всей Европой, которая еще так недавно была у них в руках и которую вместе со своими коллегами, крупными промышленниками, они намерены захватить вновь.

Ради достижения этой цели западногерманский империализм расширяет экспорт товаров и капитала. С 1950 по 1960 год Федеративная Республика Германии увеличила свою долю в мировом капиталистическом экспорте с 3,6 до 10 процентов. Из-за ожесточенной конкурентной борьбы между капиталистическими странами в последующие семь лет, то есть с 1960 по 1967 год, ее доля возросла только до 11,4 процента. Быстрее развивался с конца пятидесятых годов экспорт

---

[1] Max Kruk, Die oberen 30 000, Wiesbaden 1967, S. 27. Пропаганда в Западной Германии изображает дело таким образом, будто ныне крупные капиталистические фирмы вовсе уже не капиталистические, так как некоторые из них являются собственностью тысяч акционеров. И действительно, акции некоторых предприятий весьма распылены. Но большая часть этих акций находится на хранении у трех крупнейших банков, которые ими распоряжаются и представляют их. В крупных фирмах мелкие акционеры не имеют решающего голоса, их представляет банкир, а тот руководствуется только собственными интересами. Обнаружив хотя бы одного банкира в наблюдательном совете промышенного предприятия, можно с уверенностью утверждать, что соответствующий банк владеет крупным пакетом акций этой фирмы, либо распоряжается крупной суммой вверенных ему акций, внесенных в его банк на хранение, либо же поддерживает тесные деловые связи с данной фирмой. О том же свидетельствует присутствие члена наблюдательного совета или члена правления крупного промышленного предприятия в наблюдательном совете какого-нибудь банка. Включая «маленького человека» путем продажи ему акций в капиталистическую систему, его в действительности превращают в жертву, так как периодические кризисы лишают его прибылей, которые ему всячески сулят, дабы удержать от вступления на путь революционной борьбы.

капитала, который с 1960 по 1967 год возрос с 12,7 миллиарда почти до 36 миллиардов, причем не следует забывать, что существует ведь и обширный импорт капитала, а это приводит к значительному переплетению капиталов.

Здесь дело не только в стремлении к богатству. Миллионные доходы фабриканта парфюмерии и семи- и десятизначные цифры доходов какого-нибудь международного короля мод, быть может, с социальной точки зрения не выдерживают критики, но миру они не угрожают. Однако вышеприведенные цифры означают нечто совсем иное, а именно верховную власть нескольких монополий над всей экономикой, и это тем опасней, что те же монополии (а никак не народ) являются носителями государственной власти, что в свою очередь приводит к дальнейшему усилению власти самих монополий, так как львиную долю всех государственных заказов на возросшие в колоссальной мере вооружения эти монополии сами себе и передают. И империалистам ФРГ прекрасно известно, что на производстве вооружений можно заработать куда больше, чем на производстве предметов потребления.

И вновь мы подошли к той тайне, которая окутывает возникновение войн в наше время. Это, во-первых, все более тесное слияние руководства монополистических фирм с реакционной государственной бюрократией и гитлеровскими лейтенантами, которые ныне, став генералами, командуют бундесвером. Во-вторых, это значительно возросший экономический потенциал, усиливающий у империалистов жажду прибылей, стремление к захвату зарубежных рынков сбыта и источников сырья, объектов приложения капитала, стремление к единоличному господству, а следовательно, и стремление к аннексиям и новому переделу территорий и всех богатств мира.

ЕВРОПА, КАКОЙ ЕЕ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ ШТРАУС, ГУТТЕНБЕРГ И БАРЦЕЛЬ

Итак, программа мести и передела границ Европы разработана. Ее составил человек, который в первой половине 40-х годов был гитлеровским офицером пропаганды, а во второй половине того же десятилетия,

уже как протеже американских оккупационных властей, олицетворял собой послевоенную политику западногерманской буржуазии.

В 1953 году он был атомным министром, в 1956 году стал военным министром и в качестве председателя Христианско-социального союза, этой братской партии ХДС, превратился в некоронованного короля Баварии, так как в этой самой большой земле Федеративной республики ХСС имеет абсолютное большинство в ландтаге.

Тот факт, что Штраус был замешан в скандалах финансового характера, а это даже в любом буржуазно-демократическом государстве сделало бы невозможным его дальнейшее участие в общественной жизни, в аморальной атмосфере Федеративной республики отнюдь не повредил ему.

Не кто иной, как Герман Абс, который, будучи главой «Дейче банк», самого крупного финансово-капиталистического института Германии, помог Гитлеру прийти к власти и как крупный акционер гитлеровского общества по ограблению Европы стоял в 1945 году одним из первых в списке военных преступников, а затем, несмотря на все это, вновь стал оказывать решающее влияние, действуя пока на заднем плане в качестве серого преосвященства западногерманской реакционной политики войны, — так вот, этот самый Абс публично хвастался тем, что заставил Аденауэра взять Штрауса в правительство [1].

В роли главного казначея штраусовской партии подвизается депутат бундестага от ХСС некий д-р Вольфганг Поле, главный импресарио концерна Фридриха Флика. Владелец его является самым богатым человеком Федеративной республики, королем ее экономики и, разумеется, тоже осужденным военным преступником; Флик распоряжается западногерманской металлургической и сталелитейной промышленностью, так же как и автомобилестроительной, к тому же он и в химической отрасли и в бумагоделательной промышленности владеет несметными богатствами. О концерне Флика говорят, что он сверх того сделал значительные капиталовложения в так называемые «перспективные»

[1] «Welt am Sonntag» (Hamburg), 16. Oktober 1966.

отрасли, например электронную промышленность. Ежегодный оборот его концерна составляет «более 6 миллиардов марок» [1].

Все эти абсы, флики и иже с ними из двухсот семейств супермиллионеров помогли Штраусу обрести политический вес. Порой Штрауса называют «сильным человеком» Федеративной республики. Однако подобное впечатление он производит только потому, что за ним стоят мощные финансово-капиталистические круги.

Само собой разумеется, с точки зрения истории Штраус, как практик и идеолог германского империализма, политический слепец. Однако, несмотря на свою классовую ограниченность, он обладает изрядной долей энергии, беззастенчивостью и хитростью.

В своей книге «Проект для Европы» Штраус, говоря о задачах так называемой политики Бонна, требует

«для Федерального правительства права единолично представлять всю Германию;

сохранения прочных связей между [Западным] Берлином и Федеративной республикой;

сохранения права Германии на ее области по ту сторону Одера и Нейссе» [2].

Это означает: следует захватить ГДР и Западную Польшу в придачу, а Западный Берлин должен быть привязан к Федеративной республике.

Но каким же образом этот и еще более далеко идущие планы захватнической политики должны быть осуществлены? Штраус при этом исходит из необходимости решения тех проблем, которые в период перехода от первой ко второй фазе германской послевоенной политики превратились в неотложные [3].

Первая фаза заключалась в восстановлении сил германского империализма. Согласно Штраусу, он стал «экономическим гигантом, оставаясь политическим карликом» [4].

---

[1] «Industriekurier», 9. Juli 1968. Кстати, сей спекулянт не брезгует никакими источниками доходов: например, Флику принадлежит в контролируемом им акционерном обществе «Фельдмюле» самая мощная машина по производству туалетной бумаги.

[2] Franz Josef Strauß, Entwurf für Europa, S. 81—82.

[3] Ibid., S. 8.

[4] Ibid., S. 150.

Вторая фаза, согласно Штраусу, должна состоять в разобщении европейских социалистических государств, с тем чтобы «ялтинская демаркационная линия была устранена» [1].

Как известно, Ялтинская конференция, состоявшаяся в начале 1945 года, определила границы в Европе, которые в сущности своей были затем утверждены на Потсдамской конференции в августе того же года.

Методы по размягчению и подрыву социалистических стран в представлениях Штрауса и в практике боннской политики приобретают самый различный характер. По его собственным словам, нельзя идти на риск «быстрых решений», то есть непосредственных военных действий, а необходимо продвигаться «шаг за шагом». «В этот период мы должны при помощи культурных и экономических связей сильнее притягивать народы Восточной и Юго-Восточной Европы к Западной Европе. Это и обмен молодежными и студенческими делегациями, и туризм, и спортивные мероприятия, и многие другие подходящие средства» [2].

Стало быть, Штраус призывает создать пятую колонну в социалистических странах. Однако этим еще далеко не исчерпывается его арсенал средств подготовки нападения на социалистические страны. Главное — в использовании экономических связей. «Запад должен найти средства и пути, которые способствовали бы преобразованию данной ситуации в политически выгодную для нас, то есть он должен поддерживать только такие проекты и начинания, которые служили бы скорее разрыхлению Европы, чем экономическому усилению восточноевропейских режимов» [3].

Экономические связи — да, но не такие, которые взаимно выгодны, а такие, благодаря которым страны-партнеры попадали бы в зависимость от империалистической Федеративной республики!

Куда же приведет это сформулированное Штраусом «разрыхление»? «Ныне наша задача должна заключаться в том, чтобы создать пояс между Россией и За-

---

[1] Ibid., S. 12.
[2] Ibid., S. 44.
[3] Ibid., S. 42.

падной Европой, некую «Межевропу»[1]. В нее, согласно Штраусу, должны войти «Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Румыния и т. д.»[2]. В этой связи Штраус требует, чтобы дипломатия «использовала бы улучшающиеся отношения с коммунистическими государствами, дабы ослабить советские клещи, в которые зажаты государства-сателлиты, и привлечь их к Западу»[3].

Когда удастся этого добиться, когда эти страны откажутся от социалистических принципов и выйдут из международного социалистического союза, тогда-то и откроется путь к «Европе, которая будет простираться от Атлантики до Буга и Черного моря»[4].

Вбить клин в социалистический лагерь, подорвать отдельные социалистические страны, подготовить в них переворот, с тем чтобы вырвать их из социалистического содружества, — таков смысл хваленого наведения мостов! Новыми при этом являются только несколько слов, а цель остается прежней: превратить германский империализм в доминирующую силу Западной и Центральной Европы, а затем спровоцировать Советский Союз на новое военное столкновение. Потому-то Штрауса и можно назвать мотором атомного вооружения Федеративной республики, потому-то он и заявил британскому премьер-министру Гарольду Вильсону, когда тот в начале 1967 года находился в Бонне: «Я враг договора, ограничивающего распространение атомного оружия. И скажу вам больше — я буду бороться против него»[5].

При этом у Штрауса возникают вовсе не какие-то научные или технические сомнения — дело в политике, во владении в общем хоре держав атомным оружием как средством военного давления во имя достижения тех разбойничьих целей, которые сам он — смотри выше — определил.

Многие средства используются для подготовки борьбы против Востока как в психологическом, так и в идеологическом и военном планах.

---

[1] Ibid., S. 55.
[2] Ibid., S. 46.
[3] Ibid., S. 124.
[4] Ibid., S. 83.
[5] «Der Spiegel» (Hamburg), 20. Februar 1967.

На политическую арену выпускают старых и молодых коней, например так называемую теорию конвергенции, смысл которой заключается в том, что капитализм несколько отступит, а социализм полностью сдастся, и тогда все будет хорошо, для империализма конечно.

Вот и получается, что, в то время как происходит централизация и концентрация капитала и его монопольно-капиталистической государственной власти, социалистическим государствам рекомендуют децентрализацию и либерализацию, с тем чтобы подорвать государственную власть и ослабить рабочий класс.

Нам предлагают новые модели якобы для того, чтобы «сочетать социализм с демократией». Как будто бы социализм и демократия не конгруэнтны. Социализм — это дело демоса, народа, его господство, так же как капитализм во всех своих проявлениях есть господство над народом и против него.

Отсюда и попытки разложить социалистические страны. «Необходимо с помощью всех средств современной пропаганды, и притом психологически ловко, внедрять богатство наших идей в общественную жизнь коммунистических государств. Следует всячески способствовать индифферентности по отношению к целям коммунистического государственного строительства... с тем чтобы привести население к пассивному сопротивлению, к саботажу» [1].

Аккомпанементом звучит уже призыв к деидеологизации и идеологическому сосуществованию. Те государства, в которых рабочий класс обрел свободу и завоевал власть, должны отказаться от своего социалистического мировоззрения, от руководящей роли марксистско-ленинской рабочей партии, тогда-то и будет достигнуто «преображение путем сближения».

Именно потому, что непосредственное фронтальное военное нападение на государства социализма стало так бесперспективно, противник и использует это и другое оружие для подготовки запланированного военного столкновения.

«Культурный обмен является мощным оружием

---

[1] «Außenpolitik» (Freiburg), 1962, № 11. Официозный западногерманский журнал.

в оживлении германского влияния в Центральной Европе и на Балканах», — заявил, например, официальный представитель боннского правительства и добавил: «Поэтому мы концентрируем свое внимание на отдельных лицах, которые, играя видную роль в жизни своих стран, могут оказать влияние на правительство» [1].

Штраус и не скрывает, что осуществление плана по «размягчению», десоциализации и в конечном счете империалистическому поглощению Восточной и Юго-Восточной Европы, разумеется, не по силам Федеративной республике. Он вполне отдает себе отчет в том, что «только западноевропейское единство действий может стать основой политики, с помощью которой удастся ликвидировать ялтинскую демаркационную линию» [2].

Итак, ему хотелось бы вместе с Западом, с Англией, Францией, Италией и остальными странами НАТО, попытаться осуществить эту авантюру под защитой Вашингтона, причем Вашингтон взял бы на себя при этом роль всемирного, а Бонн — европейского жандарма [3].

На бумаге подобный расчет выглядит относительно просто. Только миссис Даллес «забыла» мощь и огромный потенциал социалистических государств. Однако

---

[1] «Christian Science Monitor», 15 January 1968.

[2] Из выступления Штрауса на земельном съезде ХСС 1 июля 1967 года.

[3] Это подтверждает Элеонора Л. Даллес в своей книге «Берлин и американцы»; она подчеркивает: «Наше правительство построило свою политику на союзе для Европы и для Запада, в котором Германия [имеется в виду Федеративная республика. — *А. Н.*] занимала бы ключевые позиции. Экономическая мощь, доля военного участия и географическое положение Федеративной республики являются для структуры такого союза решающими». К подобной по сути своей солидаризации с концепцией Штрауса автор присовокупляет и некое «опасение» особого рода: «Если бы [Западный] Берлин был отдан, если бы Федеративная республика выложила все свои козыри, чтобы улучшить свои отношения с режимом Ульбрихта [речь идет о правительстве ГДР. — *А. Н.*], то это повлекло бы за собой серьезную угрозу всему зданию НАТО» (стр. 117). Конечно же, этой представительнице американского империализма НАТО важнее, чем достижение взаимопонимания между двумя германскими государствами. К тому же одна из целей самого существования НАТО наряду с другими злонамеренными целями — недопущение нормализации отношений между обоими германскими государствами.

и в сфере влияния империализма факты — упрямая вещь. Французская крупная буржуазия, например, вовсе не желает таскать для Бонна каштаны из огня, вот Франция и вышла из военной организации НАТО. Что же касается английского империализма, то ведь от британского льва мало что осталось. И от Италии, пожалуй, не дождешься решающей помощи в агрессии.

В этих условиях боннские политики, жаждущие агрессии, пытаются достигнуть выгодного оборота своих дел путем все большего проникновения в руководство «Общего рынка» и путем занятия командных должностей в НАТО, с тем чтобы обрести возможность определять курс и в конечном счете распоряжаться народами капиталистических стран Западной Европы как вспомогательными войсками.

Орудие насилия западногерманского империализма — бундесвер является после вооруженных сил США самой сильной армией в рядах агрессивного Североатлантического блока. Это самая современная военная организация в Западной Европе, насчитывающая 470 тысяч офицеров и солдат. В НАТО входят двенадцать дивизий бундесвера, то есть столько же, сколько поставляют его четыре главных партнера, вместе взятые: пять американских, три английских, две бельгийских и две нидерландских дивизии.

Двадцать три процента самолетов в тактических соединениях НАТО поставляется ФРГ, а осужденный американцами как военный преступник миллиардер Флик все шире снабжает натовские армии Западной Европы своим танком «Леопард».

В штабах НАТО числится 1200 офицеров бундесвера, среди них 20 генералов. И самая крупная военная группировка НАТО в Западной Европе — группа Центрально-Европейского театра военных действий вот уже многие годы находится под командованием генерала бундесвера. Ему подчинены большинство дивизий ФРГ, 7-ая армия США, ракетные установки, тактические соединения бомбардировочной авиации и атомные пушки, к которым относятся и 700 ядерных боеголовок, размещенных в ФРГ.

Осенью 1969 года министр обороны социал-демократ Хельмут Шмидт добился принятия новых принципов применения тактического атомного оружия

в войсках НАТО. ФРГ получила теперь возможность оказывать наибольшее влияние (после США и Англии) на планирование целей для атомного оружия. Носителями атомного оружия теперь укомплектовывается каждый батальон в составе боевых групп.

Всестороннее развитие бундесвера как армии агрессии всячески форсируется. Через своего главного инспектора сухопутных сил генерал-лейтенанта Альберта Шнеца генералитет бундесвера потребовал и добился, чтобы рекруты обучались «в духе германских солдатских традиций». Тем самым руководство бундесвера объявило о своей верности традициям Гинденбурга и Людендорфа, Гитлера и Геринга, Кейтеля и Йодля, то есть традициям главных преступников обеих мировых войн.

С 1969—1970 годов обозначились изменения и в концепции вооружения ФРГ. Они направлены на достижение большей эффективности военно-промышленного и военного потенциала в рамках все возрастающей общеэкономической экспансии. Предпосылкой для этого являются весьма тесные совместные действия монополий, военного руководства и государственного аппарата. Министр Хельмут Шмидт назначил главного управляющего концерна Тиссена Е. В. Моммзена уполномоченным по вопросам техники и снабжения в ранге статс-секретаря. Программа Моммзена рассчитана на «зыбкость рубежей, разделяющих экономику и бундесвер», Моммзен понимает под этим еще более тесное переплетение руководящих деятелей обеих сфер и обмен руководящими кадрами. Эти стремления нашли свое выражение в создании в середине 1970 года «Рабочей группы экономики вооружений», которая объединяет военное руководство с представителями двадцати семи главнейших фирм, производящих вооружения. Примером для подобных действий послужила гитлеровская система вооружений, объединявшая военных и назначаемых нацистскими главарями «веервиртшафтсфюреров» (руководителей военной экономики), одним из которых был и сам Моммзен.

В 1971 году статьи бюджета ФРГ, открыто предназначенные для вооружений, составили 29 121 900 000 марок, то есть 29% всего бюджета.

Мы отнюдь не питаем иллюзий относительно оттесненного за Эльбу западногерманского империализма: в качестве конечной цели он поставил себе ликвидацию социализма в Европе. Отсюда и его открытые и замаскированные нападки, его хитроумная, рассчитанная на длительный срок стратегия, сочетающаяся с оголтелым антикоммунизмом, отсюда и саботаж всех мер, направленных на установление длительной безопасности и мира в Европе.

Тактика господствующих кругов ФРГ идентична концепции, разработанной одним из самых доверенных советников бывшего президента США по внешнеполитическим вопросам в его книге «Alternative to partition» («Альтернатива раскола»). Збигнев Бжезинский, начальник Комитета планирования государственного департамента США до конца 1967 года, следующим образом разъясняет американскую глобальную стратегию и ту роль, которую призвана играть в ней ФРГ в отношении Восточной Европы.

«Чтобы ослабить интерес восточноевропейских стран к Восточной Германии, Западу необходимо делать строгое различие между своим отношением к Восточной Германии и остальной Восточной Европе. По отношению к Восточной Германии должна применяться политика изоляции. Необходимо убедить население Восточной Европы в том, что само существование Восточной Германии ограничивает его свободу» [1].

Должно быть, власть имущим в США и империалистам ФРГ ничего оригинального не приходит на ум. Как и во многих других отношениях, они и здесь подражают Гитлеру, который тоже пытался достигнуть своих целей постадийно. Еще в 1961 году Штраус наметил вехи реализации сей программы, высиженной разве что в сумасшедшем доме.

«Наш план: вначале дипломатическо-политические шаги, потом экономическо-технические и в конце концов военные» [2].

---

[1] Zbigniew Brzezinski, Alternative to partition, New York — Toronto — London, 1965, p. 139.

[2] Из предвыборного выступления в Ландау в 1961 году. Цитируется по: Erich Kuby, Franz Josef Strauß. Ein Typus unserer Zeit, Wien — München — Basel, 1963, S. 160.

С 1918 года германский империализм маскировал свою агрессию против Востока антикоммунистическими фразами. При помощи лозунга «Защита от большевистской угрозы» трудящихся всегда лишали прав, а лучших их представителей убивали, дабы без помех вести агрессивные войны. К таким же аргументам, как Гитлер, прибегает и Штраус, требуя атомного оружия и усиления западногерманских вооруженных сил: «Напряженность в Европе происходит оттого, что на периферии нашего континента находится мировая держава — Советский Союз, которому на Западе противостоят лишь несколько средних и малых государств» [1].

Вечная ложь об «угрозе с Востока» служит многим целям. С ее помощью Гитлер загнал в подполье рабочие организации как некую «агентуру Москвы», а потом напал на Советский Союз.

С ее помощью Аденауэр включил Федеративную республику в НАТО, запретил Коммунистическую партию Германии и создал новые вооруженные силы, цель которых — «освобождение Восточной Европы».

С ее помощью и посредством чрезвычайных законов диктатура монополистического капитала ныне укрепляется и в области внутренней политики, где чудовищное финансовое бремя вооружений хотят сделать приемлемым для народа, изображая его как некую неизбежность, навязанную враждебным Востоком.

В согласии с Вашингтоном эту гитлеровскую ложь используют в качестве цементирующего средства, чтобы сдержать центробежные силы НАТО. И наконец, расчеты западногерманских империалистов направлены на то, чтобы в конкурентной борьбе с другими капиталистическими странами Европы укрепить свое господствующее положение, причем цель эту не декларируют, а обосновывают необходимостью вооружения ввиду «угрозы с Востока».

---

[1] Franz Josef Strauß, Entwurf für Europa, S. 18. Наследник Штрауса на посту военного министра Герхард Шредер, глава протестантского крыла ХДС, так сказать, затрубил в тот же рог, выступая 13 июня 1967 года на ежегодном собрании Союза бундесвера: «Существует неизменная постоянная угроза, создаваемая огромным военным потенциалом государств Варшавского договора» («Bulletin der Bundesregierung», 30. Juni 1967).

Тезис Штрауса о «большевистской угрозе» идентичен гитлеровскому. Как тогда, так и теперь, он служит подготовке войны. Тогда, особенно после 1935 года, он побудил империалистов Англии, США и Франции терпеливо относиться к вооружению Гитлера и даже помогать ему в этом. Подобный пример должен был бы предостеречь от повторения. Однако он не служит предостережением империалистам Западной Европы и США, которые всегда видели своего главного врага в социализме и в государствах, где восторжествовала власть рабочих и крестьян, и с 1918 года рассматривали Германию как меч, направленный против Советского Союза. С тех пор как образовалась Германская Демократическая Республика, вся Германия уже не может играть роль, уготованную ей мировым империализмом, кстати, роль самоубийцы. И теперь эту роль Вашингтон и Лондон поручили Западной Германии.

Кто преследует столь подлые захватнические цели, тот нуждается, естественно, в столь же подлых союзниках. Когда бывший министр финансов Штраус в ноябре 1967 года посетил Испанию, он заявил после приема у Франко на собрании в Мадриде: «Федеративную республику можно рассматривать как плотину против надвигающегося с Востока идеологического потока. Она опора защитного шатра свободного мира... Испания же опора в бассейне Средиземного моря»[1].

Франко, фашистский мятежник, убийца законной Испанской республики и целого миллиона испанских республиканцев, этот Франко и фашистская диктатура, установленная им с помощью Гитлера и Муссолини, — это одна опора. Федеративная республика — другая опора. При этом Штраус не забывает указать на «духовное родство» обоих государств. Нам кажется весьма логичным, что аннексионист Штраус стремится объединиться со всеми фашистами, вступает с ними в братство.

А убийцам негров в Южной Африке тот же Штраус выказал не только свою симпатию, он назвал их расизм — тут-то и стоит вспомнить, что он был офицером пропаганды в гитлеровской армии, — «позитивной прог-

[1] «Frankfurter Rundschau», 28. November 1967.

раммой». Южная Африка (ЮАР), дословно заявил Штраус, «будучи мощным краеугольным камнем Запада, может стать по своей политической структуре моделью для всего мира». Какой бы то ни был комментарий только ослабил бы столь многозначительное высказывание боннского министра.

Как и Гитлер, сделавший одной из стандартных тем своей агитации ликвидацию «наследия первой мировой войны», Штраус видит задачу Федеративной республики в «открытии новой страницы истории и ликвидации наследия второй мировой войны. Этим мы достигнем уже многого» [1].

Разумеется, Штраус не одинок — он председатель одной из больших партий Федеративной республики. А это придает его словам особый вес. Рядом с ним мы видим еще одного теоретика и практика аннексионизма. Сей толстосум и помещик барон фон унд цу Гуттенберг, депутат бундестага от ХСС, писал в 1965 году:

«Сфера ответственности германской политики распространяется за пределы Германии, и я не колеблясь заявлю, что существует и германская ответственность перед Восточной Европой. Пусть никто не думает, что свобода Германии может быть восстановлена без кардинальных изменений существующего положения в Восточной Европе».

Без всякого зазрения совести барон пишет далее о «порабощении венгров, поляков, чехов, румын; обретение ими свободы должно стать конкретной целью свободной Германии». И, желая, видимо, рассеять последние сомнения в агрессивности концепции господствующих кругов Федеративной республики, он продолжает: «Это было бы даже меньше, чем программа-минимум, если бы мы стали рассматривать Западный союз как чисто оборонительную и устрашающую систему» [2].

От Штрауса и фон Гуттенберга не хочет отставать и председатель фракции ХДС в бундестаге Райнер

---

[1] Franz Josef Strauß, Entwurf für Europa, S. 125.

[2] Karl Theodor von und zu Guttenberg, Wenn der Westen will, Stuttgart, 1965, S. 216—217.

Барцель — политический деятель, чей ум, пожалуй, не способен угнаться за его безграничным тщеславием и чья книга «Точка зрения немца» [1] не содержит изложения каких-либо собственных политических взглядов, а скорее является мешаниной идей лидеров ХСС и «холодных» вояк из США. Барцель признает: люди на земле желают мира, и потому они стоят за территориальное статус-кво в Европе. «Но наша политика столь взыскательна, что желает изменений, более того, она должна желать изменений» [2]. Это звучит, пожалуй, весьма неопределенно. Но скоро Барцель уточняет. Для него существование ГДР — провокация, а «там, где провокация продолжается, там нет гарантий будущего спокойствия» [3].

Пожалуй, более открытого призыва к беспорядкам, к поглощению ГДР трудно ожидать. «Статус-кво для нас остается под вопросом» [4]. И это не только в отношении ГДР.

По «проблеме Одер—Нейсе» лидер ХДС высказывается следующим образом:

«Мы по-прежнему настаиваем на праве на родину для изгнанных и на необходимости урегулирования посредством мирного договора» [5].

Итак, вон поляков из областей за Одером и Нейссе и оккупируем Западную Польшу! Но как же этого добиться? Германская политика в Центральной и Восточной Европе должна быть активной, — отвечает Барцель. Прежде всего надо напичкать западногерманское население националистической пропагандой, дабы подготовить умы и сердца к новой авантюре. Ради этого Барцель и требует, чтобы народ Западной Германии «хранил верность *всей* своей истории, а также честь германского солдата» [6].

Тот, у кого есть глаза и кто грамотен в политическом отношении, тот поймет, что Барцель тем самым

---

[1] Rainer Barzel, Gesichtspunkte eines Deutschen, Düsseldorf — Wien, 1968.
[2] Ibid., S. 18.
[3] Ibid., S. 239.
[4] Ibid., S. 241.
[5] Ibid., S. 234.
[6] Ibid., S. 104.

оправдывает и гитлеровский рейх, и его злодеяния во второй мировой войне. Тот же, кто намерен стать захватчиком, тот, вполне естественно, берет себе за образец всю чертовщину нацистского прошлого.

Однако, когда народы, слыша о подобных тезисах и видя их осуществление на практике, разоблачают реваншизм боннских политиков, те сразу же испуганно прячутся под маской оскорбленной невинности.

Волк из сказки хотя бы ел мел, чтобы изменить свой голос. Волки Федеративной республики и это не считают нужным. Они во всеуслышание провозглашают свою программу захватов и аннексий. Результаты второй мировой войны — то есть вся структура современной Европы — должны быть перечеркнуты. Отсюда и союз с убийцами Вьетнама, с греческими, испанскими и португальскими фашистами, со всеми белыми расистами Африки, с военными диктатурами, на каком бы континенте они ни существовали.

Однако империализму уже не дано действовать как ему заблагорассудится. Несмотря на его неослабевающую агрессивность, на его опасность, его оттесняют все дальше. А его попыткам в связи с изменением соотношения сил на международной арене в пользу социализма приспособиться к новым условиям и все же добиться своих старых целей другими методами противостоит повышенная бдительность.

Все углубляющиеся противоречия среди самих господствующих кругов империалистических стран говорят о том, что некоторые группировки теперь считают непосредственный военный путь немыслимым, так как он грозит самоуничтожением. Поэтому эти группировки склонны в известной мере считаться с реальным положением вещей и вследствие провала своих прежних концепций фронтального наступления отказаться от некоторых политических позиций, которые и без того уже нельзя более удерживать, как, например, от требования восстановления Германии в гитлеровских границах 1937 года.

Но не осталось никаких шансов и у тех, кто пытается выполнять поручения империализма окольными путями, направляя удар против ГДР. Все акции, направленные на подрыв международно-правовых позиций суверенной социалистической Германской

Демократической Республики, как бы их не пытались замаскировать, в конечном итоге обречены на провал. Никому не дано долго итти против течения истории.

«ТИХАЯ» ЭСКАЛАЦИЯ

Так как исход военной агрессии в связи с невыгодным для империалистов соотношением сил в Европе заранее ясен, то в конце 60-х годов в Бонне была провозглашена «новая восточная политика». Классическим примером ее явились события 1968 года в Чехословацкой Социалистической Республике. Иностранные империалисты, объединившись с внутренней реакцией в ЧССР, предприняли попытку изменить соотношение сил в стране.

«Клуб беспартийных активистов», «Клуб критически мыслящих личностей», «Клуб-231» и «Литерарни листы», «Кружок независимых» и «Подготовительный Центральный комитет социал-демократической партии» стали центрами сосредоточения реакции, агентов американской шпионской службы, коллаборационистов времен фашистской оккупации и уголовных элементов. Едва успев появиться на свет, эти клубы, кружки и подготовительные комитеты уже обладали великолепно функционирующими связями с антикоммунистическими организациями и партиями за границей, и прежде всего в США и Западной Германии. Основатели и члены этих клубов и кружков рядились в тогу глашатаев «гуманного» социализма как «эффективного противоядия против коммунизма», распространяли теории о «новом», «современном», «истинном» социализме и требовали ликвидации руководящей роли коммунистической партии. Поддержанные группой Дубчека в тогдашнем руководстве КПЧ, они проникли в средства массовой информации, заняв решающие позиции в печати, радио и на телевидении, и стали систематически отравлять общественное мнение. А позади них с ружьем наизготове стояла вооруженная гвардия международной контрреволюции.

Политические противники ЧССР надеялись, что, как только в стране будет восстановлен буржуазный общественный строй, им легко удастся окончательно при-

соединить Чехословакию к империалистическому лагерю. При этом важная роль отводилась социал-демократии. 21 июня 1968 года в Праге состоялось нелегальное заседание так называемого подготовительного комитета Чехословацкой социал-демократической партии. В этой связи Я. Шишка, один из деятелей ЧСДП, подчеркнул, что в Чехословакии создалась благоприятная обстановка для отстранения коммунистов от власти. Он утверждал далее, что социал-демократическая партия особенно удобна, чтобы, опираясь на свое «международное руководство, нанести коммунистам последний удар».

Финансовые и банковские эксперты, промышленные воротилы Западной Германии и эксперты США по делам антикоммунизма (вспомним хотя бы визит и доклад ведущего североамериканского теоретика, «специалиста» по социалистическим странам Збигнева Бжезинского 14 июня 1968 года в Праге в Институте международной политики) использовали все возможные и невозможные средства для экономического и идеологического воздействия. Эти подрывные действия были поддержаны целой волной «туристов», особенно из Западной Германии. Страну захлестнул поток важных иностранных гостей, в свите которых скрывались шпионы и террористы с оружием и листовками. В чем же заключалась цель всех этих мер, о том поведали тайные передатчики и радиостанции Западной Германии, а также близкий Пентагону журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», который 2 сентября 1968 года писал, что если бы антисоциалистическим силам удалось осуществить задуманное, то «Чехословакия превратилась бы в коридор, по которому войска Запада смогли бы подойти к самому порогу России».

Тактика западногерманского правительства поначалу была рассчитана на то, чтобы, ни в коем случае не раскрывая хитроумного контрреволюционного общего плана, поставить мир перед совершившимся фактом. 29 марта 1968 года «Боннер рундшау» писала по этому поводу: «Федеральное правительство действовало правильно, реагируя с чрезвычайной осторожностью на новую обстановку в Праге... Однако пора бы нам начать разыгрывать наши козыри на Влтаве, осторожно, но со всей определенностью».

Президент западногерманского «Бундесбанка» (Федерального банка), друг Гиммлера и главный его банкир Блессинг совершил инспекционную поездку в Прагу, где подробно ознакомился с промышленными и финансовыми учреждениями. Член правления Федерального объединения союзов немецких работодателей Ганс Мартин Шляер (с 1941 по 1944 год он был одним из руководящих деятелей Центрального союза промышленности в оккупированной гитлеровскими фашистами Праге, союз этот занимался экономическим ограблением страны) предложил заинтересованным кругам Западной Германии «план трансформации чехословацкой экономики» [1].

Полковник Тренч, командир 35-й западногерманской танковой бригады, дислоцированной на границе с Чехословакией (длительное время Тренч руководил в боннском военном министерстве отделом общей психологической войны и в период контрреволюции в Венгрии в 1956 году был главным связным с террористическими бандами убийц), провел, как и многие другие, свой «отпуск» в первой половине 1968 года в ЧССР, с тем чтобы проверить возможности военного вмешательства. Корреспондент агентства ЮПИ в Бонне В. Лонг раскрыл 16 июля 1968 года, в какой степени правительство Кизингера—Штрауса, в которое входили и некоторые правые лидеры социал-демократии, было причастно к закулисным махинациям: «Западная Германия начинает создавать в Чехословакии политическое предмостное укрепление».

Тщательность, с какой Бонн готовил удар против социалистической Чехословакии, вытекает из секретного циркуляра депутата бундестага от ХДС доктора Мюллера-Германа: «В последние годы в своей восточной политике я систематически сосредоточивал свои

---

[1] Это, между прочим, тот самый Шляер, который в качестве представителя крупных предпринимателей и ярого врага пролетариата печально прославился тем, что во время крупных забастовок в Баден-Вюртемберге (юго-запад Федеративной республики), когда сотни тысяч металлистов требовали для западногерманских рабочих права участия в управлении (1963 год), объявил о локауте. Весьма характерный пример того, как представители германского империализма наряду с агрессией во внешней политике прибегают к агрессии и во внутренней политике!

усилия на ЧССР. По моему убеждению, эта страна занимает своего рода ключевую позицию между Западом и Востоком».

Ведущие западногерманские банки и крупные концерны наряду со своей обычной жаждой экспансии проявляли и специфический экономический интерес к собственности чехословацкого народа. Они хотели и хотят вновь завоевать то, что уже однажды захватили с помощью Гитлера. Так, «Дейче банк» во главе с Абсом пустился в спекуляции в расчете на захват предприятий бывшего акционерного общества «Рейхсверке Герман Геринг». Три концерна наследника треста «ИГ Фарбениндустри» рассчитывали на крупные химические заводы ЧССР, в свое время реквизированные после оккупации Чехословакии армиями свастики.

Высшее дворянство мнило себя вновь хозяином огромных латифундий, которые чехословацкий народ отнял у него после первой мировой войны. Так, семейство герцога Саксен-Кобурга-Гота мечтало о возвращении 159 тысяч гектаров, князь Шварценберг — 107 тысяч гектаров, князь Лихтенштейн — 36 400 гектаров, князь Лобковиц — 11 200 гектаров, князь Виндишгрец — 10 700 гектаров, князь Гогенлоэ-Лангенбург-Шиллингсфюрст — о возвращении 21 тысячи гектаров...

Это все те же князья и графы, которые в 1938 году подготовили гитлеровскую аннексию. Именно тогда представителя Чемберлена лорда Ренсимена перевозили из одного замка в другой, а он уже в Лондоне хлопотал об удовлетворении их требований. До буржуазной аграрной реформы в 20-е годы этим людям принадлежало 35 процентов так называемых судетских земель и 935 тысяч гектаров других чехословацких земель. 18 января 1939 года нацистская печать опубликовала официальное заявление, в котором сообщалось, что началась работа «по возмещению тех убытков, которые причинила чехословацкая аграрная реформа. Вся земля, которая была отчуждена в результате пресловутой реформы, будет возвращена ее прежним немецким владельцам» [1].

---

[1] См. вышедшую в 1943 году в Нью-Йорке на английском языке брошюру Альберта Нордена «Головорезы Европы» («Die Halsabschneider Europas»).

Однако 1938 год не повторился в 1968 году. В 1968 году не повезло контрреволюции, не повезло империалистам. Слишком рано торжествовал эксперт по антикоммунизму, а при Гитлере один из ведущих нацистских агентов профессор Клаус Менерт, который, выступая 30 марта 1968 года по западногерманскому телевидению, следующим образом охарактеризовал положение в ЧССР: «Было бы вполне логичным, если бы в один прекрасный день там, скажем, социал-демократия взяла бы бразды правления в свои руки». Согласно Менерту, это создало бы для «новой восточной политики» Федеративной республики следующее преимущество: «Если Чехословакия, если другие восточноевропейские страны будут развиваться в сторону социал-демократизма, то для нас станет гораздо легче разговаривать с социал-демократической, хотя формально, быть может, все еще коммунистической Чехословакией... Кроме того, нужно будет еще больше изолировать Восточный Берлин».

Эти требования перехода к социал-демократизму европейских социалистических стран, верных идеям марксизма-ленинизма, служили личиной для реакционных империалистов.

21 августа 1968 года благодаря помощи социалистических стран надежды империалистов на создание в Праге базы НАТО потерпели окончательный крах. Помыслы контрреволюции дойти через Чехословакию до границ Советского Союза, охватить южный фланг ГДР и Польши, а также северный фланг Венгрии превратились в тяжелейшее поражение стратегов империализма. Им не удалось выдать трудящихся Чехословакии в руки контрреволюции. Попытка на практике осуществить лозунг международной реакции о переходе от частичного размягчения к частичному отрыву социалистических стран потерпела крах.

Решительная помощь союзных социалистических стран, продиктованная чувством международной ответственности и интернационализма, помощь в целях защиты социализма, свободы и суверенитета ЧССР создала новое стратегическое положение. Новое, потому что задолго до того задуманная стратегия империализма в его борьбе против социалистических стран

Европы оказалась перечеркнутой и обреченной на провал.

Помощь эта оказалась решающей, потому что она предотвратила начало открытой контрреволюции и создала предпосылки для упрочения власти рабочего класса.

Она оказалась решающей, так как создала надежную оборону западной границы мирового социалистического лагеря и укрепила его позиции в Европе, сорвав все попытки свергнуть рабоче-крестьянскую власть в одном из социалистических государств.

КОАЛИЦИЯ МИРА

После второй мировой войны возникла и существует мировая система социализма. С тех пор в Европе воцарился мир. И это доказывает: социализм — это мир, это жизнь. О том свидетельствуют и великие социальные и политические преобразования мирового масштаба, возросшая мощь Советского Союза и братских социалистических стран. Само их существование, а также мощные акции в защиту мира воздвигают заслон против нового мирового пожара, делают безопасность народов более надежной. То были годы, прошедшие под знаком великих сражений между силами мира, свободы и прогресса, с одной стороны, и силами угнетения, реакции и агрессии — с другой. Верх одержали те, кто поднялся против империалистических происков, уменьшив тем самым опасность войны, грозившую Европейскому континенту.

В ожесточенном единоборстве между прогрессом и реакцией рос и крепчал союз трех главных революционных сил современности: социализма, рабочего движения в капиталистических странах и национально-освободительной борьбы народов. Еще более мощными стали действия пролетариата, направленные против капиталистической системы, общий кризис которой углубляется. Все более обостряются противоречия между главными империалистическими державами, особенно из-за экономической и политической конкурентной борьбы, разгоревшейся между США и западноевропейскими странами так называемого Общего рынка, а также Японией, усилилась шаткость капиталистиче-

ской экономики, участились кризисы и инфляция. С одной стороны, рост, стабильность и мирная политика социализма, а с другой — потрясения и агрессивность капиталистической системы приводят к тому, что миллионы людей становятся на сторону прогресса. Таким образом, соотношение сил на международной арене непрерывно изменяется в пользу тех, кто олицетворяет собой мир, демократию и социализм.

Благодаря этому изменению соотношения сил, благодаря инициативе Советского Союза целый ряд международных проблем приблизился к своему решению. В результате многолетней тяжелой борьбы и координированной мирной политики государств социалистического содружества стало возможным заключение договоров между Советским Союзом и ФРГ, а также между Польской Народной Республикой и ФРГ. Тем самым сделан значительный шаг в сторону разрядки напряженности и оздоровления всей атмосферы в Европе, что, разумеется, пойдет на пользу всех народов, населяющих этот континент. Тов. Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, заявил на XXIV съезде партии в марте 1971 года: «На протяжении всего послевоенного периода мы, как и наши союзники и друзья, исходили из того, что основа прочного мира в Европе — это прежде всего нерушимость границ европейских государств. Теперь договорами Советского Союза и Польши с ФРГ нерушимость границ, в том числе между ГДР и ФРГ и западной границы польского государства, подтверждается со всей определенностью».

Заключены также важные соглашения, предусматривающие запрет размещения ядерного оружия в космосе, а также на дне морей и океанов. Начаты переговоры между Советским Союзом и США об ограничении стратегических вооружений с целью избежать гонки вооружений и высвободить таким образом значительные средства для мирного строительства.

Мирная программа, провозглашенная XXIV съездом КПСС, охватывает все важнейшие проблемы современной политики. Исходя из конкретных условий и возможностей, она указывает пути к нормализации

международной обстановки, становясь таким образом важнейшей составной частью международной жизни и мировой политики. Прокламируя мир, гарантируя международную безопасность, заявляя об активной поддержке борьбы за свободу и социальный прогресс, каждый ее пункт отвечает жизненным интересам народов.

В ходе этой борьбы Германская Демократическая Республика всегда выказывала решимость приложить все силы для достижения решения тех проблем, которые еще и поныне осложняют положение в Европе, являясь тем самым помехой для мирного сосуществования народов. Тов. Эрих Хонеккер, первый секретарь ЦК СЕПГ, выступая на VIII съезде партии в июне 1971 года, провозгласил состоящую из пяти пунктов программу мира, подчеркнув, «что все предложения и идеи, способствующие мирному сосуществованию европейских народов и государств, мы готовы положительно рассмотреть, с какой бы стороны они ни исходили. С нашей стороны никогда не будет недостатка ни в доброй воле, ни в конструктивной поддержке».

Когда Советский Союз, США, Англия и Франция 3 сентября 1971 года подписали четырехстороннее соглашение по Западному Берлину, то эта договоренность послов четырех держав с полным правом была названа важнейшей вехой на пути к прочному миру в Европе и укреплению безопасности на нашем континенте. Достигнутое по инициативе Советского Союза, это соглашение является первым международно-правовым соглашением между четырьмя державами о Западном Берлине, доказывающим одновременно, что при наличии доброй воли участников можно решить одну из самых сложных послевоенных проблем международных отношений. Документ этот, исходящий из реального территориального и политического положения в Европе, пойдет на пользу всем народам. А когда снимается напряженность в самом центре Европы, то это имеет значение уже не только для нашего континента. Мир во всем мире в значительной степени зависит от мира в Европе. А для него Западный Берлин и его роль в качестве «острия копья», направленного

против социализма, представляли особую угрозу. Использовать же теперь Западный Берлин для всевозможных действий в духе «холодной войны» против социалистических государств становится все трудней. Это означает укрепление безопасности в Европе и разрядку напряженности. И разрядку потому, что в документе ясно сказано: Западный Берлин не является составной частью ФРГ и не управляется ею. Это принципиальное положение заставит сделать и определенные выводы. Так называемое присутствие ФРГ в Западном Берлине должно быть аннулировано. Впервые три западные державы — США, Англия и Франция — в четырехстороннем соглашении от 3 сентября 1971 года высказались о Германской Демократической Республике как о суверенном государстве, а также о его границах и его отношениях с ФРГ и с Западным Берлином. В документах этого четырехстороннего соглашения ГДР, так же как и ФРГ, целиком и полностью рассматривается как субъект международно-правовых отношений. И здесь напрашивается сравнение: полтора десятилетия после рождения первого в мире социалистического государства — Советского Союза — империалистические государства противились признанию его де-юре. Это были те же самые государства, которые в течение многих лет противились и все еще противятся признанию де-юре Германской Демократической Республики. И в отношении ГДР, как и в первом случае, они в конце концов вынуждены будут внять голосу рассудка. Ибо историю нельзя повернуть вспять! ГДР, руководствуясь стремлением к миру и разрядке напряженности, приветствовала соглашение четырех держав по Западному Берлину и внесла свой конструктивный вклад в дело его подготовки.

Дело идет о мирном сосуществовании. О том, чтобы сделать невозможным ни «горячую», ни «холодную войну», о том, чтобы все спорные вопросы, все конфликты решать в интересах народов мирным путем, о том, чтобы прекратить гонку вооружений и улучшить отношения между государствами с различным общественно-экономическим строем.

Марксизм-ленинизм вскрыл тайну войн, но он одновременно и указал путь к прочному миру. Жить в

мире со всеми народами, направлять все свои силы на мирное строительство — этот ленинский принцип является путеводной звездой нашей внешней политики.

ЕВРОПА, КАКОЙ ЕЕ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ НАРОДЫ

Война в Европе превратится почти автоматически в мировую войну. Кто не хочет войны, тот должен бороться за мир в Европе. Такова воля и таков наказ народов.

Бесчисленные жертвы, принесенные Советским Союзом, странами антигитлеровской коалиции и германскими антифашистскими демократическими силами Сопротивления, призывают и обязывают: создать мощный вал на пути реваншизма и капиталистов, наживающихся на вооружении, с тем чтобы человечество не было в третий раз ввергнуто ныне и в будущем в пучину войны.

Бдительность и мощь лагеря социализма, а также сопротивление трудового народа капиталистических стран вполне в состоянии вовремя обуздать неисправимых открытых и замаскированных агрессоров.

Вот уже многие десятилетия прогрессивные силы нашего континента борются за создание системы коллективной безопасности в Европе, которая гарантировала бы прочный мир между государствами с различным общественным строем. Чем больше изменяется соотношение сил в пользу мира и социализма, тем шире становится поток народов, который устремляется к мирным берегам. В настоящее время перспективы для создания системы европейской безопасности более благоприятны, чем когда-либо.

Когда дело идет о будущем народов, всегда хорошо учитывать опыт прошлого. И у борьбы за безопасность в Европе есть своя история. Когда в начале 1933 года, после захвата власти в Германии гитлеровскими фашистами, в Европе возник потенциальный очаг войны, Советский Союз начал дипломатическое наступление с целью создания системы коллективной безопасности в Европе. Сколько жертв, сколько невероятных страданий избегли бы народы, если бы западные державы не саботировали предложения Советского Союза о кол-

лективной безопасности, а поддержали их. Если бы советские предложения были осуществлены, то можно было бы избежать катастрофы второй мировой войны. Об этом следовало бы подумать тем, кто ставит рогатки на пути к европейской безопасности.

Разумеется, 30-е годы качественно отличаются от 70-х. Силы Союза Советских Социалистических Республик во много раз возросли. Вокруг первого социалистического государства образовалось прочное сообщество социалистических государств. Оборонительный союз, заключенный между ними, является непреодолимой преградой для всех планов империалистов, стремящихся нарушить мир в Европе. Он и заставил определенные правительственные круги капиталистических государств нашей части света считаться с реальными условиями, сложившимися после войны.

Германская Демократическая Республика, расположенная в самом центре Европы, на непосредственном стыке двух мировых систем, особо приветствует всякий прогресс в деле упрочения мира. Дважды в этом столетии германский империализм развязывал чудовищные по своей разрушительности войны. Проводить активную политику мира Германская Демократическая Республика считает своим священным долгом. Поэтому она поддерживает каждый шаг, который способен упрочить мир на нашем континенте. Поэтому ГДР вместе со своими социалистическими союзниками и другими государствами Европы настойчиво стремится к европейской безопасности. Суть ее состоит во взаимном международно-правовом признании всех государств Европы, в уважении их суверенитета и равноправия, в сохранении их территориальной целостности и неприкосновенности их границ, а также в отказе от применения силы и угрозы применения силы.

Сколько миллионов человеческих жизней унесли империалистические войны нашего столетия?! Сколько миллионов умирает голодной смертью каждый год в захваченных империалистами странах или странах, зависимых от них.

Довольно!

Наше столетие, опозоренное империалистическими

бойнями, нуждается во многом, только не в жаждущих власти бестиях в образе человеческом, которые способны мыслить лишь одними категориями: уничтожение народов, аннексии и личное обогащение.

Миллионы и миллионы людей, становясь политически активными, вновь поднимаются на подмостки истории. Один народ за другим сбрасывает ярмо. И солнце всходит для тех государств, которые повернулись спиной к политике аннексий и эксплуатации человека человеком.

Начинается гибель богов империализма. Ни империалистические войны, ни их победы не являются уже теперь, когда существует Советский Союз и другие социалистические государства, роковой неизбежностью.

Возникновение и расцвет мирного германского государства, опирающегося на мощь Советского Союза и других социалистических стран, привели к тому, что самый сильный в Европе империализм осужден потерпеть фиаско. И не потому, что он, быть может, не желает военных столкновений, а потому, что он не сможет восторжествовать в них. Со дня своего основания ГДР видела свою первейшую задачу и священный долг в том, чтобы погасить зажженный фитиль, прежде чем огонь доберется до бочки с порохом. Потому-то она с такой последовательностью и разоблачала перед общественностью как в прошлом, так и в настоящем заговоры западногерманских империалистов, направленные против мира.

Раскрыть тайну конкретной подготовки войны, сделать это вовремя — это уже наполовину обеспечить мир, строительство социализма, а активная защита его — это другая половина. Безумство теории «народа без пространства» доказало то германское государство, которое отказалось от всех германских притязаний на гегемонию как враждебных миру и благодаря своим достижениям в строительстве социализма подняло авторитет немцев во всем мире, а в пределах своих границ ведет все население к благосостоянию.

Человечество, строя плотины, научилось обуздывать разбушевавшиеся стихии. Оно сумеет возвести непреодолимую плотину против разбушевавшейся стихии империалистической войны.

Сплоченные силы всех народов в состоянии и должны воспрепятствовать тому, чтобы агония империализма, который готов сокрушить вокруг себя всё и вся, не ввергла земной шар в новую катастрофу.

Нашей эпохе суждено войти в историю как столетию, когда народы добьются окончательного торжества в своей борьбе за мир и национальную свободу, за демократию и социализм.

Ибо человечество сильнее, чем враги человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

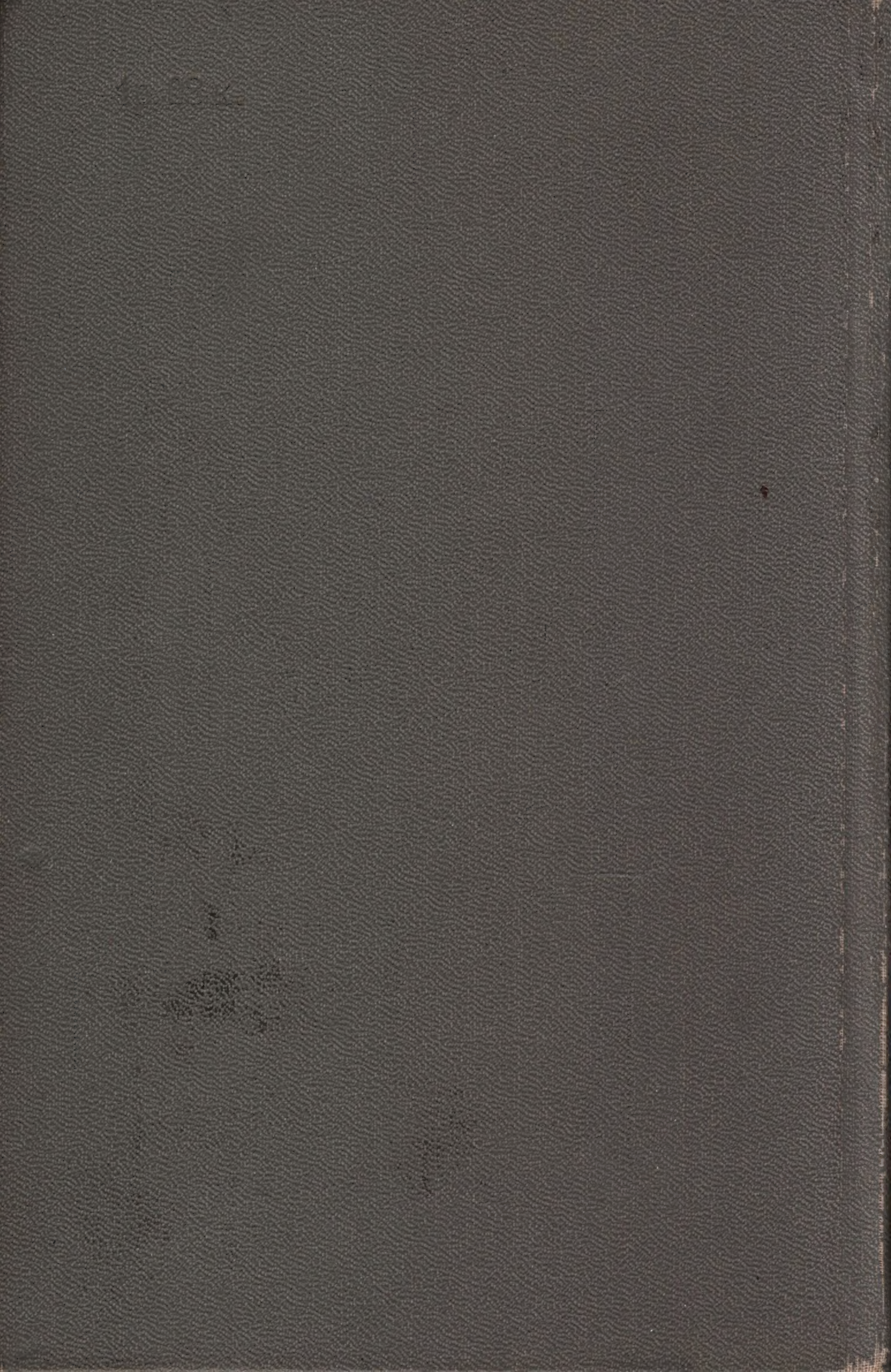
Альберт Норден
ТАК ДЕЛАЮТСЯ ВОЙНЫ

Редактор *Рудницкая Н. В.*
Художник *Старцев Н. Б.*
Художественный редактор *Шканов Л. Ф.*
Технические редакторы: *Кочеткова Г. Б., Степанян С. Н.*
Корректор *Э. Зельдес*

Сдано в производство 18/II 1971 г.
Подписано к печати 30/XII 1971 г.
Бумага 84×108/32. Печ. л. 20,58.
Уч.-изд. л. 21,11. Бум. л. 6 1/8. Изд. № 11450.
Цена 1 р. 08 к. Зак. 1333.

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21.

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2 им. Евг. Соколовой Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Измайловский пр., 29.



Альберт Норден
ТАК ДЕЛАЮТСЯ ВОЙНЫ